

Н. А. Соболева

РУССКИЕ ПЕЧАТИ

•Наука•

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

Н. А. Соболева

РУССКИЕ ПЕЧАТИ

Москва "Наука" 1991

ББК 63.2
С54

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В.И. Буганов*

Рецензенты: -
кандидаты исторических наук *А.И. Аксенов, П.А. Шорин*

Редактор издательства *С.А. Левина*

С 0502000000 - 290 81 - 91 - I
042(02) - 91

ISBN 5-02-008568-5

© Издательство "Наука"; 1991

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена изучению русских средневековых печатей, т.е. по своей сути является сфрагистическим исследованием.

Принципы сфрагистического исследования были сформулированы еще в середине XIX в. В нем должны были содержаться определенные компоненты: сведения по истории печатей, их происхождению и использованию, данные о форме, материале, из которого изготовлялись печати, способе скрепления печатями грамот, об изображениях (с выделением типов, подгрупп) и легендах, помещаемых на печатах.

Однако уровень сфрагистического исследования за полтора столетия возрос, и не случайно освещение подобных моментов многими учеными рассматривается лишь как отправная точка на пути к более глубокому проникновению в сущность института печати.

Для современной историографии характерно комплексное восприятие печати: во-первых, как правового памятника; во-вторых, как части акта, обычно непосредственно связанной с последним корроборационной формулой (*corroboratio* - сведения об удостоверительных знаках документа); в-третьих, как памятника художественного творчества эпохи, отражающего при помощи изобразительной символики и легенды (надписи) идеологические представления и политические воззрения владельца печати (к этому направлению в изучении изображений применяется термин "политическая символика"). Все три подхода неразрывно связаны. Например, изучение правового аспекта предполагает обязательный анализ изображений на печати, сакрально-символический смысл которых не может не отражать правовые возможности владельца печати; при рассмотрении печати как компонента удостоверения акта нельзя не учитывать ее правового содержания и т.д.

Естественно, при осмыслении всех трех "ипостасей", в которых печать предстает перед исследователем, приходится по-новому анализировать и предмет изучения, например, учитывать функциональное развитие печатей, соотносить с ним становление типа, а также непременно увязывать сугубо сфрагистические вопросы с целым рядом самостоятельных проблем: с историей канцелярии, проблемами частного акта, развитием таких институтов, как знаки собственности, включая княжеские, гербы и пр. Взаимосвязь с подобными проблемами требует соединения в одном исследовании данных юрисдикции, дипломатики, археологии, нумизматики, геральдики, искусствоведческих знаний. Историографический опыт показывает, что только в этом случае сфрагистическое исследова-

ние становится наиболее плодотворным, только тогда можно ждать его выхода на широкий общесторический уровень.

Примером могут служить отдельные работы западноевропейских ученых, в частности Ф. Баттенберга и С.К. Кучиньского¹ (см. о них в тексте) и др.

В советской историографии образцом сфрагистических трудов подобного плана являются работы В.Л. Янина, которые стоят во главе основного разрабатываемого в настоящее время в СССР направления сфрагистического исследования. Основу последнего составляет анализ металлических вислых печатей (булл), оформленных по византийскому образцу. Подавляющее большинство булл обнаружено в земле. Развитию вышеуказанного направления способствовал ряд моментов: планомерные раскопки древнерусских городов, прежде всего Новгорода, откуда происходит основная масса булл; традиционность в изучении этого рода сфрагистических памятников в России; наглядная демонстрация результатов научного анализа булл, раскрывающего их информационные возможности как исторического источника.

На широком историографическом фоне, отражающем успехи в изучении русской буллы, особенно ясно видятся проблемы и причины отсутствия научной разработки печатей иного рода — восковых и воско-мастичных, определенную часть которых составляют сфрагистические памятники Северо-Восточной Руси, являющиеся главным предметом настоящего исследования.

Наиболее существенной по сравнению с буллами, обнаруженными при раскопках, отличительной чертой этого рода сфрагистических памятников является их тесная связь с документом, прежде всего с актом, при котором они (в форме вислой или прикладной) и сохранились. Осуществленное в последние десятилетия издание русских актов XIV — начала XVI в., собственно, и предопределило возможность изучения печатей, скрепляющих эти акты. Подобный факт единства печати с документом повлиял и на характер настоящего исследования, обуславливая его отличие от преобладающих в отечественной историографии сфрагистических работ, авторы которых оперируют отчужденными от документа печатями. Специфика этих сфрагистических памятников заставляет ученых ставить во главу угла вопросы атрибуции и хронологии. Для печатей при актах вопрос атрибуции не является доминирующим, хотя в силу ряда обстоятельств (плохая сохранность оттисков, отсутствие сведений о печати в корроборации, вынужденность пользования копией акта, а не подлинником и т.д.) он также не может быть сброшен со счетов. Однако на первый план здесь выступают проблемы, в основе которых находится соотношение печати и документа со всеми вытекающими из этого соотношения аспектами.

Освещению ряда проблем способствует комплекс печатей XIV — XV вв., каталогизирование которых впервые произведено в настоящей работе в виде инвентарного описания сохранившихся и идентифицируемых экземпляров и их фотографического воспроизведения. На основании изучения сохранившихся печатей Северо-

Восточной Руси решаются такие источниковедческие вопросы, как возникновение в XIV в. на Руси нового типа печатей, пришедших на смену металлическим византийского образца, становление формы и художественно-изобразительной тематики печатей, складывание и утверждение специфической символики, отражающей идеологию централизованного Русского государства.

Однако данные, полученные в результате проделанной работы, оказались недостаточными при освещении вопросов правового характера, в частности закономерностей процесса скрепления актов печатью. Поскольку изучение вопросов подобного плана непосредственно на сфрагистическом материале, имеющемся в распоряжении автора, затруднительно, логика исследования, обусловленная современными принципами подхода к изучению печатей, потребовала расширения как источниковой базы (привлечения законодательных и различного рода правовых памятников), так и хронологическо-территориальных рамок работы.

В результате история печатей Северо-Восточной Руси рассматривается в контексте всей совокупности собранных в данной работе сведений о возникновении и развитии системы использования печати в Русском государстве начиная с X в. Привлечение широкого фактического материала, относящегося к истории существования института печати в древности и западноевропейском средневековье, впервые осуществленное в данной работе, позволяет сопоставить процесс утверждения правового статуса печати в Русском государстве со схемой действительности этого института в Европе. Таким образом, в монографии предпринята попытка осветить проблему исследования в сравнительно-историческом плане.

¹ *Battenberg F.* Das Hofgerichtssiegel der deutschen Kaiser und Könige 1235-1451. Köln; Wien, 1979; *Kuczyński S.K.* Pieczęcie książąt mazowieckich. Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk, 1978.

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СФРАГИСТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕЧАТЕЙ

XIV-XV вв.

Сфрагистика — в традиционном представлении вспомогательная историческая дисциплина, предметом изучения которой являются печати (матрицы и оттиски). Печать, приложенная или привешенная к документу, — это знак, удостоверяющий его юридическую силу, указывающий на происхождение и подтверждающий его подлинность. Рассматривая значение печати в данном аспекте, историки использовали ее для внешней критики источника. В результате сфрагистика выступала в роли вспомогательной дисциплины дипломатики, вспомогательной же дисциплиной истории она являлась в этом случае не непосредственно, а опосредованно — через дипломатику.

В настоящее время в советской и зарубежной исторической науке все более утверждается мнение, что сфрагистический материал способен оказать действительную помощь в исследовании ряда проблем, прежде всего истории государственных институтов, формирования централизованного управления и канцелярии, эволюции государственной власти, вопросов складывания государственной символики, что, в свою очередь, являлось следствием политической ориентации государства. Постановка этих и подобных вопросов находится в связи с изменением задач сфрагистики: на современном этапе исследования печати, не теряя своего значения в историко-ведческой критике документов, все чаще выступают в качестве самостоятельного источника. (Не случайно сфрагистику часто называют не вспомогательной, а специальной исторической дисциплиной.) Подобное направление отечественного сфрагистического исследования, когда печати являются источником при изучении ряда важных проблем, разрабатывается в основном на материале, обнаруженном при археологических раскопках, — древнерусских буллах¹.

Печати — восковые (воскомастичные) оттиски в настоящее время еще не столь активно введены в научный оборот, как металлические буллы, однако в последние два десятилетия наблюдается тенденция подвергнуть более или менее систематическому анализу отдельные тематические или территориальные группы восковых печатей², что можно рассматривать как залог успешного исследования и этих сфрагистических памятников феодального периода. Сфрагистический материал нового времени, а также печати Советского государства, которые представляют собой ценнейший источник по истории советского государственного строительства, государственных учреждений, формирования социалистической симво-

лики, еще не вошли в должной мере в научный оборот, хотя и здесь можно отметить определенные сдвиги³.

Состояние изученности отечественных печатей разных эпох неодинаково. Пониманию и объяснению этого факта может способствовать анализ процесса становления сфрагистического исследования.

С какого времени сфрагистика оформилась в "систему знаний", т.е. научную дисциплину? В середине и конце прошлого столетия неоднократно констатировалось, что в России сфрагистики как науки не существует⁴. Н.П. Лихачев отмечал, что русская сфрагистика представляет собой "ниву, мало возделанную"; с ним соглашался А.В. Орешников⁵.

С упоминанием печатей мы встречаемся еще в летописных источниках. В XVII — начале XVIII в. описание государственной печати и печатей различных ведомств фиксируют законодательные документы. XVIII век дал основную форму публикации отечественных печатей — это описание печати при документе. Начало подобной публикации положено изданием в 1718 г. грамоты, обнаруженной в архиве Посольской канцелярии⁶. Грамота, присланная Максимилианом I великому князю Василию III в 1514 г., в которой последний именовался императором, была снабжена двусторонней золотой печатью — буллой немецкого императора. При издании грамоты сопровождала гравюра, изображавшая буллу, объяснялось также слово "булла". Петр I, приказывая напечатать грамоту не только на русском, но и на некоторых иностранных языках и "для ведома всюду разослать", имел в виду чисто утилитарные цели: доказать свое право на императорский титул. Вряд ли в самой публикации грамоты с печатью был заложен какой-то научный смысл, тем более не стоит здесь искать начал сфрагистики как самостоятельной дисциплины, однако можно констатировать, что в сознание издателей старых документов прочно вошло представление о неразделимости документа и печати.

В дальнейших публикациях источников, осуществленных в XVIII в., прежде всего в "Древней российской вивлиофике"⁷, утверждается правило описания печати, сопровождающей документ. Наиболее ярко оно проявилось в крупнейшем издании документов начала XIX в. — "Собрании государственных грамот и договоров" (СГГД). Это издание, задуманное еще при Екатерине II, должно было соответствовать "мировым стандартам", в частности "Дюмонову дипломатическому корпусу". Издание СГГД, действительно, в целом аналогично собранию документов Ж. Дюмона⁸, оно даже более иллюстрировано (в плане изображения печатей, скрепляющих документ). Однако по поводу рисунков печатей из СГГД еще в XIX в. неоднократно высказывались отрицательные суждения. В последующих изданиях документов, в частности в изданиях Археографической комиссии, сведений о печатях и того меньше.

Этот факт, по-видимому, связан не столько с игнорированием печатей, сколько с формированием представления о необходимости специального их изучения, что предполагало прежде всего выделе-

ние объекта изучения. Имеется в виду издание альбомов или каталогов печатей, которые должны были составить материальную базу для сфрагистического исследования. В подобных публикациях печати абстрагировались от документа, который, как правило, оказывался для исследователя на первом плане, а печать служила неким добавлением к нему (отсюда и традиционное восприятие печатей в контексте дипломатического исследования). В конце XVIII — начале XIX в. примеры подобного выделения печатей на фоне общего оживления публикации источников наблюдались в ряде стран Европы, особенно во Франции, Германии, Австрии. В отечественной историографии этого периода также возникал вопрос о составлении "полного собрания снимков с печатей" древних грамот⁹.

Анализируя работы XIX в., как правило относимые к сфрагистическим, исследователи начинают отсчет от статьи митрополита Евгения (Болховитинова)¹⁰. Однако сам автор, избрав в качестве образца для себя работы западноевропейских дипломатистов И.Х. Гаттерера и Ж. Мабильона, по его словам, "предлагает дипломатико-палеографический анализ грамоты". Печати рассматривались им как "признак удостоверения в дипломатике", т.е. в дипломатическом контексте. Не случайно Н.П. Лихачев ставил статью Болховитинова "во главе начинающей литературы русской дипломатики"¹¹.

Творческий подход к сфрагистическому материалу демонстрирует Н.М. Карамзин в "Истории государства Российского". Описание русских печатей влетает у него в канву исторического повествования, составляя с последним единое целое. Наряду с описанными в СГГД печатями он приводит сведения о печатях малоизвестных, например золотой Батыевой печати, о печати, по его мнению, ханского чиновника, скрепляющей вместе с великокняжеской печатью духовную грамоту Ивана Калиты, описывает печати галицко-vlадимирских князей из Кёнигсбергского архива¹². Показательно, что Карамзин привлек сфрагистический материал для установления подложности грамот. Он высказал убеждение в подложности грамоты Олега Рязанского, выданной якобы в 1257 г. на имя ханского свойственника Ивана Шай, который выехал к Олегу из Орды и крестился. Среди признаков, указывающих на подложность грамоты, печать занимает важное место; по способу своего прикрепления, как считал автор, она ни в коем случае не соответствовала старому обычаю опечатывания документов¹³.

Труд Карамзина широко ознакомил русскую читающую публику с отечественными печатями. Существенным дополнением к нему послужило изданное в 1840 г. Археографической комиссией сочинение Г.К. Котошихина, подьячего Посольского приказа, который описал и показал применение на практике группы печатей, используемых в делопроизводстве России XVII в.¹⁴.

Работы Карамзина и Котошихина внесли определенный вклад в сфрагистическую тему в русской историографии, однако не повлияли кардинально на ее выделение. До середины XIX в. печать оставалась все еще в "зависимости" от документа, описывалась при

нем. Подобный "описательный" способ анализа печатей подвергался критике в научных кругах. Ставилась под сомнение правильность восприятия печатей только как средства удостоверения документа, отмечалась небрежность издателей документов по отношению к печатям, неточность описания, вопиющие ошибки при передаче легенд, что способствовало ошибкам в их определении. В качестве положительного примера приводились сфрагистические издания, появившиеся к этому времени в других европейских странах¹⁵. Словом, вопрос о выделении из дипломатики печатей как предмета самостоятельного исследования к середине XIX в. определился вполне четко. Результат не заставил себя ждать.

Первым трудом о печатях можно считать монографию А.Б. Лакиера "Русская геральдика". Работа Лакиера, познакомившая русского читателя с историей возникновения и создания национальных гербов, включила в себя и богатый сфрагистический материал. Общая историческая система взглядов автора вполне соответствовала уровню развития исторической науки середины XIX в. В частности, подчеркивание самобытности исторического пути России, исконности существования прежде всего такого института, как самодержавная власть, а также многих других, нашло у него отражение в виде концепции древнего происхождения русских гербов, неразрывной связи древних печатей и появившихся впоследствии гербов. Это положение подверглось критике сразу же по выходе книги¹⁶. Однако стремление Лакиера доказать древность происхождения русских гербов повело за собой привлечение такого действительно древнего исторического материала, как печать. В поле зрения автора оказался практически весь известный к середине XIX в. сфрагистический материал. В значительной своей части он размещен в таблицах. Лакиер описал в общем все княжеские печати, опубликованные в СГГД и известные к тому времени, со значительными поправками, уточнениями и объяснениями, предприняв попытку их классификации. Он выделил княжеские печати (великих и удельных князей), печати городов, духовенства, должностных и частных лиц.

Некоторые методические приемы, примененные Лакиером при исследовании древнерусских печатей, а именно соотнесение изображений на печатях и одновременных им древнерусских монетах, сравнительный анализ изображений на русских печатях — сопоставление их с аналогичными литовскими, польскими, сербскими и другими европейскими образцами, привлечение письменных источников, необходимых при выработке правильной трактовки той или иной эмблемы, которую несет печать, позволили ему сделать наблюдения, которые затем не оспаривались исследователями. Несмотря на наличие у Лакиера ряда противоречий, неясностей при осмыслении им теоретических вопросов сфрагистики, заслуживают внимания его попытки выявить суть самого процесса опечатывания документа. Он не только рассматривает печать как одно "из главных средств проверять подлинность актов и определять время их составления"¹⁷, но видит в ней также внешнее выражение правовых отношений.

ние объекта изучения. Имеется в виду издание альбомов или каталогов печатей, которые должны были составить материальную базу для сфрагистического исследования. В подобных публикациях печати абстрагировались от документа, который, как правило, оказывался для исследователя на первом плане, а печать служила неким добавлением к нему (отсюда и традиционное восприятие печатей в контексте дипломатического исследования). В конце XVIII — начале XIX в. примеры подобного выделения печатей на фоне общего оживления публикации источников наблюдались в ряде стран Европы, особенно во Франции, Германии, Австрии. В отечественной историографии этого периода также возникал вопрос о составлении "полного собрания снимков с печатей" древних грамот⁹.

Анализируя работы XIX в., как правило относимые к сфрагистическим, исследователи начинают отсчет от статьи митрополита Евгения (Болховитинова)¹⁰. Однако сам автор, избрав в качестве образца для себя работы западноевропейских дипломатистов И.Х. Гаттерера и Ж. Мабильона, по его словам, "предлагает дипломатико-палеографический анализ грамоты". Печати рассматривались им как "признак удостоверения в дипломатике", т.е. в дипломатическом контексте. Не случайно Н.П. Лихачев ставил статью Болховитинова "во главе начинающей литературы русской дипломатики"¹¹.

Творческий подход к сфрагистическому материалу демонстрирует Н.М. Карамзин в "Истории государства Российского". Описание русских печатей вплетается у него в канву исторического повествования, составляя с последним единое целое. Наряду с описанными в СГГД печатями он приводит сведения о печатях малоизвестных, например золотой Батыевой печати, о печати, по его мнению, ханского чиновника, скрепляющей вместе с великокняжеской печатью духовную грамоту Ивана Калиты, описывает печати галицко-владимирских князей из Кёнигсбергского архива¹². Показательно, что Карамзин привлек сфрагистический материал для установления подложности грамот. Он высказал убеждение в подложности грамоты Олега Рязанского, выданной якобы в 1257 г. на имя ханского свойственника Ивана Шаи, который выехал к Олегу из Орды и крестился. Среди признаков, указывающих на подложность грамоты, печать занимает важное место; по способу своего прикрепления, как считал автор, она ни в коем случае не соответствовала старому обычаю опечатывания документов¹³.

Труд Карамзина широко ознакомил русскую читающую публику с отечественными печатями. Существенным дополнением к нему послужило изданное в 1840 г. Археографической комиссией сочинение Г.К. Котошихина, подъячего Посольского приказа, который описал и показал применение на практике группы печатей, используемых в делопроизводстве России XVII в.¹⁴

Работы Карамзина и Котошихина внесли определенный вклад в сфрагистическую тему в русской историографии, однако не повлияли кардинально на ее выделение. До середины XIX в. печать оставалась все еще в "зависимости" от документа, описывалась при

нем. Подобный "описательный" способ анализа печатей подвергался критике в научных кругах. Ставилась под сомнение правильность восприятия печатей только как средства удостоверения документа, отмечалась небрежность издателей документов по отношению к печатям, неточность описания, вопиющие ошибки при передаче легенд, что способствовало ошибкам в их определении. В качестве положительного примера приводились сфрагистические издания, появившиеся к этому времени в других европейских странах¹⁵. Словом, вопрос о выделении из дипломатики печатей как предмета самостоятельного исследования к середине XIX в. определился вполне четко. Результат не заставил себя ждать.

Первым трудом о печатях можно считать монографию А.Б. Лакиера "Русская геральдика". Работа Лакиера, познакомившая русского читателя с историей возникновения и создания национальных гербов, включила в себя и богатый сфрагистический материал. Общая историческая система взглядов автора вполне соответствовала уровню развития исторической науки середины XIX в. В частности, подчеркивание самобытности исторического пути России, исконности существования прежде всего такого института, как самодержавная власть, а также многих других, нашло у него отражение в виде концепции древнего происхождения русских гербов, неразрывной связи древних печатей и появившихся впоследствии гербов. Это положение подверглось критике сразу же по выходе книги¹⁶. Однако стремление Лакиера доказать древность происхождения русских гербов повело за собой привлечение такого действительно древнего исторического материала, как печать. В поле зрения автора оказался практически весь известный к середине XIX в. сфрагистический материал. В значительной своей части он размещен в таблицах. Лакиер описал в общем все княжеские печати, опубликованные в СГГД и известные к тому времени, со значительными поправками, уточнениями и объяснениями, предприняв попытку их классификации. Он выделил княжеские печати (великих и удельных князей), печати городов, духовенства, должностных и частных лиц.

Некоторые методические приемы, примененные Лакиером при исследовании древнерусских печатей, а именно соотнесение изображений на печатях и одновременных им древнерусских монетах, сравнительный анализ изображений на русских печатях — сопоставление их с аналогичными литовскими, польскими, сербскими и другими европейскими образцами, привлечение письменных источников, необходимых при выработке правильной трактовки той или иной эмблемы, которую несет печать, позволили ему сделать наблюдения, которые затем не оспаривались исследователями. Несмотря на наличие у Лакиера ряда противоречий, неясностей при осмыслении им теоретических вопросов сфрагистики, заслуживают внимания его попытки выявить суть самого процесса опечатывания документа. Он не только рассматривает печать как одно "из главных средств проверять подлинность актов и определять время их составления"¹⁷, но видит в ней также внешнее выражение правовых отношений.

Лакиер, по его словам, был далек от "изложения полной науки о печатах". Однако опыт в изучении такого мало исследованного в России и сложного исторического материала, каким являются гербы и печати, позволил Лакиеру заявить скептикам и предполагаемым оппонентам: "...мысль, что будто у нас ... не может быть самостоятельной науки о наших гербах и печатах... ложная в основании и последствиях"¹⁸. Хотя работа Лакиера получила большой резонанс в научных кругах, нельзя сказать, что сфрагистика в России после этого вступила в новую фазу своего развития, т.е. превратилась в научную дисциплину. В частности, остался в стороне и не был выяснен один из кардинальных вопросов — о сущности печати, ее функциях. Дипломатическая литература давала самые общие сведения о печатах как знаках удостоверения актов. Русские правоведы практически не рассматривали печать как проявление общественно-правовой жизни¹⁹.

Попытку осмысления юридического значения печатей предпринял Д.М. Мейчик²⁰. Однако он ограничился констатацией факта скрепления того или иного вида акта тем или иным способом, не делая каких-либо выводов о его юридической природе и значимости (см. об этом подробнее в гл. III).

С середины XIX в. русские печати становятся объектом все большего внимания. Появляются, наконец, альбомы отечественных печатей²¹ наряду с отдельными публикациями²². Тщательное описание печатей при издаваемых документах становится правилом²³, некоторые сфрагистические сюжеты привлекают внимание историков и любителей старины. В частности, княжеские и царские печати составили предмет работы Б. Кёне, изданной в Берлине²⁴. Начиная свое изложение с древнерусских памятников сфрагистики — булл, автор доводит его до печатей, ему современных. Кёне сделал ряд вполне справедливых замечаний, касающихся изображений на княжеских печатах, попытался изменить существующую датировку некоторых из них, привел ряд неизвестных данных о русских эмблемах, почерпнутых в иностранных источниках.

В целом можно констатировать, что к концу XIX в. отечественные печати лишь получили право стать объектом исследования. Вряд ли правомерно говорить о складывании к тому времени сфрагистики как системы знаний.

В литературе высказывалось мнение, что направление развития и теоретические положения, на которых базировались с самого начала своего формирования отечественные вспомогательные исторические дисциплины, "определяются общими концепциями исторического процесса дворянского и буржуазного периодов историографии"²⁵. Вместе с тем эти дисциплины эволюционируют в связи с определенными, каждой из них присущими закономерностями. Последнее обстоятельство заставляет обратить внимание на процессы, происходящие в каждой из вспомогательных исторических дисциплин независимо от территориальной принадлежности. Другими словами, правильным будет рассматривать развитие той или иной вспомогательной дисциплины на фоне общих закономерностей ис-

торического развития. А это дает возможность соотносить, в частности, развитие сфрагистики в различных странах.

В западноевропейской историографии трансформация печатей в особый вид исторического источника происходит в первой трети XIX в. после выхода в свет труда Х.А. Эрхарда²⁶, который вывел печати из "зависимого" положения, показав возможность печатей как предмета самостоятельного исследования²⁷, выделив их, отчуждая от документа, в компетенцию сфрагистики. Предложенная им система изучения печатей нашла последователей в разных странах, и уже через несколько лет появился труд, посвященный актовым печатям²⁸.

К концу XIX в. во многих государствах Западной Европы вышли обобщающие труды по сфрагистике²⁹, в основе которых лежали большие комплексы сфрагистических памятников; в европейской исторической науке встал вопрос о систематизации сфрагистического знания³⁰. Это стало возможным в результате накопления сфрагистического материала, что было связано в первую очередь с обширной публикацией письменных источников. Издательская деятельность, интенсивность которой в XIX в. была особенно значительной во Франции, Германии и Австрии, охватывала не только документы в целом, но и как отдельную область сфрагистические памятники. Атласы и альбомы печатей со второй половины XIX в. становятся обычными в западноевропейской историографии. Четко выработанные принципы публикации документов (хронологический, региональный и т.п.) сделали возможным выделение в специальные выпуски скрепляющих их печатей, обобщение и анализ последних.

И в России XIX век дал многочисленные публикации древних документов. Однако, как отмечал еще Лихачев, пользование опубликованными источниками, и в частности применительно к сфрагистическому исследованию, было чрезвычайно затруднено "из-за отсутствия справочных книг для актовых изданий, систематических реестров изданных и неизданных документов, разбросанности издаваемых документов в весьма значительном числе журналов и в еще гораздо большем числе разных серий неперIODических и отдельных книг и брошюр"³¹.

Думается, что причина подобного состояния сфрагистики, как, впрочем, и геральдики, в отечественной исторической науке XIX в. имеет также объективное логическое объяснение. Русская общественность XIX в. познакомилась с историческими трудами, содержащими сведения о гербах и печатях. Складывалось и представление о них как об источнике. Однако в силу преобладания в исторической науке дворянско-охранительного направления эти источники трактовались прежде всего как памятники истории господствующего феодального класса.

Историческое значение гербов, печатей (если рассматривать их в отрыве от документа, в качестве самостоятельного памятника), эмблем, символов и др., определяющееся прежде всего тем, что они представляют собой внешнее выражение правовых взаимоотношений, социальной структуры, политической иконографии и т.д.,

не было подчеркнуто в трудах исследователей. Поэтому естественным являлось отношение к вышеназванным памятникам как к атрибутам феодального общества. Последние, как известно, вызывали значительный скепсис в русской общественной среде, особенно когда волна их отрицания после Французской буржуазной революции конца XVIII в. докатилась до России. Эти атрибуты отживающего строя, в первую очередь гербы, монархические символы и эмблемы, но также и древнерусские печати, которые в силу их специфической феодальной символики вполне могли быть причислены к подобным знакам, не интересовали (в том ракурсе, в котором они были представлены) общественную мысль настолько, чтобы по-настоящему привлечь к себе внимание. Другие, более насущные идеи волновали русского читателя. Поэтому, вероятно, и появилось некоторое "невосприятие" указанной выше проблематики.

XX век изменил взгляд научной общественности России на печати. В начале века теоретически осмысливается и вполне четко выделяется предмет изучения, формулируются цели и задачи сфрагистики — научной дисциплины, намечается методика, определяются основные направления исследования. Этот позитивный процесс связан с успехами археологии, в первую очередь с массовыми находками свинцовых печатей, особенно на новгородском городище. Одним из первых, кто сумел по достоинству оценить новые сфрагистические памятники с точки зрения их исторической значимости, был Н.П. Лихачев, крупный специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, впоследствии известный советский ученый. Накопленный к началу XX в. сфрагистический материал в виде древнерусских металлических печатей, найденных в земле, его систематизация, а также анализ появившихся в западноевропейской литературе сфрагистических трудов, в основе которых лежали большие комплексы сфрагистических памятников, привели Лихачева к осмыслению теоретических основ сфрагистики. Он определил место и значение печатей в историческом исследовании.

Рассматривая печати как материал для историко-дипломатического знания, Лихачев писал: "Печати являются не только памятниками дипломатическими (скрепа документа), но и чисто историческими (выразители политических тенденций, общественных веяний и взглядов — в изображениях, форме, величине, материале) и памятниками истории искусства, так же как и ценными документами в области истории быта (изображения зданий, одежд, разных предметов утвари и оружия)"³². Таким образом, Лихачев, не отрицая значения печати для внешней критики документа, выдвигал на первое место понятие печати как самостоятельного источника. Он же сформулировал основной принцип исследования сфрагистических памятников. Выступая с критикой существующих в западноевропейской литературе различных систем и классификаций сфрагистического материала, он писал, что в основе изучения печатей не могут лежать чисто внешние признаки — форма, рисунок, материал, способ прикрепления печатей. "Мы должны изучать материал

(сфрагистический. — Н.С.) по государствам и их учреждениям или в хронологическом порядке, подмечая при этом явления преемства, влияния и взаимодействия. Факты сфрагистические должны быть поставлены в тесную зависимость от фактов дипломатических³³. Кроме этой программной с точки зрения методики сфрагистического исследования установки, Лихачев наметил и опорные пункты конкретного сфрагистического исследования. Это относится к недатированным и неатрибутированным печатам, которые привлекли его пристальное внимание в конце XIX в. и остались самым важным объектом его исследовательской деятельности до конца жизни, — буллам, найденным в земле.

Намеченные в первые годы научных опытов над металлическими печатами теоретические положения были развиты Лихачевым в процессе его дальнейшей работы с памятниками данного вида, количество которых с каждым годом возрастало. Эти положения изложены в его труде по истории византийской и русской сфрагистики³⁴ и обобщают наблюдения автора прежде всего в области древнерусских булл. Металлические печати, по словам Лихачева, представляют собой "особую главу" русской сфрагистики. История их изучения достаточно полно освещена самим Лихачевым. Особенно же тщательно она проанализирована В.Л. Яниным³⁵.

Лихачев, хотя и неравномерно распределил свое внимание между различными направлениями сфрагистического исследования, выделив древнерусские металлические буллы, в самых общих чертах все-таки нарисовал картину эволюции печатей средневековой Руси. Первый этап вплоть до XV в. рассматривается им как период византийской ориентации русской сфрагистики. С конца XV в., по его мнению, господствует западноевропейский характер в изображениях и стиле печатей³⁶. При характеристике этапов Лихачев исходил из общеизвестного положения, что западноевропейская сфрагистика, не отвергая металлических булл, в основе своей имела воско-мастичные печати. Лихачев также, лишь в принципе принимая подобную характеристику этапов, подчеркивал, что русскую сфрагистику ни в коем случае нельзя представлять только как подражательную. "Могучая, молодая народность, — писал он, — значительно претворяла образцы и их русифицировала"³⁷.

Предвосхищая один из главных сегодняшних постулатов в подходе к сфрагистическому исследованию, а именно разработку сфрагистики региона, Лихачев писал о необходимости распределения русских сфрагистических памятников по "общеизвестным центрам политической, общественной и экономической жизни"³⁸. Им высказывались и другие конструктивные замечания и положения по ряду важных общесфрагистических проблем, например по вопросам об аналогиях в сфрагистике различных стран и народов, соотношения знаковой символики с официально признанными эмблемами власти, зафиксированными в памятниках сфрагистики, нумизматики и геральдики, наконец, по чрезвычайно важной проблеме — эволюции функций печати.

В лице Лихачева отечественная сфрагистика обрела не только

теоретика, но и популяризатора. Сфрагистика стала преподаваться слушателям Археологического института. Она включалась в курс лекций по дипломатике, а также составляла предмет специальных лекций³⁹.

Лихачеву принадлежит заслуга и в выделении такой сфрагистической проблемы, как становление русской государственной печати. Еще в 1900 г. он отмечал, что "разновидности государственной печати московских великих князей и царей изучены далеко не вполне". Через несколько лет он попытался заполнить вакуум в историографии этого вопроса, написав сфрагистический очерк, включивший наблюдения над русскими официальными печатями⁴⁰. В поле его зрения находились восковые печати, выявленные при актах XVI—XVII вв., различного характера, царские, а также принадлежащие некоторым должностным лицам: казначею, таможенникам и пр. Приводя множество сведений о печатях, Лихачев тем не менее высказал предположение, что русские печати не поддаются систематизации. Этот тезис был опровергнут его последующими построениями в области древнерусских булл. Что же касается печатей — восковых оттисков, то он понимал, почему не смог реконструировать картину их эволюции: сфрагистическое исследование он ставил непосредственно в зависимость от обозрения, описания и издания документов, особо подчеркивая важность публикации целостных групп актов Московской Руси.

Справедливость научного предвидения Лихачева о решающем значении издания всего комплекса русских актов в деле разработки многих проблем русской истории, в том числе сфрагистики, подтвердилась на практике. На основании большого количества собранных им документов, относящихся к 1611-1612 гг., прежде всего жалованных грамот на поместья, он создал стройную схему использования и употребления земской печати⁴¹. "Устроение" земской печати (на черном воске отпечатывался одноглавый орел с ветвью в когтях) произошло в Первом ополчении 30 июня 1611 г. Не имея в своих руках достаточного количества материала о действии управленческой системы Второго, Нижегородского ополчения, Лихачев между тем утверждал, что правительство К. Минина и Д. Пожарского использовало в приказных делах с весны 1612 г. ту же самую печать, что и правительство Ляпунова — Трубецкого — Заруцкого. Собранные Лихачевым сфрагистические материалы в рамках известных ему документов Первого и Второго ополчений, анализ статей, в которых говорилось о печатях, позволили ему составить схему политических представлений Первого ополчения, его прав и полномочий, взаимодействий со Вторым ополчением, притязательных воззрений Земского правительства в целом. Так, утверждая, что Нижегородское ополчение приняло с самого начала ту же самую печать, что и Первое, Лихачев как бы подчеркивал, что Второе ополчение тем самым принимало, так сказать, и "ляпуновскую идеологию".

Обнаружение новых документов с печатями изменило схему, выстроенную Лихачевым. Изучивший приказные материалы Ниже-

городского ополчения П.А. Садиков² обратил внимание на несоответствие вывода Лихачева подлинному оформлению приказных документов Нижегородского ополчения. Все акты были скреплены личной перстневой печатью кн. Пожарского. С нее резалась печать привесная, используемая для международной корреспонденции. Таким образом, официальной печатью Второго ополчения была, по-видимому, личная печать кн. Пожарского. Только с момента воссоединения двух ополчений единственная государственная регалия Земского правительства начала функционировать в соответствии со своим прямым назначением в качестве государственной печати. Этот сам по себе замечательный сфрагистический сюжет, где печати очень искусно демонстрируются в качестве источников, свидетельствующих о политических устремлениях их создателей (по-видимому, Лихачев и преследовал прежде всего эту цель), служит доказательством, что сфрагистическое построение, на основе которого делаются исторические выводы, не может базироваться на отдельных авторских находках, в его основе должен лежать "исчерпывающий сбор материала".

Лихачев неоднократно обращался к вопросу о происхождении государственной печати (см. об этом подробнее в гл. V). Намеченный им аспект исследования государственных печатей включает последние в круг незаменимых источников при разработке вопросов "политической символики". При помощи ее выражаются основные идеи государственной политики, отражаются моменты суверенитета и подданства, внутривосударственные устремления, внешнеполитические замыслы и пр.

Таким образом, Н.П. Лихачев — основоположник научного сфрагистического знания. Благодаря его трудам сфрагистика из узкого раздела дипломатики превратилась в самостоятельную дисциплину, обретая свое содержание. И речь идет не только об изучении древнерусских металлических печатей. Указанные здесь работы Лихачева, посвященные феодальным восковым печатям, кстати малоизвестные, свидетельствуют, что и этот сфрагистический материал обладал в глазах ученого качеством ценнейшего источника. Сложный период русской истории, личная судьба замечательного ученого, а главное — переключение научного интереса, вплотную заставившего его обратиться к металлическим печатям, количество находок которых все возрастало, создавая обширный комплекс в отличие от единичных, порой случайно обнаруженных в архивах, не образующих целостных групп сфрагистических памятников (последние и не могли возникнуть из-за специфики публикаций источников, о чем говорилось выше), — все эти причины, думается, повлияли на последующий отказ Лихачева от разработки сфрагистических проблем, связанных с восковыми печатями.

Примеру Лихачева, задававшего тон в начале века в освоении сфрагистики, последовали А.В. Орешников и А.С. Лаппо-Данилевский. Известные специалисты, один — в области нумизматики, другой — дипломатики, внесли свой вклад в развивающуюся науку о печатях.

Работа Орешникова⁴³ представляет собой очерк русской сфрагистики, который явился одним из этапов обобщения отечественного материала по печатам и, не разрабатывая детально сфрагистических проблем, тем не менее содержал в себе ценные сведения и наблюдения в данной области. Для нас особенно важна представляют общие установки работы Орешникова. Он подчеркивал общность нумизматики и сфрагистики XIV — XV вв., которая, по его мнению, состояла прежде всего в произвольном выборе изображений на тех и других памятниках, что он объяснял полным отсутствием на Руси в XIV — XV вв. понятий об эмблеме или гербе, во взаимозависимости сюжетов на удельных монетах и печатах частных лиц. Орешников, пожалуй, впервые высказал мысль о существовании разветвленной системы печатей на Руси, в качестве обязательного компонента сопровождающих не только княжеский, но и любой официальный документ. Это признание существования института печати в Древней Руси (в отличие от прежних констатаций в отношении печатей — княжеских регалий) являлось весьма существенным и в дальнейшем было доказано на соответствующем материале Лихачевым.

Несомненной заслугой Орешникова была чисто практическая публикаторская деятельность в области сфрагистики. В этом же очерке он поместил изображение металлических булл, скрепляющих ряд великокняжеских грамот московских, тверских и др., соответственным образом прокомментировав их. Впоследствии Орешников еще не раз возвращался к сфрагистическим сюжетам⁴⁴.

Работа Лаппо-Данилевского⁴⁵ посвящена изучению печатей, скрепляющих грамоты галицко-владимирских князей 1315—1341 гг. Это типично сфрагистическое исследование, предусматривающее подробное описание материала, шнуров, изображений на печатах, поисков аналогий этим изображениям, установление типов печатей, заканчивается выводами о перекрещивании культурных влияний и традиций в оформлении сфрагистического типа княжеских печатей XIV в.: византийских и западноевропейских.

На основании анализа наиболее значительных работ, способствовавших формированию отечественной сфрагистики как системы знания, можно констатировать, что в дооктябрьский период определилось ее содержание, она выделилась из дипломатики. Более того, сфрагистика сложилась в самостоятельную дисциплину, о чем свидетельствовали труды прежде всего Лихачева, широко рассмотревшего сфрагистические памятники с точки зрения их исторической значимости.

Однако социальное качество сфрагистика обрела лишь на новом этапе своего развития — в советской исторической науке. Вспомогательная функция ее оттесняется на второй план, и сами сфрагистические памятники служат теперь основой для важных исторических построений. Это качество отечественное сфрагистическое исследование приобрело далеко не сразу. После 1917 г. сфрагистика развивалась в русле общеисторического исследования.

Например, когда в исторической науке утверждался метод всесторонней разработки источников, печати стали предметом особого внимания историков, анализирующих комплексы документов⁴⁶. Авторы подчеркивали роль печатей как исторических памятников, способствующих осмыслению содержания документа. В то же время сфрагистика, сохраняя утвердившиеся в начале века позиции самостоятельной научной дисциплины, продолжала эволюционировать в уже наметившихся направлениях. Основу сфрагистического исследования в тот период составили свинцовые печати из археологических раскопок, результаты изучения которых в виде отдельных очерков нашли отражение в упоминавшемся выше труде Лихачева "Материалы для истории византийской и русской сфрагистики".

Однако и в курсах лекций по вспомогательным историческим дисциплинам, и в обобщающих трудах по методологии истории сфрагистика все еще рассматривалась в традициях буржуазного исторического знания: ей отводилась роль раздела дипломатики. При формулировании ее задач подчеркивалось, что печать должна изучаться в качестве одного из средств, доказывающих подлинность, достоверность документа⁴⁷.

Когда упрочились позиции научного понимания исторического процесса, наблюдается уже более творческий подход к осмыслению проблем, связанных с изучением печатей. Наряду с отведением им роли инструментов для внешней критики источника подчеркивается, что "печати представляют чрезвычайно ценную категорию в общем комплексе материалов для историко-археологического познания эпохи"⁴⁸. Предпринимаются попытки собрать воедино библиографические сведения о древнерусских печатях (металлических и восковых), чтобы сделать эти памятники древности более доступными для исследования⁴⁹. Показательно также, что в работах, затрагивающих в той или иной степени проблемы отечественной сфрагистики, встречаются важные наблюдения теоретического порядка, способствующие пониманию социальной значимости печатей. Здесь прежде всего имеются в виду работы М. Максимовой⁵⁰ (более подробно о работе в гл. II) и Б.А. Рыбакова о княжеских знаках собственности⁵¹.

Таким образом, в советской исторической науке сфрагистика как научная дисциплина обрела социальное лицо, проявившееся наиболее ярко в последующих трудах.

Практическим воплощением переосмысления целей и задач сфрагистики явилась монография В.Л. Янина о новгородских посадниках⁵². Свинцовые печати, обнаруженные в Новгороде, послужили для автора основным источником при реконструкции института посадников, т.е. при воссоздании картины политического устройства Новгорода. В другом капитальном сфрагистическом труде⁵³ Янина на более широком материале восстанавливает историю древних русских государственных институтов, прослеживает основные моменты их развития, фиксирует не отраженные в иных источниках административные реформы, показывающие становле-

ние аппарата государственной власти в Древней Руси. Формированию и решению в обеих книгах ряда исторических проблем предшествовали исчерпывающий сбор материала и составление его свода, разработка и применение совершенной методики исследования, анализ письменных и вещественных источников.

Обстоятельный разбор труда Янина уже предпринят в советской историографии⁵⁴. Янину отечественная сфрагистика обязана определением ее первоисточков, выделением архаического "довизантийского" типа печати. Он четко разграничил этапы бытования в Древней Руси того или иного типа буллы, определил и рубеж в истории древнерусских печатей — начало XII в.; с этого времени, по мысли ученого, в Новгороде наблюдается тенденция к упрочению княжеской буллы и использованию вислой свинцовой печати другими институтами власти, а на юге она угасает. Янин сформулировал тезис о функциональной сущности русской буллы, считая основным назначением вислых печатей их употребление при официальных документах, скрепление актов, а также высказал ряд других конструктивных положений.

Осуществленное в нашей стране исследование металлических печатей, разработка методических приемов их анализа и сделанные на основе изучения сфрагистических памятников историко-социологические выводы не имеют аналога в европейской сфрагистике. На фоне столь блестящих научных достижений в разработке одного вида сфрагистических памятников особенно значительным кажется отставание в изучении печатей, отличающихся от вышеназванных по материалу и хронологически. Речь идет о печатях при документах.

Итак, с одной стороны, своеобразный путь развития отечественной сфрагистики (в силу специфики превалирующего в научном обороте материала); с другой — общие (характерные не только для отечественной науки) принципы развития дипломатического исследования, отвергающего печати как предмет, входящий в его сферу⁵⁵, и относящего актовые печати к сфрагистике. В итоге актовые печати остаются в настоящее время в стороне и от сфрагистики, и от дипломатики. Их научная разработка пребывает на уровне фиксации печатей (с большей или меньшей точностью описания) при публикации актов и других документов. Как правило, это делается после издания текста⁵⁶, но встречается и табличный метод публикации актовых печатей в конце тома⁵⁷, что, впрочем, кардинально не влияет на состояние их изученности.

Как показывают выработанные в настоящее время международные правила издания средневековых грамот⁵⁸, дипломатисту вменяется в обязанность уделять вполне конкретное внимание печати: при издании акта сообщать о присутствии печатей или их следов, указывать цвет, размер и способ прикрепления печати. Дебатируется вопрос о месте, где помещать полное описание печати: в примечании после издания текста, в таблице в конце тома или в предисловии к тому⁵⁹. С позиций сфрагистического исследования это научная обработка печатей, так сказать, в первом приближении. Подобный подход предполагает достаточную разработанность сфра-

сам дипломатики⁶⁵, а также в связи с разработкой некоторых более общих историко-культурных проблем европейского средневековья⁶⁶. Ибо печать, исполняя функцию знака, удостоверяющего юридическую силу документа, указывающего на происхождение последнего и подтверждающего его подлинность, так же как и структура документа в целом, эволюционирует и трансформируется в контексте с общим направлением государственной политики, культурного развития страны, с традиционностью контактов и разнообразием рецензий. Институт печати, следовательно, — одно из звеньев в цепи явлений, характеризующих эпоху, прежде всего такие ее особенности, как юрисдикцию, политическую ориентацию верховной власти, идеологические представления, художественную культуру.

Как формировался институт печати в Древней Руси, какое место занимал он в практике становления системы органов власти и управления в русских княжествах в XIV — XV вв., какая роль отводилась ему в русле общих тенденций, влияющих на становление единого Русского государства? Ответы на эти и подобные вопросы, в которых можно было бы почерпнуть важные факты, раскрывающие внутренние закономерности процесса возникновения и развития феодального права и судостроительства, зависят от разработки целого комплекса источниковедческих задач, в том числе задач, возникающих перед исследователем русских печатей XIV — XV вв. Важнейшие из них следующие: определение юридической природы и значимости печати как таковой (в силу неразработанности этого вопроса в отечественной историографии), анализ соразмерности эволюции отечественных печатей с параметрами развития данного правового института в Европе, в частности исследование начального этапа возникновения печатей в Древней Руси, становление на Руси нового типа печатей, сменивших традиционную металлическую буллу, переход к вислым и прикладным печатям — оттискам, возникновение общегосударственной печати, иконографические характеристики русских печатей XIV — XV вв. как продукта культурного и политического развития своей эпохи.

Решение этих задач и составит содержание настоящей работы.

Расширение круга проблем сопряжено со значительными трудностями, ибо наталкивается на ряд препятствий. Во-первых, это качественная и количественная специфика сохранившихся источников. Имеется в виду не только плохая сохранность (в силу хрупкости материала — воска, а также неудачного хранения) оттисков печатей. Комплекс дошедших до нас источников — носителей знаков удостоверения, чем являются печати, чрезвычайно неравномерен как в хронологическом, так и в видовом плане, что объясняется характером и условиями их подбора и хранения⁶⁷. Во-вторых, научная неразработанность (отсутствие монографических исследований) таких основополагающих тем дипломатики, как история удельных княжеских канцелярий и канцелярии московских великих князей⁶⁸, история русского акта, прежде всего частного⁶⁹. В-третьих, отсутствие в трудах отечественных историков права (особенно в большом количестве дореволюционных работ) четких правовых характе-

ристик ряда институтов, существовавших в Русском государстве, таких, например, как институт знаков собственности, включая княжеские⁶, институт герба⁷ и др., в том числе и институт печати.

Таким образом, отсутствие научных знаний по целому ряду основополагающих для данного исследования моментов, видовая и хронологическая ограниченность сохранившихся источников не могут оказать отрицательного влияния на характер масштабности и доказательности выводов, вытекающих из анализа вводимого в научный оборот материала. И тем не менее фактор обратной связи не может быть оставлен без внимания: так как вопросы всестороннего изучения явлений русского феодализма, решенные в оптимальном варианте, требуют исчерпывающего по глубине и широте охвата комплекса используемых источников, то и разрешение, казалось бы, сугубо сфрагистических проблем приобретает характер научной необходимости.

¹ См.: Янин В.Л. Изучение древнерусских печатей // ВИД. Л., 1968. Вып. 4; *Соболева Н.А.* О методике изучения сфрагистического материала XV — XVIII вв.: Историографические заметки // Там же. Л., 1976. Вып. VIII; *Она же.* О тенденциях развития специальных исторических дисциплин: Историографический обзор за 1964-1978 гг. // Источниковедение отечественной истории, 1979 г. М., 1980.

² Об этих работах см.: *Соболева Н.А.* О методике изучения сфрагистического материала; *Она же.* Пугачевские печати // Вопр. истории. 1977. № 8; *Она же.* Символы русской государственности // Там же. 1979. № 6; *Она же.* О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. М., 1982; *Титов А.К.* Изучение сфрагистических памятников Белоруссии // Совархивы. 1980. № 2.

³ См. прежде всего: *Киселев Г.Ф., Любишева В.А.* В.И. Ленин и создание государственной печати и герба РСФСР // История СССР. 1966. № 5. Публикаторская деятельность украинских историков в области сфрагистики (см.: *Гавриленко В.О.* Українська сфрагістика. Питання предмета та історіографії. Київ, 1977. С. 132-138) позволяет надеяться на появление в ближайшем будущем обобщающего труда, посвященного печатям Украины.

⁴ *Гаврилов С.* Несколько слов по поводу Сборника снимков с печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции, сост. П.И. Ивановым // ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Смесь. С. 58-59; *Роззевич Ф.И.* О русской сфрагистике // Вестн. археологии и истории. СПб., 1886. Вып. VI. С. 207.

⁵ *Лихачев Н.П.* Хрисовулы тверских князей // Изв. Рус. генеал. о-ва. СПб., 1900. Вып. 1. С. 160; см. также: *Он же.* Лекции по дипломатике, читанные в 1896-1897 гг. в Санкт-Петербургском Археологическом институте. СПб., 1897. С. 17; *Он же.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. С. 1; *Орешников А.В.* Материалы к русской сфрагистике // Тр. Моск. ун-та. М., 1903. Т. III, вып. 1. С. 108.

⁶ Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII в. М., 1981. С. 145-146.

⁷ Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев, издаваемая ежемесячно Николаем Новиковым. СПб., 1773. Ч. II; 2-е изд. М., 1788. Ч. I — III; М., 1791. Ч. XVI, XVIII.

- ¹ *Dumont J., Rousset de Missy J. Corps universel diplomatique du droit des gens...* Amsterdam, 1726-1731. P. 1-8.
- ² Сборник Муханова. М., 1836; 2-е изд. СПб., 1866. С. XVI.
- ³ *Евгений (Болховитимов)*. Примечания на грамату великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю // Вести Европы. М., 1818. Ч. 100. № 15-16.
- ⁴ *Лихачев Н.П.* Из истории дипломатики (XIX в.). СПб., 1905-1906. С.20.
- ⁵ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. 2-е изд. СПб., 1818. Т. III. Примеч. 360; СПб., 1819. Т. IV. Примеч. 326, 204, 268, 276.
- ⁶ Там же. Т. IV. Примеч. 90.
- ⁷ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840. С. 29, 38, 114.
- ⁸ *Kämmerer G. von.* Ueber einige merkwürdige Siegel des Mittelalters. St.-Petersburg, 1852. S. 1-2.
- ⁹ Об этом см.: *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII — XIX вв. М., 1981. С. 8, сн. 9.
- ¹⁰ *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. С. 87.
- ¹¹ Там же. С.2.
- ¹² Некоторые наблюдения над формой скрепления документа имеются у К.А. Неволина (*Неволин К.А.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т.2. С.51-52, 54) и у А.Б. Лакиера (*Лакиер А.Б.* Общие основания системы договоров и обязательств по началам русского законодательства // Сын Отечества. СПб., 1852. Кн. 5. С. 72-76).
- ¹³ *Мейчик Д.М.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883.
- ¹⁴ *Иванов П.И.* Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858; Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1880. Вып. I; *Прозоровский Д.* Собрание польских и других печатей, принадлежавшее имп. Академии художеств. СПб., 1881; *Болсуновский К.В.* Сфрагистические и геральдические памятники Юго-Западного края. Киев, 1899. Вып. I.
- ¹⁵ См., напр.: *Бережников Я.И.* Записка об открытых в Московском Кремле древностях. СПб., 1844.
- ¹⁶ См., напр.: *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X — XIV веков): Общее повременное обозрение. СПб., 1863; 2-е изд. СПб., 1882. Здесь автор в известной мере выполнил свое обещание относительно подробного описания древних русских печатей, данное ранее (*Срезневский И.И.* Рядная запись с печатью XIII в. // Зап. Археол. о-ва СПб., 1851. Т. III. С. 222). "Факты по части русской сфрагистики" собраны и представлены Срезневским в хронологическом порядке с X по XIV в. наряду с описанием документов, несущих их. А.А. Шахматов, перечисляя ошибки и неудачи при издании грамот в СГД, отмечал плохое изображение печатей. Переиздавая новгородские грамоты, он заново описывал и их печати, обращая особое внимание на надписи (*Шахматов А.А.* О языке новгородских грамот // Исследования по русскому языку. СПб., 1885. Т.I).
- ¹⁷ *Koehne B.de.* Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. B., 1861.
- ¹⁸ *Каменцева Е.И.* История вспомогательных исторических дисциплин. М., 1979. С. 16.
- ¹⁹ *Erhard H.A.* Kritische Übersicht der Diplomatik in ihren bisherigen Bearbeitungen und Entwurf eines Systems der Geschichtsquellenkunde // Zeitschrift für Archivkunde, Diplomatik und Geschichte. Hamburg, 1836. Bd. II.
- ²⁰ Об этом см.: *Ilgen Th.* Sphragistik // Grundriss der Geschichtswissenschaft. Leipzig, 1906. Bd. 1.2. Lief. S. 322.
- ²¹ *Melly E.* Beiträge zur Siegelkunde des Mittelalters. Wien, 1846. Bd. 1.
- ²² В качестве классического труда подобного рода можно назвать, например: *Seyler G.A.* Geschichte der Siegel. Leipzig, 1894.

- ⁸⁰ Свои системы классификации печатей предложили, в частности, немецкие ученые Ф.К. Гогенлоз-Вальденбург и Х. Гротенд. Об этом см.: *Лихачев Н.П.* Из лекций по сфрагистике. СПб., 1905-1906 уч. год. С. 15-21.
- ⁸¹ *Лихачев Н.П.* О составлении перечня изданных русских актов. Пг., 1923. С. 1-3.
- ⁸² *Лихачев Н.П.* Из лекций по сфрагистике. С.14.
- ⁸³ Там же. С. 32.
- ⁸⁴ *Лихачев Н.П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1; Л., 1930. Вып. 2.
- ⁸⁵ *Янин В.Л.* К столетию со дня рождения Н.П. Лихачева // Сов. археология. 1962. № 2; *Он же.* Изучение древнерусских вислых печатей; *Он же.* Актовые печати Древней Руси X — XV вв. М., 1970. Т. I. Введение.
- ⁸⁶ *Лихачев Н.П.* Материалы. Вып. 1. С. 1. Однако он допускает, что начало западноевропейского влияния на сфрагистическое изображение наблюдается уже с конца XIII — начала XIV в. (Там же. Вып. 1. С. 22-23, 30-31, 48, 51, 68-69; Вып. 2. С.31).
- ⁸⁷ Там же. Вып. 1. С. 1.
- ⁸⁸ Там же. С. 10.
- ⁸⁹ *Лихачев Н.П.* Из лекций по сфрагистике; *Он же.* Древнейшая сфрагистика. Из лекций по дипломатике, читанных в Археологическом институте за 1904/5 уч. год. СПб., 1906.
- ⁹⁰ *Лихачев Н.П.* Хрисовулы тверских князей. С. 160; *Он же.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевина. СПб., 1903. Разд. II.
- ⁹¹ *Лихачев Н.П.* Земская печать Московского государства в Смутное время. М., 1914.
- ⁹² *Садиков П.А.* "Земская" печать и Нижегородское ополчение // ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35.
- ⁹³ *Орешников А.В.* Материалы к русской сфрагистике.
- ⁹⁴ *Орешников А.В.* Прикладная печать князя Мосальского-Рубца // Нумизматический сборник. М., 1911. Т.1; *Он же.* Перстень св. Алексея Митрополита // Сборник статей по археологии и византиноведению. Прага, 1928. Т. II.
- ⁹⁵ *Латто-Данилевский А.С.* Печати последних галичско-владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907.
- ⁹⁶ *Андреев А.И.* Грамота 1685 г. царей Иоанна и Петра Алексеевичей шведскому королю Карлу XI // ЛЗАК. Л., 1926. Вып. 33; *Садиков П.А.* Указ. соч.
- ⁹⁷ *Большаков А.М.* вспомогательные исторические дисциплины. 4-е изд. Л., 1924. С.130; *Саар Г.П.* Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930. С. 51-55; *Быковский С.Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931. С. 81-82.
- ⁹⁸ *Коробков Н., Иваков Б.* Русские печати // Архивное дело. 1939. № 3 (51). С. 31.
- ⁹⁹ *Орлов А.С.* Материалы для библиографии русских печатей (XI — XV вв., до 1425 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей. М.:Л., 1937. С. 245.
- ¹⁰⁰ *Максимова М.* Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. 1937. № 1.
- ¹⁰¹ *Рыбаков Б.А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X — XII вв. // Сов. археология. М.:Л., 1940. Кн. VI.
- ¹⁰² *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
- ¹⁰³ *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X — XV вв. М., 1970. Т. I — II.
- ¹⁰⁴ *Каштанов С.М.* Древнерусские печати: (Размышления по поводу книги В.Л. Янина) // История СССР. 1974. № 3.
- ¹⁰⁵ *Каштанов С.М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // Вопр. истории. 1965. № 1. С. 39; *Он же.* Дипломатический состав древнерусского акта // ВИД. Л., 1969. Вып. II. С.144.
- ¹⁰⁶ Например, в изданиях: АСЭИ. М.:Л., 1952-1964. Т. I — III; Смоленские грамоты XIII — XIV вв. М., 1963; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977-1985. Вып. I — 5.

³⁷ ДДГ. М.: Л., 1950.

³⁸ *Каштанов С.М.* Современные принципы издания латинских грамот // АЕ за 1983 г. М., 1985.

³⁹ Там же. С.43.

⁴⁰ Под сфрагистикой региона понимается комплекс памятников сфрагистики, принадлежавших к определенной территории, которая представляет собой особую историческую область и вместе с тем самостоятельную единицу территориальной организации, главным образом политико-административную, которую отличают особенности экономические, социальные, культурные и этнические. Сфрагистику региона составляют печати лиц и институтов, связанных общей территориальной принадлежностью в определенный хронологический период. Об этом см.: *Kuczyński S.K.* Pieczęcie książąt Mazowieckich. Wrocław; W=wa; Kraków; Gdańsk, 1978. S. 7-8.

⁴¹ *Erhard H.A.* Op.cit. S.420.

⁴² См., напр.: *Lecoq de la Marche A.* Les sceaux. P., 1889; *Roman J.* Manuel de sigillographie française. P., 1912; *Seyler G.A.* Op. cit.; *Ewald W.* Siegelkunde. München, 1914; etc.

⁴³ *Kittel E.* Siegel. Braunschweig, 1970.

⁴⁴ *Gumowski M., Haisig M., Mikucki S.* Sfragistyka. W=wa, 1960. S. 14; *Hlaváček I., Kašpar J., Nový R.* Základy pomocných věd historických. Praha, 1974. S. 104; *Battenberg F.* Das Hofgerichtssiegel der deutschen Kaiser und Könige 1235-1451. Köln; Wien, 1979. S. 8.

⁴⁵ *Каштанов С.М.* Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 26-41.

⁴⁶ *Kuczyński S.K.* Op. cit.; *Battenberg F.* Op. cit.

⁴⁷ АСЭИ. Т. I. С. 4.

⁴⁸ Отдельные вопросы делопроизводственной практики удельных князей и великих князей московских рассматривались как в трудах дореволюционных ученых, изучавших дипломатический материал (*Лапто-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920), так и в обобщающих трудах советских историков: С.Н. Валка, Л.В. Черепнина, М.Н. Тихомирова, А.А. Зимина, С.М. Каштанова, а также в работах исследователей, посвященных отдельным разновидностям актов (см., напр.: *Колмычева Е.И.* Полные и докладные грамоты XV – XVI вв. // АЕ за 1961 г. М., 1962; *Семенченко Г.В.* О хронологии некоторых грамот, упоминающих "великого князя" Ивана III Васильевича // Там же за 1983 г. М., 1985). Вплотную подошел к исследованию канцелярии московских великих князей лишь В.А. Водов (*Водов В.А.* Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. – 1425 г.) // Ист. зап. М., 1979. Вып. 103).

⁴⁹ Изучение отечественного акта получило широкое развитие в работах советских ученых (об этом см.: *Копанев А.И.* Советская дипломатика // ВИД. Вып. I. С. 56-73). Однако в актовом источниковедении имеется проблема, разрешить которую историкам не удалось до сих пор, несмотря на специальную разработку вопроса в последние десятилетия (*Алексеев Ю.Г.* Частный земельный акт средневековой Руси: (От Русской Правды до Псковской судной грамоты) // ВИД. Л., 1974. Вып. VI; *Свердлов М.Б.* Древнерусский акт X – XIV вв. // Там же. Л., 1976. Вып. VIII; *Андреев В.Ф.* Новгородский частный акт XII – XV вв. Л., 1986; *Семенченко Г.В.* Духовные грамоты XIV – XV вв. как исторический источник: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 1983). Это проблема происхождения и развития частного акта, в которой центральное место занимает пункт о хронологии его возникновения на Руси. В последнее время исследователи, изучающие эволюцию феодальной земельной собственности, все более склоняются к мысли о становлении частного акта начиная с середины XIV в. (*Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 246; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 32-34).

Вопрос о времени возникновения частного акта имеет непосредственное отношение к сфрагистическому исследованию, ибо удостоверительная часть, являясь неотъемлемой частью акта, развивается вместе с ним. С печати, по

нению С.Н. Валка, акт начал историю удостоверительной своей части. Именно достигнутый в процессе развития акта состав (уровень) удостоверительной части, доказывающей действительность совершившегося правоотношения, свидетельствовал об окончательном формировании акта как гаранта сделки (Валк С.Н. Рецензия на книгу А.С. Лаппо-Данилевского "Очерк русской дипломатики частных актов" // Рус. исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 250-251; Он же. Грамоты полные // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 122-123, 129).

- ¹⁰ Об этом см.: *Ефименко П.* Юридические знаки // ЖМНП. 1874. № 10. С. 36; *Соловьев Е.Т.* Знаки собственности в России: Историко-археологический очерк. Казань, 1885. С.1. Значение знаков собственности как юридических феноменов неоднократно подчеркивалось. См.: *Болсуновский К.В.* Дрогоичинские пломбы. Киев, 1892. Ч.1. С.XIV — XXI; *Орешиков А.В.* Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Изв. Академии наук. Отд-ние гуманитар. наук. 7-я сер. 1930. № 2. С. 111; Он же. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 37; *Рыбаков Б.А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X — XII вв. С. 234-235.
- ¹¹ Об этом см.: *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII — XIX вв. С. 6-10.

О ПРАВЕ ПЕЧАТИ

Вопрос о праве печати впервые поставили глоссаторы канонического права. Один из них — Конрад фон Муре сформулировал очень образно функцию печати при документе, назвав печать телом документа, текст которого является его душой¹. В значительной степени толкователи церковного права основывались на папской доктрине о развитии документов, по которой печати отводилась роль критерия подлинности и достоверности документа. Основополагающим здесь признается декреталий папы Александра III, датированный 1167-1169 гг.² В нем определялось, что только документы, составленные нотариусами или скрепленные аутентичной (подлинной, достоверной) печатью, следует считать веродостоинными. Однако точное определение аутентичной печати нельзя найти ни у одного толкователя канонического права. Бросаются в глаза их разногласия: как определить понятие *sigillum authenticum*, круг сановных лиц, чьи печати можно было принять за аутентичные³.

Можно указать еще на целый ряд рекомендаций и постановлений, вышедших из папской канцелярии, касающихся правового значения печати⁴. Именно под влиянием канонического права утверждается статус печати как критерия достоверности документа, заменяющей в этом плане показания свидетелей и собственноручную подпись на документе, существующую в качестве удостоверения со времен античности.

П. Еханек пишет: «С уверенностью можно сказать одно: эти указы (папские. — Н.С.) утвердили повсеместно раз и навсегда печать как средство удостоверения, а для территории к северу от Альп на долгое время и как единственное средство удостоверения. В них были сформулированы твердые критерии гарантий документальных записей. Эти указы освобождали документ, заверенный печатью, от бремени остатков архаического способа удостоверения, которые еще существовали вначале. Эти указы превратили документ, заверенный печатью, в рациональный процессуальный инструмент доказывания, которого требовало вновь создаваемое церковное право и который соответствовал сложным общественным отношениям позднего средневековья»⁵.

С течением времени аутентичными печатями каноническим правом начали признаваться печати всех духовных корпораций и сановников, включая приходских священников. Право аутентичности распространялось на печати и светских князей⁶. Подобное толкование правомочности печати привело к признанию безусловной доказательности документа, снабженного печатями духовных и светских феодалов. О городских печатях ничего не говорилось, но на прак-

нике городские советы и суды шеффенов в немецких городах, в частности, выдавали удостоверенные печатями документы.

Понятие "право печати" находит отражение и в светских правовых памятниках средневековой Европы (как считают ученые, здесь не обошлось без влияния норм канонического права⁷). Например, в Швабском зеркале, известнейшем немецком законодательном памятнике XIII в., делается различие между печатями, обладающими силой доказательства в широком смысле (для документов, посылаемых за пределы собственных владений), — это печати пап, королей, церковных и светских князей, а также прелатов, капитулов, конвентов, и печатями, предназначенными для внутреннего употребления; печати прочих "господ" имеют силу только в их собственных делах и делах подчиненных им лиц. Здесь же ставится вопрос и о правомочности городской печати⁸.

Статьи о печатях упомянутого законодательного памятника являются отражением существовавшей во время его составления юридической практики, которая сталкивалась со всевозрастающим количеством и разнообразием скрепляющих грамоты печатей. Средневековый юрист, имея в своих руках грамоту с печатью, рассматривал ее как свидетельство и доказательство того, что грамотой скреплено обязательное юридическое действие, о котором объявлено в соответствующей компетентной инстанции, зафиксированное письменно на вечные времена. В этом плане доказательная сила запечатанной грамоты была гораздо значимее доказательной силы свидетельских показаний. Подлинность грамоты с печатью могла вызвать сомнения только в том случае, если форма текста или печать давали повод для такого сомнения. В подобном случае большое значение придавалось сохранности печати. В транссумпах (копиях) XII — XIV вв. постоянно встречаются формулы, свидетельствующие, что печать оригинала находится в полной сохранности. Перед списком с текста грамоты давалось точное описание печати — изображения и легенды (надписи). Грамоты с поврежденной либо утраченной печатью нуждались в подтверждении их правовой силы иными средствами. Показательно, что отмена предоставляемых грамотой прав символически выражалась в отрезании висящих на нитях печатей⁹.

Правовое значение печати зафиксировано, кроме Швабского зеркала, многими другими законодательными памятниками Европы XIII — XIV вв. Так, статут адриатического острова Корчулы XIII в., древнейший после Русской Правды памятник славянского права¹⁰, фиксирует использование в судопроизводстве печати для вызова в суд — *sigillum citationis*¹¹ (*Ladungssiegel* — "печать вызова"). Подобная печать (формального вызова) упоминается в законах о судопроизводстве венгерских королей уже в XI в. Отражением древнего обычая является упоминание *sigillum citationis* в письменных требованиях о явке в суд, которое сохранилось в Венгрии вплоть до XIX в.¹² В Золотой булле 1222 г. короля Эндре, утверждающей привилегии венгерского дворянства, королевская печать упоминается в качестве утверждающего средства¹³. В одном из самых ранних пра-

вовых памятников средневековой Чехии XIII — начала XIV в., Правде земли Чешской — Рожмбергской книге, который представляет собой и юридический сборник, и руководство по применению правовых норм, и в какой-то мере теоретическую разработку права, в статьях, регламентирующих судопроизводство, в частности порядок вызова в суд, зафиксировано обязательное использование земской печати в качестве символа земского суда, при помощи которой осуществлялся вызов ответчика по иску жалобщика¹⁴. Существует описание сохранившейся печати земского суда с соответствующей правовой надписью, которая удостоверяла, что ее предъявитель является судебным чиновником, осуществлявшим вызов в суд¹⁵. Чешские исследователи отмечают, что функция этой печати была вполне определенной: она служила только знаком вызова в суд и не выступала в качестве утвердительного знака грамот¹⁶ (грамоты скреплялись королевской печатью).

Указание на "знак судьи" встречается также в первом писаном своде норм польского обычного права — Польской Правде XIII в.¹⁷ Этот факт позволил польским ученым заявить о существовании в раннефеодальном польском государстве специальной печати для вызова в суд¹⁸.

Законодательный памятник Польши XIV в. — Статут короля Казимира III 1347 г. — содержит специальную статью "О печати отцевской детем", устанавливающую порядок оформления (скрепления печатью) документа, касающегося одной семьи¹⁹.

Можно привести и другие примеры, подтверждающие упрочение правового статуса печати путем включения соответствующих статей в различные европейские средневековые законодательства²⁰.

Включение статей, так или иначе фиксирующих функциональные свойства печати, в законодательные памятники — это свидетельство повсеместного признания за ней силы правового атрибута. Осмысление печати как юридического атрибута повлекло за собой формирование понятия "право печати", с которым мы встречаемся практически во всех сфрагистических и во многих дипломатических трудах западноевропейских исследователей вплоть до сегодняшнего дня (например: известная книга Э. Киттеля "Siegel" содержит специальный раздел "Право печати")²¹. Под "правом печати" понимается комплекс ее функций, становление которых осуществлялось на протяжении многовековой ее истории.

В большей или меньшей степени история печати изложена в обобщающих сфрагистических работах западноевропейских ученых (Г. Зейлера, В. Эвальда, Т. Ильгена, Э. Киттеля, А. Лекой де ля Марша, И. Метмана, в коллективном труде польских ученых "Sfragistyka" и др.), в мировой исторической литературе библиография работ, в которых исследуются печати, насчитывающая тысячи названий, занимает значительное место²².

И все же приходится констатировать, что многие моменты эволюции печати как элементы общественно-правовой жизни, утвердившейся в качестве института в глубокой древности и сохранившей этот статус до сегодняшнего дня во всех государствах мира,

остаются гипотетическими. Начать с того, что классическое определение печати, данное в труде Ильгена²³, постоянно модифицируется²⁴. Причина не в том, что первая дефиниция неверна, скорее, она стала неабсолютной в связи с "расширением" или углублением сфрагистического исследования. "Расширение" предполагает выход за рамки "латинского" культурного региона, которыми ограничивалось сфрагистическое исследование во времена Ильгена, т.е. в начале нашего столетия.

Экстенсивность в изучении института печати выражается в расширении анализа сфрагистических памятников, принадлежащих к другим культурным регионам: византийскому, османскому, арабскому, что, впрочем, касается и дипломатики этих регионов²⁵.

В плане интенсификации исследования печатей перспективным считается их научное осмысление в рамках изучения места печати в средневековой юриспруденции, в частности вопроса о роли документа в судебном доказательстве в эпоху феодализма²⁶.

Ранее разрабатываемые аспекты традиционного сфрагистического исследования, включающие анализ печати как произведения искусства или необходимой составной части акта, вливаются в комплекс проблем, поднимаемых в настоящее время историками права. Последние при решении таких, например, тем, как "Право и письменность средних веков"²⁷, обращаются к необоснованно забываемым ранее в исторической юриспруденции "прикладным", как их называют историки права, дисциплинам — дипломатике, палеографии, геральдике, сфрагистике и нумизматике. (Специалисты в области названных дисциплин также не проявляли, как известно, в большинстве случаев какого-либо интереса к результатам историко-правовых исследований.)

Этот интерес правоведов к институтам, история которых может быть выяснена лишь при всестороннем научном анализе, вбирающем в себя и результаты развития ряда вспомогательных исторических дисциплин, предопределяет новый подход к разработке самих названных дисциплин, формированию определенных аспектов разработки.

В то же время интенсифицируется локальное сфрагистическое исследование (пример тому в советской историографии — изучение древнерусских вислых печатей, печатей Золотой Орды²⁸), в результате которого не только модифицируются постулаты, но и формируются новые взгляды на значение печати в различных социальных условиях, фиксируются неизвестные ранее закономерности эволюции печатей, детализируются обстоятельства развития института печати с теми или иными хронологическими, территориальными, личностными лимитациями и пр.

В кругу этих проблем приобретает особое значение четкость исходных позиций, с которых рассматриваются становление и эволюция правовых функций печати, в частности соотношение печати и знака собственности. Можно ли между ними поставить знак равенства?

Вопрос о знаках собственности (signum, Merke, Zeichen, Haus- und

Hofmarken etc.), прикладывавшихся к различным вещам: сосудам, орудиям производства, скоту, к другим предметам движимой и недвижимой собственности, — давно уже упрочился в литературе²⁰. Развились они, по-видимому, из первобытных амулетов, защищавших владельца от злых сил, и по своему художественному воплощению навсегда сохранили следы примитивных амулетов — в большинстве случаев знаки имеют геометрический характер рисунка. Эти знаки были в употреблении, а применялись они у всех народов, являясь фактом повседневной жизни, до XVIII — XIX вв.

Как одна из форм, выражавших и доказывавших права собственности, они зафиксированы на сосудах, обнаруженных в Египте еще в V тысячелетии до н.э.²⁰. Как о юридических знаках, определяющих права собственности, говорится о них в самых ранних варварских законах.

Г.Г. Хомайер приводит сведения³¹ из восьми различных варварских прав, относящихся к V — IX вв., в которых фигурируют знаки (signum): 1) на деревьях — иногда как пограничные, иногда как знаки собственности (автор отмечает, что они имеют форму так называемого андреевского креста или подковы; по его мнению, в этом проявляется безусловное влияние римлян, которые использовали эту форму креста в качестве *Grenzenzeichen* — пограничного знака); 2) на животных — как знак собственности (с невнятным указанием на способ помещения); 3) на свободном конце жезла (посоха, палки); 4) как знак судьи (без детального разъяснения). В последующие столетия использование подобных знаков как одного из средств, определяющих права собственности, в Европе получило повсеместное распространение³². Подчеркиваю — одно из средств, ибо в трактатах, памятниках обычного права, официальных законодательствах они не идентичны другим опознавательным знакам (служившим и знакам собственности) — печатям, гербам. В средневековой Европе Hofmarken, превратившись в Hausmarken, использовались преимущественно в промышленной и торговой деятельности купечества. Постепенно они видоизменились: вместо примитивной изобразительной формы начали употребляться буквы, затем инициалы владельца.

Несомненно, что печати в своих истоках близки к этому рода знакам³³, хотя впоследствии становится очевидным их функциональное различие. (По-видимому, в изобразительной форме различие выразилось в замене простейшего геометрического рисунка знаков сложной художественной композицией, характерной уже для печатей Древнего Египта и Вавилона).

Первичная функция печати, что признается всеми исследователями печатей, — охранная, “закрывающая”. У древних египтян слово “печать” было идентично понятию “запирать”, “закрывать” какую-либо емкость³⁴. На какой ступени социально-экономического развития общества впервые появилась потребность в печатях, которые уже не только отмечали, что вещь, снабженная ими, является личной собственностью владельца, но и ставили ее под определенную охрану? Случилось ли это еще при родовом строе, в процессе

расслоения родовой общины, когда у отдельных представителей начали скапливаться богатства, или же печать вошла в употребление лишь с образованием государства, учреждения, "которое, — как утверждал Ф. Энгельс, — не только ограждало... вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало... прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило... высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило... печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств"³⁵?

В трудах буржуазных ученых имеются довольно неопределенные высказывания по этому вопросу. Э. Киттель, например, заявляет, что "как средство охраны собственности печать символизировала победу права над силой, когда легко поддающаяся удалению печать становится сильнее крепких замков..."³⁶.

Советская исследовательница М. Максимова высказалась более компетентно. Она сформулировала свою точку зрения еще полвека назад, но, к сожалению, последняя осталась малозамеченной в специальной литературе. Сравнительный анализ памятников сфрагистики греческих полисов Северного Причерноморья и аналогичного археологического материала, относящегося к скифскому родовому обществу, позволили автору связать возникновение института печати с определенной ступенью развития человеческого общества. Максимова увязывает эволюцию печати со становлением систем знаков собственности. Она считает, что с точки зрения юридической природы печать "выросла" из метки, клейма — "предпечати". Из последней развилась печать во всех разновидностях форм и функций, присущих ей впоследствии. Знак-метку мог иметь любой член общества. Родовое общество, по наблюдениям Максимовой, даже в последней стадии своего развития не имеет еще надобности в печатях. Максимова определяет рубеж превращения метки в печать: это появление института частной собственности, существование которой явилось предпосылкой для развития определенной функции печати — охраны собственности. Печати становятся принадлежностью уже не каждого члена общества, а лишь представителей господствующего класса.

Таким образом, печать, по мнению Максимовой, институт классового общества; широкое распространение обычая пользоваться печатями должно связываться с образованием классового общества и с основанием государства как выразителя экономических и политических интересов господствующего класса³⁷.

Вопросы о функциях печати, об эволюции функций печати в древности, о рецепции определенных функций в средние века и модификации правового статуса печати в средневековье и в новое время являются вторым узлом, который пока не удалось развязать в, казалось бы, упорядоченной схеме развития этого института. До недавнего времени считалось, что одновременно с развитием охранной функции печати (применительно к письменности — запечатыва-

ние писем, распоряжений и др.) развивалась и ее функция заверения (скрепление печатью документа)³². Если запечатывание было вызвано необходимостью охранять документ от незаконного вскрытия, то заверение печатью могло служить только доказательством подлинности (веродостоинства) документа. В данном случае большое значение придавалось изображению на печати. Изображение в символической форме не обязательно имело отношение к владельцу печати; это могло быть изображение того, кто запрещал вскрытие, карал за незаконное вскрытие. Не случайно поэтому на печатях древности очень часто встречаются изображение божества, общеупотребительные символы божества или символы государственных, правовых органов. Таким образом, если закрытое печатью письмо содержало распоряжение, то печать, кроме того, что скрывала содержание, узаконивала одновременно власть того, кто обладал правом прикладывать печать. Печать в этом случае получала значение символа господствующей и административной власти.

Однако Киттель, который в своем обобщающем труде проанализировал результаты работы специалистов и исследователей печатей различных цивилизаций и регионов, пришел к выводу, что заверительная функция печати для эпохи древнейших рабовладельческих государств реконструируется лишь умозрительно. В Египте, Вавилоне и других государствах найдены матрицы печатей, часто в виде перстней. Однако, как отмечают исследователи, отсутствие реальных скрепленных печатью документов придает гипотетический характер всем научным построениям о заверительной функции печати. Пока не установлено, какое распространение нашел скрепленный печатью документ, как долго и в какой мере он утверждался у различных народов древности.

Итак, наряду с предположениями об одновременности развития обеих функций печати — запечатывания и скрепления с момента ее возникновения — существует мнение о несинхронности развития функций. Во всяком случае, функция скрепления документа печатью бесспорно устанавливается с того времени, как обнаруживаются документы, не только использующие печать как средство, скрывающее содержание, но и заверяющее текст. Несмотря на огромное количество находок матриц печатей, особенно в виде перстней, относящихся к античному времени, которые, казалось бы, давали в руки исследователей доказательства широкого правового диапазона печати, за достоверные принимаются лишь бесспорные факты. Например, находки печатей-матриц свидетельствуют об использовании в Греции печатей как средства закрытия (сокрытия) писем, завещаний, документов договорного характера при помощи оттисков на воске и глине и др. Но служили ли печати средством заверения и прикладывали ли, например, свидетели свои печати с целью заверения сделки? Положительного ответа на этот вопрос исследователи античности, как констатирует Киттель, с уверенностью дать не могут. Во всяком случае, исследователи древнегреческого частного права считают, что опечатывание как обязательный момент при оформлении завещаний, которые не имели установлен-

ного формуляра, как в римское время, в греческом праве отсутствует. Только для эллинистического Египта (с IV в. до н.э.) зафиксированы написанные на папирусе в присутствии особого чиновника завещания, заверенные завещателем и шестью свидетелями, которые ставили подписи и прикладывали печати. Последние обычно описывались.

Греческая традиция в оформлении печатей (гемм) была заимствована в Италии. Это чисто внешняя сторона явления. Что касается функций печати, то здесь, хотя римское время дает больше оснований для признания за печатью заверительной функции, неизученность античной дипломатики, малочисленность сохранившихся документов с оттисками печатей опять-таки заставляют ученых с известной долей осторожности фиксировать данную функцию. Заверительная функция печати прослеживается прежде всего в актах частногоправового содержания — долговых обязательствах, написанных на восковых табличках и скрепленных восковыми печатями. Таблички обнаружены в доме банкира погребенной под пеплом Помпеи. На основании этих и подобных находок частных договорных документов, в которых указаны свидетели и где имеются следы восковых печатей, делается вывод о правовой роли печати. Правда, с оговоркой, ибо печать была не единственным и, возможно, не самым веским доказательством подлинности документа. В. Эвальд и другие исследователи утверждают, что печать являлась дополнительным средством заверения, основным же служили подписи выдавшего обязательство и свидетелей (если они указаны в тексте)³⁹. Были ли публичные документы в римское время заверены печатью? Государственной печати не было⁴⁰. Письма и дипломы императоров опечатывались личными печатями, но опять-таки с целью сокрытия содержания. И лишь древнеримские почтовые грамоты (проезжие), которые следовало держать открытыми, имели скрепляющую их печать, которая может быть воспринята как удостоверительное средство⁴¹.

Итак, резюмируя многочисленные высказывания и предположения относительно эволюции печати как правового института, возникшего с глубокой древности, которые проанализированы в трудах В. Эвальда, Т. Ильгена, Э. Киттеля, польских ученых и в других работах, следует отметить, что большинство авторов склоняются к правовому ограничению печати в качестве заверяющего средства на определенном этапе развития общества — в древнем мире. Не печать, но собственноручно написанное отправителем письмо или официальный документ, а также подпись были лучшим критерием подлинности и достоверности. По мнению О. Редлиха, частный позднеримский документ вообще не обладал печатью, замененной институтом нотариата⁴².

Большинство исследователей печатей средневековья не улавливают прямого и "закономерного перехода от печати древности к печати феодальной"⁴³, хотя не отрицают, что в средние века печать была известна в двух охарактеризованных выше значениях. По всей видимости, употребление печати в качестве средства закрытия от

прочтения посторонним лицом, например, письма, послания и пр. явилось продолжением античной традиции, на что может указывать и форма наиболее употребляемого в раннем средневековье инструмента, с помощью которого получали оттиск, — античного перстня с печаткой. Труднее ответить на вопрос, в какой степени заверение документов античности адекватно этому же явлению в следующий период — в средневековье. Ведь основной формой заверения в греко-римском мире являлась подпись, нотариальное удостоверение и пр., но не печать, как в средние века. И все-таки, пожалуй, можно обнаружить точку соприкосновения в развитии и этой, второй функции печати на рубеже двух социально-экономических формаций. В кодексе частного римского права, оформленном в Восточной Римской империи при императоре Юстиниане (VI в.) в виде “Свода гражданского права” (*Corpus juris civilis*), встречается следующее высказывание римского юриста Венулея: “Магистраты каждой местности должны заботиться о том, чтобы желающим совершить сделку при свидетелях были предоставлены свидетели из числа их самих (магистратов) и другие свидетели либо лица, прилагающие печати, дабы таким путем сделки совершались быстрее и дабы было обеспечено доказательство совершенных дел”⁴⁴. В комментариях отмечается, что употребление в тексте слова “*testari*” свидетельствует об особой сделке, а именно о совершении завещания (*testor, aius sum, aigi* — “делать завещание”, “завещать”⁴⁵).

Все основные черты законодательства Юстиниана по вопросу о свидетелях, как считает Е.Э. Липшиц⁴⁶, сохранены, правда с некоторыми изменениями, и в Эклоге, византийском законодательном памятнике VIII в., одном из важных источников славянского права. В Титуле V Эклоги, который носит название “О (лицах), не имеющих права завещания” (имеется вариант с добавлением: “и о завещаниях письменных и устных”), говорится: “Письменное завещание делается в одно и то же время в присутствии семи достойных доверия свидетелей, призванных для этой цели и совместно подписывающих завещание и прилагающих печати. Завещатель обязан своей собственноручной подписью или знаком креста заверить имя наследника. Но если он пожелает, то он может не показывать свидетелям содержания своего распоряжения”⁴⁷.

Таким образом, в византийском праве, как и в римском, заверительная функция печати существует на “законном основании”, однако, во-первых, не доказана ее первичность как удостоверительного средства, во-вторых, она абсолютно фиксируется только в завещании. В позднеримское и ранневизантийское время имеются документы с печатями, сосуществующие с многочисленными документами, не имеющими печати, для которых заверительным средством и доказательством подлинности служит собственноручное написание тем лицом, от имени которого этот документ написан, его подпись либо подписи свидетелей. Подобная неопределенность обусловила существующий в современной литературе вывод о том, что на пороге средневековья печать, скрепляющая документ, не обладает еще теми правовыми чертами, которые свойственны печатям средневековья⁴⁸.

Некоторые авторы этот факт возводят в абсолют, считая, что печать древности и печать средневековья по сути своей не адекватны, игнорируя факты, аналогичные вышеприведенным свидетельствам о внесении статей, фиксирующих правовой статус печати, в римские и византийские законодательные памятники. Но возможно, и существует известная преемственность заверительной функции печати, пусть еще в недостаточной степени сформировавшейся и утвердившейся в античном мире, но уже фиксируемой, от древнего мира к средневековью. Средневековье не только способствовало ее дальнейшему развитию, но и внесло существенные коррективы, превратив печать на определенном отрезке развития феодального общества в единственный знак, свидетельствующий о правовой силе документа.

В раннем средневековье фиксируется новая функция печати, не известная античному миру, печать выступает в роли самостоятельного средства, независимого от документа, по смыслу идентичного последнему. Собственно, в символической форме она и представляет собой документ — удостоверение личности ее владельца. Это так называемая свободная печать, родоначальник, а возможно, и аналог *sigillum citationis*, существовавшей у славян и венгров в более позднее время.

С V в. свободная печать известна у варварских народов Западной Европы: алеманнов, вестготов, лангобардов. О ней имеются упоминания в записях обычного права этих народов⁴⁹. Считается, что в качестве свободной печати мог употребляться оттиск штемпеля (перстня)⁵⁰. (Но, может быть, и сам перстень-печать?) Вспомним, что у чехов в качестве печати для вызова в суд использовалась (сохранившаяся от начала XIV в.) металлическая печать с литой рукоятью в виде льва⁵¹, а в Венгрии аналогичная печать прикреплялась к посоху гонца⁵².

Свободная печать в виде воскового оттиска (эта печать не носит никаких следов прикрепления к документу) не только использовалась для вызова в суд, но имела и другие назначения, еще недостаточно, на наш взгляд, подтвержденные фактическим материалом⁵³.

Как появилась у варварских народов подобная свободная печать? Эвальд предполагает, что родоначальником ее (в частности, у германских варварских народов) явились знаки собственности или личные опознавательные знаки. К тому времени, как существование свободной печати подтверждается законодательствами этих народов⁵⁴, печать, по мнению Эвальда, являлась официальным опознавательным знаком судьи, служила заменой письменного судебного распоряжения, а также являлась "документом", удостоверяющим личность передающего распоряжение⁵⁵.

Возможно, эта свободная печать, получившая распространение уже на ранних этапах средневековья у многих народов Европы, является тем недостающим, по мнению ученых⁵⁶, звеном, которое связало эволюционные процессы античной печати с отпавшим моментом становления средневековой печати. Подобная связь обнаруживается и в статьях правовых памятников античности и средневе-

ковья, включающих правила оформления завещаний. Во всяком случае, так называемая свободная печать, являясь знаком удостоверения личности судьи или посольного, в силу заложенного в ней правового смысла могла внести лепту в формирование той печати, которая стала известна со времени средневековья, — печати при документе, неразрывно связанной с ним, служившей доказательством подлинности и законности, т.е. утверждающей его правовую силу⁵⁷.

Подобное качество печать приобретает не столько в результате собственной функциональной трансформации, сколько в связи с развитием средневекового письменного документа, составным элементом которого она становится. Ильген, один из общепризнанных авторитетов в области сфрагистических знаний, определяя юридическое значение феодальной печати, писал: "В средневековье печать играет роль подписи выдавшего грамоту, роль гарантии. Она служит не только средством, придающим юридическую силу содержанию грамоты, но одновременно является формальным свидетельством правильности изготовления грамоты"⁵⁸.

К данному этапу развитие печати у народов, государственные образования которых возникли в пределах древней Римской империи, подошло в результате соприкосновения с культурой, правом, делопроизводством римлян. Синтез норм, существовавших в отношении печати в античном мире, с традициями опознавательного знака варварского общества нашел выражение в постепенном отказе правителей раннесредневековых государственных образований от оформления документов с помощью подписи и печати, где в качестве знака узаконения выступала прежде всего подпись правителя⁵⁹, и переходе к заверению его при помощи печати, на которой изображался, как правило, глава государства.

В качестве печатной матрицы на раннем этапе использования печати в средневековом обществе употреблялись кольца по типу античных, а иногда и подлинные античные перстни-печатки. Инталия подобного кольца окружена была металлическим ободом с вырезанной легендой. Античные перстни-печати использовались при Меровингах и Каролингах, причем не только в качестве личных королевских печатей, но и печатей должностных лиц⁶⁰. Наряду с античными геммами применялись печати-перстни местного производства с именем суверена в виде монограммы или его портретного изображения. Известно, что уже при Меровингах перстни-печати использовали духовные и светские феодалы (епископы, герцоги). Перстни-печати служили последним для запечатывания писем⁶¹. Необходимо подчеркнуть, что в этот период никто, кроме короля, не пользовался печатью с целью узаконения документа и что за исключением королевских грамоты раннего средневековья не скреплялись печатью⁶².

Франкские короли, по мнению исследователей, знали печати уже в V в. Об этом свидетельствуют находки перстней-печаток, начиная с Хильдериха; портрет последнего можно видеть на оттиске его перстня⁶³, который, возможно, скреплял грамоту. Предполага-

ют, что к грамотам правителей лангобардов, вестготов, вандалов также прикладывалась печать⁶⁴. Подлинный королевский диплом, снабженный печатью, относится ко времени Теодориха III — к 679 г. В настоящее время сохранилось семь подлинных оттисков печатей Меровингов с 679 по 716 г.⁶⁵ На каждом из них — портретное изображение короля в фас.

По поводу печатей Меровингов в литературе существует мнение, что, несмотря на их фактическое наличие при дипломе, отсутствие указаний на печать в corroborационных формулах свидетельствует об их вторичности в качестве утвердительного средства. Гарантией доказательности в судопроизводстве являлись подписи короля и референдаря⁶⁶, как это было характерно для позднеримских публичных актов. Подписи узаконивали документ, заверяли его. Таким образом, печать с портретным изображением служила всего лишь “опознавательным знаком” выдавшего грамоту⁶⁷. Однако постепенно именно этот опознавательный знак превратился в главное заверяющее средство королевской грамоты, тем более что изображение короля, так сказать с первого взгляда говорящее о лице, выдавшем грамоту, уже само по себе свидетельствовало о ее законности. В то время как значение королевской подписи все время падало⁶⁸ (Каролинги не умели ни читать, ни писать, поэтому подпись постепенно выродилась всего лишь в черту или точку, добавляемую к кресту или монограмме референдаря), печать превращалась и в каролингское время превратилась в единственное средство скрепления королевских грамот. Забвение понятия автографии — один из характернейших феноменов утраты письменным документом своего значения, когда (с VIII в.) все чаще субскрипция пишется, а личная подпись (знак) рисуется пишущим текст, так что в X, XI, XII вв. автограф становится чрезвычайно редким фактом. Именно в этот момент печать и возвращает документу его правовую силу, из вторичного заверяющего средства превращаясь в основное.

Королевский документ, по мнению ряда исследователей, послужил образцом воссоединения документа и печати, явился своего рода переходной вехой от печати античного мира к печати средневековья, подготовил общественное сознание к восприятию печати как действительно важнейшего, даже единственного способа заверения документа⁶⁹. К выявлению причин своеобразного баналитета печати в качестве заверяющего средства королевских дипломов исследователи постоянно возвращаются, находя все новые и новые аспекты в трактовке этой традиции.

Тот факт, что печать смогла полностью вытеснить собственно-ручную подпись выдавшего грамоту, отчасти объясняется тем, и на наш взгляд это вполне правдоподобно, что изначально она была оттиском перстня, который в раннее средневековье был неотъемлемой принадлежностью короля, королевской руки, хотя уже при Меровингах его хранил референдарий (печатник?).

Немаловажную роль сыграл фактор “портретности” печати. Существующая с франкского времени традиция заключала в себе правовую функцию: в наглядной форме закреплялось в сознании под-

данных право короля (императора) на законодательную, судебную власть над ними, над их жизнью и имуществом, т.е. печать воплощала в себе овеществленную карающую силу своего владельца⁷⁰.

Считается, что при Пишпе Коротком (VIII в.) печать признается в качестве средства заверения диплома, ибо в практику входит обычай упоминать в корроборации не только о собственноручной подписи выдавшего грамоту, но и о наличии его печати — средствах удостоверения грамоты. "Anuli nostri impressio" ("приложение нашего перстня") — так первоначально отмечалось в корроборации удостоверение грамоты печатью. У германских императоров, например, вплоть до Оттона II (X в.) печать фигурировала как "anulus" — перстень, и лишь с этого времени появляется термин "sigillum"⁷¹. Примерно к этому же периоду относится окончательный отказ от античной традиции изображения короля в профиль. Его заменяет погрудное изображение в фас, постепенно добавляются королевские регалии — корона, скипетр и держава, круговая легенда с соответствующей титулатурой, затем в начале XI в. у германских императоров и французских королей появляется "тронная" печать Thronsigel или Majestätssiegel (на ней изображался правитель со всеми регалиями, сидящий на троне).

Развитие королевских и императорских печатей в европейских странах прошло несколько этапов: имеется в виду их тип и форма. Это развитие шло рука об руку с эволюцией средневекового документа, выходящего из правительственной канцелярии публичного акта.

В период своего апогея печать на королевской (императорской) грамоте становится в большинстве западноевропейских стран единственным доказательством подлинности и правовой силы, чему способствовал целый ряд факторов, еще не до конца выявленных. Однако уже и сейчас можно утверждать, что это был не столько результат общественного регресса (неумение поставить собственноручную подпись), сколько отражение иных явлений, характерных для раннегосударственных феодальных процессов, в частности связанных с оформлением государственной власти, статуса верховного правителя (короля, императора), формированием новых мировоззренческих представлений на соответствующих стадиях эволюции феодальных государств, развивающихся на руинах Римской империи. Дипломы с "визитной карточкой" короля (как бы мы сейчас сказали), не нуждающиеся ни в каком другом заверении, выражали идею безусловности королевского слова; упоминание о свидетелях, правовой статус которых определялся обычным правом у многих народов, таким образом, в королевских дипломах исключалось. Однако начиная с XI в.⁷² в королевских грамотах ряда европейских государств корроборационные формулы отмечают имена свидетелей наряду с указанием на печать. Речь идет не о собственноручной подписи свидетелей, а о написании их имен как участников составления (в королевской канцелярии) документа. В XIII в. в Польше и Чехии в королевских грамотах упоминаются свидетели — участники правового действия, однако в качестве средства, утвер-

ждающего правовую силу грамоты, выступает только печать короля⁷³. Постепенно, начиная с XIV в., дополнительно к печати на королевских документах снова появляется собственноручная подпись⁷⁴. Сначала она выступает спорадически, дополняя печать лишь на отдельных документах (во Франции, Германии), затем, например в Германии при императоре Максимилиане и его преемниках, в Польше в XV в., собственноручная подпись ставится регулярно.

В последующие столетия скрепление печатью сохраняется, но значение подписи на королевских документах возрастает, пока наконец в новое время при доказательстве правовой силы и подлинности документа первенство окончательно не закрепило за подписью.

Вышеизложенное представляет собой лишь общую схему становления печати в большинстве стран Европы (имеется в виду печать правителя) как средства, свидетельствующего о правовой силе документа или подлинности⁷⁵. В становлении печати в этом качестве наблюдаются три ступени: 1) печать используется вместе с личной подписью для удостоверения правовой силы документа, причем роль ее вторична; 2) печать является важнейшим показателем правовой силы документа, но наряду с ней критерием подлинности служит сама форма документа; 3) печать является единственным доказательством правовой силы документа и формальным доказательством его подлинности⁷⁶.

Подобная дифференциация роли печати в качестве знака правового характера не соотносится между собой хронологически. Это, скорее, стадийная дифференциация, обусловленная региональными и локальными особенностями оформления правительственных документов.

Так, можно отметить, что англосаксонские документы, выданные королями в XI в., не имеют печатей, как, впрочем, и других заверительных признаков: собственноручной подписи, указания свидетелей, не называют писца⁷⁷. Собственноручная подпись одновременно с печатью скрепляет королевские документы некоторых правителей Южной Италии еще в XII в. (например, Рожера Сицилийского). Как известно, византийские императоры также ставили свою подпись под документами внешнеполитического и внутривнутриполитического характера⁷⁸. В подавляющем большинстве случаев императорские документы скреплялись также печатью — металлической (золотой, свинцовой) или восковой (например, простагмы).

Развитие института печати в Византии представляет для нас особый интерес, ибо, как писал Н.П. Лихачев, и начало русской сфрагистики "было сделано по образцу византийской" и последующее существование свинцовой буллы — основного вида русской печати раннего средневековья⁷⁹, введенной в настоящее время в научный оборот, следовало, по крайней мере в типологическом отношении, византийской традиции⁸⁰.

Существующая литература дает самые общие представления о применении печати в Византии. Изучение металлических византийских печатей началось еще в XIX в. Обобщающие труды по визан-

тийской сфрагистике ученых различных стран широко известны⁸¹. Однако в этих трудах упор делается на типологизации металлических, а точнее, свинцовых булл, кардинальные же проблемы, связанные с правовым статусом различного вида печатей, вопросы соотношения той или иной печати и документа, скрепления печатью частного акта и пр. остаются в полной мере неразрешенными.

В начале нашего столетия некоторые русские ученые, прежде всего П.А. Яковенко, проводя дипломатическое исследование византийских грамот, рассматривали и скреплявшие эти грамоты печати⁸². Многие наблюдения Яковенко, хотя и сделанные на количественно ограниченном материале, были подтверждены полвека спустя Ф. Дэльгером, крупнейшим исследователем в области византийской дипломатики.

В настоящее время у исследователей почти не вызывает сомнения факт преемственности свинцовой печати византийцами из Рима, вернее, происхождения этой печати от римской свинцовой пломбы⁸³.

Первоначально металлические пломбы, известные римлянам еще до н.э., скрепляли лишь товары. Материалом для письма служил в то время папирус, соответствовали ему и печати — оттиски на глине. Пломбы, скрепляющие товары, были односторонними, на разогретом металлическом диске обычно при помощи кольца делался оттиск. С изменением материала для письма — появлением пергамента — изменились и печати: место глиняных оттисков заняли свинцовые, которые по виду сначала соответствовали уже известным пломбам. С изобретением в IV в. особых щипцов для оттискивания изображения на свинце — буллотирия печати приобретают вид двусторонней металлической печати-буллы. От IV в. количество подобных печатей невелико, но в V в. они начинают вытеснять печать-пломбу. Исследователи считают, что до VII в. круг владельцев буллотириев сравнительно узок, а от VII в. число лиц, использующих свинцовые буллы, все возрастает и достигает в XI в. высшей точки. В XII в. владельцев буллотириев в Византии уже значительно меньше, и постепенно этот обычай сходит на нет.

Считается, что начало использованию свинцовых печатей положила папская канцелярия. Самая древняя папская печать (VI в.) дошла, однако, только в виде рисунка, а подлинное послание папы, скрепленное печатью, — от IX в.⁸⁴. Известно, что византийские императоры со времени Юстиниана (VI в.), а может быть и раньше, также скрепляли акты свинцовой буллой⁸⁵. Эта печать на ранних этапах своего бытования, по-видимому, сосуществовала с восковой печатью, сделанной оттиском императорского перстня. При явной преемственности Византии от Рима самого процесса скрепления печатью императорских документов и широком использовании всем раннесредневековым миром пришедшего из древнего мира обычая употреблять в качестве охранительного средства оттиск перстня-печатки в этом вряд ли можно сомневаться. В то же время приоритет свинцовой буллы в жизни византийского общества VI-XII вв. ученые считают несомненным⁸⁶. Не случайно этим печатям, число ко-

торых в результате новых находок с каждым годом увеличивается, и уделяется основное внимание исследователями византийской сфрагистики.

В отличие от свинцовых печатей, которыми пользовались императоры, деспоты, патриархи⁸⁷ и другие архонты, а также все должностные лица Византии, имевшие какой-либо чин, как пишет Лоран, все интеллектуалы, ученые монахи, клерки, принадлежавшие к разным слоям населения и занимавшие различное общественное положение, печати из других металлов (золотые, серебряные), а также восковые сохранились в небольшом количестве, восковых же, кажется, вообще не осталось. Однако сохранились перстни-печатки для их оттискивания, причем ранние по времени (V—VI вв.). Металл перстней (бронза) свидетельствует об определенном социальном статусе владельца. Иконография близка аналогичному по времени монетному типу⁸⁸, а также изображению на императорских буллах этого же времени⁸⁹.

Подобно тому как различные виды императорской подписи, исполняемые согласно указу императора исключительно красными чернилами, сопровождали различные по важности и торжественности вышедшие из императорской канцелярии документы, императорские печати также отличались друг от друга и по материалу (золото, очень редко серебро, свинец, воск), а золотые по весу (1; 1,5; 2; 3; 4 солида), и по правомочности. Если булла вообще и золотая булла в частности употреблялась в Византии для удостоверения правомочности и подлинности документа, то о восковой печати простагмы (императорское постановление, распоряжение внутригосударственного характера) высказываются не столь определенные суждения. На первое место, по крайней мере в начальный период существования этого рода документов, выдвигается использование печати в качестве средства сокрытия содержания, запечатывания⁹⁰. Документ свертывался в трубку или складывался особым образом, обматывался шнуром, на который и накладывался восковой оттиск печати-перстня (впоследствии восковая двусторонняя печать привешивалась).

Привилегией императора, помимо подписи красными чернилами, являлось скрепление особо важных внутригосударственных и международных актов золотой печатью (хрюса булла — золотая булла), отсюда название определенных актов хрисовулы. Дэльгер относит появление этих актов к IX в., первая же золотая булла, скреплявшая императорский хрисовул, сохранилась от середины XI в.⁹¹ Предшествовали золотым буллам, удостоверявшим императорские грамоты, буллы-медальоны, буллы-подарки, которые сопровождали, в частности, международные послания, письма (Auslangsschreiben, rotulus — они свертывались в трубочку, колесом). Дэльгер высказал мысль⁹², поддержанную рядом исследователей западноевропейских булл⁹³, о том, что добавление к посланию, в котором нет никакого упоминания о скреплении его печатью (немногочисленные сохранившиеся подлинники подобных посланий, как показал Онзорге, не несут следов опечатывания), проистекает из

обычая ранневизантийского времени, а тот, в свою очередь, из римского обычая, награждать вождей варварских народов золотыми медальонами разного веса. Еще в X в. буллы-медальоны различались по весу и известны в этом качестве, т.е. в качестве дара, а не как утвердительный знак, и в XI в.

Применение золотых медальонов в качестве знаков императорской милости при международных посланиях византийских императоров постепенно все-таки прекращается. Международные договоры в обязательном порядке начинают скрепляться золотой императорской буллой, а к письмам прикладывается восковая печать. Последняя прежде всего сохраняла в тайне содержание письма, ибо его нельзя было открыть, не сломав печать, поэтому восковые печати и не сохранились до настоящего времени. Но об их существовании, по мнению Дэльгера, свидетельствовал тот факт, что на внешней стороне сложенного текстом внутрь письма при написании адреса между словом "басилевс" и именем получателя имеется свободное место. Здесь-то и была приложена печать с изображением, именем и титулом византийского императора⁶⁴, как считает исследователь. Об изображении на подобной печати Дэльгер высказывается не вполне категорично. Так как ни одной восковой императорской печати не сохранилось, из копий известно только, что они представляли собой оттиск императорского перстня, исследователь в качестве возможной аналогии указывает на восковую печать под бумажной кустодией, имеющуюся при международном письме последнего византийского императора от 1451 г. На ней действительно просматриваются контуры императорской фигуры и круговой (по западноевропейскому образцу) легенды с титулом⁶⁵.

Подобную же роль играли золотая булла и восковая печать во внутригосударственном делопроизводстве. Упорядочение их применения, как считает Дэльгер, относится к рубежу IX-X вв. и является результатом реформы византийской канцелярии, осуществленной императором Львом VI. Ко времени его правления относится официальное упоминание об императорском документе (привилегии), скрепленном золотой печатью⁶⁶. Таким образом фиксируется создание особой формы императорского акта (пожалования), который по своему содержанию и форме отличается от также широко известного императорского документа-простагмы. Не акцентируя внимание на этих отличиях, отметим только среди прочих наличие у простагмы восковой печати. О печати простагмы, которая, как и хрисовул, с этого времени приобретает свою определенную дипломатическую форму, Дэльгеру известно мало. Он указывает, что очень немногочисленные сохранившиеся оригиналы простагм не имеют ни следов от прикладной печати, ни дырок, которые бы свидетельствовали, что простагма скреплялась вислой печатью. Из этого, по мнению Дэльгера, следует, что восковая печать простагмы служила для закрытия и сохранения в тайне содержания документа и прикреплялась к шнуру, обвязывающему (обматывающему) документ. Подобный способ закрытия, кроме прикладывания восковой печати ("обычной", "общеупотребительной" — прочитал иссле-

дователь в копиях), не исключает и использование вислой восковой печати, двусторонней — “диптихос”, как отмечалось в копиях⁹⁷. Вопрос об изображениях на лицевой и оборотной сторонах восковой двусторонней печати остается открытым. Золотая же булла византийских императоров, по крайней мере с середины XI в., сохраняла устойчивый иконографический тип: на лицевой стороне (по словам Дальгера, сами византийцы считали эту сторону лицевой) изображался базилией базилеев Иисус Христос (погрудно, стоящий, сидящий на троне), правой рукой делает жест благословления, в левой руке держит книгу Нового Завета; на оборотной стороне — земной наместник Иисуса Христа, византийский император (погрудно, стоя) в императорской одежде, со знаками императорской власти. Претерпевали изменение (исчезали, появлялись вновь) лишь отдельные иконографические элементы (например, при Михаиле VIII Палеологе появляется выходящая из облака рука, коронующая императора), элементы легенды⁹⁸.

Повторяли тип золотой императорской буллы свинцовые печати, которые как заместитель золотых булл оставались при официальных копиях в императорской канцелярии. Император использовал свинцовые буллы в личной переписке⁹⁹. Дальгер не исключает применения свинцовых булл не только в делопроизводстве Византии, но и для опечатывания облагаемых пошлиной товаров¹⁰⁰.

При Палеологах Византия заимствовала некоторые западноевропейские правила оформления документов. Что касается императорских печатей, то после завоевания крестоносцами Константинополя и основания Латинской империи они приобрели сугубо западноевропейский вид: скачущий на коне рыцарь, сидящий на троне император, круговая легенда¹⁰¹. Реставрация империи (1261 г.) повлекла за собой возврат к обычному византийскому типу печати, однако наблюдается постепенный отказ от употребления свинцовой печати¹⁰². В конце существования империи в Византии появляются красновосковые, а также оттиснутые через бумагу печати, что можно рассматривать как подражание делопроизводству Западной Европы¹⁰³.

Вышенаписанное представляет собой сжатое изложение самых общих сведений о византийской сфрагистике. Проанализированные в комплексе, эти факты интересны не столько сами по себе, сколько в плане осмысления этапов развития института печати, формирования функциональных признаков печатей на фоне и в зависимости от внутрисударственного развития, международного статуса Византии, общеевропейских коллизий.

Если в ранний период с определенной долей уверенности именно в свинцовой булле можно видеть основное средство скрепления внутрисударственных актов, а также констатировать ее использование во внутрисударственной переписке (не исключая, конечно, применение в этом качестве и восковых печатей-оттисков, сделанных перстнем), то с конца IX — начала X в. как основное средство скрепления внутрисударственных публичных актов выступает золотая булла, впоследствии скрепляющая и международ-

ные договоры. В ранневизантийский период международные послания византийских императоров, написанные на пурпурном пергамене золотым шрифтом, не нуждались, по мнению Дэльгера¹⁰⁴, в золотой печати как скрепляющем средстве. Она существовала лишь в качестве медальона-подарка. Наконец, при Палеологах наблюдается постепенный отказ от свинцовых булл, переход к самому широкому использованию восковых печатей и печатей под бумажной кустодией, что типично для западноевропейского делопроизводства этого времени. Характерной чертой является отсутствие в Византии общегосударственной печати¹⁰⁵.

Проблема византийской сфрагистики не может не возникнуть и в плане исследования взаимовлияний особенно на ранних этапах развития этого института в средневековых государствах. В настоящее время наука ушла вперед по сравнению с тем, как решался данный вопрос во времена Эвальда и Ильгена, когда проводилась резкая грань между функционированием восковых печатей к северу от Альп и металлических к югу от Альп¹⁰⁶. Общепринятое деление на регионы по материалу печати сейчас уступило место иной, более сложной градации как в связи с углублением представлений об институте печати в целом, так и благодаря накоплению сфрагистического материала и его тщательному научному анализу в отдельных странах.

В частности, исследователи западноевропейской буллы уже отказались от взгляда на нее как на явление в Западной Европе случайное. Черту под спором по поводу времени появления металлической буллы в канцеляриях западноевропейских правителей повела публикация Шраммом свинцовых булл Карла Великого¹⁰⁷. Они были в употреблении, как считают исследователи, еще до коронации Карла Великого императором в 800 г. Иконография королевских свинцовых булл Карла Великого, как, впрочем, и его императорской свинцовой буллы, отличается от византийских¹⁰⁸. Изображение, помещенное на оборотной стороне буллы, и круговая легенда RENOVATIO ROMAN. IMP. (интерпретация библейского текста) внизу под рисунком городских ворот — ROMA, по мнению исследователей, символизирует адекватность прав императоров Византии и империи франков¹⁰⁹.

Хотя подлинных золотых булл Каролингов не сохранилось, ряд ученых все-таки связывают их появление именно с этой династией¹¹⁰. Дискуссионным остается вопрос об изобразительном типе ранних западноевропейских золотых булл (первая дошедшая до нашего времени западноевропейская булла датируется XI в.¹¹¹), вернее, о том, в какой мере византийская золотая булла могла оказать влияние на ее формирование. В свете дипломатических построений Дэльгера на формирование ее типа могли оказать влияние не столько византийские золотые буллы, сколько буллы-медальоны, приложенные к посланиям византийских императоров в Западную Европу. Здесь речь встает о реконструкции их типа (учитывается также возможность влияния византийских монет даже более известных в Западной Европе, чем печати), что и предпринимает Онзорге¹¹².

О византийском влиянии на формирование типа императорской печати Западной Европы пишут многие исследователи. Так, В. Мессерер усматривает воздействие Византии на создание императорского портрета в фас со скипетром и державой, который появился на печати Оттона I после коронации его императором в 962 г.¹¹³ По мнению автора, это изображение императора в фас, сменявшее профильное изображение (по аналогии с римскими императорами), надо рассматривать как политический акт, равноценный принятию нового титула. Еще дальше пошел Онзорге, анализируя печати Оттона III, который уже на первых императорских печатях, что показательно — восковых, изображался в полный рост, как византийский император, демонстрируя таким образом отказ от двухсотлетней западноевропейской традиции поясного портрета. Онзорге доказывал, что известная от 997 г. печать Оттона III, где он предстает сидящим на троне, подобно фигуре Иисуса Христа на византийских золотых буллах, предопределяет появление последующей типичной для западноевропейской сфрагистики тронной печати¹¹⁴.

Естественно, что вопрос о булле в западноевропейской сфрагистике, о формировании ее типа лишь на первый взгляд носит фактологический характер. В действительности этот вопрос трактуется, правда в предположительном ключе, гораздо глубже, предполагая, в частности, как взаимообусловленность идеологических и культурных влияний, так и их контрастность¹¹⁵. В подобном же контексте делаются попытки рассмотреть и первые печати болгарских, сербских и других суверенов этого региона¹¹⁶. Однако в целом подобные наблюдения мало соотносятся как с новыми находками в Южной и Западной Европе металлических булл, так и с фактом скрупулезного изучения института буллы в Древней Руси, что не может не влиять на целостность и научную обоснованность выводов в отношении начального этапа, эволюции, причин отхода от использования буллы в дипломатической практике (включая Византию), ее правового статуса, особенно при рассмотрении одного из кардинальных вопросов средневековой сфрагистики — становления печати как средства скрепления частного акта.

Неоднократно упоминаемый здесь автор обобщающего сфрагистического труда Киттель, подводя итог проделанной работе по исследованию печатей древности, анализируя наблюдения своих многочисленных предшественников, пришел к выводу относительно функциональной целостности печатей разных эпох, усматривая дисгармонию в развитии этого института при переходе от древности к средневековью. Новые археологические находки дали в руки ученых неоспоримое, с точки зрения Киттеля, доказательство существования развитого института печати с глубокой древности. Речь идет о находке не только матриц для оттискивания печатей, которые не одно столетие находились в поле зрения исследователей, но и оттисков в виде обожженных комочков глины с изображениями, иногда с отверстиями для шнура, что даже позволило называть их "буллами". Обратная сторона глиняных комочков иногда несет следы "объекта", на котором они оттискивались: канавки от шнура,

следы ткани или волокон папируса. Большие скопления подобных глиняных оттисков появились в результате пожаров, уничтоживших предметы, с которыми были соединены печати. Скопления их наблюдаются в ряде бывших храмовых и дворцовых комплексов на территории Египта, Сирии, Турции, о-ва Крита и локализируют древние архивы, относящиеся ко времени II тысячелетия — II в. до н.э. Доказательством связи этого рода печатей с документом служат находки глиняных клинописных табличек, на которых сделаны оттиски не только хорошо известных цилиндрических печатей, но и вышеназванных круглых и овальных печатей. Прочтение клинописных памятников позволило определить, что государственные архивы содержали как внутризэкономическую документацию, так и внешнеполитическую корреспонденцию; обширная хозяйственная документация хранилась и в известных частных месопотамских архивах II тысячелетия до н.э.

Образцы документов частногоправового характера (например, завещаний), написанных на папирусе, предоставили в руки исследователей находки из Элефантины (Египет, IV — III вв. до н.э.). При них сохранились и печати-оттиски. Однако последние лишь скрепляют свернутые трубкой папирусы, скрывая текст от прочтения, но не утверждая, не заверяя его.

Оценку древнегреческих сфрагистических памятников Киттель предпринимает, исходя из анализа не только данных археологии, оперирующей тысячами найденных в земле гемм, но и из сообщений разного рода письменных источников. Это позволяет ему следующим образом высказаться о правовой функции печати на данном этапе: печать в древнегреческом мире использовалась не только для закрытия всевозможного рода хранилищ или хранений, но также письма, завещания, договоры и документы прочего рода были закрыты при помощи воскового или глиняного оттиска. Были ли документы не только закрыты, но и заверены, прикладывали ли свидетели свои печати к завещаниям (что наблюдается в отношении вышеназванных египетских папирусов)? Хотя абсолютно четкого ответа на эти вопросы в книге Киттеля мы не найдем, однако по его апелляции к специальным трудам по греческому частному праву, где утверждается, что скрепление печатью как необходимое действие при создании документов сделочного характера в греческом праве не имеет места и что греческие завещания в отличие от более поздних римских не были написаны по установленной форме, можно судить и о его собственной оценке места печати в древнегреческом делопроизводстве. Тем более что на территории собственно Греции в отличие от ее колоний, например, Селины на о-ве Сицилия, глиняные оттиски-печати не обнаружены. И вообще, по замечанию Киттеля, неожиданным, недостоверным является факт, что, за исключением помпейских восковых табличек со следами печатей, ни в Греции, ни в Италии классической эпохи практически не было найдено оригинальных документов с печатью, что, конечно, не может не влиять на степень абсолютности выводов о функциональной эволюции печати. Тем не менее Киттель довольно

четко формулирует свою точку зрения. По его мнению, древневосточное, греческое и римское право может признать печать в качестве отличительного знака собственности и средства, при помощи которого осуществляется сокрытие содержимого (в том числе запечатывание письма); в определенной степени печать служила удостоверением личности; использовалась она также и как средство заверения документа, однако никогда не играла основополагающую роль в утверждении правовой силы документов сделочного характера.

В римском праве, пишет Киттель, наблюдается использование печатей свидетелей для сокрытия содержания завещания, но одновременно имелись их подписи, и причем это делалось только в завещаниях. Однако, по мнению Киттеля, из этого факта все-таки не следует исходить при реконструкции модели средневековой печати, скрепляющей частный акт. Элемент преемственности, особенно заметный, когда речь идет о лицах духовного звания, можно усмотреть только в использовании печатей при частной переписке.

Другое дело печать суверенов (печати публичных актов в традиционном понимании этого термина). Здесь Киттель усматривает единую линию развития ее правового статуса прежде всего как знака власти со всеми вытекающими, свойственными как древности, так и средневековью ритуальными аспектами (например, упорядочение хранения кольца-печати суверена, передачи печати, символизирующая передачу власти, и т.д.)¹⁷.

Киттель не оригинален в попытке, во-первых, выделить сам вопрос о становлении печати частного акта, во-вторых, оценить ее существо с точки зрения судебного доказательства. Его предшественники — исследователи печатей, специалисты по дипломатике на разных уровнях доказательности анализировали ту же проблему. Небезынтересна она оказалась и для юристов, изучающих средневековое право, которые трактуют ее как проблему, затрагивающую вопросы юрисдикции, и прежде всего вопрос доказательства в судебном процессе, ибо документ из-за изменения доказательного права в средневековье получил совершенно иную функцию, чем в классическом римском праве¹⁸. Следует, правда, подчеркнуть, что "подключение" юристов внесло и дополнительные диссоциации во взгляды на сам термин "частный акт", что проистекает из принципиально отличного от дипломатистов подхода к письменному тексту — рассмотрению последнего исключительно с точки зрения его доказательного значения (в судебном процессе)¹⁹.

В рамках настоящего изложения, цель которого состоит в выявлении общей линии развития института печати как такового (разумеется, опираясь на предшествующий исследовательский опыт), не имеет смысла вдаваться в суть споров юристов и дипломатистов по поводу терминологии, споров дипломатистов разных школ (французской и немецкой), утверждающих или отрицающих влияние римских правовых традиций в сфере частного акта, и пр. Интересным на фоне этих споров является для нас один момент: проследить, каким способом осуществлялась доказательность и роль печати в процессе роста (скажем так) доказательности частного акта.

Итак, в государственных образованиях раннего средневековья, возникших на территории бывшей Римской империи, для утверждения королевских и императорских грамот использовались подпись и печать. Печать смогла ее заменить, так как сначала ассоциировалась с перстнем, с королевской рукой, именно перстень фигурировал в качестве печати в корроборационных формулах первых королевских дипломов. Затем, когда вместо "перстия" (*anulus*) в корроборационных формулах появляется "печать" (*sigillum*) или оба эти слова начали употребляться как идентичные понятия в канцелярской практике¹²⁰, то для демонстрации факта, что все, что написано, также исходит от короля, от его лица, на печатах действительно появляется "лицо", портрет короля заменил его руку. Упоминание о печати, если рассматривать королевскую грамоту в дипломатическом аспекте, вошло в утвердительную формулу, сама печать стала неотъемлемой частью акта, по существу она и венчала становление публичного акта средневековья. Не трудно, таким образом, заметить, что печать средневекового публичного акта свойство основного его утверждающего средства обрела не сразу, она прошла какой-то этап "неполной" юридической силы.

Большинство западноевропейских исследователей, даже те из них, кто усматривает в раннесредневековом частном акте преемственность античных традиций¹²¹, пишут о том, что позднеримские частноправовые документы не несут печати. Их доказательность подтверждается заверением нотариального характера¹²². Какое-то время подобный порядок существовал и в государстве франков, прослеживаются черты упорядочения оформления частного акта в ранневизантийских законодательных предписаниях¹²³. Однако возникает ряд трудностей, когда речь заходит о частном акте раннего средневековья.

Одни исследователи, к ним, например, принадлежат многие современные французские ученые, категорически заявляют, что частные акты раннего средневековья никогда не скреплялись печатью. "С того дня, когда к частному акту будет привешиваться или прикладываться печать, — пишет, например, Тесье, — этот документ будет относиться к другому дипломатическому течению"¹²⁴.

В данном высказывании явно прослеживается позиция отнесения всех документов (письменных текстов), в которых зафиксированы юридические действия частных лиц, изготовленных "со времени варварских нашествий до введения нотариального режима или режима печати", к той категории, что носит "условное наименование частных актов раннего средневековья". По поводу доказательности этой категории документов Тесье высказывается также недвусмысленно: "В огромном большинстве частные акты раннего средневековья низведены до уровня опосредованно доказательных документов, т.е. они лишь способствуют облегчению доказательства, основанного на свидетельском показании, предоставляя список свидетелей, которые могут быть вызваны в суд, чтобы подтвердить факт совершения юридического акта. Во всяком случае, именно такое

впечатление они производят на наши требовательные умы, но это не означает, что в неразвитом социальном комплексе первых веков феодализма текст, имеющий чисто свидетельское значение в глазах нашего современника, не мог составлять как таковой в глазах судей серьезную презумпцию в пользу того, кто мог его предъявлять¹²⁵.

Сторонники другой точки зрения, среди которых приоритет принадлежит немецким дипломатам, считают, что тот тип документов, который получил условное наименование частных актов раннего средневековья, так как они не несут никаких следов заверения, не могут поэтому служить доказательством (в суде)¹²⁶. Это относится к странам обычного права, которые не знали вовсе или не усвоили традиции письменного права и где отсутствует система нотариата. Речь ведется прежде всего о варварских народах, проникших на земли Римской империи и обосновавшихся здесь. Понятие письменного документа было им чуждо. Им было известно лишь доказательство, основанное на свидетельском показании (не исключая, конечно, присягу, поединок). Для заключительных договоров об обязательствах и передаче собственности они пользовались иными, чем текст, формальными, способами. Соприкоснувшись с техникой составления письменного документа в том виде, в котором он был принят у романизированных народов и римлян, они усвоили ее (как усвоили в конечном итоге оформление публичных актов), но существенно изменив (не усвоив нотариальный способ заверения) и введя присущие им юридические понятия. Согласно обычному праву, сделку сопровождал соответствующий обряд, при котором присутствовали свидетели, ее гаранты. Исследователи признают, что не исключалось и письменное оформление сделки, вернее, запись самого действия, однако эта запись (то или иное письменное волеизъявление) не имела безусловной юридической силы, а приобретала последнюю для определенного круга лиц, которых эта сделка касалась, ограничиваясь актом вручения упомянутой записи заинтересованным сторонам¹²⁷.

Двудеиный процесс развития права и документа привел к тому, что со временем по своему правовому значению (для суда) частный акт становится адекватным публичноправовому акту; внешние признаки последнего также "переходят" на частный акт. К числу этих признаков принадлежит и печать. В скреплении печатью усматривается формальное подтверждение передачи грамоты, так что скрепление становится, по сути дела, суррогатом церемонии вручения грамоты. Здесь можно зафиксировать и рудименты предшествующего этапа, например обязательное присутствие в момент скрепления печатью свидетелей (или свидетеля) сделки. Можно рассматривать этот этап как определенную ступень не вполне еще "созревшего" удостоверения акта, в которой усматривается еще удостоверение сделки. О подлинном удостоверении (когда акт — письменный документ определенной формы, куда включается и удостоверительная часть с обязательным упоминанием скрепления печатью определенным официальным лицом) можно говорить после

того, как эти предварительные стадии пройдены, а наличие печати является единственным средством доказательности. На этом этапе в той или иной форме правовой статус печати фиксируется письменными памятниками права. К подобному "состоянию" частный акт в разных странах приходит в разное время, но в рамках их исторического развития прослеживается относительная хронологическая последовательность действий по приданию письменному тексту все большего и большего доказательного значения.

Институт табеллионов (профессиональных писцов, нотариусов) проник в римскую Галлию V в. Правда, он не оставил здесь никаких следов ни в варварских законах, ни в практических документах¹²⁸. Правда, во Франкском государстве, например, существовавшие еще какое-то время профессиональные писцы при графских судах, своего рода судебные секретари, вели записи юридических решений по спорным вопросам, а также кратко записывали содержание решений судов обычного права, проходивших в различных населенных пунктах графств. Однако государственная власть не обладала их деятельностью в подведомственный ей институт нотариусов, подобно существовавшему в Римской империи, и, как пишет Тесье, на территории современной Франции (б. Галлия) даже следы деятельности писцов, могущих быть наделенными государственными полномочиями, в IX в. исчезают. С этого времени для составления текста обращались просто к тем, кто умел писать. Практически духовенство, монахи, личные секретари крупных феодалов владели пером. Но это были частные лица, написанный ими документ не имел доказательной силы, если по его предъявлению не оказывалось в живых упомянутых в нем свидетелей. Западноевропейская литература не дает удовлетворительного ответа на вопрос о дипломатической форме подобных записей. Более того, Тесье называет "химерной попытку систематизации характерных признаков частных актов раннего средневековья"¹²⁹, а Редлих говорит о "деградации частной дипломатики"¹³⁰.

С достаточной определенностью Зиккель отрицает удостоверение частных документов Каролингами с помощью подписи и печати¹³¹. Но наряду с королями печатями обладали светские и духовные лица высокого ранга. Для заверения собственных грамот (пожалований, договоров и т.п.) крупные светские феодалы, архиепископы, епископы начали использовать печать с того времени, как она утвердилась в качестве единственного заверяющего средства в королевских дипломах, т.е. примерно с начала X в.¹³².

Хотя исследователи западноевропейской сфрагистики называют различные конкретные даты появления в Западной Европе первого некоролевского документа, где в качестве основного удостоверяющего средства фигурирует печать, и затрудняются в выборе владельца этой печати — одни называют светское лицо, другие — духовное¹³³, — в целом они рисуют одинаковую картину постепенно расширяющегося использования печати разными слоями средневекового общества. В X в. печатью скрепляли грамоты герцоги, архиепископы, епископы. Начиная с XI в. почти все документы еписко-

нов Германии и Франции были с печатями, в XII в. к ним присоединились английские. В то же время значительно расширяется круг духовных лиц, обладающих печатями: это аббаты, учредители и настоятели монастырей, каноники и др. — как отдельные лица духовного звания, так и различные духовные коллегии, соборные капитулы и пр., а также светских. В XII в. ряд немецких городов имел собственную печать, с XIII в. применение печати в кругах европейского рыцарства становится почти повсеместным, от этого времени известны печати бюргеров и даже крестьян¹³⁴.

Элементы моды, несомненно, присутствуют при рождении столь "массированного" явления европейской жизни. Налицо и явные "удобства" — применение штемпеля, оттискивающего на воске "визитную карточку" владельца, даже для неграмотного человека было просто и надежно. Памятуя о том, что широко распространение печати включает в себя использование ее в различных сферах жизни, и прежде всего в традиционной — для закрытия, сокрытия, обозначения собственности и удостоверения личности владельца (например, в виде пломб, печатей торговых домов и пр.), все же подчеркнем, что нас интересует ее утвердительная функция в акте. Авторы ряда дипломатических работ констатируют, что с XII — XIII вв. можно говорить о становлении средневековой грамоты в качестве законного документа в форме грамоты, скрепленной печатью¹³⁵. Подобная печать имела значение подписи. Печать удостоверяла реальность изъявления воли, зафиксированной в акте, и придавала документу достоверность. Любое лицо, владеющее печатью, могло составить дарственную, завещание и др., скрепив документ своей печатью. Однако был ли он доказательным (в суде)? В указанный период распространения личных печатей лишь определенные печати придавали тексту исключительное доказательное значение. Это так называемые аутентичные печати, о которых уже шла речь и о сущности которых еще раз напомним здесь, приведя слова французского исследователя Тесье: "Аутентичной будет достаточно распространенная для легкого распознавания печать *bene cognitum et famosum* (хорошо распознаваемая и известная), разумеется, если она принадлежит физическому или юридическому лицу, имеющему определенный общественный вес в рамках епископального или сеньориального мира (общества). Таким образом, определенная достоверность будет иметь относительный характер, т.е. будет восприниматься в большей или меньшей степени, в зависимости от юрисдикции, оценивающей аутентичность печати, и от обычного права, ведь именно обычай в последней инстанции будет решающим, должна ли та или иная печать считаться аутентичной"¹³⁶.

Папская доктрина о развитии документов, которая и ввела понятие аутентичной печати, не определяя конкретно ее принадлежности, все-таки имела в виду судей определенного ранга по делам в каноническом процессе: это были лица духовного звания, именно их печати, естественно, при соблюдении соответствующей иерархии, являлись доказательными в клерикальном судопроизводстве. Однако на ранних этапах, несмотря на папские декреты, доказа-

тельство свидетелей здесь ни в коей мере не упраздняется, в спорных случаях доказательство ведется с помощью свидетелей и документов. И тем не менее, как пишет Редлих, есть основания считать, что в церковных кругах и церковном судопроизводстве уже в середине XII в. прослеживается тенденция в грамоте с печатью видеть доказательную силу независимо от наличия свидетелей, так что последние не имеют уже прежнего веса, затем свидетели или грамоты с печатью начинают выступать как равноправные компоненты и, наконец, доказательная сила признается каноническим судопроизводством только за грамотой с печатью (аутентичной)¹³⁷.

Поскольку правовая действительность грамоты с печатью становилась известной все более широкому кругу лиц и эта известность, конечно, выходила за рамки церковного судопроизводства, в частности, хотя бы и потому, что нередко и светские лица, их действия оказывались объектами споров и решений, например, в случае, когда имелись завещания светских лиц церкви, о правомерности которых и шла речь, неизбежными вытекающими из этого факта явлениями можно считать, на наш взгляд, следующие.

Видя, что сама по себе печать дает документу "силу", а именно такую силу, что подлинный документ с печатью становится неоспоримым свидетельством (даже после смерти свидетелей сделки), к сеньорам духовного звания, как правило епископам¹³⁸, стали обращаться с просьбой скрепить документ, фиксирующий сделку. Епископ, таким образом, выступал в качестве привилегированного свидетеля волеизъявления, сделанного в его присутствии, а само его свидетельство материализовалось печатью. Вначале, исследователи считают, что в Западной Европе о подобных фактах можно говорить примерно с XII в.; владетель печати прикладывал ее к письменному тексту без упоминания об этом. Затем, когда такое явление становится более регулярным, в тексте появляется подтверждающая статья, расширяющая роль свидетеля и преобразующая ее в роль действующего лица¹³⁹.

Вторым моментом было проникновение традиций канонического права в обычное право, в памятниках которого уже в XIII в. нашли отражение многие положения относительно оформления частноправовых сделок при помощи документа с печатью. Так, Швабское зеркало фиксирует важный момент светского судопроизводства средневековой Германии, подчеркивая, что предпочтение отдается не свидетелям, а письменному документу с печатью: «Мы утверждаем, что письменные доказательства лучше свидетелей, так как если свидетели умирают, то письменные доказательства остаются навсегда; они означают "хандфесте" (удар по рукам при заключении сделки), по ним умерший свидетель оказывает такую же помощь, как и живой»¹⁴⁰. Как видно из приведенной цитаты, показания свидетелей еще не теряют своей доказательной силы в сравнении с письменным подтверждением, свидетель мог быть, вероятно, назван в тексте. В другом месте Швабское зеркало упоминает о необходимости присутствия при сделке семи свидетелей, однако для доказательства решающим является не их присутствие, а документ,

содержащий печати. В одной из ранних записей обычного права, какой является Швабское зеркало, очень наглядно прослеживается переход от действий, сопутствующих сделке, существовавших в дописьменном праве, к оформлению письменной гарантии этой сделки. В другом памятнике обычного права XIII в., французском трактате Бомануара "Обычай Бовези", можно найти целую доктрину иерархии печатей, из которой следует, что лишь печати папы и короля являются абсолютно аутентичными: "...письмо папы... должно являться полноценным свидетельством на любом христианском и светском суде, так как никто на земле не является сувереном папы", также все то, что король "свидетельствует своей печатью, должно приниматься на веру, будь то за или против..."¹⁴¹. Автор трактата подчеркивает далее, что лишь относительной аутентичностью обладают печати феодальных судей, "баронов" и печати обычных духовных судебных учреждений. Дворянство, во всяком случае, не дает владельцу титула привилегии иметь аутентичную печать¹⁴².

Выше цитированные и другие подобные памятники обычного права (например, Верхнебаварское земельное право XIII — начала XIV в.)¹⁴³ отражают практику скрепления частноправового документа представителями светских кругов, которые в своей деятельности руководствовались в общем теми же правилами, которые выработало к этому времени каноническое право. Как церковные, так и светские суды из-за существования нечетких установлений и дифференциации ценности печати как доказательного средства на практике могли признавать, но могли и не признавать за той или иной печатью право на подтверждение законности сделки. Таким образом, использование печати в частноправовой практике еще не достигло той полной доказательной силы и неоспариваемости, которую имели, например, королевские грамоты.

Развитие правовых отношений, практики судопроизводства и делопроизводства в целом способствовало совершенствованию утвердительного аппарата в оформлении как публичного, так и частного акта. Что касается частноправовых документов, о которых здесь ведется речь, то процесс усиления действенности печати находит выражение в самых различных проявлениях и формах. Например, в немецком праве устанавливается степень достоверности печати "в своем и чужом деле"¹⁴⁴. Если, предположим, лицо, участвующее в сделке, не имело собственной печати или его печать обладала недостаточной доказательной силой перед судом, то оно вынуждено было использовать печать другого владельца. Скрепление печатью чужих документов могло принимать различные формы: например, соответствующий владелец печати составляет от своего имени текст о совершении посторонним лицом правовой сделки, в которой сам не заинтересован. В тексте это условие отмечается (кто прикладывал печать). Существуют также документы, в которых не засвидетельствовано ограничительное условие, однако факт скрепления печатью упомянут в тексте. Наконец, еще одну форму представляют документы, к которым прилагается печать постороннего лица, однако об этом не упоминается в тексте¹⁴⁵.

Отсутствие четкого принципа и как следствие четкой формулы, раскрывающей сущность утвердительного средства, несомненно отражает персистентный характер становления юридической силы утвердительного "инструментария".

Частое использование печати в чужих делах повлекло за собой появление нового предписания — прошения о печати (оно предполагает удовлетворение этого прошения и определенные обязательства владельца печати). Прикладывая печать к чужому документу, взяв за себя функцию его заверителя, нес ответственность за содержание документа, за правомерность совершенного скрепления печатью и за правовые последствия, которые могли возникнуть из-за невыполнения обязательств, записанных в документе.

С печатью на чужих документах связано еще одно явление, а именно привлечение свидетелей прошения о печати и скрепления печатью. Это уже не прежний свидетель сделки (хотя не исключено, что обе функции могли исполнять то же самое лицо или лица), это качественно новый этап утверждения правового значения печати, однако далеко не полный ее триумф: живой свидетель присутствовал для несомненной гарантии печати и скрепления печатью и наличие подобных свидетелей выступает как правовое требование¹⁴⁶.

Можно указать и на другие моменты, связанные с процессом становления аппарата, предельно обеспечивающего безопасность деловых отношений частных лиц и правовые гарантии фиксирующих сделки письменных документов¹⁴⁷. Естественно, что этот аппарат возникал не сразу в определенных формах, зачастую спонтанно, эмпирически, исходя из нужд места и времени, затем закрепляясь в законодательствах.

Например, специальную форму гарантий частноправовых сделок демонстрируют некоторые западноевропейские городские организации, как пишет Тесье, "оригинально среагировавшие на нужды буржуа (горожан)". Прирейнские города средневековой Франции, Германии применяли принцип использования ковчега, ларя, ларца, кофра, в котором официально хранились под ответственностью муниципальных служащих экземпляры подтвержденных свидетелями письменных актов, призванных выступать в качестве доказательства в спорных случаях. Один экземпляр подобно акта выдавался заинтересованной стороне. В некоторых городах этот принцип существовал очень долго, в других местах он был полностью и просто сменен режимом грамоты, скрепленной печатью, с введением института муниципальной печати¹⁴⁸. С последним фактом соотносится возникновение института городских книг, в частности, во многих немецких городах. Их разновидность в Чехии появилась в конце XIII — начале XIV в. Это так называемые доски земские¹⁴⁹ — краткие записи правовых действий частных лиц и решений по ним земского суда, начавшего свою деятельность задолго до возникновения этих записей и применявшего печать для вызова в суд. Разновидность подобных книг имелась и в Польше¹⁵⁰.

Даже на территории одной страны существовали региональные

особенности "инструментария" гарантий частного акта, и развитие этого "инструментария" обуславливает целый ряд тенденций, которые, в свою очередь, обуславливаются развитием экономической жизни, обменных отношений, юридической практики и пр. Сюда относится становление формуляра частного акта, который независимо от утверждающего "инструментария" проходит определенный период неустойчивости, полиморфизма¹⁵¹; тенденция постоянной и последовательной унификации "инструментария" как в пределах региона, так и в государстве в целом; тенденция к выработке нормативности, предельно систематизирующей процесс правового гарантирования сделки.

Нельзя не упомянуть и о некоторых сопутствующих процессу утверждения заверяющего средства частного акта моментах. Так, общему проникновению печати в светские документы и развитию присущих этому правовому институту черт во многом способствовало, по утверждению О. Редлиха, родственное явление, которое также одновременно с печатью становится в определенной степени традицией, — появление гербов. XII — XIII века — время возникновения рыцарской геральдики. Если ранее на печатях феодалов изображение должно было сопровождаться обязательной надписью, легендой, которая содержала имя и титул, то теперь герб сам по себе четко обозначал и позволял определить владельца печати. Печать с помощью герба, несмотря на, казалось бы, ее усилившуюся персонификацию, тем не менее выходила за рамки этой персонификации, ибо вместе с изображенным на ней гербом становилась знаком рода, целого сообщества личностей, передавалась по наследству, завещалась отцом сыну.

Словом, печать, воплощающая в себе индивидуальность, личностное начало, несомненно, все более утверждалась как правовой институт, на фоне общих процессов социально-экономического развития средневековой Европы данное качество как бы теряла, оставаясь незаменимым компонентом заверительного "инструментария". Это позволило ей, в свою очередь, вступить как бы в новую стадию развития. Вот как характеризует эту стадию Ильген: "Оживленное развитие юридической практики с середины XIII в. привело к изменениям в грамотах и печатях. Различные стороны общественной деятельности все больше изымались из сферы непосредственной личной компетенции императора, церковных князей и светских сеньоров и оказывались в руках организаций, у которых тем самым теперь появлялось право издавать грамоты с юридически полномочными печатями. Огромное количество грамот выходило теперь из многочисленных судебных инстанций: имперского придворного суда (в Германии), епископских курий, сеньюральных судов (вплоть до местных судов присяжных и пр., какие бы названия в разных местах они ни носили), городских судов, которые иногда достигали большой степени самостоятельности, наконец, всевозможных общинных инстанций: все они снабжались либо безличной печатью суда, либо личной печатью судьи или в зависимости от местных обычаев печатями двух (или более) присяжных (шеффе-

нов), способными противостоять всякому сомнению в их подлинности¹⁵².

Подобный феномен предполагал обязательную запись о сделке в соответствующей компетентной инстанции, где она (сделка) письменно фиксировалась "на вечные времена". Запись в судебные книги договоров и сделок частных лиц представляла собой, по мнению современников, надежнейшее средство обеспечения правовых отношений, более надежное даже, чем грамота с печатью. "...грамоты ведь можно потерять, — говорит Викторин из Вшегрд (Viktorin ze Všehrad, Чехия, XV в. — *Н.С.*), — моль, огонь и злодей могут их уничтожить, но земские книги от времени ничего не теряют, моль и огонь им не опасны, вода и железо для них не существуют, а злоумышленникам они недоступны; будучи верными стражами всего в них записанного и вписанного, они перушиемо охраняют вверенные им права не только для нас и детей наших, но и для их детей и тех, которые от них произойдут"¹⁵³.

Итак, новый этап существования утвердительного "инструментария" исключает свидетелей. Но когда больше не нужны свидетели сделки, когда документ с печатью заменяет свидетелей, то тогда, наконец, и сделка переносится в скрепление печатью; следовательно, исчезновение свидетелей — признак перехода не только к полному, самому по себе доказательному документу, но и к самому по себе доказательному документу сделки. Сначала место свидетелей заняли их печати, затем печати прикладывали уже и не свидетели, а официальные лица (первоначально это были их личные печати¹⁵⁴), о чем сообщалось в тексте документа, затем сообщение сокращалось до упоминания о печати (как свидетеле и свидетельстве)¹⁵⁵.

Естественно, в данном случае изменялся формуляр скрепленного печатью частноправового документа¹⁵⁶.

Фиксирование в официальном учреждении, придание частноправовому документу исключительного доказательного значения при помощи подписи должностного лица¹⁵⁷ "отодвигает" печать на второй план после подписи¹⁵⁸.

Развитие утвердительного "инструментария" имело, кроме всего прочего, фискальную сторону. Дэльгер приводит косвенные факты, свидетельствующие о взимании пошлины в византийской императорской канцелярии за выдачу императорских пожалований, снабженных в обязательном порядке печатью, а также рескриптов, документов, называвшихся *λυσισ, σμηροφια*, из которых не все снабжались печатью¹⁵⁹.

Исследователи предполагают, что на ранних этапах использования печати в качестве удостоверительного средства церковные и светские феодалы, которые в тот период владели печатями, легко соглашались выполнить просьбу о приложении ее к документам частных лиц за определенную плату¹⁶⁰.

В панской, королевской, княжеских, городских канцеляриях, в различных судебных учреждениях за приложение печати взималась пошлина, сумма которой была твердо нормирована в зависимости

от характера печати и документа, к которому она прикладывалась¹⁶¹.

В средневековой Чехии вызов в суд, который производился при помощи предъявления "печати вызова", оплачивался теми, кого вызывали. В раннем памятнике чешского права — Рожмбергской книге понятия "погонные" (rohon — вызов в суд) — плата за вызов в суд при помощи печати — и "мыто" идентичны¹⁶².

Начиная примерно с XIII в. положения о пошлинах за печать встречаются в правовых памятниках Европы¹⁶³. Также от XIII в. сохранились сведения из папской канцелярии о доходах за привешивание буллы. К XIV в. относятся счета некоторых хранителей печатей епископов и церковных судов, к этому же времени и к следующему столетию — сведения о стоимости приложения печати в городах, королевских и императорских канцеляриях и пр.¹⁶⁴.

Итак, становление печати как правового института представляет собой длительный и сложный процесс. Выросшая из первобытного амулета, защищавшего его владельца от злых сил, из личного опознавательного-отличительного знака печать в классовом обществе приобретает свойства элемента общественно-правовой жизни в качестве знака собственности. Как одна из форм, выражавших и доказывавших права собственности, печати встречаются уже в V тысячелетии до н.э., как о юридических знаках, определяющих права собственности, говорится о них в самых ранних варварских законах. Таким образом, рубеж превращения "метки" ("предпечати") в печать — появление института частной собственности, существование которой явилось предпосылкой для развития определенной функции печати — охраны собственности. Эта основная функция печати оставалась присуща ей на всем протяжении древности, сохранившись и в последующие исторические периоды.

Исследователи не имеют бесспорных доказательств того, что в древности одновременно с развитием охранной функции печати (применительно к письменности — запечатывание писем, посланий, распоряжений и др.) развивалась и ее функция заверения (скрепление печатью документа). Различие: если запечатывание было вызвано необходимостью охранять документ от незаконного вскрытия, то заверение печатью могло служить доказательством его подлинности (веродостоинства).

Большинство исследователей считают, что на пороге средневековья печать не обладает еще теми правовыми чертами, которые становятся ей присущи в следующей за античностью исторической эпохе. Печать на ранних этапах употребления в средневековом делопроизводстве воплощала в себе овеществленную карающую силу своего владельца, и то, что король прикладывал к документу печать, означало в первую очередь не гарантию подлинности грамоты, а охрану содержащегося в ней правового действия. Это воплощалось в наглядной форме: в изображении сначала "портрета" суверена (могла быть использована для этой цели и античная гемма), затем знаков его власти, что в конце концов привело к возникновению тронной, или печати высшего достоинства. Королевский доку-

мент, по мнению ряда исследователей, послужил образцом воссоединения грамоты и печати, явился своего рода переходной вехой от печати античного мира к печати средневековья, подготовил общественное сознание к восприятию печати как действительно важнейшего, даже единственного способа заверения документа.

В дальнейшем в средние века происходит модификация правового статуса печати, превратившая последнюю в гарант подлинности. Подобное качество печать приобретает не столько в результате собственной функциональной трансформации, сколько в связи с развитием средневекового письменного документа, прежде всего акта, составным элементом которого она становится, являясь формальным свидетельством правильности его изготовления. Форму же акта ученые ставят в прямую зависимость от уровня развития права, таким образом связывая появление новой функции печати с определенным этапом развития права, в частности с проблемой развития судебного доказательства. В основе лежал отказ судей от свободной оценки доказательств и переход к упрочению безусловного доказательства в виде грамот, составленных по определенной форме. Согласно сумме внешних признаков судили о подлинности грамоты, а подлинность являлась презумпцией истинности ее содержания. К числу важнейших внешних компонентов доказательности принадлежала и печать. Таким образом, печать как свидетельственное средство утвердилась в результате развития средневековых правовых норм. На выработку же последних оказали влияние папские доктрины, касающиеся делопроизводства, кардинально повлиявшие на средневековое судопроизводство Западной Европы.

Однако следует подчеркнуть, что эволюция института печати в средние века способствовали и другие факторы, еще не до конца выявленные. Так, думается, что упрочение печати суверенов, духовных и светских, по крайней мере на ранних этапах, происходило в связи с явлениями, характерными для раннегосударственных феодальных процессов, в частности связанных с оформлением государственной власти, статуса верховного правителя, формированием новых мировоззренческих представлений на соответствующих стадиях эволюции феодальных государств, развивающихся на руинах Римской империи.

Вышеизложенный материал, написанный на основе анализа суждений и научных разработок западноевропейских ученых (по мере возможности предпочтение отдается последним по времени изданиям), лишь в самых общих чертах рисует картину возникновения и эволюции института печати в древности и средневековье. Внимание акцентируется на функциональной неоднородности, на многоступенчатости правовой дифференциации, отражающейся, в частности, в идейно-художественном формировании типа печати, на осмыслении последней как одного из компонентов удостоверительного "инструментария" публичных и частных актов в контексте с регионально-хронологическими особенностями в рамках социально-экономических формаций¹⁶⁸.

По нашему мнению, воссоздание подобной картины позволяет,

во-первых, подметить общие моменты, определенную последовательность и повторяемость стадий эволюции этого института в общественном процессе различных стран, находящихся на одной и той же ступени социального развития; во-вторых, определить внутреннюю структуру, внутренние линии развития института печати, что дает возможность выявить закономерности становления функций печатей, возникновения того или иного типа и применения соответствующей символики, модификацию юридической значимости печати на разных ступенях развития общества, соотнесение развития печатей с канцелярией, делопроизводством и т.д. Это, в свою очередь, может помочь заполнить лакуны в существующих представлениях и знаниях о печати как компоненте общественно-правовой жизни на том или ином хронологическом этапе в той или иной стране. С другой стороны, даст возможность четче обозначить специфику и региональные отличия в развитии этого института. В целом же поможет воссоздать процесс становления, формирования и развития отдельных правовых институтов и эволюцию правосознания, что приобретает особую ценность при ограниченности законодательного материала и других письменных памятников права.

Насколько схема действительности института печати в Европе соотносится с существующими в отечественной историографии представлениями о его развитии в средневековой Руси? Естественно, речь идет об узловых моментах этой схемы: соотнесение с "предпечатью", начальные этапы становления печати как правового института — соотношение функций, значение печати в формировании утвердительного "инструментария" акта, региональная и хронологическая корреляция типов печатей, символическая сменяемость и формирование общегосударственных эмблем, сугубо источниковедческие аспекты (как дипломатического, так и сфрагистического плана).

К сожалению, наша историографическая традиция такова, что упор в основном делался на специфику отечественной сфрагистики. Последнее, бесспорно, имеет место, однако превалирование указанной традиции как бы "затмевает" иные ракурсы рассмотрения этой проблемы, хотя, например, в плане типологии, символики изображений русских сфрагистических памятников А.Б. Лакиер, Б. Кёне, Н.П. Лихачев сопоставляли их с византийскими, литовскими, польскими, сербскими и другими западноевропейскими образцами. М.Н. Тихомиров, подчеркивая, что не следует игнорировать аналогии в делопроизводстве Северо-Восточной Руси и стран Балканского полуострова, обращал внимание на факт сходства золотой буллы Стефана Душана 1349 г. и аналогичной печати Симеона Гордого, привешенной к его духовной 1353 г.¹⁶⁶ Отмечали возможность соотношения западноевропейской и отечественной сфрагистики и другие авторы¹⁶⁷. Подобный подход соответствует современной оценочной характеристике русского права в целом как права, с одной стороны имеющего национальный, самобытный характер, с другой — взаимосвязанного с правовыми нормами других стран¹⁶⁸.

- ¹ "Sicut enim hominem duo perficiunt: corpus et anima, sic ut litteram duo perficiunt: virtus verborum, que se habet ad modum anime, et sigillum quod se habet ad modum corporis" ("Как человека поистине две (вещи) делают: тело и душа, так и документ делают два (обстоятельства): сила слов, которая (соответствует) образу души, и печать, которая (соответствует) телу"). В своем трактате "Summa de arte prosandi" (1275) шорихский каноник, формулируя правила выдачи документа, подчеркивал, что одним из средств его заверения является печать. Он тщательно разбирает ряд сфрагистических сюжетов, излагает конкретные факты, касающиеся материала, формы печатей, изображений, легенд, отмечает соответствие лиц упоминаемых в тексте, с теми, кто прикладывал печать, выявляет отметки и свидетельства нотариуса. Однако в трактате отсутствует четкое обоснование законности использования той или иной печати в качестве знака, свидетельствующего о юридической силе документа. По мнению автора, жизненная практика определяет, какая из печатей (чья) обладает силой гаранта (опубликован в кн.: Quellen und Erörterungen zur bayerischen und deutschen Geschichte. München, 1863. Abt. 1. Bd. 9. S. 405-482. Об этом см. также: Gumowski M., Haisig M., Mikucki S. Sfragistyka. W-wa, 1960 (далее: Sfragistyka). S. 17.
- ² Johanek P. Zur rechtlichen Funktion von Traditionsnotiz, Traditionsbuch und früher Siegelurkunde // Recht und Schrift im Mittelalter / Hrsg. von P. Classen. Sigmaringen, 1977. S. 159-160; Trusen W. Zur Urkundenlehre der mittelalterlichen Jurisprudenz // Ibid. S. 206-207.
- ³ Redlich O. Die Privaturkunden des Mittelalters // Urkundenlehre. München; B., 1911. III. Teil. S. 112; Ewald W. Siegelkunde. München; B., 1914. S. 42.
- ⁴ Sfragistyka. S. 16.
- ⁵ Johanek P. Op. cit. S. 162; см. также: Trusen W. Op. cit. S. 198-199.
- ⁶ Ilgen Th. Sphragistik // Grundriss der Geschichtswissenschaft. Leipzig, 1906. Bd. 1. 2. Lief. S. 360; Kuczyński S.K. Pieczęcie książąt Mazowieckich. Wrocław; W-wa; Kraków, Gdańsk, 1978. S. 27.
- ⁷ Trusen W. Op. cit. S. 206.
- ⁸ Ilgen Th. Op. cit. S. 360; Kittel E. Siegel. Braunschweig, 1970. S. 128.
- ⁹ Ilgen Th. Op. cit. S. 361.
- ¹⁰ Пашуто В.Т., Шмаль И.В. Корчула. Корчульский статут как исторический источник изучения общественного и политического строя острова Корчула XIII в. М., 1976.
- ¹¹ "Итак, постановляем, если кто-либо будет зван к ответу о поручении господина князя через его посланца, или по слову глашатая, или через иного человека с печатью, и не придет, отпадет от права своего по данной на него жалобе, если не имеет справедливой помехи, за которую поручится в оправдание себе перед господином князем, и князь с большей частью судей возьмет попечение об этой помехе, каковая, если будет справедлива, даст ему изрядный срок по попечению господина князя" (Там же. С. 147, ст. XXIII).
- ¹² Ewald W. Op. cit. S. 30; Kittel E. Op. cit. S. 126.
- ¹³ "Для того чтобы в соответствии с этим установлением и порядком все осталось в силе и нерушимо как в наше время, так и при наших преемниках, я приказываю, чтобы этот акт был написан в семи экземплярах, которые будут скреплены нашей золотой печатью" (Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 711).
- ¹⁴ "Кто возьмет коморника пражского для вызова в суд, должен за это уплатить тому, кому приказано коморников назначать, три геллера; и за печать тому, кто давал коморникам земскую печать, то есть писарю, который досками ведает, либо тому, кому приказано печати раздавать, должен дать два геллера" (Там же. С. 837). Вопросы о печати рассмотрены и в других параграфах раздела, касающегося вызова в суд, — первого этапа судебного разбирательства. Эти правовые обычаи сложились гораздо раньше, чем были записаны в Рожмбергской книге (Jireček H. Právnícky život v Čechách a na Moravě. Praha; Vtmo, 1903. N 71 — Kniha Rožmberská. S. 73-76; Ясинский А.Н. Основные черты развития права в Чехии XIII—XV вв. Юрьев, 1902. С. 7).

¹⁸ Jireček H. Slované právo v Čechách a na Morávě. Praha, 1864. T. II. S. 223-226.

¹⁹ Fiala Z. Panovnícké listiny, kancelář a zemský soud za Přemysla II (1247-1253-1278) // Sborník archivních prací. Praha, 1951. T. 1, č. 1. S. 279.

²⁰ "Если ответчик не явится в суд по первому и по второму вызову коморника или по знаку (распоряжению) судьи, то за каждый раз он подлежит штрафу в 6 гривен, а истец должен вызвать его указанным образом в третий раз" (Хрестоматия памятников феодального государства и права. С. 739). Слово "распоряжение" в переводе не точно. В подлиннике употреблено выражение mit des richters zeichen — со "знаком судьи" (Starodawne prawa polskiego pomniki / Wyd. A.Z. Helcel. Kraków, 1870. T. 2. S. 15; см. также: Винавер М. Исследования памятника польского обычного права XIII века, написанного на немецком языке. Варшава, 1888. С. 122).

²¹ Stragistyka. S. 70.

²² "О печати отцевской детям. Иже сынове со отци суть, а одного права, про то утавление чиним: где есть им потребизна, абы отшевой печатью печатали, а иныше своее не имели, а ни смели имети" (Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1. № 2).

²³ Ewald W. Op. cit. S. 31 (ссылка на Т. Ильгена).

²⁴ Kittel E. Op. cit. II. Siegelkunde. Allgemeiner Teil. 1. Siegel und Urkunde. Siegelrecht.

²⁵ Ibid. S. 466-509.

²⁶ Под печатью понимается "знак, оттиснутый при помощи твердого штампа на металле, воске или другой легко размягчающейся и затвердевающей массе. В новое время он оттискивался краской. С учетом традиционной формы и способа приложения, изображения, в художественной (картинной) или знаковой форме указывающих на определенное лицо или сообщество, и, как правило, легенды (надписи), указывающей на владельца печати, печать при документе используется как доказательство подлинности и приведения в исполнение, или, иначе, служит его заверением, а также служит предохранением от неправомерного вскрытия" (Igen Th. Op. cit. S. 325).

²⁷ Ср.: Kittel E. Op. cit. S. 1-2; Tessier G. La diplomatique. P., 1962. P. 35-36.

²⁸ Hlaváček I., Kašpar J., Nový R. Základy pomocných věd historických. Praha, 1974. S. 55.

²⁹ Об этом см.: Battenberg F. Das Hofgerichtssiegel der deutschen Kaiser und Könige 1235-1451. Köln; Wien, 1979. S. XI-XII. Vorwort; Trusen W. Op. cit. S. 208.

³⁰ О материалах семинара по теме "Recht und Schrift im Mittelalter" (опубликовано в кн.: Vorträge und Forschungen / Hrsg. vom Konstanzer Arbeitskreis für mittelalterliche Geschichte. Sigmaringen, 1977. Bd. XXIII) известно из упомянутой книги Ф. Баттенберга; см. также: Johánek P. Op. cit. S. 131-162; Trusen W. Op. cit. S. 197-219.

³¹ Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. Гл. III. С. 139-169.

³² См. обзор западноевропейской литературы: Луцицкий И.В. По поводу дрогоичинских древностей: Заметки к истории торговых сношений Ганзы с Северо-Западной и Южной Русью // Чтения в Историческом о-ве Нестора-летописца. Киев, 1892. Т. IV. С. 82-93. В отечественной историографии вопрос о знаках собственности освещался широко, но в самых общих чертах. Можно назвать работы дореволюционных юристов: Ефименко П. Юридические знаки // ЖМНП. 1874. № 10; Соловьев Е.Т. Знаки собственности в России: Историко-археологический очерк. Казань, 1885; Шифнер А.А. Об этнографической важности знаков собственности // Учен. зап. имп. Академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1855. Т. III. С. 601-608.

³³ Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 1983. С. 14.

³⁴ Homeyer G.G. Die Haus- und Hofmarken. В., 1870. S. 8-12.

³⁵ Луцицкий И.В. Указ. соч. С. 84 и след.

³⁶ Киттель, например, усматривает и этимологическую близость терминов "печать" и "знак", подчеркивая возможность их происхождения от одного производного (Kittel E. Op. cit. S. 2; см. также: Redlich O. Op. cit. S. 107-108).

- ²⁴ Kittel E. Op. cit. S. 1.
- ²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 108.
- ²⁶ Kittel E. Op. cit. S. 1.
- ²⁷ Максимова М. Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. 1937. № 1.
- ²⁸ Ewald W. Op. cit. S. 27-28. Киттель также приводит высказывания по этому поводу ряда ученых, например П.Е. Ньюберри (Kittel E. Op. cit. S. 2).
- ²⁹ Ewald W. Op. cit. S. 28; Stragistyka. S. 64; Redlich O. Op. cit. S. 105.
- ³⁰ Kittel E. Op. cit. S. 91.
- ³¹ Ibid. S. 92; Stragistyka. S. 64.
- ³² Redlich O. Op. cit. S. 6.
- ³³ Ewald W. Op. cit. S. 28; Sfragistyka. S. 65.
- ³⁴ Дигесты Юстиниана. М., 1984. С. 367. — Книга 22. Титул V. О свидетелях. В других частях "Свода" имеются статьи, подтверждающие использование печатей свидетелей при составлении завещания. Е.Э. Лишниц, автор комментария к Эклоге, отмечает, что в кодексе Юстиниана при характеристике способов составления завещания говорится: "Свидетели и их одновременное присутствие при торжественном акте составления завещания исходят из законов цивильного права, подписи завещателя и свидетелей прилагаются во исполнение священных (императорских) конституций, печати же и число свидетелей определяются согласно преторскому эдикту" (Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Лишниц. М., 1965. С. 150).
- ³⁵ Дворецкий Н.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 1009. "Лица, прикладывающие печати", обозначены как "signatores". Согласно словарю Дворецкого, signator, ois — это "прикладывающий печать (к завещанию) как свидетель" (Там же. С. 929).
- ³⁶ Эклога. С. 52.
- ³⁷ Там же. С. 151; см. также: История государства и права зарубежных стран: (Рабовладельческое и феодальное государство и право). М., 1980. С. 404.
- ³⁸ Sfragistyka. S. 66.
- ³⁹ Kittel E. Op. cit. S. 126; Ewald W. Op. cit. S. 29.
- ⁴⁰ Redlich O. Op. cit. S. 105; Ilgen Th. Op. cit. S. 325.
- ⁴¹ Jireček H. Slovanské právo. Т. II. S. 224.
- ⁴² Ewald W. Op. cit. S. 30.
- ⁴³ Ibid. S. 29-31; Kittel E. Op. cit. S. 126.
- ⁴⁴ В законодательствах варварских народов Западной Европы имеется также упоминание о печати как средстве для завещывания различного рода предметов. В Салической правде (запись обычаев салических франков V—IX вв.) в качестве ордации упоминается испытание кипящей водой, в которую испытуемый опускал руку. Затем рука завязывалась и к повязке прилагалась печать, чтобы никто, кроме лиц, проводивших испытание, не мог снять повязку (История государства и права зарубежных стран. С. 251). В Алеманнской правде (начала VIII в.) в Титуле 81, где говорится о символическом обряде, сопровождающем спор о земле, отмечается, что печать судьи (графа) прикладывалась к завернутому в ткань дерну, символизирующему предмет спора, который вручался "в верные руки до установленного срока" (Соколова А.М. Варварские правды. Чита, 1969. С. 83).
- ⁴⁵ Ewald W. Op. cit. S. 30; см. об этом также: Redlich O. Op. cit. S. 107-108. По Редлиху, "печать в данном случае — опознавательный и удостоверительный знак, подобный другим знакам личности или собственности, как это было принято издавна". И еще: "печать — это символ сам по себе равнозначный письменному мандату, равноценный другим символам, таким, как посох судьи или посыльного, на которых может быть вырезан, выгравирован или выжжен личный знак или знак собственности (Hausmarke, jarteikn, jartegn в Норвегии). Эти знаки были древними первоначальными знаками отличия у германских, славянских и других народов".
- ⁴⁶ Sfragistyka. S. 65.

⁸⁷ Высказанные здесь соображения по поводу соединительного звена между институтом печати, существующим в античном мире, а затем занявшим прочное место среди правовых институтов средневековья, носят гипотетический характер. Они касаются лишь проблемы формирования нового функционального свойства, которое характерно для средневековой печати. Говорить же конкретно о преемственности использования печати как необходимого правового компонента при оформлении частноправовых документов, даже если речь идет о завещаниях, ученые не решаются из-за отсутствия в наличии подлинных документов подобного характера. С большим основанием о единой линии плавного перехода печати во всем ее функциональном многообразии из античности в средневековье можно судить, если речь идет о печати, скрепляющей грамоты публичноправового характера.

⁸⁸ *Ilggen Th. Op. cit. S. 359.*

⁸⁹ Современные исследователи полагают, что "подпись" в античности носила форму подписки — приписки, надписи. В письмах это могло быть слово "vale" или более развернутая фраза, в документе с правовым содержанием соответствующая формула, содержащая имя правоносителя и глагол *subscribere* в личной форме с другими глаголами или без них, выражающими правовую суть документа. В этой форме подписки существует и в актах раннего средневековья (*Tessier G. La diplomatie. P. 48-49.*)

⁹⁰ *Kittel E. Op. cit. S. 101-110; Tessier G. Diplomatie royale française. P., 1962. P. 78.*

⁹¹ *Kittel E. Op. cit. S. 101.*

⁹² *Redlich O. Op. cit. S. 108; Tessier G. La diplomatie. P. 36.* Печати должностных лиц, осуществляющих юрисдикцию от имени короля, в этот ранний период, по-видимому, еще не сформировали самостоятельного изобразительного типа, а использовали, так же как королевские печати, античные геммы либо портретное изображение короля (*Kittel E. Op. cit. S. 106, 109.*)

⁹³ *Ewald W. Op. cit. S. 32; Kittel E. Op. cit. S. 106, 109; Tessier G. Diplomatie royale française. P. 19.*

⁹⁴ *Ewald W. Op. cit. S. 33.*

⁹⁵ *Kittel E. Op. cit. S. 115.*

⁹⁶ Референдарий — личный секретарь и докладчик императора согласно кодексу Юстиниана. У франков в VI в. референдарий упоминается как хранитель королевского перстня-печати (*Tessier G. Diplomatie royale française. P. 20.*)

⁹⁷ *Ewald W. Op. cit. S. 33; Redlich O. Op. cit. S. 106.*

⁹⁸ *Tessier G. La diplomatie. P. 48.*

⁹⁹ *Ewald W. Op. cit. S. 32-34; Redlich O. Op. cit. S. 108.*

¹⁰⁰ В плане "портретности" особый интерес представляет изменение изображения на королевской (императорской) печати, вернее, изменение аксессуаров, сопровождающих королевский портрет, начиная с лаврового венца в подражание римским императорам, затем изображений с различного вида воинским снаряжением (копье, меч, флаг, щит) (время Меровингов и Каролингов), наконец, с атрибутами императорской власти и доведение этой атрибутики до своеобразного апогея величия и власти (тронная печать). Известно, что печать суверена в средние века приобретает почти священный характер, выступая в качестве материализованной королевской воли, которая действительно проявляется посредством печати, отражаясь при помощи символической атрибутики в сознании средневекового человека. Однако иконографическая программа средневековых печатей как особого символа, связанного с реальной властью, несмотря на наличие в зарубежной историографии многочисленных работ, посвященных символике власти, и опубликование в сравнительно недавнее время фундаментальных исследований, подобных трудам П.Э. Шрамма и Ф. Кэмпфера (*Schramm P.E. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Stuttgart, 1954-1957. Bd. 1-3; Kämpfer F. Das russische Herrscherbild. Von den Anfängen bis zum Peter dem Grossen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis. Recklinghausen, 1978.* Рецензию А.В. Чернецова на последнюю работу см. в журнале "Вопросы истории" (1980. № 6. С.158-161), еще не исчерпана полностью и всесторонне. Наряду с уста-

вовлечением довольно четкой типологии, как это сделал, например, Киттель (в упоминавшейся здесь книге) относительно печатей немецких королей и императоров, в литературе отсутствуют более или менее обобщающие разработки символики таких средневековых памятников, какими являются печати. Хотя ясно, что в них так же, а может быть и в большей степени, во всяком случае, в более своеобразной форме, чем в других памятниках средневекового искусства, отражена эволюция идеологических представлений, в частности аккумулируются воззрения, восприятия и оценки императорской, королевской, княжеской власти, воссоздаются существующие в тот период правовые нормы, прослеживается формирование политических и юридических институтов и т.д.

В этом плане особенно существенным является момент замены портретного изображения соответствующими знаками, в подборе которых, несомненно, должно было существовать определенное единообразие, позволявшее без прочтения документа определить его предназначение. Доступная средневековому человеку символика определенных предметов и знаков должна была явиться для него ориентиром в правовой жизни, в понимании и оценке административно-судебной деятельности правительства и правительственных учреждений.

Подобные аспекты в настоящее время начинают все более интересоваться исследователей печатей средневековья, и хотя наблюдения носят локальный характер, применительный к тому материалу, которым оперируют исследователи, они предопределяют одно из существенных направлений в иконографическом анализе средневековых печатей. См., напр.: *Kuczyński S.K.* Op. cit. S. 117-175; *Battenberg F.* Op. cit. S. 76-141; *Johanek P.* Op. cit. S. 160-161.

⁷¹ *Igen Th.* Op. cit. S. 360; *Kittel E.* Op. cit. S. 209.

⁷² *Redlich O.* Op. cit. S. 31.

⁷³ *Sfragistyka.* S. 74; *Fiala Z.* Op. cit. S. 211.

⁷⁴ *Ewald W.* Op. cit. S. 35.

⁷⁵ В данном случае не имеется возможности останавливаться на вопросах, связанных с самим актом опечатывания (действиях доверенных лиц, референдариев, канцлеров, работе канцелярий и пр.).

⁷⁶ *Ewald W.* Op. cit. S. 35.

⁷⁷ *Ibid.* S. 33.

⁷⁸ *Dölger F., Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: die Kaiserurkunden. München, 1968. S. 111-114; *Dölger F.* Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei // Actes du XII Congrès International d'Études Byzantines. Beograd, 1963. P. 86-87; см. также: *Капитанов С.М.* Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 28. Как отмечают исследователи, подписи были двух типов: 1) подпись императора, 2) минологий (название месяца выдачи документа). Иногда они сосуществовали, иногда употреблялись порознь. Вопреки традиционному представлению подпись византийского императора отнюдь не была собственноручной, а воспроизводилась чиновниками. И тем не менее в том или ином виде подпись вместе со словом *louos* являлась главным компонентом удостоверения.

⁷⁹ Находки перстней-печатей, особенно на юге России, могут свидетельствовать об употреблении наряду с будлами прикладных восковых печатей. Об этом же говорят находки металлических, деревянных, костяных печатей-матриц в древнерусских городах.

⁸⁰ *Лихачев Н.П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. С. 6; *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 14 и след.

⁸¹ В первую очередь можно назвать труды Г. Шлюмберже, В. Лорана, А.В. Соловьева, опубликованные в последние десятилетия работы (*Grierson Ph.* Byzantine Gold Bullae // *Dumbarton Oaks Papers.* Washington, 1966. N XX. S. 239-253; *Zacos G., Vegliery A.* Byzantine lead seals. Basel, 1972. Vol. 1. P. 1, 2, 3), а также ряд исследований нашего соотечественника Н.П. Лихачева, о которых очень высоко отзывался такой специалист, как Лоран (*Laurent V.* Bulletin de

- sigillographie byzantine // Byzantion. P.; Bruxelles, 1930. Vol. V. P. 576; *Idem*. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin // Akten des XI Internationalen Byzantinisten — Kongresses. München, 1960. P. 303).
- ¹⁰ Яковенко П.А. Исследования в области византийских грамот: Грамоты Нового монастыря на острове Хиосе. Юрьев, 1917. С. 107-140.
- ¹¹ Kittel E. Op. cit. S. 106; Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Osterreich. Wien, 1978. 1. Teil. S. 33. Об этом писал еще Н.П. Лихачев, ссылаясь на заключение крупнейшего исследователя античных памятников М.И. Ростовцева. Он подчеркивал, что у римлян "даже дипломы honesta missio скреплялись нежными восковыми печатами и римское право молчит о металлических печатах" (Лихачев Н.П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911. С. 3). И тем не менее Лихачев допускает исключение из правила, считая, что в позднеримское время существовали личные свинцовые буллы некоторых римских императоров и императриц — прототипы тех булл, которые в византийский период получили распространение "как сфрагистические знаки укрепления на актах" (Там же. С. 5).
- ¹² Ewald W. Op. cit. S. 32.
- ¹³ *Ibid.*; Kittel E. Op. cit. S. 105; Лихачев Н.П. Некоторые старейшие типы печати. С. 5 и след.
- ¹⁴ Dölger F. Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948. S. 316, 319 etc.; Laurent V. Le corpus. P. 307.
- ¹⁵ Самая старая из сохранившихся печатей константинопольских патриархов относится к 1087 г. (Kittel E. Op. cit. S. 166). На ее лицевой стороне изображена Богоматерь с младенцем Иисусом Христом, на оборотной стороне — титул патриарха. Этот тип печатей сохранялся до XIX в., и на протяжении столетий печати патриархов были свинцовыми (Dölger F. Aus den Schatzkammern. S. 316, 321). В коллекции Н.П. Лихачева хранилась булла константинопольского патриарха IX в. (Лихачев Н.П. Печати патриархов константинопольских. М., 1899. С. 18-19).
- ¹⁶ Андреева М.А. Древний перстень из Варны // Byzantinoslavica. Praha, 1929. T. 1. S. 151-155.
- ¹⁷ Лихачев Н.П. Некоторые старейшие типы печати. С. 7-8.
- ¹⁸ Dölger F., Karayannopoulos J. Op. cit. S. 40.
- ¹⁹ Dölger F. Aus den Schatzkammern. S. 317; *Idem*. Byzantinische Diplomatiek. Eital, 1956. S. 136; Dölger F., Karayannopoulos J. Op. cit. S. 27.
- ²⁰ Dölger F. Aus den Schatzkammern. S. 317; *Idem*. Byzantinische Diplomatiek. S. 42; *Idem*. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 96; Dölger F., Karayannopoulos J. Op. cit. S. 40-41.
- ²¹ См., напр.: Ohnsorge W. Der Beitrag der abendländischen Überlieferung zur byzantinischen Sphragistik // Akten des XI Internationalen Byzantinisten — Kongresses. S. 423.
- ²² Dölger F. Byzantinische Diplomatiek. S. 293; *Idem*. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 96, 99; Dölger F., Karayannopoulos J. Op. cit. S. 45.
- ²³ Dölger F. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 99; Dworschak F. Byzantinische Goldbulen // Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1936. Bd. 36, H. 1. S. 45.
- ²⁴ Dölger F. Byzantinische Diplomatiek. S. 85; *Idem*. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 97-98; Dölger F., Karayannopoulos J. Op. cit. S. 42-45. Некоторые исследователи византийских булл выделяют среди них золотую буллу Василия I, предшественника Льва VI, однако она не связана с каким-либо актом (Grierson Ph. Op. cit. S. 240-241, 248). Следует отметить, что ко времени правления Льва VI относится практическое осуществление законодательного проекта его отца Василия I (известен примерно от 890 г. в виде сборника законодательных постановлений в 60 книгах (Василики), который стал основой византийской правовой практики. Ср. рукопись доклада д-ра Я. Ирмшера (J. Irmscher) "Юридическая традиция: римское, византийское, послевизантийское право" (перевод) на Международном симпозиуме "Москва — третий Рим", проходившем в Москве в мае 1986 г.

- ⁹⁷ Dölger F. Byzantinische Diplomatie. S. 47.
- ⁹⁸ Dölger F. Aus den Schatzkammern. S. 316; Dölger F., Karayannopoulos J. Op. cit. S. 42-43.
- ⁹⁹ Verpeaux J. Pseudo-Kodinos. Traité des Offices. P., 1966. P. 175. В источнике сообщается, что восковым оттиском скреплялись послания императора к матери, жене, сыну. К посланиям императора деспотам, патриархам и другим архонтам высокого ранга привешивалась свищовая печать.
- ¹⁰⁰ Dölger F. Aus den Schatzkammern. S. 319.
- ¹⁰¹ Zacos G., Vegler A. Op. cit. S. 102.
- ¹⁰² Яковенко П.А. Указ. соч. С. 140; Каштанов С.М. Современные проблемы европейской дипломатики. С. 29. Здесь приведены сведения из доклада исследователя византийской канцелярии второй половины XIII — середины XV в. Н. Икономидиса.
- ¹⁰³ Dölger F. Aus den Schatzkammern. S. 316; Dölger F., Karayannopoulos J. Op. cit. S. 45.
- ¹⁰⁴ Dölger F. Byzantinische Diplomatie. S. 36-37.
- ¹⁰⁵ Об этом см.: Соболева Н.А. Символы русской государственности // Вопр. истории. 1979. № 6. С. 47-59.
- ¹⁰⁶ Ilgen Th. Op. cit. S. 327.
- ¹⁰⁷ См. об этом: Tessier G. Diplomatie royale française. P. 80-81. Основным противником использования металлических булл для скрепления дипломов первых Каролингов выступал известный западноевропейский дипломатист Т. Зиккель (Sickel Th. Lehre von den Urkunden der ersten Karolinger (751-840). Wien, 1867. S. 196-198).
- ¹⁰⁸ Kittel E. Op. cit. S. 226-228.
- ¹⁰⁹ Ibid. S. 228. Не останавливаясь подробно на объяснении данной формулы, сошлюсь на ряд работ В. Онсorge, собранных в труде под названием "Запад и Византия" (Ohnsorge W. Abendland und Byzanz. Weimar, 1958), где он фундаментально исследует политические устремления и притязания Каролингов на фоне их взаимоотношений с Византией и папством. См., напр.: S. 15-33, 50-63, 94-110 etc.
- ¹¹⁰ Ibid. S. 223-224; Tessier G. Diplomatie royale française. P. 80-82; Grierson Ph. Op. cit. S. 240.
- ¹¹¹ Dölger F. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 31.
- ¹¹² Ohnsorge W. Der Beitrag. S. 423-426.
- ¹¹³ Messerer W. Zur byzantinischen Frage in der ottonischen Kunst // Byzantinische Zeitschrift. München, 1959. Bd. 52, H. 1. S. 41-42.
- ¹¹⁴ Ohnsorge W. Der Beitrag. S. 425; Tessier G. Diplomatie royale française. P. 194.
- ¹¹⁵ См. об этом, напр.: Ohnsorge W. Abendland und Byzanz. S. 305-306, 331.
- ¹¹⁶ Dölger F. Aus den Schatzkammern. S. 319, 322, 334; Idem. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 101-102; Соловьев А.В. Печати на Душановим повельяма // Гласник скопског научног друштва. Скопље, 1927. Кн. II, св. 1-2. С. 37-46. См. также гл. V настоящей работы.
- ¹¹⁷ Kittel E. Op. cit. S. 114-115.
- ¹¹⁸ Battenberg F. Op. cit. S. 2. Трузен пишет по этому поводу: "Если судья, согласно классическому римскому праву, был абсолютно свободен в оценке приводимых обеими сторонами доводов, в том числе и в оценке грамот (здесь речь идет о теории свободной оценки доказательств), то в более позднее время уже появляется зависимость судьи от определенных, юридически закрепленных правил доказывания. В средние века глоссаторы разрабатывали и далее эту теорию, согласно которой судья больше не был свободен в оценке доказательств. Он не мог уже руководствоваться только истинностью содержания грамоты, а должен был обязательно придерживаться определенных внешних форм. Форма грамоты, т.е. ее чувственно воспринимаемый внешний вид, являлась для средневековой теории законности действительным аргументом. Другими словами, решающей являлась сумма внешних признаков, начиная с invocatio, даты и вплоть до знака нотариуса, подписи свидетелей, печати и многого другого. Каждая грамота должна быть составлена по определенной форме для того, чтобы она могла служить средством доказатель-

- она могла служить средством доказательства" (*Trusen W. Op. cit. S. 205-206*).
- ¹¹⁹ *Tessier G. La diplomatie. P. 99.*
- ¹²⁰ Зиккель отмечает, что, по его мнению, самый старый подлинный диплом с "sigillum" в corroborационной формуле относится ко времени Людовика Немского (к 857 г.). С этого времени "anulus" и "sigillum" в канцелярском языке употребляются без различия. Например, в контексте одного диплома можно прочесть: "nostro sigillo roborare" ("нашей печатью скрепить"), а в corroborационной формуле значит: "et anuli nostri impressione assignari iussimus" ("и приказали снабдить печатью, приложив ваш перстень") (*Sickel Th. Op. cit. S. 199; см. также: Seyler G. Op. cit. S. 111*).
- ¹²¹ *Tessier G. La diplomatie. P. 101.*
- ¹²² *Ewald W. Op. cit. S. 36; Redlich O. Op. cit. S. 105; Tessier G. La diplomatie. P. 102-103.*
- ¹²³ *Tessier G. La diplomatie. P. 104, 108.*
- ¹²⁴ *Ibid. P. 109-110.*
- ¹²⁵ *Ibid. P. 113.*
- ¹²⁶ *Ewald W. Op. cit. S. 36; Redlich O. Op. cit. S. 63.*
- ¹²⁷ *Igen Th. Op. cit. S. 359.*
- ¹²⁸ *Tessier G. La diplomatie. P. 108.*
- ¹²⁹ *Ibid. P. 109.*
- ¹³⁰ *Redlich O. Op. cit. S. 109.*
- ¹³¹ *Sickel Th. Op. cit. S. 190. См. то же о Меровингах: Seyler G. Op. cit. S. 55.*
- ¹³² *Sickel Th. Op. cit. S. 199; Redlich O. Op. cit. S. 108; Ewald W. Op. cit. S. 39.*
- ¹³³ *Redlich O. Op. cit. S. 109; Ewald W. Op. cit. S. 37, 39; Kittel E. Op. cit. S. 111.*
- ¹³⁴ *Redlich O. Op. cit. S. 111; Ewald W. Op. cit. S. 39.*
- ¹³⁵ *Igen Th. Op. cit. S. 360; Redlich O. Op. cit. S. 115; Tessier G. La diplomatie. P. 37; Trusen W. Op. cit. S. 198.*
- ¹³⁶ *Tessier G. La diplomatie. P. 37; см. также: Trusen W. Op. cit. S. 207-208.*
- ¹³⁷ *Redlich O. Op. cit. S. 116-117.*
- ¹³⁸ Многие исследователи считают, что по целому ряду причин частные лица на первых порах для "обеспечения аутентичного доказательства своих распоряжений" предпочтению отдавали своему епископу (*Igen Th. Op. cit. S. 361; Ewald W. Op. cit. S. 40; Tessier G. La diplomatie. P. 115, 120-121; Jireček H. Slovanské právo. S. 230; Trusen W. Op. cit. S. 198*).
- ¹³⁹ *Redlich O. Op. cit. S. 119; Tessier G. La diplomatie. P. 115.*
- ¹⁴⁰ Цит. по кн.: *Redlich O. Op. cit. S. 116.*
- ¹⁴¹ Цит. по кн.: *Tessier G. La diplomatie. P. 37.*
- ¹⁴² *Ibid. P. 38.*
- ¹⁴³ *Redlich O. Op. cit. S. 116-117.*
- ¹⁴⁴ *Igen Th. Op. cit. S. 360; Redlich O. Op. cit. S. 117-118; Ewald W. Op. cit. S. 40.*
- ¹⁴⁵ *Ewald W. Op. cit. S. 40.*
- ¹⁴⁶ *Redlich O. Op. cit. S. 120; Fiala Z. Op. cit. S. 211-214.*
- ¹⁴⁷ К ним можно отнести, например, присоединение к печати лица, выдавшего грамоту, еще одной или нескольких печатей, владельцы которых были заинтересованы в действиях, изложенных в грамоте и гарантированных при помощи ее. Иногда в тексте определенно указывалось, как далеко этот интерес простирался и в какой степени владелиц или владельцев дополнительных печатей имели отношение к действиям, зафиксированным в тексте. Кроме того, существовал обычай скреплять текст дополнительной печатью, которая как бы усугубляла аутентичность (веродостоинство) грамоты. Это своеобразный рудимент существовавшего ранее обычая придавать значение не только личной представительности свидетелей, но и их количеству. На особо важных грамотах насчитывалось иногда десяток или более печатей (*Igen Th. Op. cit. S. 361; Ewald W. Op. cit. S. 50*).
- ¹⁴⁸ *Tessier G. La diplomatie. P. 122.*
- ¹⁴⁹ *Jireček H. Právníký život. S. 45, 54; Fiala Z. Op. cit. S. 280-281; Vojíšek V. K počátkům městských knih pražských a desk zemských // Výbor rozprav a studií. Praha, 1953. S. 229-239.*

- ¹⁵⁰ Bardach J. Historia państwa i prawa polskiego. W-wa, 1955. Cz. 1. S. 61.
- ¹⁵¹ Tessier G. La diplomatie. P. 112-113; Johanek P. Op. cit; см. также: Зигель Ф.Ф. История славянских законодательств. Ростов н/Д, 1916. С. 112.
- ¹⁵² Ilgen Th. Op. cit. S. 361; см. также: Redlich O. Op. cit. S. 119; Tessier G. La diplomatie. P. 121-123.
- ¹⁵³ Цит. по кн.: Ясинский А.Н. Указ. соч. С. 28.
- ¹⁵⁴ Tessier G. La diplomatie. P. 122.
- ¹⁵⁵ Redlich O. Op. cit. S. 121-122.
- ¹⁵⁶ Ibid. S. 122-123.
- ¹⁵⁷ В конце концов подобная деятельность оформляется рано или поздно в институт нотариусов, одна из основных характеристик которого заключается в том, что нотариус является должностным лицом судопроизводства, выполняющим свои обязанности без вмешательства судьи. Естественно, что для вступления в должность официального лица (нотариуса) необходимо распоряжение властей, обладающих соответствующими полномочиями (Tessier G. La diplomatie. P. 118; Trusen W. Op. cit. S. 209-212).
- ¹⁵⁸ О. Редлих пишет: "... сверхсила печати — результат того времени, когда не умели читать и писать. Когда с XIV в. королевские, земельно-княжеские и городские канцелярии полностью обеспечили себя всеми вспомогательными книгами и регистрами, когда грамотность стала признаком общего образования, тогда в документ снова проникла собственноручная подпись и поколебала господство печати как заверительного средства. В королевских и земельно-княжеских документах в отдельных случаях в XIV в., чаще в XV в. и регулярно в XVI в. важной отличительной чертой становится подпись, которая отодвигает на второй план печать или вообще ее заменяет. Этому принципу следует заверение всех актов" (Redlich O. Op. cit. S. 124). В XVI в. во Франции специальные ордонансы сделали обязательными на частноправовых документах подписи нотариуса и заинтересованных лиц (Tessier G. La diplomatie. P. 126).
- ¹⁵⁹ Dölger F. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 101.
- ¹⁶⁰ Ilgen Th. Op. cit. S. 342.
- ¹⁶¹ Ibid.; Tessier G. Diplomatie royale française. P. 177 etc.; Fiala Z. Op. cit. S. 128.
- ¹⁶² Jireček H. Slovanské právo. Т. II. S. 226.
- ¹⁶³ Ясинский А.Н. Указ. соч. С. 10.
- ¹⁶⁴ Ilgen Th. Op. cit. S. 342-343; Ewald W. Op. cit. S. 51.
- ¹⁶⁵ Следует признать, что до известной степени эта картина носит как бы формальный характер в том плане, что при ее воссоздании намеренно не затрагиваются глубинные процессы, отличающие, скажем, одну от другой общественно-экономические формации, характеризующиеся определенным, свойственным только каждой из них способом производства, который в конце концов и обуславливает определенные социальные и политические отношения, идеологию, формирование учреждений, правовых норм.
- Например, не случайно именно в такой общественно-экономической формации, как феодальная, где основой производственных отношений является собственность на землю, даже на ранних этапах развития этого общества, в котором господствует еще обычное неписаное право, основным способом установления вещных прав на недвижимое имущество (прежде всего на землю) были всевозможные манипуляции с дерном, с землей, от простых к довольно сложным (например, на Руси — "отвод"). Причем символические действия, связанные именно с передачей земельных участков, на самых ранних этапах развития феодального общества тщательно разрабатывались, производились как на самом участке, так и вне его, т.е. будучи отделенными от реальных действий. (См. об этом: Калмыков П. О символизме права вообще и русского в особенности. СПб., 1839. С. 14, 17-18, 61, 64-65; Шпилевский С. Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I // Учен. зап. имп. Казан. ун-та. 1862. Т. 1. С. 260; Павлов-Сильванский Н.П. Символизм в древнем русском праве // Соч. СПб., 1910. Т. III. С. 427-428; Ельшиевич В.Б. Очерк развития форм поземельного оборота

на Западе. СПб., 1913. С. 12-14, 18, 231-232). Впоследствии, когда с развитием феодального общества усложнились проблемы земельной собственности, прибегают для утверждения прав к документу, обладающему особой доказательной силой, а этот документ, его правовая сила гарантируется различным способом, и один из наиболее действенных — приложение печати, причем, как показано выше, личностное содержание печати постепенно как бы заменяется официальным, что в конечном итоге не столько способствует формированию финансовой политики публичной власти, сколько выражает стремление этой власти подчинить своему контролю переход земли из рук в руки (Ельяшевич В.Б. Указ. соч. С. 16-17).

¹⁶⁶ Тихомиров М.Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 142-143.

¹⁶⁷ Об этом см.: Соболева Н.А. Символы русской государственности. С. 47-59; Она же. Развитие отечественной сфрагистики // Вопр. истории. 1985. № 2. С. 53-54.

¹⁶⁸ Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С. 3.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ “ПРАВОСПОСОБНОСТИ” РУССКОЙ ПЕЧАТИ

Формирование древнерусского феодального права сопутствовало развитию Древнерусского государства. В основе этого права лежали обычаи, перешедшие в классовое общество из первобытнообщинного строя и составившие, подобно аналогичным системам других варварских государств, так называемое обычное право. В процессе эволюции Древнерусского государства обычное право модифицировалось в результате кодификации и унификации его путем княжеского законодательства, формировавшего основы общегосударственной юрисдикции. Светское право сосуществовало с каноническим, закреплявшим нормы церковной юрисдикции. Совокупность законов и правовых обычаев не только составила основу системы права Древнерусского государства, но и заложила фундамент для развития русского права на многие века вперед¹. Поэтому иногда понимание последующих правоотношений становится возможным лишь при четком представлении ранее существующих норм и юридических обычаев предшествующей поры, вошедших в правовую жизнь до их воплощения в единый законодательный кодекс.

Применительно к нашей проблематике немаловажную роль приобретает реконструкция процесса возникновения и эволюции такого правового института, каким являются печати. Большинство русских правоведов ограничивались констатацией факта, что печать в средневековье заменяла подпись лица, выдавшего грамоту, противопоставляя правовое значение печати “прежней” — “современному” (имеется в виду XIX в.). “В современности, — писал А. Лохвицкий, — она (печать. — *Н.С.*) не имеет прежнего значения, ибо печать без подписи не дает акту никакого значения, тогда как подпись без приложения печати не лишает акта характера законности”².

Попытался осмыслить юридическое значение печатей Д.М. Мейчик³. По его мнению, печать как критерий подлинности делит свою функцию с подписью, становясь существеннейшим показателем юридической силы и знаком достоверности документа. Далее этого теоретического вывода о функции печати и соотношении последней с подписью в документах определенного вида (жалованных, указных грамотах) автор не пошел. Он, правда, отмечал, что в рассматриваемых им документах печать (и подпись) не всегда выступает как исключительное средство, укрепляющее правовую силу документа. Конкурируют с ней также доказательства свидетелей (по-

слухов). Однако о взаимозависимости всех этих средств скрепления документа автор высказывается туманно, отдавая пальму первенства в случае определения основного критерия подлинности и юридической силы средневекового документа показаниям послухов, а не наличию у документа печати. Не привлекли внимания Мейчика корроборационные формулы, их содержание и форма.

Таким образом, оставалось неизвестным, кто занимался опечатыванием документов, чья печать обладала достаточной степенью права, чтобы скреплять тот или иной документ, какая роль отводилась послухам и их печатям (или печати) с точки зрения знака удостоверения и пр. На эти и подобные вопросы, проливающие свет на многие факты из области истории государства и права и объясняющие связь печати с общественным и политическим строем, с правовыми понятиями и нормами, с отдельными ступенями развития культуры русского общества, отечественная юрисдикция не могла ответить.

Одной из причин, объясняющих отсутствие интереса и внимания отечественных правоведов XIX в. к печатям, было, так сказать, объективное состояние вещей. На первом месте стоит явно недостаточное изучение к этому времени самого сфрагистического материала. Юристы использовали сфрагистический материал в той степени, в какой он был введен к тому времени в научный оборот. Так, К.А. Неволин, например, пользуется известными к его времени данными о вислых новгородских печатях⁴, однако находки новгородского Городища еще ждали научного обобщения, поэтому как-то кардинально повлиять на оценку Невוליным их правового значения известные к этому времени данные не могли. В указанном труде Мейчика сугубо сфрагистические моменты нашли гораздо большее отражение, ибо к этому времени привлекли внимание научной общественности и книга А.Б. Лакиера "Русская геральдика", и известные сборники русских печатей (см. о них в гл. I).

Отсутствие в древнерусском законодательстве (имеется в виду прежде всего Русская Правда — важнейший правовой памятник Древнерусского государства, нормы которой нашли отражение и в законодательстве XV — XVI вв.⁵) каких-либо нормативных положений, касающихся печатей, в частности, квалификации ее доказательной силы, явилось также существенной причиной игнорирования в юридической литературе вопроса о печатях. По-видимому, иначе и быть не могло: ведь, по мнению почти всех без исключения юристов, Русская Правда не давала основания говорить, выражаясь юридическим языком, о письменном процессе. Лишь Н. Дювернуа, также подчеркивавший, что по Русской Правде "все формы сделок и процесса исключительно устные", тем не менее отмечал, что в одном месте встречается "самое название писца"⁶.

Соответствовал такому процессу способ вызова в суд. Согласно Русской Правде, истец сам заботился, чтобы ответчик являлся на суд, однако не исключаются и особые лица, занимавшиеся вызовом (или доставкой?) в суд, правда, форма вызова кажется исследователям неопределенной⁷.

Устный процесс предполагал и специфическую систему доказательств, которым уделяют внимание многие правоведы как в общих работах по древнерусской юрисдикции, так и в специальных трудах⁴.

С. Пахман выстраивает следующую схему судебных доказательств: 1) собственное признание, 2) признаки нарушения прав (раны, кровь), 3) показания свидетелей, 4) божьи суды: а) испытание железом и водою, б) присяга (рота), в) поединок, г) жребий⁵. Эти судебные доказательства, прослеживающиеся по Русской Правде, существуют, по мнению Пахмана, и далее вплоть до XV в.

В целом схема созвучна мнениям, высказанным по этому вопросу и другими исследователями, однако многие основное место в доказательствах отводили показаниям послухов⁶, начиная с Русской Правды и вплоть до XVI в., характеризуя эти показания (как и прочие виды доказательств в Русской Правде⁷) с точки зрения безусловной доказательности. Подобное утверждение встречало оппонентов, которые, напротив, заявляли об отсутствии характера безусловности по древнерусскому праву⁸. Однако, как пишет Б.И. Сыромятников, придававший характер безусловности даже таким доказательствам, как рота, постепенно безусловность всех существующих по Русской Правде доказательных средств стала ослабевать, так как появились письменные документы, могущие свидетельствовать в суде⁹.

Насколько же доказательны эти документы, какой носят характер, что их делает доказательными? На подобные вопросы историки-юристы дают самые различные ответы.

Начать с того, что существуют различные мнения, кстати и среди советских исследователей, о времени появления доказательств с помощью документов. М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что письменные документы в качестве судебных доказательств на Руси появились в конце XIII — начале XIV в. Это "доски" и "записи"¹⁰. Признаки новых условий права видит Дювернуа в новгородских "досках" XIII в. как письменных свидетельствах для суда, а уже тот факт, что с XIV в. знали акты как способ доказательства на суде, для Дювернуа бесспорен¹¹. А. Станиславский¹² был убежден, что нет ни одного судебного акта, который был бы древнее XIV в. Пахман считал, что к числу судебных доказательств можно относить письменные доказательства с начала XV в.¹³ Бесспорно, на первое место среди судебных доказательств ставятся письменные акты по Псковской и Новгородской Судным грамотам, в которых упоминаются пошлины за различные судебные действия, и прежде всего за печати¹⁴. Судебник 1497 г. также называется в числе памятников права, фиксирующих в качестве судебных документов письменные свидетельства¹⁵. Однако, как считает Латкин, по Судебнику 1497 г. письменным доказательствам еще не придается исключительного значения, большую роль играют свидетельские показания¹⁶.

На фоне столь разноплановой хронологической оценки возникновения доказательства с помощью документа в отечественной ис-

ториографии существует не меньшее разнообразие мнений по поводу доказательности подобного документа. Дювернуа, например, писал: "средства, которые служат для того, чтобы сделать несомненной подлинность акта, — разнообразны. Одним из самых распространенных средств были печати"²¹. По мнению В.И. Сергеевича, обязательно печатью укреплялся акт о продаже в холопство²². Ряд исследователей считают, что о безусловной доказательности акта в судебном деле можно говорить только тогда, когда исчезают послухи из его достоверительной части, в этом смысле акты, считают они, не имели доказательного значения долго — до XVI и даже XVII в.²³.

Как видим, печать в качестве удостоверительного и доказательного средства выпадала почти из всех схем судопроизводства отечественных историков права.

Позиции советских историков права в отношении общей характеристики правовой системы Древнерусского государства, а затем оценки сохранившихся правовых памятников XIV — XV вв. в целом не вносят существенных коррективов в общую сумму знаний и представлений о средневековом русском праве. Подчеркивается, что в Древней Руси существовала довольно развитая система гражданско-правовых норм, включающих отношения собственности, нормы обязательственного, наследственного, семейного права, а также уголовное право²⁴. Зачатки этих норм дореволюционные историки видели в русско-византийских договорах X в.²⁵, советские историки предпочтение в этом плане отдают княжеским уставам, впрочем не отвергая названного хронологического рубежа²⁶. О процессуальном праве, т.е. нормах для судопроизводства, по мнению советских правоведов, также можно говорить со времени Русской Правды²⁷. Процессу и судопроизводству в Новгородской и Псковской Судных грамотах отводится уже гораздо больше места, чем в Русской Правде, кардинально меняется и их характер. (Наше внимание к этим двум правовым памятникам, хотя они выходят за рамки изучаемого в данной работе региона, объясняется тем, что их относят к источникам основного законодательного акта Московского государства XV в. — Судебника 1497 г.) Если не принципиально новую, то существенно измененную регламентацию русского права советские юристы видят в таком значительном памятнике, как Судебник 1497 г., содержащем в основном нормы уголовного и уголовно-процессуального права²⁸. Особенно существенным представляется для исследователей зафиксированная в Судебнике конкретизация некоторых норм гражданского права, например, установление общей и четкой нормы о наследовании, а также изменение в судопроизводстве: появление новой формы процесса — розыска, изменение системы доказательств, унификация системы пошлин²⁹.

Рисую широкую панораму развития русского права, акцентируя внимание на отдельных его этапах, советские правоведы констатируют, что это право создавалось на русской почве, отражая те общественные отношения, которые сложились на Руси, закрепляя те порядки, которые были обусловлены природой древнерусского феодального общества³⁰.

Традиционно русское право, по утверждению советских юристов, было отраслевым (подразделялось уже на самых начальных своих стадиях на гражданское и уголовное). В свою очередь, становление и эволюция этих отраслей обуславливали появление соответствующих норм и институтов, форма которых зависела от той или иной стадии развития государственности.

Так, относящееся к гражданскому обязательственное право, возникающее, в частности, из договоров, регламентировалось по Русской Правде рядом договорных норм: займа, купли-продажи, перевозки³¹. Институт договора был в этот период самым простейшим: при заключении договоров применялась устная форма с совершением некоторых символических действий, которые состояли в рукобитье, связывании рук и пр. "В некоторых случаях", по мнению советских историков права, при заключении договора требовались свидетели. Очень неопределенно звучит высказывание специалистов по поводу существования в это время письменной формы договора³². При характеристике же способа наследования в Древней Руси и признании существования наследования по завещанию вопрос о форме завещания решается советскими правоведами вполне категорично: "завещания были, конечно, устными"³³.

Процессу судопроизводства в Древней Руси, согласно интерпретации советских историков права, присущи ряд специфических черт (например, обе стороны — истцы сами являются двигателем всех судопроцессуальных действий, т.е. сами доставляют в суд обидчика), определенная система доказательств, носящих "устный" характер³⁴.

Итак, современные праведы, анализируя древнерусское право и процесс, как и их дореволюционные коллеги, обращают внимание на устный характер последнего. Устный же процесс по логике вещей элиминирует использование такого правового института, как печать. Однако и при устном процессе все-таки могла быть применена *sigillum citationis* — "печать вызова", если суд имел надлежащее устройство³⁵. Краткая Русская Правда в статьях 11, 14, 15, 16³⁶ подчеркивает активную роль истца в приводе ответчика (похитителя собственности) на суд. В статьях же 31, 40, 41³⁷ упоминаются лица, которые участвовали в одном из действий суда. Являлись ли они "вызываемыми" лицами, не ясно. Судя по терминологии: "изымал", "емец", "мечник", это скорее были "доставляющие" лица, т.е. лица, участвующие в вызове, который осуществлялся путем принуждения. Пространная Русская Правда в статьях 35, 36, 40, 77, 113³⁸ также признает, что истец сам участвует в розыске обидчика и доставке его в суд, в то же время в статьях 9, 86, 107, 108, 114³⁹ упомянут ряд чиновников, исполняющих судебные функции. Однако остается неясным, как и в какой форме осуществляли они вызов в суд и вообще осуществляли ли. Особенности древнерусского судопроизводства, насколько его отражают статьи Русской Правды, как будто не свидетельствуют об использовании в нем "печати вызова". Но в то же время нельзя исключить предположение, что судебным служащим, предъявляющим "печать вызо-

ва", был метельник, метник (он же метальник, митник). Как известно, этот термин происходит от слова "мета", "метить"⁴⁰. Аналогию можно найти в венгерском судопроизводстве XI — XII вв., где известны судебные чиновники (первоначальная судебная компетенция их мало известна), которых по имеющейся у них печати, так называемому клейму, называли клеймщиками⁴¹.

Право печати регламентировано в Псковской и Новгородской Судных грамотах. Хотя ряд статей Псковской Судной грамоты⁴² свидетельствует еще об активных действиях истца по вызову и доставке ответчика в суд (иногда совместно с судебными чиновниками) — это статьи 26, 35, 46, 54, 57, 65, 67, 82, 98, здесь зафиксирована более высокая по сравнению с предыдущим правовым памятником степень организации судопроизводства. Псковская Судная грамота подчеркивает активную роль в процессе судей, посылающих для расследования дела "своих людей" (ст. 24), подчиняет определенным правилам процедуру проведения суда — "а на суд помочю не ходити, лести в судебницу двема сутажником" (ст. 58), называет группу судебных чиновников, в значительной степени конкретизируя их функции: подверники — смотрители в суде (статьи 58, 59), приставы (дворяне, подвойские) осуществляли следственные действия, действия по исполнению судебных решений, а также, правда отнюдь не всегда, вызов в суд (статьи 37, 40, 57, 64, 65, 66, 81). Позовником, т.е. человеком, который вызывал в суд, мог быть не только пристав, но и тот, кто предъявлял позовницу, отличающуюся по содержанию, согласно Псковской Судной грамоте, от приставной (статьи 50, 82). Обе, однако, скреплялись печатами князя или "Троицы"⁴³, так же как и другие судебные документы (судница и бессудная). Статьи 50, 82, 83 Псковской Судной грамоты можно рассматривать как непосредственно нормирующие правовые функции печати. Правовое значение благодаря печати князя или "Троицы" приобретают такие судебные документы, как позовница, судница, бессудная, приставная. В обязательном порядке печать князя — посадника (светских властей) прикладывалась также к выездным (проездным) документам.

Ст. 38, на наш взгляд, косвенно указывает на использование печати в оформлении документов договорного характера⁴⁴.

Новгородская Судная грамота⁴⁵ фиксирует высокий уровень судостроительства в Новгородской феодальной республике. Она свидетельствует о развитой судебной организации: существовании судов высшей и низшей инстанций, особых судов торгового, владычного наместника, четко обозначенной структуре высшего суда, регламентации неприкосновенности членов суда; свидетельствует об унификации процесса; нормах вызова в суд⁴⁶, порядке ведения дела в высшей судебной инстанции, порядке оценки свидетельских показаний, протоколе судебного заседания и пр. Естественно, столь развитое судостроительство предполагает и соответствующий уровень оформления правовых документов. Процесс по Новгородской Судной грамоте, так же как и по предшествующей ей Псковской Судной грамоте, предстает исключительно письменным: существует

письменная форма вызова в суд, среди судебных доказательств предпочтение отдается письменному свидетельству, судебные решения выносятся только в письменной форме⁴⁷. В качестве утвердительного средства судебных документов в Новгороде, как и в Пскове, используются печати различных судов, бытующие в форме личных печатей того или другого представителя власти. Исследованные В.Л. Яниным печати Новгорода⁴⁸ отражают существовавшую в Новгородской феодальной республике стройную систему использования печатей в судебной практике. Новгородская Судная грамота, дошедшая до нас в неполном виде (сохранились лишь первые 42 статьи), регламентируя функции печати в судопроизводстве, фиксирует в основном факт взимания пошлины за приложение печати к таким судебным документам, как судная грамота, бессудная грамота, срочная грамота (статьи 8, 24, 30, 31). Однако имеется также специальная норма (ст. 21), которая отражает правовой аспект печати, выявляющийся непосредственно в процессуальных действиях. Она гласит: "А судьям как розказщики укажут, ино кому ни есть судье велети своему дяку тое дело записать, а розказщиком к тем списком свои печати приложить". Согласно этой статье, в качестве утвердительного средства используются печати участников процесса "розказщиков". Если в понятие "розказщик" входят спорящие стороны или их представители — ответчик и послух⁴⁹, то в этой статье содержится информация (вероятно, печать должна была заменять подпись) о широком использовании личной печати гражданами Новгородской феодальной республики в качестве утвердительного средства. Однако для подобной констатации пока нет оснований. Ведь даже завещания, которые, согласно византийскому праву, например, скреплялись печатью завещателя или послухов, в Пскове и Новгороде имели свой принцип оформления, исключавший печать завещателя⁵⁰.

Поэтому можно согласиться с А.А. Зиминим⁵¹, который в "розказщиках" видел судей низшей инстанции (докладывающих суду высшей инстанции), которые имели свои должностные печати.

Новгородская Судная грамота, кроме того, что сохранилась не полностью, и по содержанию специфична: она содержит нормы, регламентирующие судостроительство и процесс. Норм гражданского права в ней практически нет⁵², возможно, поэтому здесь не нашел отражения процесс вмешательства государства в сделки частных лиц в виде утверждения этих актов печатями должностных лиц, который с XIV в. характерен для Пскова и Новгорода.

Применительно к Северо-Восточной Руси впервые регламентирование печати прослеживается в таком правовом памятнике, как Двинская уставная грамота 1397—1398 гг. Согласно принятой современными исследователями точке зрения, Двинская уставная грамота представляет собой историко-правовой документ, "впервые отражающий законодательство Русского централизованного государства"⁵³, и, являясь результатом юридической деятельности московских великих князей, закрепляет правовые нормы, утвердившиеся уже к этому времени в Московском государстве. Ст. 10 "впи-

сывает", таким образом, печать в судопроизводстве не только Двинской земли, но и Московского государства: "А от печати наместником по три белки; а дьяком от писма от судные грамоты две белки. А сотскому и подвойскому пошлинка с лоды по пузу ржы у гостя"⁵⁴. Конечно, упоминаемые в статье "белки" (белы) — это новгородско-двинская денежная единица⁵⁵, дворяне и подвойские, осуществляющие вызов в суд чиновники, выполнявшие и ряд действий по осуществлению судебных решений, также представляют собой институт, по-видимому, хорошо известный двинянам (статьи 8, 9). Однако, если указанные статьи по форме и отражают близость Двинской уставной грамоты к нормативным актам Новгородской феодальной республики, реальным может быть тот факт, что по своему существу они идентичны нормам, бытующим в Московской Руси. Таким образом, включение их в грамоту, исходящую от московского великого князя, не только является доказательством существования в Московской Руси письменного процесса, на чем акцентировали в свое время внимание А.А. Зимин и А.Г. Поляк⁵⁶, но и свидетельствует о наличии здесь такого правового института, каким является печать.

Определенная устойчивость характера судопроизводства Московской Руси предопределяет включение статей, так или иначе отражающих функциональные свойства печати в процессе, в кодекс единого Русского государства — Судебник 1497 г. По оценке большинства исследователей Судебника 1497 г., последний внес единообразие в судебную практику Русского государства, но, знаменуя собой новый шаг в развитии права, не целиком заменил предшествующее законодательство; таким образом, в ряде случаев некоторые правовые нормы, особенно это характерно для гражданского права, оставались на уровне ранее действующих законодательств, в частности Русской Правды⁵⁷.

Судебные пошлины, как известно, одна из основных черт русского обычного права. Данная норма сохранена в Судебнике 1497 г., и печати по традиции русского кодифицирования "вплетены" в судопроизводство в "пошлинных" статьях (статьи 15, 16, 17, 22, 23, 24, 25, 28, 40)⁵⁸.

Однако, несмотря на этот факт, выявляется повышение правового статуса печати, которое находится в соответствии с возросшей систематизацией норм судопроизводства в целом, а также формализацией и усложнением процессуальных действий⁵⁹, что зафиксировано в Судебнике 1497 г.

В отношении печатей формализующим моментом является определение порядка выдачи и оформления судебных актов. Судебник Ивана III регламентирует удостоверение таких судебных документов, как приставная (память) (ст. 28), правая (статьи 15, 17, 22), бессудная (ст. 25), отпускная (статьи 17, 18) грамоты, докладной список (протокол судебного заседания) (статьи 16, 24), при помощи подписи дьяка и печати судьи. Подобным образом оформлены правые грамоты и отпускные органов наместнического управления (статьи 40—42) с некоторой, правда, корректировкой. Такие судеб-

ные документы, как срочные и отписные срочные (ст. 26), не скрепляются печатью судьи, но удостоверяются лишь подписью дьяка (вспомним Новгородскую Судную грамоту, где в ст. 24 говорится, что она должна быть скреплена печатью посадника). Хотя пошлины в великокняжеском суде по сумме те же, что и в боярском (они гораздо больше аналогичных пошлин местного суда), их сумма различна при выплатах за оформление различных документов. Так, за оформление правой грамоты и в княжеском и в боярском суде взыскивается пошлина (с рубля) за печать 9 денег, дьяку за подпись — алтын (6 денег), подьячему, написавшему грамоту, — 3 деньги. За оформление бессудной грамоты: за печать — алтын, дьяку за подпись — также алтын, подьячему — 2 деньги. Поскольку бессудная грамота упоминается только в связи с производством дела в княжеском суде⁶⁰, разница в пошлине за печать, которую при оформлении как правой грамоты, так и бессудной грамоты, прилагал печатник великого князя, может свидетельствовать о начальном этапе формирования различных видов (по внешним признакам и правовому значению) великокняжеской печати, применявшейся для скрепления различных по своему правовому значению документов. Обращают на себя внимание статьи (22—25, 28), в которых упоминается печатник — специальное должностное лицо, хранившее великокняжескую печать и регламентировавшее ее использование. Регламентация деятельности печатника в общегосударственном законодательном сборнике совпадает с созданием примерно в это же время общегосударственной печати.

Судебник 1497 г. мало регламентирует гражданское право, а именно обязательственное, договорное и пр., поэтому здесь, естественно, нельзя найти сведения о правовом укреплении, удостоверении договоров. Но в то же время можно констатировать, что в Судебнике 1497 г. отражено возрастание письменного делопроизводства, нормируются функции лиц, профессионально занимающихся им (дьяки, подьячие, печатник). А это, в свою очередь, расширяет и диапазон применения печати, укрепляет ее позиции в качестве удостоверительного средства документа, постепенно превращающегося в абсолютное доказательство. Увеличение веса печати в судебном деле равнозначно и усилению правовой значимости при оформлении частных сделок.

Последующие законодательные памятники содержат нормы, свидетельствующие о правовой дифференциации печатей. Так, Судебник 1550 г. регламентирует использование печатей различных должностных лиц (например, дьяков — ст. 28), регламентирует употребление вислой красновосковской общегосударственной печати (статьи 43, 90), таким образом отличая ее правовой статус от обычной (черновосковской) печати великого князя⁶¹. Позднее в правовых памятниках появляются статьи, определяющие статус печатей местных властей, регламентирующие их изображение и легенду⁶², появляются в законодательстве и специальные статьи по поводу фальшивых печатей и степени наказания (смертная казнь) за их подделку⁶³.

Созданные в 1611 г. Печатный приказ, а затем вместо него Печатная контора в 1722 г. явились важными вехами администрирования в этой области и обуславливались все возрастающей бюрократизацией государственного аппарата и увеличением объема бумажного делопроизводства.

Комплексное издание русских законодательных памятников и сопровождающие публикацию комментарии, включившие конструктивно проанализированные мнения и оценки этих памятников дореволюционными и советскими правоведами, историками, дают возможность выявить основную линию развития института печати в общем контексте правовой эволюции.

Современные историки права, так же как и их дореволюционные предшественники, не включают печать в качестве предмета исследования в изучение ни процесса, ни системы доказательных средств, что можно рассматривать как следствие недостаточности нормативных постановлений и указаний в отношении печатей. Однако, хотя регламентация того или иного института в законодательных памятниках и является своеобразной вехой, фиксирующей этапы его развития, само развитие предполагает отражение его в иных социальных явлениях, в данном конкретном случае не только в кодексах, но и в повседневной юридической практике, в актовом материале, в делопроизводственных документах. Эта исходная позиция осталась без внимания как в дореволюционной историографии, так и в современных историко-правовых исследованиях.

Между тем уже древнейшие русские акты — договоры Руси с Византией X в., текст которых реконструируется по Повести временных лет XII в., позволяют поставить вопрос о времени возникновения на Руси института печати. Многие историки права XIX в., досконально разбирая договоры Руси с Византией, приходили к определенному выводу по поводу их правового значения — в договорах зафиксированы нормы русского права⁶⁴. Советский историк права С.В. Юшков считал, что в тексте договоров отражены нормы русского обычного права, а также нормы греческого права; таким образом, они представляют собой конгломерат смешанного права, нормы которого были установлены в результате компромисса между договаривающимися сторонами. «Составители договоров, — пишет Юшков, — сделали ...довольно искусную попытку приспособить греческое (византийское) право, характерное для развитого феодального общества, к русскому праву ("Закону русскому"), т.е. к системе права варварского, дофеодального государства»⁶⁵. В последующей советской историографии эти правовые памятники получили разностороннюю оценку (прежде всего как акты международного права, в которых нашли также отражение нормы частного права Византии и Руси), подверглась исследованию и форма договоров⁶⁶, в частности затрагивался вопрос о способах, при помощи которых данные договоры утверждались как правовые акты⁶⁷. Подобную постановку в значительной степени стимулировал тот факт, что в начале 70-х годов в литературе получила признание версия о скреплении договоров (по крайней мере 944 и 971 гг.) со стороны

Руси вислыми металлическими печатами — буллами, тип которых, в частности буллы, принадлежащей Святославу, был выделен на основе анализа древнерусских сфрагистических памятников⁶⁸. Этим самым подтверждался тезис о наличии института печати на Руси еще в языческое время и делалась попытка объяснить в связи с подобной трактовкой статуса печати на самых ранних этапах существования Древнерусского государства важные правовые моменты в жизни русского общества.

В настоящее время ученые склоняются к мнению, что, поскольку сфрагистический материал архаического типа выявлен недостаточно четко⁶⁹, о хронологическом рубеже, с которым можно было бы связать начало употребления буллы на Руси, нельзя говорить с точностью. Подобный подход, в частности отступление от суждения о непеременимости скрепления договора 971 г. буллой Святослава, заставляет еще раз обратиться к анализу способов утверждения русско-византийских договоров в плане соотношения с существовавшими международными традициями и в плане корреляции становления такого правового института, каким является печать, в Древней Руси и в средневековом мире в целом.

В обширной отечественной и зарубежной литературе, посвященной русско-византийским договорам X в., как правило, проводится сопоставление порядка их заключения с принципами оформления других международных договоров Византии, что, без сомнения, является методически правильным. "Отправным пунктом" для исследователей обычно становятся договор 562 г. между Персией и Византией, о котором писал Менаандр Протектор⁷⁰, и византийско-венецианские договоры конца X в.⁷¹. Довольно успешное применение сравнительно-исторического метода в изучении формуляра русско-византийских договоров, к сожалению, не внесло четкости в определение способов утверждения данных международных актов. Одной из причин этого является недостаточная изученность международного права Византийской империи, что объясняется скудостью источников⁷², а также отсутствием конкретности в сведениях византийских авторов по интересующему нас вопросу. Ведь даже, казалось бы, ставшее эталоном точности сообщение Менаандра о процедуре заключения греко-персидского договора 562 г. может ввести в заблуждение относительно процедуры, так как в нем дважды упоминается о переводе, сравнении текста, о печатях⁷³.

Однако скудость данных не может затухать отсутствием стереотипа при утверждении различных международных соглашений Византии. В 562 г. с персами был заключен договор на 50 лет, тексты которого, переданные обеим договаривающимся сторонам, были скреплены подписями Юстиниана и Хосрова. Но тот же Юстиниан в 550 г. заключил, по-видимому, устный договор с гепидами, подтвердив его клятвой. Кроме того, по просьбе послов скрепить договор клятвами 12 человек из числа сенаторов по воле императора подтвердили этот договор⁷⁴. Известно, что договор 911 г. Руси и Византии (экземпляр, идущий от греческой стороны) подписал "своею рукою" византийский император⁷⁵; договор 927 г.

между Болгарией и Византией скрепили подписями (каждый — свой экземпляр) царь Петр и византийский император Роман Лакапин⁷⁶, а в 917 г. при заключении мира с печенегами заключающий этот мир знатный византиец Иоанн Богас клялся по обычаю печенегов, рассекая жертвенную собаку и осуществляя целый ряд символических действий, печенеги же дотрагивались руками до византийских “божественных символов”⁷⁷.

Подобные факты, на наш взгляд, могут свидетельствовать, что в одно и то же время существовали различные способы утверждения договоров и к осуществлению как самих договоров, так и способов их ратификации Византия, как отмечал Миллер, подходила “разумно”. На основании приводимых в источниках данных исследователи не могут с точностью воспроизвести процесс становления формуляра или формуляров международных договоров Византии, они лишь констатируют их наличие с последних лет X в. и до середины XV в.⁷⁸ Однако очевидно, что выработка стереотипа основывалась на длительной практике заключения международных договоров и соотносилась с развитием делопроизводственных стереотипов самой Византии. Она не могла, в частности, не соотноситься с созданием такой формы документов, как императорские пожалования — хрисовулы, предназначенных прежде всего для внутреннего употребления, а затем получивших распространение и в международных отношениях.

Время появления хрисовулов, скрепленных золотой императорской буллой, по Дэльгеру, конец IX — начало X в. Сообщение о первом хрисовуле, имеющем отношение к международному договору Византии (с Венецией), датируется лишь 992 г.⁷⁹ Эта форма, по мнению Миллера, вряд ли могла быть использована в отношениях с персидским шахом, который отнюдь не всегда признавал первенство Византии, а также с Арабским халифатом — ортодоксальный халифат не считал себя стоящим иерархически ниже, чем Византия⁸⁰.

Обмен равнозначными ратификационными грамотами между Византией и этими государствами отражен византийскими источниками. Можно назвать уже упоминавшийся договор с Персией 562 г. Феофан сообщает о посольстве патриция Иоанна в Арабский халифат в VII в. для заключения мирного договора и подчеркивает, что после многих переговоров “согласились письменно изложить условия его”. “Когда подписали сии две торжественные грамоты и разменялись ими между собою, — пишет Феофан, — то всезнаменитый посол (Византии. — *И.С.*) с великими дарами возвратился к царю”⁸¹. Договор, по-видимому, с византийской стороны подписал посол. Еще об одном договоре (678 г.), подписанном византийским послом Павлом в Ливане, — “утверждение сделано письменно и при свидетелях” — сообщает Феофан⁸². Златарский приводит сведения о заключении в 773 г. письменного договора между Византией и Болгарией и об обмене текстов договоров⁸³. Договорная надпись 820 г.⁸⁴ сообщает о договоре, заключенном между Византией и болгарским ханом Омуртагом: договор заключен в письмен-

ной форме и, по-видимому, произведен обмен равнозначных текстов договора.

Имеется еще целый ряд сведений о византийско-болгарских договорах⁸⁵, однако об обмене договорными грамотами, вероятно, речь может идти лишь после договора 716 г., в результате которого Византия признала суверенитет Болгарии⁸⁶. Способ утверждения вышеназванных договоров не совсем ясен. В литературе имеются сведения о клятвенном скреплении договоров со стороны болгар. Со стороны Византии подобные договоры подписывал император, но могли, по-видимому, подписать и послы. Во всяком случае, об этом имеются сведения: константинопольский патриарх писал царю Симеону, что если он согласен на мир, то "будут послы — видные в церкви и государстве лица, которые утвердят и скрепят договор"⁸⁷.

Наряду с упоминаниями о подписном скреплении международных договоров Византии в источниках встречаются сведения о ратификации договора при помощи клятвы. Миллер пишет, что практика применения клятвы при ратификации византийско-иностраных договоров имела давнюю традицию⁸⁸. Он приводит примеры ранних договоров Византии с христианскими государствами, утверждение которых, по его мнению, не могло вызвать затруднений у Византии, как, например, договор 583 г. с франками, "утвержденный священниками и подтвержденный клятвой". Однако не менее терпимо Византия относилась и к клятве турецкого посла, который в 568 г. давал ее при помощи поднятой руки, и к кровавым клятвам печенегов, и к клятвам варварских народов их языческими богами, силами природы, предметами вооружения и пр.

Клятва славян состоит как бы из двух частей: они клянутся своим оружием и своими богами, в частности громовержцем Перуном. Клятва оружием или над оружием (над мечом) известна у многих варварских народов: у болгар⁸⁹, аваров⁹⁰, древних германцев, которые, правда, в отличие от болгар и русских, клялись оружием на землю, вонзали меч в землю⁹¹. Однако сочетание в клятве оружия и обращения к громовержцу считалось прерогативой скандинавов. Не случайно этот факт привлекал к себе внимание⁹². Между тем обращение к Хронике Козьмы Пражского свидетельствует, что и чехи в языческое время клялись мечом (присягали на его рукоятки) и обращались к детям Юпитера (Марсу и Беллоне) в своей клятве⁹³. Меч как судебный символ был широко известен на Руси ("мечи у них Соломоновы", — сообщал о русских в начале X в. Абу-Али Ахмед бен Омар Ибн-Даст)⁹⁴ и в самом раннем западноевропейском средневековье⁹⁵; князь, король, император с мечом в руке изображался на специальных судебных печатах⁹⁶.

О роли печати как удостоверительного знака в византийско-иностраных договорах имеются не слишком четкие известия. Византийский историк Феофан сообщает, что посланник императора Юстиниана I Юлиан (VI в.) был отправлен к эфиопскому царю с договорной грамотой (*litterae sacrae*). Из рассказа Феофана далее следует, что эфиопский царь взял грамоту, затем поцеловал печать, на которой было погрудное изображение императора⁹⁷. Выше (в гл. II)

указывалось, что императорские послания в другие страны свертывались трубкой, обматывались шнуром, к которому могла быть привешена печать (это не хрисовул, поэтому печать могла быть свинцовой или восковой — оттиск императорского перстня), скрывающая содержание текста послания. Аналогичным образом могла быть закрыта и данная сакра. О подписи императора Феофан не сообщает. Интересно, как вел себя в ответ на вручение ему договорной грамоты эфиопский царь: “взяв в руки голову посла Юлиана, царь Арефа дал ему целование мира и отпустил его с большой сохранностью и со многими дарами”⁹⁸. Это сообщение Феофана не содержит достаточно ясных сведений об удостоверительной функции печати и ее значении в утверждении договорного акта VI в.

Сведения о печатях, включенных в процесс оформления относящегося к этому же периоду договора между Византией и Персией, также нечетки и отличаются нюансами в зависимости от перевода и толкования их исследователями. У Менаандра (по крайней мере согласно бытующим в отечественной литературе сведениям⁹⁹) речь идет о печатях послов, которыми они как будто бы скрепляли договор между Византией и Персией, и в то же время достаточно определенно сообщается, что сакры (σακραι — акт ратификации) утверждены византийским императором и персидским шахом. В детальном изложении применение печатей выглядит следующим образом: подлинники договора (подписанные главами государств) тщательно свертывались в трубку и по персидскому обычаю¹⁰⁰ и при помощи других способов, таких, как оттиски колец послов, а также 12 переводчиков, 6 византийских и 6 персидских, закрывались. Затем происходил обмен подлинниками актов ратификации и копиями их (на родном языке каждой стороны), которые были уже без печатей, закрывающих их¹⁰¹.

На наш взгляд, вопрос об утверждении договорного акта при помощи печатей послов остается открытым. Но все же нельзя отрицать наличия у послов перстней-печатей, при помощи которых производились оттиски, запечатывающие акт, что является, несомненно, классическим наследием, прочно утвердившимся в быту византийцев и многих варварских народов. Отражением этой традиции являются и легендарные сообщаемые Константином Багрянородным сведения. Византийский император Константин обратился к херсонитам: “...по причине вашего благорасположения мы даем вам ... золотые кольца с выбитыми [на них] нашими благочестивыми изображениями, с помощью коих вы, запечатывая при случае посылаемые вами нам донесения и просьбы, докажете нам, что послы являются подлинно вашими”¹⁰².

Недостаточно конкретные сведения имеются в трудах византийских авторов относительно печатей купцов. Так, Феофан сообщает¹⁰³, что болгарский хан Крум в 812 г. предлагал возобновить с Византией мирный договор, заключенный почти сто лет назад (в 716 г.) ханом Кормесием¹⁰⁴. Четвертая статья этого договора содержала условия торговли между Болгарией и Византией: торговцы обеих стран должны быть снабжены грамотами и печатями, а у

тех, которые не имеют печатей, отнимается товар и вносится в государственную казну. Именно такой перевод этого пункта дается в большинстве случаев в литературе¹⁰⁶. Однако еще Златарский¹⁰⁶ усмотрел неточность в передаче этого пункта, в частности, Ф.И. Успенским, по мнению которого торговые люди той и другой стороны должны быть снабжены грамотами с печатями, у не имеющих же отнимается товар и передается в казну. Златарский считает, что речь идет не о грамотах с печатями, а о пломбах и печатях, закрывающих товары. В том случае, если не имеется печати (на товаре), товар конфискуется в пользу государственной казны. Таким образом, статья рассматривается Златарским в ракурсе таможенного контроля и, как предполагает Златарский, эта статья, исходившая от византийского правительства, явилась отражением исключительно мытнической системы, которая требовала, чтобы товары были с пломбами и печатями. Она была обусловлена, с одной стороны, стремлением получить как можно больше доходов от торговли с болгарами, с другой — при существующем в Византии контроле государства за торговлей предупредить какие-либо обходные пути, минуя государственные таможи. Как известно, третий и пятый пункты упоминавшегося уже греко-персидского договора 562 г. также регулировали правила таможенного контроля за товарами, поступающими в обе договаривающиеся страны¹⁰⁷.

Эти пункты договоров обуславливались существующими и строго соблюдаемыми в Византии правилами торговли не только с другими народами, но и внутригосударственной. Государственный контроль за торговлей составлял в Византии целую систему норм, отступление от которых сурово наказывалось. Особому надзору правительство подвергало торговлю жизненно необходимыми припасами. Они были изъяты из коммерческих оборотов частных лиц и обращены в правительственную монополию. Строгая регламентация существовала в отношении деятельности корпораций торговцев скотом, рыбой, мясников, хлебников, торговцев маслом, мылом и пр.¹⁰⁸. Нормировалась закупка иностранных товаров, особенно льняных тканей, и продажа за границу драгоценных тканей, в первую очередь шелковых, пурпурных, ограничивался вывоз последних.

Представление о деятельности государственных чиновников по контролю за продажей товаров иностранцам и жителям Константинополя дает Книга Эпарха¹⁰⁹. Одним из основных моментов деятельности последнего является контроль за продаваемыми товарами при помощи прикладывания печати. Βοτῶλη (βοτῶλη ἐσφραγισμένη — опечатанное) переводится как клеймо, таможенная пломба (и печать). Например, § 4 гл. IV Книги Эпарха гласит: "Кто не представит эпарху для привешивания таможенных пломб товар, предназначенный для пересылки иностранцам, будет наказан", § 9 гл. XII — нельзя продавать мыло без клейма эпарха; § 2 гл. XIII — нельзя пользоваться гирями и мерами, не имеющими клейма эпарха¹¹⁰, и т.д. Естественно, здесь речь идет об употреблении буллы в качестве пломбы, нормативного знака, свидетельствующего о количестве

и качестве товара (его весе, длине, объеме). Булла фиксировала обязательное торговое правило, порядок, а не правовой статус.

Существующая в Византии вплоть до XIII в.¹¹¹ система строгого надзора за торговлей предполагала включение в определенные уставные рамки торговых операций с другими государствами и использование с этой целью системы контролирующих знаков. Подобные знаки в виде свинцовых печатей-пломб как отражение процедуры фискального характера, применяемые в отношении вывозимых из Византии товаров, известны уже в VI в.¹¹²

Вернемся к византийско-болгарским отношениям. Кроме Златарского, видит в упоминаемых статьей договора 716 г. печатях торговые пломбы также И. Свеньицкий. По его мнению, византийцы требовали от болгар опломбированных товаров¹¹³. Трактует тот же пункт договора, Миллер считает: речь здесь идет о том, что купцы каждой страны (византийцы и болгары) должны иметь при себе свидетельство (удостоверение) соответствующего правительства и платить необходимые въездные пошлины. Что же касается указания Феофана на "грамоты и печати", то, по мнению Миллера, "грамоты" как письменные подтверждения более значимые должны были предъявляться греческой стороной, а печати — менее сложные удостоверения — болгарской стороной¹¹⁴.

О каких же печатях все же идет речь в византийско-болгарском договоре 716 г.? К сожалению, данные о болгарских печатях этого времени немногочисленны. Как сообщает известный болгарский исследователь монет и печатей Н. Мушмов, форму, материал и тип печатей, подобно монетным типам, Болгария заимствовала из Византии¹¹⁵. Однако это самые общие сведения. Конкретно же Мушмов пишет о золотых, позолоченных, свинцовых печатях болгарских царей. Самая ранняя и единственная свинцовая булла, по мнению Мушмова дошедшая от Первого Болгарского царства, принадлежит князю Борису-Михаилу (852-889)¹¹⁶, который в 864 (865?) г. ввел в Болгарии христианство по православному образцу. На основании известных ему и крайне немногочисленных находок свинцовых печатей XI-XII вв. Мушмов делает вывод, что отдельные официальные лица в Болгарии, как и в Византии, имели печати из свинца. Были известны Мушмову и печати-перстни, на которых вырезались личные имена. Подобные печати прикладывались, по его мнению, вместо подписи¹¹⁷.

В настоящее время количество известий о болгарских печатях возросло. Выделены, правда в единичных экземплярах, наиболее ранние типы свинцовых печатей, принадлежащих праболгарам, находящимся на византийской службе, и болгарским ханам¹¹⁸. Среди них одна печать упоминавшегося здесь хана Тервела и одна — Телерига (VIII в.). Печать Тервела на лицевой стороне (далее: л.с.) несет изображение правителя с острой бородой и косой в воинском снаряжении со шлемом на голове, в правой руке копьё, в левой щит, справа и слева 6-лучевые звезды; на оборотной стороне (далее: об.с.) — крестовидная инвокативная монограмма: "Богородица, помоги цезарю Тервелу". Телериг очень недолго находился у влас-

ти, отказался от нее добровольно, получив от византийского императора титул патриция (высший титул, который давался иностранцам). Печать его также имеет крестовидную инвокационную монограмму только на л.с.; на об.с. — пятистрочная греческая надпись: "Господи, помоги твоему рабу Телеригу, богохранимому патрицию"¹¹⁹. Интерес представляет также золотой медальон, подражающий золотым византийским монетам и свинцовым печатям. На нем — поясное изображение властителя в одежде, застегнутой фибулой, на голове низкая корона, в правой руке крест, в левой свиток. Надпись (на смеси греческого языка и латыни) сообщает, что медальон принадлежит хану Омуртагу¹²⁰.

Как видим, на каждой из вышеописанных печатей, хотя они принадлежат правителям нехристианской Болгарии, имеются христианские символы и надписи, что свидетельствует о явном влиянии Византии не только на сам обычай использования металлических печатей правителями нехристианской Болгарии, но и на их тип. В какой степени подобный атрибут Византии мог быть усвоен болгарским обществом? Болгарские ученые считают, что существовала ханская канцелярия, устроенная по греческому образцу, где чиновниками являлись греки, по всей видимости духовного звания (монахи?), знавшие византийский протокол и дворцовые обычаи¹²¹. Но если и существовала такая канцелярия или протоканцелярия, осуществлявшая переписку с Византией, все-таки вряд ли можно говорить об усвоении нехристианским болгарским обществом института печати, который воплощался в подобных сфрагистических типах. Использование печатей отдельными болгарскими ханами выглядит как спорадическое явление с явными элементами подражательства Византии в плане типологии. Создается впечатление, что постоянный статус болгарская сфрагистика обретает лишь при христианских правителях. Во всяком случае, начиная с Бориса (852-889) устанавливается более или менее заметный ряд сфрагистических памятников — свинцовых булл с христианской символической болгарских царей, бояр, лиц духовного звания Первого Болгарского царства (681-1018)¹²².

Последующий исторический период, когда Болгария находилась под византийским господством (начало XI — конец XII в.), оставил в болгарской сфрагистике заметный след. Свинцовые буллы византийских управителей и чиновников фемы Болгарии разнообразны по типам¹²³. Исходя из содержания надписей можно заключить, что существовало различие и в их функциях. Так, среди них выделяется группа печатей для писем. Надписи на печатях гласят: "печать для писем...", "я запечатываю письма правителя Болгарии..." и пр.¹²⁴ Хрисовулы, аргировулы и моливдовулы со славянскими и греческими надписями известны исследователям в основном от времени Второго Болгарского царства (1187-1396)¹²⁵. Отношения к данному сюжету они не имеют.

Завесу над упоминаемыми в тексте договора 716 г. таинственными печатями приоткрыл В. Кутиков¹²⁶. Исследуя болгаро-византийский договор с правовой точки зрения и проанализировав все

существующие до него мнения относительно трактовки несколько испорченного места в тексте византийского автора Феофана, где речь идет о "грамотах и печатях" (σφραγίδων καὶ γραμμάτων), Кутиков встал на путь сравнительно-исторического анализа. Он сопоставил статьи договора, в частности вторую и четвертую, с аналогичными фактами, отражающими торговые контакты Византии с другими странами. В поле зрения автора оказались, таким образом, и общая направленность византийской торговой политики указанного времени, и ее отдельные импульсы, как, например, требования, предъявляемые Византией русским купцам. Включая Болгарию в орбиту нормативного режима внешней торговли Византии, Кутиков считает возможным раскрыть смысл малопонятного сообщения византийского автора, приняв во внимание не только этот фактор, но и соответствующий уровень хозяйственного и культурного развития Византии и Болгарии.

В результате Кутиков следующим образом восстанавливает процесс, ставший нормой договорного акта двух стран. Чужестранцы, едущие торговать в Византию, должны иметь легитимацию (удостоверение личности), полученную от властей их страны. Есть основания считать, что подобные легитимации оформлялись в виде печатей, а последние не исключали форму перстня. При закупке товаров в Константинополе иностранные торговцы должны были считаться со строгими требованиями византийской администрации: товары, вывоз которых не запрещался, в обязательном порядке пломбировались соответствующим лицом. Лишь при наличии подобной пломбы, или печати, товар мог быть вывезен за границу. Нарушение этого правила вызывало определенные санкции (согласно договору 716 г., конфискацию товаров в пользу казны).

Кутиков полагает, что появление четвертого пункта в договоре 716 г. в значительной степени обуславливалось существованием транзита через Болгарию, т.е. эта норма распространялась на иностранных купцов, едущих через нее. Однако и в Болгарию могли ввозиться (византийцами, болгарями) те византийские товары, что указаны во втором пункте договора 716 г.: одежды (вероятно, из драгоценных тканей), дорогие красные кожи. О подобных тканях, как совершенно справедливо замечает Кутиков, речь идет и в русско-византийском договоре 944 г.: русские купцы не имели права покупать "паволоки" дороже чем по 50 золотников, и если кто-то их покупал, то должен был показать "цареву мужю, и ты я запечатать и дать им"¹²⁷.

Итак, на основе сопоставлений и тщательной детализации уже известных исследователям фактов Кутиков по-новому интерпретирует текст Феофана и вносит, на наш взгляд, совершенно правильный акцент в трактовку четвертого пункта договора 716 г. между Болгарией и Византией: не грамотами с печатями снабжались торговцы обеих стран, а печатями как удостоверениями личности (в виде кольца) и пломбами, которые определяли количество и качество привозимого или вывозимого товара. Товары без пломб конфисковывались.

Имея соответствующую картину для сравнения (насколько ее можно было нарисовать исходя из скудного и отрывочного материала), обратимся теперь к данным о скреплении русско-византийских договоров и сведениям о печатах, содержащимся в тексте договоров.

Повесть временных лет приводит следующее сообщение об утверждении договора 907 г.¹²⁸: «Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротъ заходивше межы собою ("обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге". — Пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова), цѣловавше сами крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ»¹²⁹.

Из этих слов следует, что договор 907 г. скреплялся клятвой обеих сторон. Вопрос о том, был ли договор 907 г. оформлен в устной или письменной форме¹³⁰, в данном случае для нас не столь важен: если речь идет об устной форме, то, естественно, ни о каком скреплении печатами договора ни с той, ни с другой стороны говорить не приходится. Письменная же форма договора не противоречит тем способам, которые существовали при утверждении договоров, заключенных в разное время византийцами с христианами и нехристианскими народами, — при помощи клятвы обеих сторон. Скрепление договора клятвой со стороны Византии выражалось в целовании креста. Возможно, византийцы (в данном случае сами императоры) произносили соответствующую формулу (см. текст договора 911 г., где указано, что византийцы клялись "предлежащим честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истиннаго бога..."¹³¹). Клятва византийцев материализовалась не только в целовании креста и в призывании в свидетели Иисуса Христа, но в присяге на Евангелии или другом предмете подобного характера¹³².

Русские, по сообщению летописи, клялись оружием. В чем это выражалось? Договор 944 г. уточняет: "...некрещеная Русь полагають щиты своя и мечъ своѣ наги, обручъ своѣ и прочаа оружья"¹³³. Кроме того, русские также произносили соответствующую формулу ("да кленутся о всемъ"), смысл которой, вероятно сохранившийся в течение столетия, мог быть выражен словами: нарушившие договор "не имуть помощи... от Перуна, да не ушитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, от стрѣль и от иного оружья своего, и да будутъ раби вѣ весь вѣкъ в будущий"¹³⁴ (договор 944 г.). Вариант: будут прокляты Перуном и Волосом, богом скота, "и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ"¹³⁵ (договор 971 г.).

Договор 911 г. был заключен, бесспорно, в письменной форме. Процедура его заключения и оформления неоднократно рассматривалась в литературе¹³⁶. Если в подписной форме византийского экземпляра договора (подпись императора) мало кто сомневается¹³⁷, то форма скрепления русского экземпляра договорной грамоты в корроборации акта аналогии византийской форме не находит. Рус-

ские утверждали договор клятвой: «Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от бога суща, яко божие звание, по закону и по покону языка нашего (“по вере и по обычаю нашим”. — *Пер. Д.С. Лихачева — Б.А. Романова*), не преступити нам, ни иному от страны нашея от уставленных главъ мира и любви»¹³⁸.

В тексте договора упоминается¹³⁹: чем клянутся русские — “не точью просто словесемь и писанием и клятвою твердою, кленшеся оружием своим”, “такую любовь утвердити и известити по вѣре и по закону нашему”, каким способом скрепляют договор — “но подцимся, елико по силѣ, на сохранение прочих и всегда лет с вами, греки, исповеданием и написанием со клятвою извещаемуую любовь непревратну и непостыжну” (“но постараемся, как только можем, сохранить с вами в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, открытым объявлением и преданием письму с закреплением клятвой удостоверяемуую”. — *Пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова*).

Итак, со стороны Руси, как это следует из текста Повести временных лет, утверждение (ратификация) договора 911 г. происходит при помощи клятвы. Формы ее, вероятно, те же, что и реконструированные выше. Несколькостораживает, что договор 911 г., характеризующийся в современной литературе как равноправный, равнозначный (для Византии и Руси) акт, ратифицирован “не в одном ключе”. По-видимому, дополняла императорскую подпись, если она скрепляла договор 911 г., т.е. если последний не являлся просто записью условий, на основе которых он заключался (а по мнению Миллера, подобная форма не исключалась¹⁴⁰), императорская клятва, которая уравнивала в правах (для русских) договор, скрепленный клятвой русской стороны.

О том, что договор обоюдно скреплялся клятвой, сообщает Повесть временных лет, рассказывающая о дальнейших событиях, происшедших по возвращении русских послов, которые докладывают Олегу, что клятвы не должны нарушать ни греки, ни русские: “послании же Олгом послы приидоша ко Олгови, и поведаша вся речи обою царю, како сотвориша мирь, и урядь положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни греком, ни руси”¹⁴¹.

Следовательно, оба экземпляра договора 911 г. скреплены клятвой. И все-таки, были ли они юридически равнозначны? Ведь один экземпляр скреплен императорской клятвой (и подписью?), а другой — клятвой русских послов? Нам кажется, здесь возможны два варианта: правосознание русских и византийцев в X в. допускало, что в качестве ратификационного действия существовала клятва послов, которая по своей юридической значимости была идентична клятве главы государства. В таком случае клятва давалась русскими послами в Константинополе, где был составлен письменный текст договора, и, таким образом, скрепляла договор со стороны русских. Второй вариант: русские послы привозили с собой текст¹⁴² (черновой вариант?) и в тексте фиксировалась клятва великого князя русского Олега, а также “светлых и вели-

ких князь, и его великих бояр". Отсюда — "мы же кляхомся ко царю вашему..."

По поводу скрепления договора 944 г. можно сказать следующее. Если даже на византийском экземпляре договора (идущем к русской стороне) имелась императорская подпись, которая ставилась согласно канонам византийского делопроизводства¹⁴³, для русских требовалось, чтобы договор скреплялся с византийской стороны также клятвой. Игорю поведали об этом византийские послы: «И реша сли цареви: "Се посла ны царь, радъ есть миру, хоцеть миръ имѣти со княземъ рускимъ и любве. Твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и нась послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ"»¹⁴⁴.

Таким образом, если даже предположить, что русские послы подписали экземпляр договора, хотя об этом в тексте нет прямого свидетельства и фраза "а на другой послы ваша и гостье ваша" ("а на другой имена послов и купцов ваших". — *Пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова*) может быть понята как перечень имен русских послов и гостей в начале договорного документа, то текст Повести временных лет свидетельствует о недостаточности для византийцев подобного способа утверждения договорного акта. Требовалось подтверждение договора равнозначной клятвой со стороны русских, хотя русские послы, чьи речи были записаны в Константинополе по указанию византийских императоров, клялись той же самой клятвой, что и русский князь "и люди его" в Киеве. Повесть временных лет дает следующее описание посольской клятвы: "Мы же, елико нась хрестилися есмы, кляхомся церковью святого Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею..."; "а некрещеная Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и прочаа оружья, да кленутся о всемъ, аже суть написана на харатьи сей..."¹⁴⁵. Аналогична этой клятве клятва Игоря и его людей в Киеве: "Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, где стояше Перунъ, и поклагоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестяную Русь водиша ротѣ в церкви святого Ильи..."¹⁴⁶

Клятва, как видим, несколько видоизменилась ввиду появления на Руси христиан. Изменилась соответственно и формула клятвы. Однако способ утверждения договора по сравнению с 911 г. не изменился; о печатах, имеющих отношение к скреплению договоров, речь не идет.

Договор 971 г. впервые упоминает печати, которые как будто бы скрепляли его: "Се же имѣйте во истину, яко же сотворихомъ нынѣ къ вамъ, и написахомъ на харатьи сей и своими печатями запечатахомъ"¹⁴⁷ ("не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями". — *Пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова*).

Ряд исследователей полагают, что договор был скреплен печатью Святослава, его буллой¹⁴⁸. С.М. Каштанов считает, что речь здесь идет о послах, которые утверждали грамоту своими печатями, вероятно, потому, что Святослав уже принес присягу, скрепив договор клятвой.

Вообще, о форме этого договора в литературе существуют различные мнения. Однако, по-видимому, следует согласиться с высказанным в последнее время предположением А.Н. Сахарова, который приводит убедительные аргументы в доказательство того факта, что в русском лагере в Доростоле в присутствии Святослава, Свенельда, а также византийского посла Феофила был выработан проект договора, адресуемый от имени Святослава византийскому императору Цимисхию. Этот договор или проект договора был сообщен последнему в виде "речей" русскими послами и записан по-гречески императорскими переводчиками и писцами¹⁴⁹.

В тексте договора имеется ясное свидетельство утверждения его русским великим князем: "Азь Святославъ, князь руский, яко же кляхся, и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою..."¹⁵⁰. Как видим, со стороны русских договор утверждается опять-таки при помощи роты. Каков ритуал роты? Из текста следует, что договор утверждался русским князем и его приближенными, которые в присутствии византийского посла (вспомним, что подобным образом скреплял договор 944 г. Игорь в присутствии византийских послов) клялись богом (христиане), своими божествами Перуном и Волосом, а также оружием: "Аще ли от тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ, азь же и со мною и подо мною, да имѣем клятву от бога, в его же вѣруемъ в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ"¹⁵¹ ("Если же не соблюдемъ мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, — от Перуна и Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и пусть посечет нас собственное наше оружие." — *Пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова*). Таким образом, ритуал клятвы русских остался неизменным, так как формула ее близка предыдущей. Но если по русскому обычаю договор (с русской стороны) скреплен клятвой князя, то не совсем понятно, зачем этот же договор после князя должны были утверждать русские послы своими печатями?

К многочисленным высказываниям по данному поводу, которые в одинаковой степени несут гипотетический характер, можно, с одной стороны, исходя из соображений традиционности, с другой, — напротив, не находя аналогий в идентичных процедурах, добавить следующее. Предположение о запечатывании договора русскими послами можно принять лишь в том случае, если трактовать это запечатывание не как утверждение, а как закрытие свернутого в трубку согласно византийской канцелярской практике текста договора (в буквальном смысле "запечатывание, опечатывание").

Однако, на наш взгляд, в подобном действии усматриваются следы оформления документа "по-византийски", в результате чего (в момент корректировки текста договора в греческом лагере или записи речей русских послов по-гречески императорскими переводчиками и писцами) появилась последняя фраза, где упоминается "свои печати". О запечатывании (закрытии) текста персидско-византийского договора 562 г. византийскими послами (оттиски на

воске их колец) говорилось выше. Известно также, что византийские императоры в X в. отсылали правителям стран, с которыми поддерживали дружеские отношения, послания в сопровождении печати-медальона. Он прилагался к посланию или прикреплялся к шнуру, которым было обязано послание.

Послания, отправляемые в X в. к русскому князю, должна была сопровождать булла (медальон) в два солида. Этим Древняя Русь приравнивалась в глазах византийцев к таким их партнерам по договорам, как Венеция, Франция, Германия, эмираты Северной Африки, Грузия. (Известно, что в иерархии взаимоотношений с Византией в это время на высшей ступени стояли халиф Багдада и правитель Египта: в посланиях к ним использовались буллы в четыре солида¹⁵²) Дэльгер, однако, считает, что, хотя помпезность византийских посланий за границу — не редкость, а скорее правило, эта помпезность, особенно в раннее время, вполне могла выражаться лишь в особом оформлении текста — текст писался на красном пергамене золотыми буквами¹⁵³. Последние могли создать эффект пинехросы, о которой сообщают отдельные варианты договора 971 г.¹⁵⁴.

Именно подобным образом мог быть оформлен в греческом лагере экземпляр договора, идущего от греков к русским, и подобным же образом воспринимался как греческими, так и русскими переписчиками и копиями, современниками договора и современниками русской летописи. Ученые не исключают возможности изменения текста оригиналов договоров при копировании текста под влиянием существующей традиции, позднейших изменений в канцелярской практике и пр.¹⁵⁵

Итак, бесспорным при утверждении договора 971 г. является скрепление его, как и предыдущих русско-византийских договоров, с русской стороны клятвой русского великого князя и близких князю людей. Что касается печатей, о которых идет речь в последней фразе договора, то говорить об их принадлежности русскому князю или приписывать функцию удостоверительного знака печатям русских послов у нас все-таки нет достаточных оснований. Тем более нет явных свидетельств того, что они имели вид металлической буллы.

Малоправдоподобной представляется попытка отождествить с удостоверительными знаками в виде металлических булл и печати, упоминаемые в тексте русско-византийского договора 944 г. Как правило, в отечественной литературе именно эта дата принимается за древнейшую, когда речь идет о появлении русских печатей¹⁵⁶. Между тем в договоре 944 г. о печатах послов и кушцов речь шла как об уже существовавшем ранее факте: "А великий князь русский и боляре его да посылають в Греки къ великимъ царемъ гречскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, яко же имъ уставлено есть. Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же увѣдѣль есть князь вашъ посылати грамоты ко царству нашему; иже посылаеми бывають от нихъ послы и гостье, да приносятъ грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селико, и от тѣхъ да

увѣмы и мы, оже съ миромъ приходять. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будуть намъ, да держимъ и хранимъ, донде же възвѣстимъ князю вашему¹³⁷.

Как видим, в тексте договора четко ставится вопрос о замене существовавшего до сих пор бездокументального общения между Русью и Византией документальным. До сих пор кушцы и послы предъявляли свои удостоверения личности в виде печатей согласно византийской традиции. По-видимому, это были персти¹³⁸. Подобные удостоверения личности, вероятно, оставались в употреблении и в последующее время. Во всяком случае, в тексте договора речь идет не об их замене на грамоту, а о требовании предъявлять грамоты, где русские пишут о количестве посылаемых в Византию кораблей.

Соответствующее нововведение, как справедливо замечает А.Н. Сахаров¹³⁹, свидетельствует о стремлении Древнерусского государства поставить русскую торговлю с Византией под свой контроль. Однако в большей степени, на наш взгляд, данная норма вызвана распространением византийской торговой регламентации на русские товары, которые, согласно существовавшей ранее договоренности, русские могли привозить в Византию без ограничения.

Линия контроля византийской администрации прослеживается в нормах, зафиксированных, как отмечалось выше, еще в болгаро-византийском договоре 716 г. Это и санкции, налагаемые на русских при невыполнении определенных требований византийцев, и запрещение покупать драгоценные ткани дороже обозначенной стоимости, и предъявление купленных в Византии товаров таможенному контролю, привешивающему к этим товарам пломбу-печать. Следовательно, об утвердительной функции этой категории печатей в договоре 944 г. нет никаких сообщений.

Мы постарались конкретизировать форму скрепления русско-византийских договоров X в., исходя как из непосредственного сообщения об этих событиях спустя два века после их свершения, так и из некоторых соображений, вытекающих, во-первых, из сравнительного материала, во-вторых, из механизма правовых действий указанного времени. По-видимому, одинаковый правовой статус договоров, а что это было так, свидетельствуют исследования последних лет, предполагает и одинаковую по юридической значимости форму их утверждения.

Правовой характер русско-византийских договоров не вызывает сомнений у исследователей. Однако право это имеет определенный уровень, использование русскими печатей в качестве утвердительного средства в указанный период кажется очень проблематичным¹⁴⁰. Подобная постановка вопроса ни в коем случае не предполагает подчеркивания примитивности правосознания русских. Речь идет об определенной ступени развития и оформления правовых отношений, той ступени, на которой ясно прослеживаются следы компромисса, взаимоприспособления византийского права и варварского права.

Думается, что русско-византийские договоры не могут дать ос-

нований для заключения, что печать в правовой жизни древнерусского общества функционировала уже как утвердительное средство. В определенной степени она могла служить в качестве удостоверения личности. В торговле, в фискальных мероприятиях¹⁶¹ в Древней Руси в X в. могли использоваться печати, осуществляя свою функцию запечатывания, закрытия, т.е. играли роль нормативного знака, пломбы. Эти функции характерны для начальной стадии развития института печати, когда она, если можно так сказать, не выделилась еще окончательно из знаков собственности.

Переход от знаков собственности к печатам — особым знакам со специфическими правовыми функциями — в достаточной степени в европейской историографии не освещен.

Н.П. Лихачев, крупнейший знаток и исследователь не только сфрагистических памятников, но и различного рода знаков, отмечая функциональное отличие печатей, писал в отношении знаков, что это бытовое явление, результат “желания отметить в разное время и в разных случаях родоисхождение, собственность, производство”¹⁶².

Чрезвычайно важное значение для понимания закономерностей перехода от знаков-меток к знакам-печатям имеет работа Б.А. Рыбакова о княжеских знаках собственности¹⁶³. Написанная полвека назад, она остается одной из немногих работ в советской историографии, дающих методические установки при осмыслении процесса становления исторически складывающихся систем знаков различной социальной значимости. Особенно существенным является вывод автора об эволюции княжеских знаков собственности из метки, да и сам этот знак является, по сути дела, меткой “правящей династии”, в пределах которой он видоизменяется, сохраняя общую схему¹⁶⁴. Ограниченное время эти “фигуры” используются князьями в качестве знаков власти (на монетах, печатях), но затем заменяются новыми эмблемами власти, более соответствующими потребностям эпохи. Работа Рыбакова дает исторически обусловленную схему развития княжеских знаков собственности, которая предполагает существование (параллельное или последующее) столь же исторически обусловленных институтов, в чем-то близких системе княжеских знаков собственности по своей юридической природе, например печатей, гербов.

В свете изучения опыта мировой исторической науки, связывающей появление печатей с определенной степенью развития человеческого общества, с организацией и функционированием властей и учреждений, и основных положений упомянутых работ советских историков вопрос о начальной стадии возникновения печати в Древней Руси представляется заслуживающим дальнейшей разработки, особенно в той его части, где понятийная неопределенность ведет к неопределенности социального содержания того или иного знака. В нашей литературе, главным образом археологической, зачастую принимаются за адекватные понятия “пята”, “знамя”, “тамага”, “клеймо”, “печать”, “герб” и пр., хотя идентификация знаков собственности, знаков власти, печатей, гербов и др. вне времени и пространства выглядит ненаучно и неисторично. Между тем их

функционирование, эволюция, возникновение исторически обусловлены, их становление находится в тесной связи с общеисторическим процессом. В то же время существуют и своеобразные внутренние закономерности их развития, не позволяющие, например, считать гербами любые эмблемы и отличительные знаки, которые возникали с глубокой древности в различных культурно-исторических регионах. И дело не только в терминологии: называть или не называть, скажем, боспорские царские знаки, знаки Рюриковичей, башкирские тамги гербами. Дело в том, что все они обладают символикой, особой для своего места и времени, различные предметно-практические отношения лежат в их основе, различная сфера определяет их специфическую знаково-символическую деятельность¹⁶⁵.

Логика исследования юридического статуса знаков собственности, печатей и других знаков заставляет обращаться к законодательным памятникам¹⁶⁶. В гл. II приводились примеры из раннеславянских и других европейских кодексов, фиксирующих правовые функции печати в средневековом обществе. Древнейший русский законодательный памятник Краткая Русская Правда (X—XI вв.) из упомянутых выше знаков называет только “пятно”¹⁶⁷. Статьи 32 (“а в княже борти 3 гривне, любо пожгутъ любо изудрутъ”) и 34 (“а иже между переореть любо перетес, то за обиду 12 гривне”) дают возможность предположить существование “знамен”, знаков в виде насечек, зарубок, нанесившихся на бортовые и межевые деревья. Все эти отличительные знаки — княжеские¹⁶⁸. Таким образом, благодаря включению в официальный кодекс статей, содержащих упоминание о княжеских знаках, утверждается правовая сила этих знаков княжеской собственности, они узакониваются как атрибут княжеской власти¹⁶⁹.

С известной определенностью можно считать, что речь здесь идет и о печати как компоненте княжеского права, если допустить, что “пятно” и “печать” являлись адекватными понятиями в начальный период унификации правовых норм Древней Руси¹⁷⁰.

В Пространной Русской Правде (XII—XIII вв.) понятие “знамя” имеется в статьях 71, 72, 73, где речь идет о штрафе за уничтожение опознавательных знаков на бортовых и межевых деревьях¹⁷¹. Не сказано, что “знамена” княжеские. По-видимому, речь идет именно об отличительно-опознавательных знаках (не печатях) собственника борти, земли, и наличие подобных статей в кодексе “означает защиту законом самого принципа частной собственности, на который покушается преступник”¹⁷². Летописные известия XII в. повествуют о знаках, принадлежавших не только князю, но и другим феодалам-собственникам¹⁷³.

В интересующем нас аспекте выделяется ст. 74¹⁷⁴. Дореволюционные исследователи, в частности М.Ф. Владимирский-Буданов, рассматривали эту статью лишь в фискальном плане, применительно к сбору пошлин¹⁷⁵. Поэтому без должного внимания осталось упоминание о плате “на (за) мех две ногате”¹⁷⁶. В комментариях к данной статье в “Памятниках русского права” делается акцент на

Русские перстни-печати XIII–XIV вв.

трактовке статьи как отражения древнерусского судопроизводства. Понятным становится и введение в статью пошлины за пергамен (решение суда?), ассоциирующей с пошлиной, взимаемой за прикладывание печати. Узаконение этого факта наблюдается в последующих по времени древнерусских законодательных памятниках. Отсутствие непосредственного указания на приложение печати может свидетельствовать о том, что данная статья могла следовать за другими, в которых печать уже упоминалась (если допустить, как это делается в упомянутых комментариях, что данная статья — часть самостоятельного устава о накладах). В то же время не требующий особых доказательств само собой разумеющийся факт мог и не обрести конкретного воплощения в правовой норме. Так, в Корчальском статуте XIII в., где в ст. XIV речь идет о наказании за подложную грамоту, причем в деталях разбирается ее правомочность, о скреплении грамоты (“грамотки”) печатью ничего не говорится¹⁷⁷. Правовой статус печати зафиксирован в другой (XXIII) статье памятника.

В данной (74-й) статье Пространной Русской Правды, если наше рассуждение верно, печать может выступать в качестве заверяющего средства.

Казалось бы, незначительный на первый взгляд факт в общем контексте развития печати как правового института знаменует важный этап, характеризующий не только значение печати как компонента развивающегося делопроизводства, но и другой уровень правосознания, в формировании которого институт печати занимает вполне определенное место, хотя еще недостаточно изученное.

Дальнейшую эволюцию печати как правового института вплоть до конца XIV—XV в. по правовым памятникам проследить довольно сложно. Однако в распоряжении исследователя имеется комплекс вещественных “следов имплантации” печатей в быт древнерусского человека. Это “однородная и древняя серия перстней” XI—XII вв., служивших, как можно предполагать, матрицами для оттисков-печатей, обнаруженных в кладах или при археологических раскопках преимущественно в южных регионах Древнерусского государства¹⁷⁸. Для них характерна оригинальная символика в виде княжеских знаков, а также подражательная, византийская, хотя сами перстни русской работы¹⁷⁹. В этот комплекс, кроме перстней, входят прикладные печати (металлические, деревянные, костяные матрицы)¹⁸⁰, ареал которых охватывает все регионы Древнерусского государства. Однако основным компонентом названного комплекса являются металлические, в основной своей массе свинцовые печати, буллы, которым посвящены исследования Н.П. Лихачева и неоднократно уже упоминавшийся труд В.Л. Янина. Использование буллы, зафиксированное с XI в. в южных и северных (Новгород) регионах Древнерусского государства, ее эволюция в разных регионах в дальнейшем не отличались единообразием и не были однозначны. В XI — первой половине XII в. буллы, принадлежность которых авторами устанавливается вполне определенно — они являлись атрибутом власти духовных и светских феодалов, отдельных представителей княжеской администрации, — известны на севере, юге и западе Руси. Однако в течение XII в. их существование на юге затухает, или, как пишет Янин, в 30-е годы XII в. наступает “деградация княжеской печати на юге”¹⁸¹. (Имеется в виду буллы.) По времени этот феномен совпадает с сужением сферы применения буллы и в Византии, где в XIII в. они уже используются редко¹⁸². Между тем в тот момент, когда развитие института вислой свинцовой печати в большинстве русских областей прекращается, в Новгороде наблюдается ее расцвет, продолжающийся несколько столетий. Атрибуция и датировка новгородских булл явились объектом специального исследования, классификация их положена в основу реконструкции органов политической власти средневекового Новгорода, концептуально утвердившейся в советской историографии.

Однако представляется открытым и спорным вопрос о зависимости функциональных свойств древнерусских печатей от их материала. Этот тезис как своеобразное кредо вновь формулируется в одном из последних обобщающих трудов, посвященных археологическому изучению Новгорода¹⁸³. На наш взгляд, недостаточно институт булл увязывается с системой гражданско-правовых норм, которая четко прослеживается в древнерусском законодательстве, отражающем отношения собственности. Не ясно, как соотносится существующая концепция использования буллы с фактом становления письменной формы заключения договора о недвижимости, со становлением и эволюцией наследственного права — оформлением наследования по завещанию. Бытование булл не совмещено с ре-

шением основной юридической проблемы — проблемы судебного доказательства (не ясно, какое место занимала булла в существовавшей в период ее бытования системе судебных доказательств). Впрочем, как и два предыдущих, этот аспект увязывается в клубок проблем, не до конца разрешенных, — проблем соотношения печати (в данном случае буллы) и документа, о чем свидетельствуют критические замечания, высказанные в свое время в адрес двухтомного труда Янина¹⁸⁴.

Широкое использование в Древней Руси буллы, по-видимому, не может являться чисто внешним отражением ее ориентации на византийскую традицию (следование византийскому типу). Однако развитый институт печати предстает перед нами, так сказать, юридически не оформленным.

В гл. II показано, как под влиянием канонического права в Западной Европе утверждается статус печати в качестве критерия достоверности документа, заменяющей, в частности, показания свидетелей (не только в каноническом, но и в светском праве).

С введением христианства на Руси также стало складываться каноническое право, основанное в большой степени на византийском законодательстве. Многие сферы древнерусской действительности получили развитие в соответствии с каноническими правилами, например семейные отношения, наследование имущества, уже в древности¹⁸⁵. Вполне естественным будет предположить, что те нормы светских византийских кодексов, в которых зафиксирована форма удостоверения акта в той же самой мере, как и другие их статьи, могли повлиять и на русское законодательство (включение аналогичных статей), и на практическое применение печатей для скрепления актов. Если, конечно, подобные нормы в византийских правовых памятниках, известных на Руси, имелись, и если нормы византийских правовых кодексов вообще имели практическое применение на Руси с момента появления там этих кодексов.

При рассмотрении данного вопроса, однако, мы сталкиваемся с не разрешенной в историографии проблемой, которая более 200 лет дискутируется в отечественной и зарубежной историко-правовой литературе¹⁸⁶, — это проблема о степени влияния византийского права на русскую юрисдикцию. Обзор высказываний, предпринятый Е. Черноусовым, свидетельствует, что существуют не только различные, но прямо-таки полярные точки зрения отечественных ученых по вопросу о рецепции римского (византийского) права. Если даже игнорировать крайние мнения (утверждение, что на Русскую Правду влияло непосредственно римское право, минуя его византийскую интерпретацию — прослеживание рецепции в России римского права через византийское лишь в XVII в.), то и в этом случае мнения остаются самыми разными: большинство историков считают, что византийское право не оказало влияния, в частности, на древнейший памятник права — Русскую Правду, другая часть утверждает, что подобное влияние происходило через практику церковных судов, т.е. светское византийское право влияло на русское церковное право, а последнее — на русское светское пра-

во, наконец, трети придерживаются того мнения, что византийское право влияло на практику гражданских судов, т.е. не отрицают рецепция некоторых норм непосредственно из византийских юридических памятников уже во времена Русской Правды.

В литературе последнего времени противоречия в суждениях не изжиты. Наряду с отрицанием рецепций римского (византийского) права в Древней Руси и признания его проникновения в русское законодательство лишь в XVII в., что характерно для буржуазной историографии¹⁸⁷, появляется все больше доказательств применения византийских правовых норм в русской действительности в более ранний период. Влияние византийского права ощущается прежде всего в формировании норм церковного права уже в XI в.¹⁸⁸ Однако есть предположение, что и в светском праве очень рано могли быть использованы византийские юридические нормы. Об этом косвенно свидетельствуют русский перевод и русская редакция Эклоги, относящиеся, согласно новым изысканиям, к XI в.¹⁸⁹

Несомненно, увеличиваются возможности использования византийских юридических памятников в русском праве и судопроизводстве с распространением византийского юридического наследства на Руси — подлинников (греческих) и их славянских переводов¹⁹⁰. Довольно явственно это сказывается, как считают исследователи, на формуляре и содержании завещаний Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.¹⁹¹, оформление которых, как правило, относилось к церковной юрисдикции. Однако на основании включения переводов византийских юридических памятников в специальные светские юридические сборники, которые использовались в княжеском судопроизводстве, ученые предполагают, что нормы византийских кодексов или установления таких учебников права, каким является Прохирон, могли находить непосредственное применение и в светской юридической практике русских земель.¹⁹²

Применительно к предмету нашего исследования наибольший интерес могут представлять такие популярные на Руси памятники византийского права, как Эклога и Прохирон¹⁹³, ибо в них содержатся статьи, нормирующие использование печатей в качестве удостоверяющего средства.

Законодательный памятник византийских императоров-иконоборцев VIII в. Эклога состоит из XVIII титулов¹⁹⁴. В титуле V, носящем название "О (лицах), не имеющих права завещания" и относящемся в числе первых XVI титулов к гражданскому праву, содержится ст. 2, которая формирует принципы составления письменного завещания: "Письменное завещание делается в одно и то же время в присутствии семи достойных доверия свидетелей, призванных для этой цели и совместно подписывающих завещание и прилагающих печати. Завещатель обязан своей собственноручной подписью или знаком креста заверить имя наследника. Но если он пожелает, то он может не показывать свидетелям содержания своего распоряжения". В греческом тексте скрепление документа подписями и печатами свидетелей передается через выражение:

“Ἐγγραφὸς γίνεταὶ διαθήκη ἐν ἐνὶ καὶ τῷ αὐτῷ καιρῷ ὑπὸ ζ' ἀξιωματικῶν

μαρτύρων ἐπὶ τοῖς προσκληθέντων καὶ ἐν αὐτῇ κατὰ ταῦτόν ἀπογραφόντων καὶ σφραγίζόντων...¹⁹⁵.

Таким образом, удостоверительная функция печатей свидетелей при оформлении завещаний в Эклоге выражена четко. Как уже отмечалось в гл. II, принципы оформления завещания нормированы еще Юстиниановым законодательством. Исследователь византийского права Цахариз¹⁹⁶ подчеркивал, что эта норма, зафиксированная правом VI в., сохраняясь в своей основе в последующих узаконениях, варьировалась в них. Если при Юстиниане отсутствие подписей и печатей свидетелей делало завещание недействительным, то в дальнейшем достаточным было подтверждение свидетелей, чтобы признать документ завещанием умершего, т.е. необязательным становилось соблюдение всех деталей оформления. Эклога затем вернулась к формулировке Юстинианова права. Согласно последнему, имя наследника должно быть написано в завещании рукой завещателя либо в случае его неграмотности названо свидетелям и написано особым "восьмым" лицом¹⁹⁷. Последователями Юстиниана это правило отменялось, но Эклогой, Прохирином и пр. восстанавливалось в той форме, в которой оно цитировалось выше: если завещатель не мог собственной рукой написать (или собственноручно заверить) имя наследника, он должен был заверить это имя, начертав крест — χερσὶ κρητος¹⁹⁸.

В древнерусском переводе Эклоги эта статья фигурирует как "глава В" под названием "О свещаньи завета написана бывша": "Написанъ бываеъ заветъ въ едино (и) то же время от Z (7) достоверныхъ послухъ, на то призванымъ и в том на то написанымъ и назнаменашимъ, заветующему хотящю своимъ написаниемъ своею рукою Хвб имя наследника в томъ назнаменовати, не являющю послухомъ аще хоцеть воображена своя"¹⁹⁹.

На временные особенности древнерусского перевода, выражающиеся в специфике интерпретации греческого текста русским переводчиком Эклоги, обратил внимание Л.В. Милов²⁰⁰. По-видимому, подтверждением его точки зрения является и русская интерпретация термина "σφραγίζω" — "назнаменати" вместо "приложить печати", что соответствует правовому представлению переводчика о печати как знаке-метке — "знамени" (вспомним, что, согласно сообщению летописи, свои "знамена" ставила еще княгиня Ольга). Заслуживает внимания вторичное употребление термина "назнаменати", где речь идет о начертании креста, т.е. каком-то черчении, рисовании, а не о прикладывании печати. Древнерусский перевод неточен, так как перевод не учитывает согласования надежей греческого текста. Греческий текст этой статьи следует понимать согласно переводу Липшиц²⁰¹, т.е. в том смысле, что начертанием креста собственной рукой завещатель утверждал имя наследника.

И.И. Срезневский приводит несколько примеров перевода слова "σφραγίς" (и производных) термином "знамение" (и производными), который относится к XI—XII вв. Отмечает он использование термина "знамение", "знаменатися" в это же время и в ряде русских памятников — Повести временных лет, Русской Правде²⁰².

Термин “ἐσφραγίζειν” переведен словом “запечатати”, “запечатать левати”, “печатати”, а “σφραγίς”, “σφραγίδα” — “печать” также в некоторых памятниках, известных на Руси в XI—XII вв. Однако в церковных текстах речь идет о “печати Христовой”, о “знаке верующих”: “запечатываемъ своя грехы”, “бгносныхъ отъць оучения печатаемъ” — Ефремовская кормчая, “всяко дело млтвою печатьлевалъ” и пр.

О печати же как “знаке, вырезанном на металле или камне для оттискивания, оттиске печати, прилагаемой к грамоте вместо подписи”, т.е. печати как удостоверительном средстве, по мнению Срезневского, свидетельствует Повесть временных лет (XII в.), смоленские грамоты начала XIII в., где о печати сообщается в корпорационной части, в XIV—XV вв. формула “стояти у печати” повторяется в новгородских актах. Упоминание о “грамоте с печатью” Срезневский обнаружил в каноническом памятнике конца XII в. — Уставе Студийском церковном и монастырском: “Изъ монастыря не първее да исходить, преже да не приметь млтвы от игоумена и печати, еже странно приметь възимаъ оувесь повеление игоумене”²⁰³.

Термин “σφραγισμένος” переведен как “знаменаный” также в “Земледельческом уставе”²⁰⁴ — составной части “Книг законных”, происхождение перевода которых связывают с Русью XII в.²⁰⁵ Издавший “Книги законные” А. Павлов считал, что «переводчик... “Книг” делал все, чтобы приблизить византийские законы к русскому быту и понятиям», а был он человеком, “говорящим языком Русской Правды”²⁰⁶.

В нормах Прохирона, византийского юридического памятника IX в., помещенного в “Мериле Праведном” под названием “Градский закон” и полностью переведенного на русский язык, как предполагают, во второй половине XIII в. “σφραγίς” (“σφραγιδεξ”) переводится только как “печать” (“печати”). В переводе норм Прохирона понятие “знаменати”, “знаменовати” заменяется на “запечатлети”.

Так же как в Эклоге, в Прохироне печати упоминаются в титулах (гранях), формирующих составление завещания. Согласно ст. 4 грани 21 “О заветехъ”, за приложением печатей по числу свидетелей должно наблюдать должностное лицо (δραστήροζ — в греческом тексте²⁰⁷, “судья” — в славянском²⁰⁸). В ст. 5 грани 25 “О превращении завета” отмечается, что завещание считается недействительным, когда все свидетели его подписали, однако “не вси запечатлеша”²⁰⁹.

В грани 21 содержатся и другие нормы, согласно которым должно быть оформлено завещание и применение которых в юридической практике Северо-Восточной Руси в определенной степени стало уже предметом наблюдения Г.В. Семенченко²¹⁰. В частности, в ст. 4 подчеркивается, что если завещатель хотел сделать письменное завещание, то мог или написать его собственной рукой, или позволить написать его другому лицу. Завещатель должен был начертать свое имя как в написанном его рукой завещании, так и в написанном кем-то другим. Завещатель обязан был показать свидетелям, что написанный документ является его завещанием, где осо-

бо выделено имя наследника, каждый свидетель должен его прочитать, подписать и приложить печать²¹¹.

Следующие статьи грани 21²¹² уточняют принципы оформления завещания. Ст. 5: "Понеже рехомъ сведителемъ по(д)баеть печати наложити, доложити должень еси видети, яко единомъ перстеномъ можеть запечатлетися заветъ" Ст. 6: "Яко в нощи запечатлееться и подьписаеться заветъ". Ст. 7: "И писец, написавый заповедь добре, о немъ сведетельствуетъ". Следует обратить внимание и на ст. 9 грани "О заветехъ": "Власть имать слепыи, аще от ржтва, аще и от недуга. Неписанъ заветъ творити Ž (7) или Ё (5) сведетель призвавъ, глеть пред нима наследника имя съ знамениемъ, понеже да не съблзаянъся", в которой подчеркивается, что имя наследника привлекает особенное внимание при оформлении завещания, — слепой человек, не могущий подписать свое имя и тем удостоверить имя наследника, "глаголет со знамением", т.е. произносит это имя, осеняя себя крестом. Выше указывалось, что Эклога в ст. 2 титула V также требовала от завещателя если не написания собственной рукой имени наследника, то заверения имени знаком креста.

Ст. 36 грани 27 Прохирона "О сведителехъ" ("аще кто единого члвка положения в печати принесеъ, не приятно сведетельство его"²¹³) дает новую интерпретацию ст. 16 титула XIV Эклоги: "единственное свидетельство должно быть отвергнуто, даже если его дает булевт"²¹⁴. Эта норм зафиксирована еще в кодексе Юстиниана и среди некоторых других норм Юстинианова права переведена в отрывке под названием "Отъ различны(х) тите(л) рекше грании Юустииньяна пря новы(х) запове(де)и гла(в) по Избранью различны(х)": "Яко единъ токмо непослушанъ естъ, аще и великъ будетъ сановникъ..."²¹⁵.

Итак, в Эклоге и Прохироне упоминание о печатах содержится в статьях, нормирующих составление завещания. Это составление, согласно грани 21 Прохирона²¹⁶, производится на основании трех форм права (тройного права): гражданского права, законов (конституций), (установлений) претора (судьи). Из гражданского права вытекает то, что завещание делается в присутствии свидетелей, находящихся совместно и одновременно с завещателем при этом акте, из конституций — (обязательные) подписи завещателя и свидетелей, (из действий) претора — печати и число свидетелей²¹⁷. Подобное предписание отсутствует в Эклоге, однако четко сформулировано в Институциях Юстиниана²¹⁸, откуда, вероятно, и было перенесено в Прохирон. Печать выступает в качестве удостоверительного средства наряду с подписью.

Согласно данным древнерусских правовых памятников, эта норма не зафиксирована ни в одном из них, хотя в церковном праве могла стать известной очень рано. Большинство историков права считают, что в соответствии с обычным правом во времена Русской Правды завещания были устными. Число послухов при этом акте, естественно, не зафиксировано. Если послухов-судей²¹⁹ было 12, а именно 12 мужей заменял поп по правовому памятнику — Закону

Судному людям пространной редакции²²⁰, становясь единственным свидетелем при совершении завещаний, как показывают новгородско-псковские памятники XIV—XV вв., в которых наиболее явно сохранилась архаичная традиция²²¹, то это число не соответствует нормам вышеназванных византийских памятников. Обычай хранить завещания псковичей “в ларе”²²² также кажется специфичным для городского права западноевропейского типа (см. гл. II), не имея аналогий в нормах византийского права.

И все же нельзя не обратить внимание на следующий факт. В грани 27 Прохирона, где излагаются принципы судопроизводства, а именно речь идет о свидетелях, в особой статье выделяется запрет использовать одного свидетеля (его печать). Это правило, установленное Юстиниановым правом, известно стало на Руси благодаря Кормчей, по-видимому, еще в XI в. Помимо того, что в главе 17 второй части “Мерила Праведного”, носящей название “Отъ различны(х) тите(л) рекше грании Юустиныяна цесаря”, запрещается свидетельствовать одному человеку, хоть он и будет “сановник” (это приравнивается к свидетельству еретика, а “еретикъ же повсему не сведительствует на правовернаго”), в главе 3 “Мерила Праведного” имеется аналогичная статья. В эту главу под названием “О послушехъ и о числе ихъ” включено 75-е апостольское правило, которое гласит: “В послушество еретика не приимати, ни верна единого, въ оустехъ .В. е или трии станеть всякъ гль... тькъ: не тькмо на оклеветанье еретикъ не приятень, ни на послушество, аще же единъ послушествоуеть, аще же и верень есть, не приятень. И к Тимофееви бо великии Павелъ пиша рече: на презвитера послушества не приемли, аще не пре(д) двема или трема послухи...”²²³

“Правила стыхъ Аспль”, помещенные в Древнеславянской кормчей, трактуют текст 75-го правила иначе: “Въ послушество на ерѣтика не приимати, нъ ни верна единого тькмо въ оустехъ бо дьвою или .Г. (3) послуохъ станеть всякъ глаголь”²²⁴.

Подобный текст сохранялся и в других списках Кормчей книги²²⁵. В Кормчей содержалась также норма Юстинианова права относительно неприятия послушества одного человека, ибо упоминаемый нами выше отрывок “Отъ различны(х) тите(л) рекше грании Юустиныяна цесаря...”, куда входит статья об одном послухе и еретике, включен в ее состав²²⁶.

Таким образом, свидетельство одного послуха отрицалось практически во всех переводных памятниках, так же как и подлинных греческих, какого бы происхождения они ни были — духовного или светского. Вряд ли поэтому стоит категорично утверждать, что специфика ранних русских завещаний состоит в том, что для их утверждения достаточно было одного свидетеля — “душевного” отца²²⁷. Одно лицо по всем церковным правилам, так как при составлении завещания находился поп, то канонический способ утверждения отрицать нельзя, не могло послушествовать, хотя это лицо и заменяло 12 человек. Поэтому в удостоверительной формуле псковских завещаний упоминается два лица: “А на то послух Бог и отец

мой духовной..."²²⁸ Понятие Бога-послуха в XI в. уже встречается в Древней Руси²²⁹. Феодосий, игумен Печерский, в одном из своих поучений, содержащих заботу об искоренении пережитков и пороков язычества и об укреплении истинного христианства, подчеркивал: "Ответ деяхомъ... пред видимыми послухы и пред невидимыми". В Повести временных лет записано: "Аще право глещи, Бъ ти буди послу(х)"²³⁰. Те же два лица фигурируют в новгородских духовных грамотах, однако далее перечисляются свидетели, присутствующие при составлении завещания²³¹, так что об одном послухе речь здесь тем более идти не могла. Подобная формула присутствует практически во всех псковских завещаниях. В одной из публикуемых Л.М. Марасиновой псковских духовных (№ 10, духовная старосты, XIV—XV вв., список XVII в.) отмечено, что послухами являются два человека (названы по именам)²³².

В утвердительной формуле псковских завещаний отсутствует указание на скрепление их печатью. Однако практически все они, датирующиеся XIV—XV вв., скреплены буллой (владычного наместника)²³³, удостоверительная функция которой, по-видимому, равнозначна роли третьего послуха. История становления печати как утвердительного средства оказывается инкорпорированной в процесс развития правовых отношений. Эта "утвердительность" и сам факт существования печати в качестве правового символа таким образом "вытекают" из эволюции удостоверительного аппарата, "способа укрепления прав", который в древности "состоял в присутствии свидетелей при совершении юридического акта". Минимальное число послухов 3, согласно Эклоге необходимое для того, чтобы признать завещание действительным, называет и Закон Судный людем²³⁴, но уже не по отношению к духовным, а к любому случаю, когда возникает "пря". Предложение Краткой Русской Правды в спорном случае идти "на извод пред 12 человека" не противоречит зафиксированному в ранних памятниках права постулату "не менее трех свидетелей". Русская Правда, отражающая существование на Руси института послушества как составной части обычного права, не называет какое-то определенное число послухов, необходимое для удостоверения, но иногда требует минимум — два²³⁵.

Однако в Пространной Русской Правде в статьях 37, 39 для доказательства того, что вещь куплена на торгу, предписывается "вывести" ... "свободна мужа два" или "мытника, перед кимъ же купивше"²³⁶. Таким образом, свидетельство должностного лица по своим правовым функциям может быть приравнено к свидетельству послухов, сколько бы их ни было. Отсюда уже недалеко и до смены свидетельства должностного лица на знак этого лица. Знак же особенно удобен тем, что, применяя его (естественно, речь идет уже о письменной форме); скрепляя, предположим, договор, т.е. удостоверяя его, заинтересованное в подобном удостоверении лицо платит "мзду" — пошлину, или мыто. Так, печать и пошлина становятся неразрывны, и в этой "неразрывности" нормы применения (использования) печати зафиксированы и в русских законодательных памятниках XIV—XV вв.

Предлагаемые варианты становления печати на Руси как удостоверительного средства вряд ли следует воспринимать однозначно. Здесь необходимо учитывать различные взаимосвязанные аспекты: первоначальность печатей феодалов духовных и светских, формирование их типов и функций под влиянием Византии, приоритет использования печатей в так называемых публичных актах и лишь постепенное складывание удостоверительного аппарата для скрепления частных договорных документов. Этот последний процесс, имеющий в своей основе изменение социально-экономического "лица" Руси, что влекло за собой развитие юридической мысли, безусловно, отразился и на формировании формуляра данного рода документов, специфика которого носит временной и региональный характер.

Становление формуляра акта, и прежде всего частного, включает наряду с эволюцией иных формул становление удостоверительной части, естественно подразумеваемой, что правовые свойства удостоверительного аппарата уже содержатся в нем. История удостоверительной части акта начинается с печати²⁸⁷.

В складывающемся формуляре новгородско-псковских актов XIV—XV вв. прослеживаются архаизмы, отражающие их устную традицию (термины "одерень", "вдерьн", означающие "навечно", — рудимент символических действий при отчуждении земли — собственности при устной форме сделки: "а землю завел", "завод земли" — доактовая, дописьменная форма укрепления собственности на землю).

Упоминание послухов — свидетелей — это также рудимент устного заключения договора, который происходил в присутствии не только контрагентов, но и свидетелей. Свидетели устной сделки "переносятся" в том же качестве и в ранний, переходный от доактового периода к собственно актовому, по терминологии С.Н. Валка²⁸⁸, тип акта, одним из признаков которого является печать как удостоверение непосредственно самого акта. В позднейшем акте, где имеется удостоверительная формула, т.е. в тексте, отмечается, как скреплен акт, чья приложена печать, роль послухов меняется: они являлись уже свидетелями акта, а не свидетелями сделки. Сама сделка в результате превращается в акт.

В переходный же, или ранний, период, когда сделка еще укрепляется традиционными символическими действиями, отражением чего являются "одерень", "свободная воля", послухи в формуляре акта, постепенно выпадающие из него, происходит и процесс кристаллизации не замещавших эти действия удостоверительных элементов.

Когда из актового формуляра исчезают элементы доактового укрепления сделки, удостоверительный аппарат частного акта получает исключительное значение, "потому что ведь только он один, доказывая подлинность акта, тем самым доказывал действительность совершившегося правоотношения"²⁸⁹.

Каким же правовым значением обладала печать при акте в переходный период, когда она существовала наряду с традиционными

символическими действиями укрепления сделки? Валк предлагал обратиться в качестве иллюстрации этого состояния печати к текстам документов новгородско-псковского цикла. Действительно, опубликованный под его редакцией комплекс новгородско-псковских актов²⁴⁰, а также архивные разыскания последующих лет²⁴¹ позволяют установить идентичность восприятия правового значения понятий "послух" и "печать" в древности. Подобная идентификация зафиксирована в удостоверительной статье целого ряда обонежских грамот XV в. Например, во вкладной Палеостровского монастыря Спасскому Нередицкому монастырю на 10 рублей в удостоверительной формуле читаем: "А на то послухъ печать свягата Спаса"²⁴². В следующей за ней подобной вкладной того же монастыря Спасскому монастырю в Русе аналогичная формула отсутствует, однако указано: "При игуменѣ при Феогнастѣ, при попехъ при Николи и при Аврамѣ, при діаконѣ Григорьи, при келарѣ Варьсонофѣ и при всѣхъ старцахъ свягата Спаса"²⁴³. Ту и другую грамоты скрепляла свинцовая печать с надписью, указывающая на ее принадлежность соответствующему монастырю. Только в первой грамоте отмечалось "послушество" печати, олицетворяющей собой "состав" монастыря, а во втором в качестве послухов (свидетелей) перечисляются настоятель, главные должностные лица и "старцы".

Меновая Вязицкого монастыря с Палеостровским в удостоверительной части содержит следующее сообщение о печати: "А на то послухъ печать преосвященнаго архиепископа Великого Новагорода и Пскова владыкѣ Ионы"²⁴⁴; данная Онцифора Осипова сына Соловецкому монастырю: "А на то послухъ печать дому божиі свягати Софиі и архиепископа владыки Феофила"²⁴⁵. По-видимому, с монастырской печати идет речь и в псковской раздельной XV в. Спасо-Мирожского монастыря с монастырями Никольским и Иоанно-Предтеченским: "А на то послухъ светыи Спасъ"²⁴⁶.

В "купчей Соловецкого монастыря у Филикса Кононова сына Костиева"²⁴⁷ отмечено наличие послухов с обеих сторон. Они названы по именам все вместе, а вот прикладывание печатей осуществлено порознь: "а приложиша печать к сеи грамоте с Филиксове половины Ерасим Аврамович, а с Соловечкой половине Офромии Павлович". Печати восковые, по-видимому, личные послухов, "людей добрых", с той и другой стороны (не монастырская со стороны "Соловечкой"). Оформление ближе к правилам удостоверения купчих Северо-Восточной Руси.

Соотнесение понятий "послух" и "печать" — явный элемент традиции (не случайно в псковском акте, где послух — печати, встречается архаическое "водерень"): если учесть, что для типа печати, соотносящейся с послухом, характерна церковная символика, то не ведет ли подобное соотнесение к ранней формуле, известной с XI в., — "Бог-послух", встречающейся в завещаниях псковско-новгородского цикла XIV — XV вв.? В таком случае можно было бы допустить изначальное влияние определенных постулатов, принятых русским церковным правом на формы удостоверительного аппарата частных актов.

А.А. Шахматов²⁴⁴ обратил внимание на формулу, встречающуюся в новгородско-двинских частных актах: "А у печати стоял". У акта — печать должностного лица. У печати же "стоял", т.е. присутствовал при скреплении акта печатью, обычно продавец. В середине XIV в. эта формула встречается в новгородской купчей²⁴⁹ (здесь "у печати стоял" один представитель продавцов — "А стояю у печати Гошкуи отто всего племени"), с конца XIV в. — в многочисленных двинских частных актах. При продаже, которая совершалась монастырем, у печати стоял монастырский староста²⁵⁰. Если продавцов было двое, то могли оба "стоять у печати"²⁵¹, в случае раздела земли оба действующих лица присутствовали "у печати"²⁵². Любопытно, что иногда не сам продавец или даритель присутствовали при скреплении печатью, а делали это его родственники, например: "А в печати стояль Игватъ Ларивоновъ да Сава Петровъ в Васильево мѣсто Агафоновичя, в дяди своего..."²⁵³; "А в печати стояль зять его Ларюша"²⁵⁴; "А у печати стояль Романъ во отеча своего место Онъчифора"²⁵⁵. Место продавца (дарителя) "у печати" могло занять и постороннее лицо, возможно, один из послухов²⁵⁶, но чаще человек, не упоминающийся среди послухов, т.е. не участвующий в сделке, но по поручению продавца (дарителя) присутствующий при оформлении акта²⁵⁷; например: "А в Микулино мѣсто, і в Феклино, і въ его дѣтеи Рафаи у купчей Софоновъ" (имеется в виду "у печати при купчей", "А в печати стояль Иванъ Григорьевичъ с обе половины").

Шахматов задавался вопросом, не служила ли передача права присутствовать при совершении купчей, "стоять у печати", другим лицам указанием на тот факт, что купчая совершалась не в месте жительства договаривающихся сторон, а где-нибудь в другом месте, вдалеке, в присутствии должностного лица?²⁵⁸ Судя по печатям, скреплявшим купчие и другие новгородские частные акты, этим должностным лицом был наместник новгородских архиепископов²⁵⁹. По-видимому, эта формула сделки означала: происходило оформление таким образом, что составлялся акт в присутствии контрагентов и должностного лица без обязательного в этом же самом месте "действия", "завода земли", свидетелем которого были по традиции послухи. Следовательно, сама сделка как бы "отрывалась" от непосредственного действия, переходила в запись, надлежащим образом оформленную, где гарантом ее выступала соответствующая печать.

Но печать сама по себе еще не обрела подлинную юридическую силу, свидетельством чего является формула "у печати стоял", а также "а у печати стоял и землю завел" (или "отвел"), т.е., указывая ее границы, вводил в права при свидетелях, что само по себе является архаизмом. Этим лицом был всегда продавец (даритель) либо его доверенное лицо. На продавца, как полагает Шахматов, падали и расходы в пользу должностного лица, привесившего печать.

В аналогичных актах Северо-Восточной Руси эта формула отсутствует, там продавец (даритель) прикладывает свою собственную

печатать или прикладывается печать по поручению продавца (дарителя), что, по-видимому, является адекватным подписи.

В корроборационной формуле частных актов Северо-Восточной Руси печать упоминается "самостоятельно": "А запечатал Иван Семенович своею печатью", "А запечатал есмь своею печатью", "А запечатал есмь печатью отца своего господина игумена Трифона" и пр. Подобное персонифицированное использование печати придавало документу, который она скрепляла, то же значение достоверности, как если бы он был подписан собственной рукой дарителя или продавца. Степень доказательности подобного документа с печатью, т.е. роль его в судебном процессе в XIV—XV вв., не представляется еще до конца выясненной. Во всяком случае, на важность печатей при оформлении завещаний Северо-Восточной Руси как компонента удостоверения последних указывает требование духовных властей, кому "являлись" завещания, наличия печатей лиц, которые присутствовали при оформлении завещания²⁶⁰. Можно указать на ряд свидетельств, относящихся уже к середине XIV в., когда суд настойчиво добивался от истца и ответчика представления грамот по земельным тяжбам. Суд требовал также, чтобы грамоты были с печатями. В конце XV в. в Северо-Восточной Руси судьи обращали внимание, что на грамотах нет подписи дьяка и печати, поэтому ее подлинность вызывала у них сомнение²⁶¹.

В настоящее время можно признать тот факт, что византийские правовые установления оказали влияние на завещание Северо-Восточной Руси: и на его текст, и на удостоверительную часть. Что касается удостоверительной части, то влияние сказывается не только в определенном Эклогой и Прохироном числе послухов, но и в требовании приложения последними печатей. Особенно явно ощущается влияние именно Прохирина, статьи которого о писце, писавшем "завет", и о применении всеми послухами одной печати, удостоверяющей завещание, составляющие специфику этого правового памятника, зафиксированы только в комплексе частных актов Северо-Восточной Руси. Некоторые черты, присущие удостоверению завещаний, прослеживаются и в других видах частных актов (роль писца как свидетеля сделки, приложение всеми присутствующими одной печати, например, к меновой грамоте). Сам по себе факт сходства формуляра купчих с формуляром других видов частных актов не составляет специфику только Северо-Восточной Руси. На начальном этапе существования новгородских купчих, например, их формуляр имел ряд черт, присущих формулярам новгородских духовных и данных²⁶². Здесь представляет интерес другое, а именно, что в Северо-Восточной Руси удостоверительная часть не только завещаний в определенной степени соответствовала нормам византийского права, но следы этих норм фиксируются при оформлении и других частных актов.

В связи с этим привлекает внимание 14-я грань Прохирина "О проданье и о купленьи". Отмечая, что купля-продажа бывает и "без написания", Прохирон устанавливает четкие правила "о бывающим с написанием": "не иногю свершену преже быти глемь про-

данию и куплению, аще и образи предания не напишут, или само-го продающаго рукою или от иного напишет, по(д)пишет же продающ(ий)²⁶³. Таким образом, письменно заключенная сделка о купле-продаже считалась осуществленной только тогда, когда договор был написан собственной рукой продавца или если был написан другим лицом, то подписан должен быть продавцом. Не является ли обязательное приложение печати продавца к купчим Северо-Восточной Руси отражением именно этой нормы византийского правового памятника? Ведь печать здесь заменяла собственноручную подпись, которая примерно до XVI в. не использовалась даже в практике оформления завещаний в Северо-Восточной Руси²⁶⁴, где, согласно соответствующим нормам Эклоги и Прохирона, которые оказали влияние на оформление местных завещаний, казалось бы могла найти применение.

Все вышеизложенное позволяет поставить вопрос о пересмотре существующей в литературе точки зрения на роль и значение византийского права в средневековой России, увязав наблюдения над становлением удостоверительного "инструментария" частных актов с возрастанием интереса к византийским переводным памятникам именно в Северо-Восточной Руси указанного времени, с предположениями, имеющими место в отечественной историографии, по поводу "деятельного приложения к практике... Номоканона в тех его частях, которые имели для этого времени особенную важность"²⁶⁵, осуществленного Иваном Калитой, и с другими факторами аналогичного порядка.

Специфика источников, находящихся в распоряжении исследователя проблем права и правовых институтов Руси X—XV вв., такова, что многие вопросы могут решаться лишь в гипотетическом плане. Гипотетична и схема развития института печати. Однако при всей ее гипотетичности нельзя не отметить соразмерность эволюции отечественного института печати с теми параметрами, которые предлагаются в большинстве западноевропейских обобщающих трудов со сфрагистической тематикой. За основополагающий момент принимается тот факт, что печать является элементом общественно-правовой жизни, с которой координируется ее функциональное развитие. Печать вырастает из "предпечати" — метки, отличительного знака — и на первых этапах своего существования "сливается" с ним, являясь знаком, определяющим права собственности. Со временем печать по своим функциям все больше отделяется от этих отличительных знаков, приобретая право не только показывать, что вещь, снабженная ею, является личной собственностью, но и ставить эту вещь под определенную охрану. Об охранной функции печати на Руси можно говорить с момента возникновения здесь частной собственности, которая является предпосылкой для создания печати охраняющей. Данная функция характерна для начальной стадии развития института печати, когда печать, так сказать, "не выделилась" еще окончательно из знаков собственности. В Древней Руси уже в X в. в торговле, в фискальных мероприятиях князей могли использоваться их печати, осуществляя свою

функцию запечатывания (сокрытия), закрытия, т.е. играя роль нормативного знака, пломбы. По-видимому, близкое к подобному пониманию печати известие содержится и в ст. 28. Краткой Русской Правды, упоминающей "пятно". Анализ формы скрепления русско-византийских договоров X в. позволяет заключить, что они утверждались (со стороны русских) при помощи клятвы князя и близких ему людей. И хотя правовой характер русско-византийских договоров не может вызвать никаких сомнений, это право имеет определенный уровень, при котором использование русскими печатей в качестве утвердительного средства кажется проблематичным. Подобное заключение не предполагает вывода о какой-то примитивности правосознания русских в данный период. Речь может идти об определенной ступени развития и оформления правовых отношений, той ступени, на которой ясно прослеживаются следы компромисса, взаимоприспособления византийского права и варварского права, о чем в свое время писал советский историк права С.В. Юшков.

Правовое значение русской княжеской буллы, по-видимому, следует рассматривать прежде всего в контексте с функциональной неоднозначностью печатей суверенов, особенно характерной для ранних этапов использования печатей в средневековом делопроизводстве, когда печать не столько гарантировала подлинность документа, сколько, являясь символом власти, законности, воплощала в специфическом образительном типе овеществленную карающую силу своего владельца, защиту содержащегося в документе правового действия. Функция "удостоверения личности" духовного и светского феодала и функция сокрытия (закрытия) содержания документа могли совместиться при отсылке распоряжений, писем и пр. Наряду с этими функциями, несомненно, развивалась и утвердительность печатей носителей политической власти. В начале XIII в. в грамотах смоленских князей печать как утвердительное средство упоминается в corroborационной формуле внешнеполитических актов²⁶⁶. Находки свинцовых печатей, датированных XI—XII вв., позволяют сделать предположение о возможности использования печатей церковных и светских феодалов в этом качестве в указанное время. К сожалению, лишь один публичный акт XII в. с печатью сохранился до наших дней — Жалованная грамота киевского князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю²⁶⁷. Утвердительной формулы в грамоте нет, печать же (позолоченный аргировул) "моложе грамоты на сто лет и является подложной"²⁶⁸.

Правовое значение вислой металлической печати на Руси должно также соизмеряться с существовавшими параллельно проявлениями традиционности обычного права и с установлениями канонического права. Эти установления не носили столь четкого характера, как папские указы, превратившие документ, заверенный печатью, в рациональный процессуальный инструмент доказательства, однако способствовали инкорпорированию печати в систему "укрепления прав", которая, согласно обычному праву, "состояла в

присутствии свидетелей при совершении юридического акта". Отголоском этого выступают прослеживаемые в новгородско-псковских актах XIV—XV вв. формулы, соотносящие понятия "Бог" и "послух", "печать" и "послух", что является, в свою очередь, реакцией на церковноправовой постулат, запрещающий свидетельствовать одному послуху.

Становление удостоверительного "инструментария" частного акта на Руси, к которому относится печать, как в Западной Европе, имеет персистентный характер. Следует подчеркнуть, что при общей закономерности развития формуляра частного акта даже на территории одной страны могут существовать различные вариации формуляра, соотносящиеся с региональными особенностями "инструментария" гарантий частного акта. Развитие этого "инструментария" обуславливает целый ряд тенденций, которые, в свою очередь, обуславливаются развитием экономической жизни региона, обменных отношений, юридической практики, в том числе и разностью форм одного права. Подобным образом и на территории Руси, как показал С.Н. Валк²⁶⁹, существовало региональное различие в форме как доактового способа укрепления частноправовых сделок, так и актов в ранний период существования. Имеется в виду северный, новгородский регион и удельный, периода XIV—XV вв. На этом первом этапе существования частного акта, переходном, удостоверительная часть, так же как и текст, носит следы доактового укрепления сделки, так как упоминающиеся свидетели свидетельствуют сделку. Акт же удостоверяется печатью в обоих регионах. Однако формула "у печати стоял", а иногда добавление архаического "и землю завел" в северных актах является, по-видимому, свидетельством еще недостаточной юридической значимости печати для удостоверения сделки в глазах современников. (Присутствие живого участника сделки для несомненной гарантии печати.) В то время как в удельных частных актах печать выглядит более приоритетной. В значительной степени этот последний факт может быть результатом укрепления позиций византийского права в Северо-Восточной Руси начиная со времени Ивана Калиты.

¹ История государства и права СССР. М., 1985. Ч. 1. С.36.

² Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 379.

³ Мейчик Д.М. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883.

⁴ Неволин К.А. История российских гражданских законов. СПб., 1851. С. 54.

⁵ Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С. 18.

⁶ Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России. М., 1869. С.51. Действительно, на этот факт (ст. 74 Пространной Правды) мало кто обращал внимание. В противоположность авторам комментариев к ПРП в современных комментариях этой статьи и описе уже ничего не говорится и "мех" толкуется как "мешок" (Российское законодательство X—XX веков. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси (далее: Законодательство Древней Руси). С. 108-109.

⁷ Беляев И. О вызове в суд по древним русским законам до Уложения 1649 г. // Журнал Министерства юстиции. 1860. Т. III, кн. 1-3. С. 98-99.

- ⁸ См., напр.: *Пахман С.* О судебных доказательствах по древнему русскому праву. М., 1851.
- ⁹ Там же. С.36.
- ¹⁰ См., напр.: *Дмитриев Ф.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства. М., 1859. С. 236; *Ельшиевич В.Б.* Очерк развития форм поземельного оборота на Западе. СПб., 1913. С. 231; *Леонтович Ф.И.* Старый земский обычай //Тр. VI Археологического съезда в Одессе, 1884 г. Одесса, 1889. Т. IV. С. 225.
- ¹¹ *Пахман С.* Указ. соч. С.47; *Беллев П.И.* Очерки права и процесса в эпоху Русской Правды // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1895. С.9.
- ¹² *Довернуа Н.* Указ. соч. С. 192; *Дмитриев Ф.* Указ.соч. С.224.
- ¹³ *Сыромятников Б.И.* Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа. М., 1915. Т. I. С. 51-52.
- ¹⁴ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 628. Смыслясь на "Христоматию по истории русского права", составленную М.Ф. Владимирским-Будановым (СПб.; Киев, 1899. Вып. I. С.113), где был помещен договор 1229 г. Мстислава Давидовича, в котором указывалось на роль писанного документа, М.Н. Смирнов писал, что русская юридическая практика сравнительно рано стала прибегать к документальной форме фиксации юридического отношения (*Смирнов М.Н.* Некоторые замечания о дипломатическом анализе частного документа // Сборник статей, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С.31).
- ¹⁵ *Довернуа Н.* Указ. соч. С. 50-51, 400.
- ¹⁶ *Станиславский А.* Об актах укрепления прав на имущество. Казань, 1842. С.112.
- ¹⁷ *Пахман С.* Указ. соч. С.138.
- ¹⁸ *Довернуа Н.* Указ.соч. С. 235; *Михайлов М.М.* История русского права. СПб., 1871. С. 228-229; *Латкин В.Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888. С. 28-29. (Кстати, Латкин подчеркивает, что в Псковской Судной грамоте еще нет различия между штрафом и судебной пошлиной).
- ¹⁹ *Беллев И.Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 520-521.
- ²⁰ *Латкин В.Н.* Указ.соч. С.48.
- ²¹ *Довернуа Н.* Указ. соч. С. 400 (без указания: какого акта, чьи печати; отмечает только, что, по Судебнику 1497 г., прикладыванием печати к судебным актам занималось официальное лицо, получая за это пошлину).
- ²² Сергеевич относит подобные акты, которые помещались в записные книги, куда вносились всякие крепости на людей, к XVI в. (*Сергеевич В.И.* Древности русского права. СПб., 1909. Т. I. С.145-146). Е.И. Колычева, говоря о более ранних актах, оформлявших продажу свободных людей в полное холодство, — полных грамотах, в качестве их удостоверяющего средства называет также печать, но отмечает и наличие послухов (*Колычева Е.И.* Полные и докладные грамоты XV—XVI вв. // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 43 и след.).
- ²³ *Станиславский А.* Указ. соч. С. 119-120, 128-131; *Кавелин К.Д.* Основные начала судопроизводства и гражданского судопроизводства. М., 1844. С. 92; *Дмитриев Ф.* Указ. соч. С. 236, 240-241, 267-268; *Ельшиевич В.Б.* Указ. соч. С. 231, 234-235; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. С. 638.
- ²⁴ История государства и права СССР. Ч. 1. С. 31-33; Законодательство Древней Руси. С. 21-23.
- ²⁵ *Мейчик Д.* О древнейших источниках русского уголовного законодательства. Воронеж, 1875. С.28.
- ²⁶ Законодательство Древней Руси. С.22.
- ²⁷ Там же. С. 21; История государства и права СССР. Ч. 1. С. 35-36.
- ²⁸ История государства и права СССР. Ч. 1. С. 91.
- ²⁹ Там же. С. 92-94.

- ²⁰ Законодательство Древней Руси. С.24.
- ²¹ История государства и права СССР. Ч. 1. С. 31-32.
- ²² Там же. С. 32.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 35-36.
- ²⁵ О характере суда в Киевском государстве см.: Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 511; см. также: Демченко В. Историческое исследование о показаниях свидетелей как доказательстве по делам судебным по русскому праву до Петра Великого. Киев, 1859. С. 39-41. Демченко категорически утверждает, что специфика процесса, согласно Русской Правде, исключает вызов в суд свидетелей посредством официальных лиц. По его мнению, Русская Правда не упоминает о таких лицах.
- ²⁶ Законодательство Древней Руси. С. 47-48.
- ²⁷ Там же. С. 48-49.
- ²⁸ Там же. С. 66, 69, 72.
- ²⁹ Там же. С.64, 70-72.
- ³⁰ Там же. С. 121. Метельник упоминается в статьях 9, 107 Пространной Русской Правды.
- ³¹ Чизмадия А., Ковач К., Асталом Л. История венгерского государства и права. М., 1986. С. 40.
- ³² В "Законодательстве Древней Руси" текст Псковской Судной грамоты — на с. 331-342, примеч. к статьям — на с. 353-354, 357, 360, 362-363, 367-371, 374, 380.
- ³³ По мнению Н.П. Лихачева, печати "святой Троицы" — это печати псковских посадников, т.е. города (Лихачев Н.П. Печати Пскова // Сов. археология. 1960. № 3. С. 232-233). См. также: Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 58. В.Л. Янин видит в них печати владычных наместников (Янин В.Л. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам // Марасинова ЛМ. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. С. 167-170).
- ³⁴ Законодательство Древней Руси. Примеч. к ст. 38 — на с. 362-363; см. также примеч. к ст. 14 — на с. 353-354, примеч. к ст. 32 — на с. 360. В примеч. к ст. 38 говорится о договоре, документе сделочного характера, "надлежащим образом оформленном". По-видимому, для сравнения можно привести договорную грамоту Тешаты и Якима, где в качестве утвердительного средства фигурирует печать псковского князя Довмонта(Тимофея) (ПП. М., 1953. Вып. 2. С. 278-279; Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С.17).
- ³⁵ В "Законодательстве Древней Руси" текст Новгородской Судной грамоты — на с. 304-308, примеч. к статьям — на с. 309-320.
- ³⁶ По сравнению с Псковской Судной грамотой, где в суд вызывался истец или судебный чиновник при помощи позовницы, Новгородская Судная грамота фиксирует четыре формы вызова в суд. Об этом см.: Беллев И.Д. О вызове в суд по древним русским законам. С. 106-108.
- ³⁷ История государства и права СССР. Ч.1. С.67; Законодательство Древней Руси. С. 326.
- ³⁸ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. II.
- ³⁹ Законодательство Древней Руси. С. 314.
- ⁴⁰ Марасинова ЛМ. Указ. соч. С.51-52, 53-54, 59, 70, 73, 75; Андреев В.Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986. С. 108.
- ⁴¹ ПРП. Вып. 2. С. 222.
- ⁴² История государства и права СССР. Ч.1. С.62.
- ⁴³ Российское законодательство X—XX веков. М., 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства (далее: Законодательство периода образования и укрепления). С. 180.
- ⁴⁴ Там же. С. 182.
- ⁴⁵ Там же. С. 183.
- ⁴⁶ ПРП. М., 1955. Вып. 3. С. 195.

- ³⁷ История государства и права СССР. Ч.1. С.91.
- ³⁸ Законодательство периода образования и укрепления. С. 56-57, 59. Статьи о пошлинах за определенные судебные документы свидетельствуют, что пошлины существовали и до Судебника 1497 г., ибо до Судебника существовали судебные акты, с которых шли пошлины (*Юшков С.В.* Судебник 1497 г.: (К внешней истории памятника) // Учен. зап. Саратовск. гос. ун-та. 1926. Т. V, вып. III. С. 32-33).
- ³⁹ Усложнилась и в то же время стабилизировалась, например, процедура вызова в суд. Об этом см.: *Беллев И.Д.* О вызове в суд по древним русским законам. С. 113-119.
- ⁴⁰ Законодательство периода образования и укрепления. С.78.
- ⁴¹ Там же. Примеч. к ст.43 на с.143.
- ⁴² ПРП. М., 1956. Вып. 4. С. 366, 442.
- ⁴³ Российское законодательство X — XX веков. М., 1985. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 91.
- ⁴⁴ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. С. 91.
- ⁴⁵ *Юшков С.В.* Общественно-политический строй. С. 85; см. также: *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С.159.
- ⁴⁶ ПРП. М., 1952. Вып. 1. С. 3-4; *Каштанов С.М.* О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 209-215; *Он же.* Русские княжеские акты X — XIV вв. // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 94-99; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 124-134, 165-180, 239-258; *Он же.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 183-203.
- ⁴⁷ На этот вопрос пытались ответить еще дореволюционные историки. Так, *Гедеонов (Гедеонов С.)* Варяги и Русь: Историческое исследование. СПб., 1876. Ч. 1. С. 277-282), принимая точку зрения предшественников, в частности Шлёгера, о несовершенстве делопроизводства на Руси, подчеркивал невозможность скрепления русско-византийского договора 971 г. золотой буллой Святослава: "Русской золотой буллы, конечно, не было в канцелярии Святослава, не имевшего канцелярии". В то же время он не отрицал, что элементом ратификации русско-византийских договоров являлись печати русских послов, которые они (в силу неграмотности) прилагали к экземпляру договора, идущему от Руси к Византии, а взамен получали экземпляр договора с подписью императора. *Лонгинов (Лонгинов А.В.)* Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в. Одесса, 1904. С. 70, 102-104) также признает "официальный характер" посольских перстней, "прилагавшихся к актам в доказательство достоверности последних", и считает, что приписка о запечатывании договора 971 г. исходит от русских послов. Однако вполне определенно констатирует, что русско-византийские договоры утверждались со стороны Руси клятвой ее князей.
- ⁴⁸ *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 14-15; 40. Об этом см.: *Каштанов С.М.* Русские княжеские акты. С.98.
- ⁴⁹ *Каштанов С.М.* Древнерусские печати: (Размышления по поводу книги В.Л. Янина) // История СССР. 1974. № 3. С. 180-181.
- ⁵⁰ Об этом см.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 19.
- ⁵¹ Об этом см.: *Каштанов С.М.* О процедуре заключения договоров. С.209-210.
- ⁵² *Дуйчев И.* Одна из особенностей ранневизантийских мирных договоров // ВВ. М., 1959. Т. XV. С. 64.
- ⁵³ *Miller D.A.* Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500-1025// Byzantinoslavica. Prague, 1971. Bd. 32. № 1.P.72-73.
- ⁵⁴ *Проконий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950. С.460.
- ⁵⁵ *Каштанов С.М.* Русские княжеские акты. С.95-96; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 173.
- ⁵⁶ *Златарски В.Н.* История на Българската държава. София, 1927. Т. 1: Първо Българско царство. Ч. 2. С. 533.

- ⁷⁷ Долго считалось, что эти варварские клятвы осуществлял византийский император Лев V, заключая мир с болгарами (*Златарски В.Н.* Клятва у языческих болгар // Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В.И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. СПб., 1907. С. 252-257). В результате тщательного анализа и сопоставления византийских источников было доказано, что подобный обряд не существовал не только у болгар, принявших христианство, но и у болгар-язычников (*Grümel A.A.* von. Sur les coutumes des anciens Bulgares dans la conclusion des traités // Известия на исторического дружество. София, 1937. Кн. XIV. С. 82-92. Об этой работе написали: Ф. Дэльгер (*Byzantinische Zeitschrift*. Leipzig, 1938. Bd. 38, H. 1. S. 232.); И. Дуйчев (*Дуйчев И.* Славяно-болгарские древности IX в. // *Byzantinoslavica*. Prague, 1950. Bd. 11, № 1.С.15).
- ⁷⁸ *Каштанов С.М.* О процедуре заключения договоров. С.210.
- ⁷⁹ Об этом см.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 121.
- ⁸⁰ *Miller D.A.* Op. cit. P.73.
- ⁸¹ *Летопись византийца Феофана.* М., 1887. С. 261.
- ⁸² Там же. С. 266.
- ⁸³ *Златарски В.Н.* История на първото Българско царство. София, 1918. Ч. 1. С. 228.
- ⁸⁴ *Петров П., Гюзелев В.* Христоматия по история на България. София, 1978. Т. 1. С. 106.
- ⁸⁵ *Swiencickij I.* Die Friedensverträge der Bulgaren und der Russen mit Byzanz // *Atti del V Congresso Internazionale di Studi Bizantini.* Roma, 1939. S. 322-326.
- ⁸⁶ *Цанкова-Петкова Г.* Българо-византийските отношения при управленето на Тервел и Кормесий // *Изследвания в чест на Марин С. Дринов.* София, 1960. С. 624.
- ⁸⁷ *Златарски В.Н.* История на Българската държава. Т. 1: Първо Българско царство. Ч. 2. С. 453.
- ⁸⁸ *Miller D.A.* Op. cit. P.74.
- ⁸⁹ *Златарски В.Н.* Клятва у языческих болгар. С. 251; *Дуйчев И.* Славяно-болгарские древности IX в. С. 18.
- ⁹⁰ *Златарски В.Н.* Клятва у языческих болгар. С. 258-259.
- ⁹¹ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 124.
- ⁹² *Mansikka V.J.* Die Religion der Ostslaven. Helsinki, 1922. S.38.
- ⁹³ *Kostmova kronika česká.* Praha, 1949. S.30.
- ⁹⁴ *Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.: Сб. документов / Подгот. к печати Г.Е. Кочиным.* Л., 1936. С. 43.
- ⁹⁵ См., например, сообщение византийского историка: *Агафий.* О царствовании Юстиниана / Пер., ст. и коммент. М.В. Левченко. М.; Л., 1955. С. 102.
- ⁹⁶ *Battenberg F.* Das Hofgerichtssiegel der deutschen Kaiser und Könige, 1235-1451. Köln; Wien, 1979. S.123.
- ⁹⁷ *Летопись византийца Феофана.* С. 187.
- ⁹⁸ Там же. С. 188.
- ⁹⁹ *Византийские историки Дексипп, Эвнаний, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менаандр, Каялид, Нониос и Феофан Византиец / Пер. с греч. Спир. Дестувиса.* СПб., 1861. С. 335-336, 341, 346-347.
- ¹⁰⁰ Известно, что в Персии самое широкое распространение получило использование таких сфрагистических памятников, как резные камни-теммы. Оттиски их делались в Азии на глино-меловом составе, а не на воске (*Лихачев Н.П.* Из лекций по сфрагистике. СПб., 1905-1906 уч.год. С. 7, 11).
- ¹⁰¹ Мы пользуемся также немецким переводом Менаандра, где, как нам кажется, более точно изложены интересующие нас сведения о форме скрепления договора: *Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren/ Übers., eingl. und erkl. von E. Doblhofer.* Graz, 1955. S.95-111.
- ¹⁰² *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: (Текст, перевод, комментарий). М., 1989. С. 253, 255.
- ¹⁰³ *Летопись византийца Феофана.* С.366.
- ¹⁰⁴ *Златарский* считает, что Феофан ошибался, приписывая договор Кормесию;

по его мнению, договор заключил хан Тервел (*Златарски В.Н.* История на първото Българско царство. Ч. 1. С. 177-178). См. об этом также в новейших трудах болгарских ученых: *Кутиков В.* Българо-византийският договор от 716 г. // Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. София, 1974. Т.65. С.85; История на България. София, 1981. Т. 2. С. 115.

¹⁰⁵ См., напр.: *Петров П., Гюзелев В.* Указ. соч. С. 90. В издании "Летопись византийца Феофана" имеется такой перевод, осуществленный В.И. Оболенским и Ф.А. Терновским: "Торгующим с обеих сторон выставлять свои товары за подписью и с печатями и вносить в общественные отчеты" (С. 366).

¹⁰⁴ *Златарски В.Н.* История на първото Българско царство. Ч. 1. С. 182.

¹⁰⁷ Византийские историки. С. 342-343.

¹⁰⁶ *Левченко М.В.* Указ. соч. С. 96-97.

¹⁰⁸ Византийская Книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962.

¹¹⁰ Там же. С. 53, 63. Интересно, что для предотвращения вывоза ценных тканей за пределы Византии существовал как бы двойной контроль: ткани, предназначенные на вывоз, имели особый рисунок; кроме того, на них ставилась печать (пломба) соответствующего чиновника. Лиутпранд, посетивший Константинополь в 968 г., сообщает, что он хотел вывезти купленные в Византии ткани. Чиновники ему указали: "Что предназначено Вам, должно иметь свиновую пломбу", предупредил: "нарушитель запрета подвергается побоям и будет острижен" (Там же. С. 152).

¹¹¹ *Бэр А.* История всемирной торговли. М., 1876. Ч. 1. С. 145; Византийская Книга Эпарха. С. 105.

¹¹² *Кутиков В.* Указ. соч. С. 110.

¹¹³ *Swiencickij I.* Op. cit. S.324.

¹¹⁴ *Miller D.A.* Op. cit. P.66.

¹¹⁵ *Мушмов Н.А.* Монетить и печатить на българските цар. София, 1924. С. 64.

¹¹⁶ Там же. С. 157. Мушмов приводит только описание печати, не имея возможности дать ее фотографию или рисунок. Изображение Богородицы, соответствующей формулы "Богородица, помоги...", на одной стороне и Христа, а также формулы "Господи, помоги..." (в надписях Борис назван Михаилом) на другой позволяет установить идентичность печати с аналогичными по времени византийскими сфрагистическими типами.

¹¹⁷ *Мушмов Н.А.* Указ. соч. С. 65. О перстне с трехстрочной греческой надписью времени хана Омуртага (814-831) "Этот перстень дан его владельцу" см.: *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1979. С. 236; История на България. Т. 2. С.192, 239.

¹¹⁸ *Петров П., Гюзелев В.* Указ. соч. С. 86-87.

¹¹⁹ *Бешевлиев В.* Указ. соч. С. 231-232.

¹²⁰ Там же. С. 234; История на България. Т. 2. С. 151.

¹²¹ *Бешевлиев В.* Указ. соч. С. 79; История на България. Т.2. С. 240.

¹²² *Петров П., Гюзелев В.* Указ. соч. С. 149, 152, 171, 183.

¹²³ *Мушмов Н.А.* Указ.соч. С. 164-168.

¹²⁴ Там же. С. 165-166; *Петров П., Гюзелев В.* Указ. соч. С. 363.

¹²⁵ *Мушмов Н.А.* Указ.соч. С. 158-164.

¹²⁶ *Кутиков В.* Указ. соч.

¹²⁷ ПВЛ. М.-Л., 1950. Ч. 1. С. 36.

¹²⁸ Вопрос о существовании данного договора спорен. См.: Там же. М.-Л., 1950. Ч. 2. С. 118, 262-263, 266-268; ПРП. Вып. 1. С. 5, 66; *Каштанов С.М.* Русские княжеские акты. С. 99; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 84-89.

¹²⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 25. Естественно, это слова не документа. А.А. Шахматов считал, что их "составил Нестор", как, впрочем, и "отрывки, присоединенные к договорам 6420 (911) и 6453 (945) года, где сообщается о ратификации договоров" (Шахматов А.А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Зап. Неофилол. о-ва при имп. Петроградском ун-те. 1915. Вып.

VIII. С. 397). Нестор откуда-то получил эти сведения, и они, по-видимому, соответствовали действительности, ибо в 971 г. аналогичные данные, а также соответствующие формы обнаруживаются в тексте присяги Святослава.

¹⁰⁰ О различных мнениях по этому вопросу см.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 117-124.

¹⁰¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 29.

¹⁰² *Златарски В.Н.* Клятва у языческих болгар. С. 251-252.

¹⁰³ ПВЛ. Ч. 1. С. 38.

¹⁰⁴ Там же. С. 35.

¹⁰⁵ Там же. С. 52.

¹⁰⁶ *Каштанов С.М.* Русские княжеские акты. С. 94-98; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 173.

¹⁰⁷ Об этом см.: *Каштанов С.М.* Русские княжеские акты. С. 96.

¹⁰⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 29.

¹⁰⁹ Там же. С. 26.

¹¹⁰ *Miller D.A.* Op.cit. P.72.

¹¹¹ ПВЛ. Ч. 1. С.29.

¹¹² *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 173.

¹¹³ *Каштанов С.М.* Русские княжеские акты. С. 97.

¹¹⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 39.

¹¹⁵ Там же. С. 38.

¹¹⁶ Там же. С.39.

¹¹⁷ Там же. С.52.

¹¹⁸ Об этом см.: *Каштанов С.М.* Русские княжеские акты. С. 97-98.

¹¹⁹ *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. С. 191-192, 195-196.

¹²⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 52.

¹²¹ Там же.

¹²² *Grierson Ph.* Byzantine gold bullae, with a catalogue of those at Dumbarton Oaks // *Dumbarton Oaks Papers.* Washington, 1966. № 20. P.239-240.

¹²³ *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. Eutal, 1956. S. 36-37.

¹²⁴ ПРП. Вып. 1. С. 59. Здесь текст: "Се же именте во истину, яко же [инехросу] сотворихом ныне к вам [и] написахом на харатьи сеи и своими печатями запечатахом".

¹²⁵ Об этом см.: *Каштанов С.М.* О процедуре заключения договоров между Византией и Русью. С. 215. Не следует сбрасывать со счетов и факт, на который обращал внимание А.А. Шахматов и который получил дальнейшую интерпретацию у М.Я. Сюзюмова. Шахматов полагал, что сведения о святославовых деяниях почерпнуты русской летописью из не дошедшего до нашего времени болгарского Хронографа, в основу которого положена византийская версия. Последняя заимствована из византийского источника, который, по мнению Сюзюмова, использовался (через болгарскую передачу) и русской летописью и Львом Дьяконом, единственно уцелевшим от второй половины X в. источником (История Льва Дьякона Калойского и другие сочинения византийских писателей. СПб., 1820. С. IX-XIII; *Багадей Д.* История Льва Дьякона как источник для русской истории. [СПб., 1878]. С. 1-3). Что в действительности представляло собой византийское сообщение по интересующему нас факту? Проверка его через Льва Дьякона не абсолютно достоверна, так как его историческое произведение представляет собой переделку источника (*Сюзюмов М.* Об источниках Льва Дьякона и Скилицы // *Византийское обозрение.* Юрьев, 1916. Т. II, вып. 1. С. 162-166). В самом же летописном рассказе о мирных переговорах Святослава, по мнению ряда отечественных историков, есть много баснословного, легендарного (*Багадей Д.* Указ. соч. С. 9, 25).

¹²⁶ См., напр.: *Орешников А.В.* Материалы к русской сфрагистике // *Тр. Моск. нумизмат. о-ва.* М., 1903. Т. III, вып. 1. С. 9.

¹²⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 35.

¹²⁸ *Орешников А.В.* Указ.соч. С. 9-10.

¹²⁹ *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 116.

- ¹⁶⁰ Об этом см.: *Mikucki S. Etudes sur la diplomatie russe, la plus ancienne. II. Remarques sur la diplomatie russe des Xe et XIe siècles // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. Kraków, 1960. Z. 4. S. 142.*
- ¹⁶¹ О деревянных цилиндрах, несущих знаковые изображения и надписи, каждый из которых "служил биркой с обозначением принадлежности каких-то вещей или целых групп вещей и в то же время работал как замок, гарантирующий сохранность узла запираемой им связи", сообщает В.Л. Янин (*Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138-153*). См. также: *Медведева А.А. Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // Сов. археология. 1984. № 4. С. 49-60*. Описанные цилиндры, по мнению В.Л. Янина, маркировали не только мешки, но и "различного вида сосуды, в том числе и с серебром". Они относятся к предметам княжеского быта, ибо несут (большинство из них) изображение княжеского знака или надписи "княже". По-видимому, эти цилиндры, ранние находки которых датируются 70-ми годами X в., являются "прообразом" печатей будущих представителей власти, а развитие этого института привело и к изменению формы.
- ¹⁶² *Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1930. Вып. 2. С. 193.*
- ¹⁶³ *Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. // Сов. археология. М.:Л., 1940. Кн. VI.*
- ¹⁶⁴ Об этом см.: *Янин В.Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1956. Вып. 62. С. 3-16.*
- ¹⁶⁵ В качестве примера правильного с точки зрения методики исследования может служить сделанный Г.Н. Аппилоговым анализ одной из самых известных групп древнерусских знаков собственности — бортовых знамен (*Аппилогов Г.Н. Бортовые знамена как исторический источник (по Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х годов XVII в.) // Сов. археология. 1964. № 4*). Поставив изучаемую им группу бортовых знаков в определенные хронологические и территориальные рамки и исходя из специфики социальных условий, автор приходит к абсолютно, с нашей точки зрения, правильному пониманию их юридической сущности (в указанных узлах, указанного периода). Он считает, что исследуемые им бортовые знамена нельзя отождествлять с другими юридическими знаками собственности, ибо они, как и земля, являлись собственностью феодалов, а не бортников-первозаимщиков, наложивших на бортовые деревья изображения своих знамен. Они (эти знаки) не являлись, по сути дела, знаками собственности тех, кто их начертал, а были в употреблении у этих лиц временно, пока они платили за владение обозначенными бортиями оброк и пошлину. Знаки (вместе с бортными деревьями) могли быть переданы во владение другим лицам вместе с обязанностями выплаты пошлины в пределах владения одного и того же феодала. Таким образом, очевидно, что воспринимать данные бортовые знаки можно только как отличительные, правовая же их оценка требует известной осторожности (об этом см. также: *Лихачев Н.П. Материалы. Вып. 2. С. 197-198*). Что касается художественного изображения указанных бортовых знаков, то они брались первозаимщиками из окружающей их жизни, отражая ее местные особенности, и специфика их была индивидуальной, личной.
- ¹⁶⁶ Б.А. Рыбаков утверждает: "Русская Правда и княжеские знаки являются одновременными и взаимно дополняющими друг друга источниками сведений о княжеском хозяйстве" (*Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 255*).
- ¹⁶⁷ Ст. 28: "А за княжь конь, иже три с пятном, 3 гривне, а за смердеи 2 гривне, за кобылу 60 резан, а за вол гривну, а за корову 40 резан, а третьякъ 15 кун, а за лоньшину пол гривне, а за теля 5 резан, за яря ногата, за боран ногата" (*Законодательство Древней Руси. С. 48*).
- ¹⁶⁸ В ст. 28 говорится о "княжеском коне", на котором "пятно"; в ст. 32 — о

"княжей борти", на ней, естественно, должен быть княжеский знак; в ст. 34, по-видимому, речь также идет о помещенном на межевом дереве княжеском знаке, так как подразумевается княжеское землевладение (ПРП. Вып. 1. С. 102). О княжеских знаках сообщает и летопись под 947 г.: "Иде Вольга Новугороду и оустави по Мьсть повосты и дани, и по Лузь оброки и дани [и] ловища, ея суть по всеи земли, знаменья и мьста и повосты, и сани ея стоять въ Плесковъ и до сего дне" (ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 60). Об этом см.: *Лихачев Н.П.* Материалы. Вып. 2. С. 195-197.

¹⁶⁶ Древнерусские письменные источники не довели до нас описания княжеских знаков, однако если рассматривать в качестве реликтов рисунки бортовых "знамен" XVI — XVII вв., то среди них можно обнаружить и такие, которые предположительно атрибутируются как символы княжеской власти. Это так называемые "престол", "взвилья" и др. (*Анпипологов Г.Н.* Указ. соч. С. 166). В своем художественном воплощении они, безусловно, содержат элементы, характерные для княжеских знаков собственности, форма которых нам хорошо известна по вещественным памятникам древности.

¹⁷⁰ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 2. С. 1799-1800. Он идентифицирует понятия "пяню" и "печать", "клеймо". С отождествлениями понятий "клеймо" и "печать" встречаемся в летописных памятниках XVI в. (ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 386). В тот же период зафиксировано различие понимания "знамени" (здесь — "вечальное знамя") и печати (*Срезневский И.И.* Материалы. М., 1958. Т.1. С. 991). Еще ранее, в конце XV в. (Белозерская уставная грамота 1488 г., ст. 17), термин "знамя" фигурирует как пошлина, выплачиваемая церковной властью при вступлении в брак (Законодательство периода образования и укрепления. С. 194, 198-199). Интересные выводы в результате этнографических наблюдений над позднейшим применением понятий "знамя" и "пяню" сделал Ефименко (*Ефименко П.* Юридические знаки // ЖМНП. 1874. № 10 С. 81-82). Последние различия и по предметам наложения, и по художественному воспроизведению, и по своей юридической значимости. Ефименко в "знамени" видит знак памяти, "знаменить" — значит "рисовать", "чертить". Со "знаменем", таким образом, ассоциируется "начертание" бортовых, межевых знаков, а также какие-либо рисунки. "Пяню" же — это "запачканное место" на чистой поверхности, "пявуть" — клеймить. Выше (с. 165) приводился пример правовой неадекватности бортового знамени и знака собственности. О "пяню" же Ефименко пишет, что это аналог "клейма", которое идентифицируется им с рукоприкладством к бумаге. Ефименко застал у самоедов размещенные клейма на бирках, которые представляли собой по правовой значимости печать (так как заменяли подпись неграмотных самоедов) — знак удостоверения личности (*Ефименко П.* Указ. соч. С. 148).

¹⁷¹ Законодательство Древней Руси. С. 69.

¹⁷² ПРП. Вып. 1. С. 170.

¹⁷³ Петр и Нестор Бориславичи "злюбилсь" на великого князя Мстислава, прогнавшего их от себя "про ту вину, оже бяху холопи ею покралъ конь Мьстислави оу стагъ и пятихъ своѣхъ възклатъ, рознаменываюче" (ПСРЛ. Т. 2. С. 541; см. также: *Лихачев Н.П.* Материалы. Вып. 2. С. 195).

¹⁷⁴ "А СЕ НАКЛАДИ. А се наклады: 12 гривен, отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехати со отроком на дву коню, сути же на рот овес, а мясо дати овен любу полоть, а инем кормом, что има черево возметь, писю 10 кун, перекладнаго 5 кун, на (за) мех две ногате" (Законодательство Древней Руси. С. 69).

¹⁷⁵ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Христоматия по истории русского права. Вып. 1. С. 65, сн. 116.

¹⁷⁶ "Мех" — кожа для письма, пергамен (*Срезневский И.И.* Материалы. Т. 2. С. 252; ПРП. Вып. 1. С. 171). В последнем по времени издании Русской Правды в примеч. к ст. 74 Пространной Правды термин "мех" трактуется как мешок, в котором хранились собранные продажи и отчисления в пользу судьи (Законодательство Древней Руси. С. 109; см. также: *Янин В.Л.* Архе-

- ологический комментарий. С. 146). В новейших комментариях к ст. 74 Пространной Правды не получил объяснения факт упоминания писца, которому надлежало выплатить 10 кун (упоминавшийся в этой статье писец) традиционно относился к судопроизводству — *Калачов Н.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. СПб., 1880. С. 203). На наш взгляд, последующие две выплаты: “перекладного” (может быть, “прикладного” (добавочного) — коммент. к ст. 9) и “за мех” (по 5 кун та и другая) — следует рассматривать в контексте.
- ¹⁷⁷ *Пашуто В.Т., Шталь И.В.* Корчула. М., 1976. С. 141-143.
- ¹⁷⁸ *Сахаров И.П.* Русские древности: Братины, перстни и кольца, блюда, пуговицы // Зап. имп. Археол. о-ва. СПб., 1851. Т. III. С. 69-70; Древние вещи, найденные в Лихвинском уезде // Временник имп. Моск. о-ва истории и древностей российских. 1850. Кн. 5. Смесь. С. 36-38; *Жизневский А.К.* Описание Тверского музея: Археол. отд. М., 1888. С. 160-161; *Кондаков Н.* Русские клады. СПб., 1896. Т. I. С. 103, 107, 115, 127, 139, 204; *Орешников А.В.* Указ. соч. С. 9-10; *Лихачев И.П.* Материалы. Л., 1928. Вып. I. С. 1-2; Вып. 2. С. 209-213.
- ¹⁷⁹ *Щепкин В.* Золотой перстень, найденный на Куликовом поле // Археологические известия и заметки, изд. имп. Московским археологическим о-вом. 1897. № 12. С. 374-378.
- ¹⁸⁰ *Жизневский А.К.* Указ. соч. С. 186-188; *Милонов Н.П.* Тверская печать XV в. // Сов. археология. М.:Л., 1946. Вып. VIII. С. 299; *Полубояринова М.Д.* Костяная печать из Серенска // Краткие сообщения Института археологии. М., 1971. Вып. 125. С. 96-97 (здесь отмечены случаи находок металлических и костяных матриц XIII — XV вв. в Москве, Новгороде, Смоленске и других древнерусских городах); *Сегова М.В.* Печать из Суздаля // Сов. археология. 1979. № 4. С. 278-280; Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. С. 93, 236, 48, 211.
- ¹⁸¹ *Янин В.Л.* Изучение древнерусских вислых печатей // ВИД. Л., 1968. Вып. I. С. 48.
- ¹⁸² *Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'empire byzantin // Akten des XI Internationalen byzantinisten Kongresses. München, 1960. S.307 *Seibt W.* Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978. T. 1. S. 34.
- ¹⁸³ Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. С. 93, 236.
- ¹⁸⁴ *Каштанов С.М.* Древнерусские печати: (Размышления по поводу книги В.Л. Янина). С. 182-183.
- ¹⁸⁵ *Рожественский Н.* Рассуждения о влиянии греко-римского права на российские гражданские законы. СПб., 1843. С. 64-129; *Шапов Я.Н.* К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII — XIV вв. // Польша и Русь: Сб. ст. М., 1974. С. 173.
- ¹⁸⁶ *Черноусов Е.* К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское // Византийское обозрение. Юрьев, 1916. Т. II, вып. 2. С. 303-304.
- ¹⁸⁷ *Soloviev A.V.* Der Einfluß des Byzantinischen Rechts auf die Völker Osteuropas // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abt. Weimar, 1959. Bd. 76. S.465-469. Об этом см.: *Goehrke C.* Einige Grundprobleme der Geschichte Rußlands im Spiegel der jüngsten Forschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1986. Bd. 34., H. 2. S.230.
- ¹⁸⁸ *Ščapov J.N.* Le droit romain oriental en Russie jusqu'au XVIes. Nouveaux aspects du problème // Atti del III Seminario internazionale di studi storici “Da Roma alla terza Roma”, 21-23 aprile 1983. Napoli, 1986. P. 489.
- ¹⁸⁹ *Миров Л.В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 142-163.
- ¹⁹⁰ *Юшков С.В.* Общественно-политический строй. С. 223-226; *Ščapov J.N.* Op. cit. P. 489-492; *Шапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI — XIII вв. М., 1978. С. 234-254.
- ¹⁹¹ *Семенченко Г.В.* Византийское право и оформление русских завещаний XIV — XV вв. // ВВ. М., 1986. Т. 46. С. 164-173; *Ščapov J.N.* Op. cit. P. 493-494.

- ¹⁸⁸ Калачов Н. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. 2-е изд. СПб., 1880. С. 231 и след.; Милов Л.В. Указ.соч.; Алексеев Ю.Г. Указ.соч. С. 75-76 [он пишет о самом непосредственном влиянии XI титула Эклоги (ее греческого текста) на статьи 16-17 Псковской Судной грамоты. Автор подчеркивает и близость статей к определенным главам славянской интерпретации Прохирона]; *Šcarov J.N.* Op. cit. P.495.
- ¹⁸⁹ Вопрос о времени их русского перевода дебатировался в литературе (Юшков С.В. Общественно-политический строй. С. 225). В настоящее время получила распространение точка зрения Я.Н. Щапова, который показал, что уже в XI в. отдельные нормы Эклоги и Прохирона были переведены на русский язык, а в конце XIII в. — полные тексты Эклоги и Прохирона. Об этом см.: Семенченко Г.В. Указ.соч. С. 164. Однако Милов высказал мнение о переводе Эклоги на русский язык полностью уже в XI в.
- ¹⁹⁰ Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965; Липшиц Е.Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX — XI вв. Л., 1981 (предпринят анализ Эклоги, Прохирона и ряда других византийских юридических памятников).
- ¹⁹¹ *Ecloga Leonis et Constantini...* / Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852. S.24-25.
- ¹⁹² *Zachariä von Lingenthal.* Geschichte des griechisch-römischen Rechts. B., 1877. S. 126-128.
- ¹⁹³ Эклога. С. 114.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 116.
- ¹⁹⁵ "Мерило Праведное" по рукописи XIV века / Изд. под набл. и со вступ. ст. акад. М.Н. Тихомирова. М., 1961. Л. 176 об.
- ¹⁹⁶ Милов Л.В. Указ. соч. С. 158 и след.
- ¹⁹⁷ Липшиц в своем переводе термина "χειρόχρητος" (также — "χειρόχρητος") следует, по-видимому, толкованию его Дюканжем (*Ecloga*. S. 24; см. также: Срезневский И.И. Материалы. Т.1. С. 989).
- ¹⁹⁸ Срезневский И.И. Материалы. Т.1. С. 987-989.
- ¹⁹⁹ Там же. Т.2. С. 924-926; Т. 1. С. 933-934.
- ²⁰⁰ "Книги законные", содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земельные, уголовные, брачные и судебные / Изд. А. Павлов. СПб., 1885. С. 55-56.
- ²⁰¹ *Šcarov J.N.* Op. cit. P.490.
- ²⁰² "Книги законные". С. 17, 28.
- ²⁰³ *Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron* / Ed. C.E. Zachariae. Heidelbergus, 1837. P.123.
- ²⁰⁴ "Мерило Праведное". Л. 275.
- ²⁰⁵ Там же. Л. 281 об.
- ²⁰⁶ Семенченко Г.В. Указ. соч.
- ²⁰⁷ "Мерило Праведное". Л. 275; *Рождественский Н.* Указ. соч. С. 113; *Бенешанский М.* "О прохейрос вонос, Сергиев Посад, 1906. Вып. 1. С. 348-350.
- ²⁰⁸ "Мерило Праведное". Л. 275 об.
- ²⁰⁹ Там же. Л. 287 об.
- ²¹⁰ Эклога. С. 64.
- ²¹¹ "Мерило Праведное". Л. 136-а.
- ²¹² Там же. Л. 275.
- ²¹³ Там же.
- ²¹⁴ Эклога. С. 150.
- ²¹⁵ Милов Л.В. Указ. соч. С. 162-163.
- ²¹⁶ Закон Судный людем пространной и сводной редакции. М., 1961. С. 145
- ²¹⁷ *Šcarov J.N.* Op. cit. P.493; Семенченко Г.В. Указ.соч. С. 172.
- ²¹⁸ Андреев В.Ф. Указ.соч. С.108.
- ²¹⁹ "Мерило Праведное". Л. 71.
- ²²⁰ *Бенешевич В.Н.* Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Т. 1, вып. 1. С. 78.
- ²²¹ Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. Первая половина. М., 1912. Л. 20-21.

- ²²⁶ Ундольский В.М. Описание славянских рукописей Московской Патриаршей (выне Синодальной) библиотеки // ЧОИДР. 1867. Кн. 2. С. 49.
- ²²⁷ Ščarov J.N. Op. cit. P.493; Семенченко Г.В. Указ.соч. С. 167.
- ²²⁸ Марасинова Л.М. Указ. соч. С. 38.
- ²²⁹ Срезневский И.И. Материалы. Т.2. С. 1238.
- ²³⁰ ПСРЛ. Т. 1. С. 257.
- ²³¹ Марасинова Л.М. Указ. соч. С. 39.
- ²³² Там же. С. 53.
- ²³³ Андреев В.Ф. Указ. соч. С. 108.
- ²³⁴ Закон Судный людем краткой редакции. М., 1961. С. 104; Закон Судный людем пространной и сводной редакции. С. 140.
- ²³⁵ Демченко В. Указ. соч. С. 50.
- ²³⁶ Законодательство Древней Руси. С. 66.
- ²³⁷ Валк С.Н. Грамоты полные // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 123-124; см. также: Панелях В.М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С.Н. Валка // ВИД. Л., 1978. Вып. X. С. 63. В гл. II прослеживается эволюция удостоверительного аппарата западноевропейского акта. В отечественной историографии правовое значение печати не получило освещения. На этом моменте в свое время акцентировал внимание Валк, который считал, что рассмотрение развития удостоверительного аппарата, так же как и развития самого частного акта, следует начинать с новгородского (и псковского) комплекса частных актов, ибо они сохраняют в формуляре (и во внешнем оформлении) следы предшествующих этапов развития.
- ²³⁸ Валк С.Н. Рецензия на книгу А.С. Лаппо-Данилевского "Очерк русской дипломатики частных актов" // Рус. исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 250; Он же. Грамоты полные. С. 122; Он же. Древнейшие новгородские акты // Новгородский исторический сборник. Л., 1937. Вып. II. С. 49.
- ²³⁹ Валк С.Н. Грамоты полные. С. 129.
- ²⁴⁰ ГВНП. М.; Л., 1949.
- ²⁴¹ Марасинова Л.М. Указ.соч.
- ²⁴² ГВНП. № 308.
- ²⁴³ Там же. № 309.
- ²⁴⁴ Там же. № 311.
- ²⁴⁵ Там же. № 318.
- ²⁴⁶ Там же. № 341.
- ²⁴⁷ Там же. № 317.
- ²⁴⁸ Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. I и II // Исследование по русскому языку. СПб., 1903. Т. II, вып. 3.
- ²⁴⁹ ГВНП. № 106.
- ²⁵⁰ Там же. № 227.
- ²⁵¹ Там же. № 135.
- ²⁵² Там же. № 137.
- ²⁵³ Там же. № 167.
- ²⁵⁴ Там же. № 171.
- ²⁵⁵ Там же. № 179.
- ²⁵⁶ Там же. № 175.
- ²⁵⁷ Там же. № 124, 212.
- ²⁵⁸ Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах. С.28.
- ²⁵⁹ Андреев В.Ф. Указ. соч. С. 75, со ссылкой на книгу В.Л. Янина "Актовые печати Древней Руси".
- ²⁶⁰ Семенченко Г.В. Указ.соч. С. 168-169.
- ²⁶¹ Черепнин Л.В. У истоков архивоведения и актового источниковедения ("практической дипломатики") в России: (Вотчинные архивы и судебная экспертиза документов в XV — начале XVI в.) // Вопр. архивоведения. 1962. № 1. С. 53-56.
- ²⁶² Андреев В.Ф. Указ.соч. С. 96.
- ²⁶³ "Мерило Праведное". Л. 260.

³⁶⁴ Семенченко Г.В. Указ. соч. С. 170.

³⁶⁵ "Книги законные". С. 35-36. Павлов ссылается на приводимую Срезневским запись на книге Евангельских чтений Антониева Сийского монастыря, сделанную в Москве в 1339 г. В ней содержится следующая похвала Ивану Калите: "сему блгородному князю великому Ивану створшему дѣла подобна в Руской земли правовѣрному црю Костянтину". И далее: "...бо князь великой Иоа имѣвшє правыи суд(д) па(че) мѣры, поминая бжтвеннаѣ писанія исправленія стхъ и прѣбы(хъ) оцъ по правиломъ монокануннымъ, ревнуя правовѣрному црю Оустияну..." (Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1897. [Гл.] LXXXI – XC. С. 145-146).

³⁶⁶ Смоленские грамоты XIII – XIV вв. М., 1963. С. 25, 54.

³⁶⁷ ГВНП. № 81.

³⁶⁸ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. II. С. 16-21.

³⁶⁹ Об этом см.: Панейх В.М. Указ. соч. С. 61-64.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СФРАГИСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV—XV вв.

Изучение сфрагистических памятников Северо-Восточной Руси в значительной степени способствует воссозданию общей линии развития института печати в Русском государстве.

Печати названного региона длительное время оставались вне поля зрения исследователей в силу ряда объективных причин. Невозможно было составить более или менее конкретное представление о печатях, скрепляющих документы, до тех пор пока эти документы не были собраны воедино, опубликованы в специальных изданиях. Подобные публикации позволили, в свою очередь, выявив комплекс печатей, проанализировать различные аспекты бытования последних. Сразу оговорюсь, что не все аспекты в полной мере удастся осветить, даже проделав крайне трудоемкую работу по созданию инвентарного описания печатей Северо-Восточной Руси.

Во-первых, это объясняется тем обстоятельством, что значительная часть дошедших до нашего времени документов представляет собой списки, а в списках отнюдь не всегда сообщается о наличии печати, тем более редко приводится ее описание. Таким образом, в полном объеме выявить все памятники сфрагистики XIV—XV вв. невозможно. Во-вторых, из-за плохой сохранности воскового оттиска даже при наличии печати порой трудно получить необходимую информацию о ней, ибо нечитаемая легенда не позволяет с уверенностью говорить о владельце печати, так же как и неясное изображение препятствует точному определению. Если нет сведений о владельце печати в corroborации, то идентифицировать печать из-за ее плохой сохранности становится очень сложно. Однако в этом случае играет значительную роль сам факт скрепления того или иного документа печатью, ибо анализ совокупности подобных фактов способствует формированию представления о развитии утвердительного “инструментария” и выяснению правовой действительности печати в Северо-Восточной Руси.

Трудности чисто технического плана усугубляются нерешенностью проблем дипломатического порядка, к числу которых относится неисследованность канцелярской практики и делопроизводства Северо-Восточной Руси. Принимая во внимание интегральную связь документа и печати, нельзя не признать очевидным, что проблемы в этих областях знания самым негативным образом влияют и на разрешение сфрагистических задач.

Наконец, с сожалением приходится констатировать, что, подоб-

но тому как при изучении отечественных монет XIV—XV вв. существенным тормозом является отсутствие сведений о монетном деле в русских письменных источниках указанного времени, полноценный анализ многих аспектов “печатного” дела также затруднен из-за скудости письменных сообщений о нем.

Вышеизложенные обстоятельства, с одной стороны, ограничивают аспекты данного сфрагистического исследования, с другой — заставляют усиливать внимание к информационным возможностям самого сфрагистического материала.

Комплекс сфрагистических памятников Северо-Восточной Руси составляют металлические и восковые печати (оттиски). Металлические печати — это буллы (вислые двусторонние свинцовые печати) и позолоченные аргировулы. В совокупности металлические печати, принадлежащие великим князьям, занимавшим стол в Новгороде, изданы В.Л. Яниным в т. II “Актовых печатей Древней Руси”. Здесь же приводятся сведения и о металлических печатях, сохранившихся при актах великих московских и тверских князей XIV—XV вв¹.

Характерное для русской княжеской буллы патрональное изображение имеется и на печатях-аргировулах, скрепляющих московские княжеские акты, договоры, заключенные с Новгородом в XIV в. тверскими великими князьями. Подобный принцип оформления княжеской печати, а также традиционность изготовления ее из металла сохраняются на протяжении всего XIV в., а также в XV в. Судить о традиционности использования в Северо-Восточной Руси металлических печатей можно на основании хотя и немногочисленных, но неоспоримых фактов. К ним относится употребление аргировула в XIV в. митрополитом Алексеем, свинцовой буллы того же времени Троице-Сергиевым монастырем² одновременно с использованием восковых печатей, которые вытеснили свинцовые у данной категории владельцев, что можно сказать, впрочем, в первую очередь о печатях великокняжеских. Начиная по крайней мере с Симеона Гордого, печать, оттиснутая на воске, завоевывает приоритет в княжеском делопроизводстве Северо-Восточной Руси; именно восковая печать используется всеми другими категориями владельцев печатей в данном регионе, о чем свидетельствует ее упоминание в качестве средства удостоверения публичных и частных актов, устойчиво зафиксированное с 80-х годов XIV в.

Формированию комплекса печатей, вошедших в Приложение (Описание сохранившихся и идентифицируемых печатей Северо-Восточной Руси), в значительной степени способствовала работа по их идентификации, осуществлявшаяся на протяжении двух столетий издателями документов. Как правило, определение (описание печати), вошедшее в научный оборот, механически переходило из одного сборника документов в другой без должного уточнения. С сожалением приходится констатировать, что при описании печати, скрепляющей документ, его издатель отнюдь не всегда сверял изображение и написание легенды с уже имевшимися в литературе, а также с образцами, включенными фактически в единственный

существующий в отечественной историографии альбом — “Сборник снимков с древних печатей”, изданный П.И. Ивановым в 1858 г. Подавляющее большинство исследователей, так или иначе обращающих внимание на печать, сопровождающую документ, апеллируют к “Собранию государственных грамот и договоров”, где помещены рисунки сохранившихся к началу XIX в. печатей. Несмотря на существующие нарекания по поводу качества рисунков, помещенных в СГГД, именно они принимаются за основу при описании печати, сопровождающей публикуемый документ, к ним обратились инициаторы фундаментальных изданий документов XIV—XV вв., осуществленных в советское время, таких, как “Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей”, “Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси”. Детальное соотнесение подлинного изображения или легенды с рисунком печати в СГГД во многих случаях затруднительно ввиду плохого состояния воскового оттиска или даже его отсутствия, с чем сталкивались издатели актов XIV—XV вв. еще 40-30 лет тому назад.

Учитывая все эти обстоятельства, при реконструкции комплекса печатей — восковых оттисков дошедших до наших дней памятников делопроизводства Северо-Восточной Руси, автор взял за основу сведения о печатях, содержащиеся в названных выше публикациях документов, осущетвленных советскими историками в 50-х — начале 60-х годов. Учитывались также публикации аналогичных письменных источников, предпринятые уже после выхода в свет названных выше изданий³.

Акты, включенные в подготовленное Л.В. Черепниним издание “Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей”, предоставляют в распоряжение исследователя основной материал по княжеской сфрагистике. Из более чем 100 актов, составляющих названный сборник, лишь одна четвертая часть приходится на копии, остальные же документы подлинные, так что за вычетом тех из них, где печати могут быть оторваны вместе с частью текста (например, № 7) или утрачены (№ 5, 28, 80), все подлинные грамоты сохранили свои печати. Так как практически весь комплекс грамот, опубликованных в вышеназванном сборнике, хранится в фонде № 135 ЦГАДА (Древлехранилище), то имеется возможность коррекции имеющихся печатей с позднейшими по времени известиями о них, содержащимися в Описи документальных материалов фонда № 135⁴. Визуальное наблюдение над печатями, хранящимися в указанном фонде, значительных коррекций в их определение не вносит.

Существенную часть комплекса печатей, включенных в Приложение (Описание сохранившихся и идентифицируемых печатей Северо-Восточной Руси), составляют экземпляры, выявленные эксклюзивным методом, используя трехтомный фундаментальный труд, содержащий акты XIV — начала XVI в., — “Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси”. Табличная форма эксклюзивности позволила в наиболее полном объеме получить сведения об использовании печатей в делопроизводстве Северо-Восточной

Руси, о правовой сфере и художественных принципах формирования типов печатей у различных категорий их владельцев.

Комплекс сохранившихся документов Северо-Восточной Руси дает следующие числовые показатели интеграции документа и печати. В первом томе АСЭИ, содержащем акты архива Троице-Сергиева монастыря, из 663 документов примерно 300 не имеют печатей и не имеют упоминания о них. За мизерным исключением это списки; в подлинных актах, включенных в названную группу, как правило, отмечается "грамота без печати", что выделяет их из определенной категории актов (кучие, данные), практически не существующих без печати (продавца, датчика).

Нетрудно подсчитать, что большая часть включенных в первый том АСЭИ актов или снабжена печатями, или в какой-либо форме фиксирует наличие печати. Однако реальное (пригодное для получения "сфрагистической информации") число печатей, естественно, значительно меньше, ибо обломки, печати со стершимся изображением и нечитаемой легендой лишь количественно можно причислить ко всему комплексу печатей XIV—XV вв. Из актов, которые должны иметь печати, а их более половины всех, содержащихся в первом томе АСЭИ (включая обломки, стершиеся экземпляры), идентифицируется значительно меньшее число — около полусотни печатей.

Во втором томе АСЭИ, где помещены акты, происходящие из четырех монастырей (Кириллова Белозерского, Ферапонтова Белозерского, Московского Симонова, Суздальского Спасо-Евфимиева), из 507 актов примерно половина без печатей. Опять-таки за крайне редкими исключениями это число составляют списки, отсутствие в которых сведений о печати не означает, что подлинный документ ее не имел. (Наличие в отдельных списках формул типа "А кабалу есми дал без печати" — № 62, 151; "а ся грамота без печати" — № 81, 226, 295 и пр. объясняется их присутствием в копируемом тексте. Отсутствие подобных заключительных формул влечет за собой, так сказать, произвол в фиксации при составлении копии наличия или отсутствия печати.) Из тех актов, которые должны иметь печати, лишь половина сохранила их в наличии, а идентифицировать с большей или меньшей долей вероятности можно и того меньше — примерно сто экземпляров.

Наконец, третий том АСЭИ, объединяющий акты XIV — начала XVI в., сохранившиеся как в менее значительных, чем вышеназванные, монастырских архивах, так и во всех прочих архивах — духовных корпораций, государственных органов, личных, включает 520 актов. Более половины этого количества актов как будто бы имеют печати. Максимальное число печатей, поддающихся идентификации, — около 40 экз.

Итак, в результате многоступенчатой эксклюзии удалось выделить тот комплекс сфрагистических памятников, которые вошли в ниже помещаемое Приложение (Описание сохранившихся и идентифицируемых печатей Северо-Восточной Руси). Этот ком-

плекс, конечно, не настолько полон, чтобы удовлетворить исследователя отечественной сфрагистики; он мог быть значительно представительнее, если бы подобная работа предпринималась раньше — ведь хрупкость материала делает продолжительность существования печати значительно короче, чем акта, который она скрепляет.

Тем не менее собранная даже в том виде, как она представлена в настоящее время, совокупность печатей (188) при достаточно тщательном анализе последних способствует разрешению ряда важных вопросов, относящихся к историко-культурной проблематике русского средневековья.

Один из таких вопросов — становление восковой печати на Руси: время появления, цель употребления, ее связь с правовыми понятиями общества, типология, иконография и пр. Известно, что для Руси в течение ряда столетий характерно использование вислой металлической печати по византийскому обычаю, что является отражением приоритета Византии как образца для подражания в области духовной и материальной культуры; в течение же XIV—XV вв. в дипломатической практике русских княжеств, а затем и общерусского государства удостоверительную функцию начинает выполнять восковая печать.

Сторонникам безоговорочного включения Руси в орбиту византийских культурных влияний и в данный период было бы трудно удовлетворительно объяснить, в случае попытки это сделать, отказ от утвердившейся в течение столетий византийской традиции использования вислой металлической печати. Другое дело, если бы в самой Византии этого времени изменились правила оформления документов, в частности произошел отказ от металлической печати, полная замена ее восковой с отличным от ранее утвердившегося изображения на ней святых. Работы специалистов по византийской сфрагистике данный факт не подтверждают, хотя в литературе встречаются высказывания о влиянии западной дипломатики с ее традицией оформления документов при помощи восковой печати на византийскую примерно со времени Палеологов.

Хронологический рубеж замены свинцовых булл восковыми печатями в литературе намечался лишь приблизительно⁵. Более четко определил границу перехода от металлических печатей к восковым Н.П. Лихачев. По его мнению, византийская традиция с ее преобладанием металлических булл удерживает свое влияние на Руси до конца XIV в. Далее в отечественной сфрагистике преобладали различные виды восковых печатей — вислых и прикладных. С конца XV в., считал Лихачев, западноевропейский характер в изображениях и стиле печатей господствует⁶. Разграничивая этапы развития отечественной сфрагистики, Лихачев исходил из общеизвестного положения, что западноевропейская сфрагистика, в основе своей имела воскомастичные печати.⁷

Картина преемственности нарисована Лихачевым только в общих чертах. Если детальнее рассматривать этот процесс, то необходимо проследить, по каким каналам осуществлялась данная преем-

2

6

8

12

13

14

15

17

18

20

21

25

26

27

38

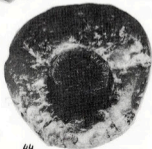
39

40

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

54

55

58

59

60

61

62

63

64

65

66

68

70

72

73

74

76

75

77

79

80

81

82

85

86

87

89

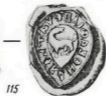

90

93

122

123

124

134

135

137

138

139

140

142

144

145

146

147

148

149

150

151

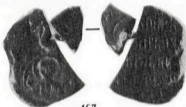
153

154

156

157

166

167

168

170

173

174

176

177

178

180

181

182

—
183

184

—
186

ственность. Многие исследователи печатей считали посредником между Западной Европой и Русью Литву⁸. Подобную возможность проникновения на Русь западноевропейских влияний отрицать нельзя. Простое сравнение печатей великого князя Василия Дмитриевича, привешенных ко второй и третьей духовным грамотам⁹, и печатей Витовта последних десятилетий его правления¹⁰ позволяет установить их тождественность. Печать Василия Дмитриевича у третьей духовной оттиснута в ковчеге, что характерно не только для печатей Витовта, но является особенностью западноевропейской средневековой сфрагистики. Можно привести и другие примеры, говорящие

*Печать великого князя литовского
Витовта 1426 г.*

о посредничестве Великого княжества Литовского в становлении на Руси нового способа скрепления документа: одновременное использование литовскими князьями печатей с латинскими и русскими легендами, адекватность художественных образов и мотивов русских, литовских, польских и других западноевропейских печатей XIV—XV вв., на что обращали в свое время внимание исследователи русских печатей А.Б. Лакиер, А.В. Орешников, Н.П. Лихачев.

Однако это был не единственный путь проникновения новых традиций в отечественную сфрагистику. В середине XIV в.¹¹, а по мнению некоторых ученых, даже в начале XIV в.¹² наблюдается восстановление связей Руси с Балканскими странами, прерванных монголо-татарским нашествием. В результате "русская культура включилась снова в культурное развитие Европы"¹³, а Русь заняла подобающее ей место в едином "умственном движении", охватившем в XIV—XV вв. восток и юго-восток Европы. Различные формы этого движения изучаются историками и филологами. Связи Руси указанного времени с южнославянскими странами и Византией нашли отражение в языке, литературе, искусстве¹⁴. Прослеживаются они и по линии идейно-политических воздействий¹⁵. Однако не все аспекты взаимодействия стран, включенных в это "умственное движение", изучены с достаточной полнотой. Например, лишь намечены элементы сходства в делопроизводстве Руси, южных славян и Византии¹⁶. Между тем специальное дипломатическое исследование, как считал акад. М.Н. Тихомиров,

во многом способствовало бы выяснению этого вопроса. На нем акцентировал внимание в свое время А.С. Лаппо-Данилевский, который полагал, что формы некоторых русских актов, в частности духовных грамот, складывались под византийским влиянием. Далее он писал: "В какой мере, однако, такое влияние распространялось на другие типы русских частных актов, сказать трудно за отсутствием более детальных исследований и сличений их с греческими"¹⁷.

По единодушному мнению исследователей, взаимодействие Руси со странами юго-востока Европы наиболее заметно ощущается в области письменности. В местах общения русских, греков и южных славян, а такими центрами являлись Константинополь, монастыри Афона, возможно, монастыри Сербии и Болгарии, русские могли познакомиться не только с литературными, но и с делопроизводственными памятниками, с дипломатическими нормами. Согласно традиционной точке зрения, дипломатическая практика южнославянских стран и Византии была идентичной¹⁸. Это отражение более широких заключений о безусловной византинизации жизни южных славян. Между тем, как свидетельствуют современные исследования, роль славян в общении с Византией была далеко не пассивной. Славяне многое восприняли от византийцев, но вместе с тем сами внесли большой вклад в развитие культуры, которую не без оснований называют византийско-славянской¹⁹.

В рамках этой культуры наблюдается бесспорное воздействие Византии на дипломатику южнославянских стран. Речь идет прежде всего о публичном акте. Наиболее распространенным среди них является хрисовул. Именно хрисовулы служили моделью в канцеляриях суверенов Болгарии и Сербии. Другие типы византийских актов не оказали заметного влияния на дипломатику этих стран²⁰. Общность с Византией сказывается и в использовании обычая металлической печати — золотой, позолоченной, свинцовой²¹. Однако исследователи отмечали, по крайней мере в отношении Сербии, что металлических печатей здесь много меньше, нежели восковых²². Восковые византийские печати не сохранились²³. Но они существовали для скрепления распоряжений императора — простагм, обеспечивая их сохранность и секретность²⁴. Печати отпечатавались при помощи императорского перстня. Тот же прием скрепления документа (он складывался особым способом, и на сгибе помещалась печать) переняла сербская канцелярия и использовала прикладные печати в течение XIII—XV вв., когда в Западной Европе они были редки²⁵. Иконография византийских восковых печатей неясна. В отношении же перстневых печатей сербских правителей известно, во-первых, что в XIII—XV вв. они многочисленны; во-вторых, что они употреблялись наряду с хрисовулами и восковыми печатями другого плана²⁶; в-третьих, что в качестве печатей использовались геммы с изображением льва, орла, различных монограмм вместо герба; в-четвертых, что перстневая печать считалась "малой" печатью, большой же — большая вислая двухсторонняя печать²⁷.

Печати-оттиски сербских феодалов XIV—XV вв.

Хотя всесторонне осветить сходство и различие византийской и южнославянской дипломатики позволит лишь специальное сравнительно-источниковедческое исследование, уже сейчас ученые подчеркивают, что наряду с утверждением византийских норм и правил в дипломатике южных славян заметно и отступление от них. Последнее сказывается, например, в отличающейся от византийской формальной стороне грамот (пожалований) на славянском языке, которые обнаруживают целый ряд характерных особенностей. Так, санкция в византийских хрисовулах перестает встречаться с XIII в., в сербских же и болгарских хрисовулах в XIV в. духовная санкция употребляется очень часто²⁸; подпись красными чернилами в славянских актах существует с той разницей, однако, что она не является автографом, как было принято в Византии; болгарские цари, сербские короли не подписывали акты собственноручно²⁹. Замечены и другие отличия актов на славянском языке. В частности, они касаются печатей, где наряду с византийской традицией прослеживается очень сильное западноевропейское влияние, что выражается как в широком использовании в качестве материала воска, так и в характере изобразительного типа³⁰.

Светская символика занимает прочное место в оформлении печатей и монет Болгарии. Некоторые болгарские цари в конце XIII — начале XIV в. чеканят монеты с изображением двуглавого орла, царя на коне. На болгарских монетах XIV в. можно видеть и льва с высунутым языком, идущего на задних лапах. Данные эмблемы типичны для монет и печатей Западной Европы. В Византии они, как правило, в этом качестве не употреблялись³¹. Золотые буллы болгарских царей наряду с византийским обычаем расположения надписей используют и круговую легенду на западноевропейский манер³².

Более, чем в Болгарии, западноевропейские традиции сказываются на сербских печатях. В Сербии с начала XIII в. появилась восковая булла, которая в XV в. почти полностью заменила золотые буллы даже в документах, квалифицированных в тексте грамот как "хрисовулы"³³. Примером могут служить грамоты "на сербском

наречии", выданные русскому монастырю на Афоне в XIV—XV вв. сербскими королями и деспотами. При некоторых из них сохранились печати "все из темного воску и привесные на шелковых разного цвета шурках"³⁴.

Широкое применение восковых печатей в Сербии обусловлено в первую очередь, по-видимому, распространением в делопроизводстве такого материала для письма, как бумага. Сербская канцелярия была первой из канцелярий южнобалканских стран, где бумага начала использоваться наряду с пергаменом для важных актов³⁵. Это произошло в начале XIV в. В остальных южнославянских канцеляриях бумага никогда не достигала ранга пергамена³⁶. Характерным для Сербии является использование как средства внешнего оформления верховной власти тронных, конных печатей, бытующих в западноевропейской сфрагистике. Изображению короля, сидящего на троне или верхом на коне, в рыцарской одежде, обычно сопутствует круговая легенда на славянском или латинском языке³⁷.

Наряду с такими западноевропейскими приемами, как использование печати отца (предшественника) или своей же, но более раннего периода правления, употребление античных гемм вместо герба на печатах не только частными лицами, но и правителями, помещение на печатах латинской легенды или ее перевода³⁸ и проч., исследователи подмечают и отличительные особенности сербской сфрагистики: в ней отсутствует стройная схема как в развитии отдельных типов печатей, так и в их употреблении в качестве правовой категории, какую можно наблюдать в некоторых государствах Западной Европы этого времени³⁹, совершенно не используется контрпечать и если речь идет о двусторонней печати, то размер оттисков с обеих сторон одинаков⁴⁰, прослеживается явная тенденция к использованию односторонних вислых восковых печатей⁴¹.

К числу западноевропейских влияний, по-видимому, следует отнести и использование в Сербии в качестве государственной эмблемы двуглавого орла, о чем говорит изображение последнего на печатах правителей конца XIV — начала XV в.⁴² Двуглавый орел изображался на знаменах и монетах князей и королей Сербии⁴³, а также других государственных образований Балканского полуострова⁴⁴. Хотелось бы подчеркнуть, что эта традиция не прослеживается в Византийской империи⁴⁵, хотя Византия заимствовала некоторые западноевропейские правила оформления документов. Что касается императорских печатей, то после завоевания крестоносцами Константинополя и основания Латинской империи они приобрели сугубо западноевропейский вид: скачущий на коне рыцарь, сидящий на троне император, круговая легенда⁴⁶. Реставрация империи (1261 г.) повлекла за собой возврат к обычному византийскому типу печати. Однако в конце существования империи в Византии появляются красновосковые, а также оттиснутые через бумагу печати, что рассматривается как подражание Западной Европе⁴⁷.

Печати Северо-Восточной Руси в той мере, в какой они известны к настоящему времени, позволяют сделать ряд наблюдений, свидетельствующих об усвоении отечественной сфрагистикой византийских и южнославянских традиций. Бесспорно, к византийской традиции следует

*Печать (золотая булла) Стефана Душана.
Лицевая и оборотная стороны*

отнести практику скрепления княжеского документа металлическими печатами (золотыми, свинцовыми). Однако нельзя не заметить все усиливающуюся в XIV в. тенденцию к упрочению восковой печати, что связано с употреблением в канцелярской практике Северо-Восточной Руси этого времени бумаги. Анализ сохранившихся княжеских печатей XIV—XV вв. показывает преобладание вислых восковых односторонних печатей. Этот способ скрепления документа характерен для Сербии XIV—XV вв., но не для Византии, где восковые печати таким образом запечатывали документ, что неизбежно ломались при его вскрытии, поэтому они и не сохранились. Характерным является также использование в качестве печатей перстней с геммами, отсутствие контрпечати (хотя иногда оттиски разных перстней формируют лицевую и оборотную стороны вислой восковой печати)⁴⁸, использование печати предшественника⁴⁹ и т.д.

С вариантом круговой легенды, содержащей титул и имя князя, знакомит нас уже золотая печать Ивана Калиты при его первой духовной 1339 г.⁵⁰ Круговую легенду несут многие восковые печати XIV—XV вв. В литературе⁵¹ уже отмечался факт сходства золотой буллы Стефана Душана 1349 г. (у Ивича — 1350 г.) и аналогичной печати Симеона Гордого, привешенной к его духовной 1353 г.⁵² Вместо греческого “агиос” здесь рядом с фигурой святого имеется надпись: “семен с(вя)ты”. На печати царя Стефана Душана⁵³ — “стефане првомучени(к)”. Хотя лицевые стороны печатей различны (на печати Стефана Душана — изображение стоящего царя в короне и царском одеянии, а на печати Симеона Гордого — строчная надпись), их сближает легенда, упоминающая в титуле “все земли српске” и “вселя Руси”.

Наблюдаются аналогии в становлении отдельных государственных эмблем. Так, с XIV в. на русских княжеских восковых печатях появляется вооруженный всадник⁵⁴. Этот сюжет характерен как для сербских конных печатей, так и для аналогичных печатей Западной Европы в целом, где он служил указанием на принадлежность владельца печати к правящему дому. Однако в отечественной сфрагистической практике отсутствуют тронные печати, употреблявшиеся в этот период сербскими королями, что объясняется титулом

русских правителей. С XIV в. Северо-Восточной Руси была известна эмблема двуглавого орла как атрибута власти⁵⁵. Не исключено, что знакомству способствовали связи с южными славянами, у которых двуглавый орел помещался на монетах и печатах. Однако в качестве общегосударственного символа двуглавый орел был принят Иваном III лишь на пороге или в течение последнего десятилетия XV в.

Отмеченные нами факты параллелизма в практике оформления атрибутов власти сопоставимы с явлениями, характеризующими общее интеллектуальное движение, которое с XIV в. охватило православный мир юго-востока и востока Европы. На протяжении всего периода вычленяются этапы большего или меньшего взаимовлияния Руси и Балканских стран. Так, в середине XIV в. Афон вошел в политические границы "царства сербов и греков" Стефана Душана. Известны, как уже отмечалось, грамоты сербских королей и деспотов русскому монастырю на Афоне. Афон же был одним из основных центров культурного и идейного общения Руси и Балканских стран. Вполне вероятно, что в результате подобного общения взаимно усваивались государственные идеи, олицетворяющие их символы и эмблемы, дипломатическая практика, трансформируясь в зависимости от собственных, уже существующих особенностей. Если учесть такие факты, как поддержка сербскими правителями русского монастыря на Афоне вплоть до падения монгольского ига⁵⁶, извещение Стефаном Душаном московского великого князя и русской церкви о провозглашении царства и установлении Сербской патриархии⁵⁷, знакомство русских читателей с биографиями сербских "кравлей" Немаличей, подражание им великих князей⁵⁸ и попытки породниться с сербским правящим домом⁵⁹, а также последующие тесные связи России с Сербией, то отмеченные нами аналогии в сфрагистике Сербии и Северо-Восточной Руси приобретают особое значение⁶⁰. Они подкрепляют наблюдения и выводы акад. М.Н. Тихомирова о приоритете Сербии (со всеми ее отличиями от Византии особенностями) в сложном механизме взаимодействия восточных славян с балканскими народами, известном под названием второго южнославянского влияния⁶¹. Последнее, разумеется, не было только внешним явлением, а обуславливалось социально-политическим состоянием Руси и развитием ее государственности.

В русле общих тенденций, влияющих на процесс становления единого Русского государства, протекало и формирование тех или иных его институтов, ранее находившихся в сфере безусловного византийского влияния. В частности, отечественный сфрагистический материал указанного времени в сопоставлении с введенными в научный оборот аналогичными памятниками юго-востока Европы позволяет резюмировать, что в южнославянских государствах и в русских землях византийская традиция в использовании материала для печатей и оформлении типа последних не осталась доминирующей вплоть до падения Византийской империи. Общность с Византией в использовании металлической печати, общность иконогра-

фии постепенно теряет свою обязательность. Новые факторы, в основе которых лежала иная культурно-историческая ориентация, способствовали развитию сфрагистики единого Русского централизованного государства, и в этом процессе существенную роль сыграли связи с южными славянами.

Переход от металлических печатей к восковым предполагает не только перемену материала печати, но также утверждение нового изображения, коренным образом отличающегося от ранее существующего с доминированием святых патронов (имя, имя — отчество), Вседержителя, Богоматери, креста и пр., характерное для сфрагистики византийского круга.

Для печатей XIV—XV вв. Северо-Восточной Руси характерно безусловное преобладание светских сюжетов, за исключением печатей лиц духовного звания, которые, впрочем, пользовались и печатями личными, по-видимому перстнями со светской символикой.

В этом плане печати близки монетам XIV—XV вв., несущим исключительно светские изображения⁶². Как те, так и другие диссоциируют с общей линией, господствующей в изобразительном искусстве Древней Руси, — с преобладанием в нем канонических сюжетов. Последние доминируют в живописи (монументальной и станковой), в прикладном искусстве: как на предметах культового характера, так и княжеских регалиях и украшениях⁶³. Светская символика, по мнению исследователей, редка и незначительна, в эстетическом плане выступает как периферийная область древнерусского искусства. Проблематичной является и степень идеологической направленности и значимости подобных сюжетов. Существенным образом раскрытию смыслового содержания светской сюжетики помогает изучение композиций и символов нумизматических памятников. Как полагает А.В. Чернецов, исследовавший недавно русские монеты XIV—XV вв., «среди других групп древнерусских светских изображений находящиеся на монетах могут рассматриваться как наиболее бесспорно наделенные смысловым содержанием, поскольку само употребление монетного штампа является проявлением одной из важнейших функций княжеской власти — монетной регалии»⁶⁴. (Тем более что в ряде случаев монетное изображение сопровождается надписью, раскрывающей смысл происходящего действия⁶⁵.)

Не следует забывать также, что сюжеты и образы монетных типов находили своих «читателей» в самых широких слоях населения, кому, собственно, они и были адресованы. Форма же пропаганды идеологии и принципов политики господствующего класса, отражающаяся в образах монетных типов, была, как видим, довольно оригинальной, так сказать, земной, для нее «оказалось характерным почти полное вытеснение христианских образов светскими, собственно феодальными»⁶⁶.

Аналогичные процессы наблюдаются в оформлении сфрагистических памятников указанного времени, но если изображения на монетах связаны лишь с князьями и городами, которые имели пра-

во чеканки, то печати охватывают более широкий круг населения.

Вспомним, что позолоченные аргировулы московских князей, несущие традиционное изображение св. патрона, как правило, привешивались к духовным грамотам или к документам, имеющим характер некоторой конфиденциальности, специфичным по побудительным мотивам написания. "Повседневные" же печати отличались сугубо светским характером сюжета.

Относительно смыслового содержания многих сюжетов, расшифровки большинства из них можно строить лишь гипотезы. Однако отрицать насыщенность определенным смыслом того или иного художественного образа или просто знака, предмета, использованного в качестве изображения на печати, вряд ли было бы правильно. Например, в том случае, когда речь идет о применении "эрзац-печати", прежде всего ее заменяет крест. (Любая клятва не обходилась без упоминания креста, целования креста.) Крест в качестве удостоверительного знака использовали разные категории населения Северо-Восточной Руси, но в целом те же самые, которые обладали печатями. Крестом печатали чаще всего лица духовного звания: архимандрит Михайловский Вениамин запечатал грамоту "своим крестом перемонаточным"⁶⁷ (нательным); приложил свой крест перемонаточный к духовной вотчинника Григория Львова игумен Ферапонтова монастыря Мартиниан⁶⁸; "духовные отцы", попы, прикладывали "свои печати" — "хрест-телник" к духовным грамотам⁶⁹; обитатели монастырей также использовали для удостоверения и запечатывания крест: старец Троице-Сергиева монастыря Геннадий Иванович Бутурлин, чернец Евагрий, черница Марфа скрепили свои данные и кунчие личными крестами⁷⁰. Крестом (по-видимому, нательным) как печатью пользовались и вотчинники: в корроборационных формулах купчих, данных и духовных неоднократно указывается: "А запечатал есмь крестом"⁷¹. На примере одного сохранившегося подлинника подобной грамоты можно увидеть, как реально осуществлялось такое запечатывание: на вислом восковом кружке оттискивался крест⁷².

Кроме креста, в качестве "эрзац-печатей" использовались оттиски, сделанные при помощи монетных изображений. Вотчинник Фома Паюсов (Московский у.) в купчей отмечает: "А запечатал яз, Фома, грамоту денгою соколом"⁷³. Так как время написания купчей 1392-1427 г., то, скорее всего, речь здесь идет о денге Василия Дмитриевича (1389-1425) с изображением сокольника⁷⁴. В данном случае князь своей персоной, по-видимому, должен придавать определенную силу грамоте, хотя она и не заверена личной печатью. Вотчинники Федор и Клементий Григорьевичи Куликовы и их дядя Михаил запечатали данную Троице-Сергиеву монастырю "денгою тферскою"⁷⁵. Время данной около 1430-1440 гг. Можно предположить, что это была денга вел.кн. тверского Бориса Александровича (1425-1461). Многие из принадлежащих его чекану монет несли изображение воина, князя. Наконец, в духовной 1473 г. Степана Лазарева, землевладельца Звенигородского у., имеется такая формула: "А запечатали есмя духовную поп и мужи все и дяк

денгою ноугороцкию"⁷⁶. К сожалению, на оттиске трудно разобрать изображение, но, возможно, Степан Лазарев имел отношение к Новгороду⁷⁷.

Подобных "эрзац-печатей", однако, немного. Изображения людей, животных, птиц, а также многофигурные композиции, как правило, заполняют поле печати. К сожалению, сведения русских письменных источников с прямым указанием на значение тех или иных образов, расшифровкой сложных композиций, встречающихся на печатях, отсутствуют.

Для того чтобы разобраться в значении изображений на монетах XIV—XV вв., Чернецов решил рассмотреть их в контексте древнерусского прикладного искусства и древнерусских письменных источников. По его мнению, для изображений на монетах могут быть выделены две группы значений. В одну группу он выделяет изображения, связанные по смыслу с функцией монеты как платежного средства, с правовыми и иными аспектами денежного обращения и чеканки монеты; в другую — изображения, отражающие идею власти, осуществлявшей чеканку⁷⁸. Бесспорным для построения, предлагаемого Чернецовым, является отсутствие среди монет XIV—XV вв. таких серий изображений, которые были бы заимствованы с чужеземных образцов⁷⁹. Мы не можем целиком согласиться с концепцией Чернецова, но это уже другой вопрос. Главным же является тот факт, что по отношению к печатям подобная классификация (несмотря на аналогичность многих изображений на монетах и печатях) не совсем применима. Можно отметить, что для "печатных" сюжетов нет таких сугубо монетных образов, как чеканщик монеты, сцены наказания за подделку монет и др.

При анализе изображений на печатях Северо-Восточной Руси автор данной работы склонен учитывать существующие в историографии специфические сфрагистические классификации⁸⁰, в частности те из них, которые имеют в своей основе параметры, характерные для средневекового изобразительного искусства как такового. Градация образов и сюжетов, которую можно распространить и на сфрагистические памятники, включает репрезентативные, нарративные и символические изображения. К репрезентативным относятся фигуры Вседержителя, Богородицы, святых, земных духовных и светских князей (в последней категории применительно к печатям выделяются типы: конная, пешая, печать величества — тронная); среди нарративных выделяются группы изображений, сюжета которых восходит к литературным источникам, в результате чего печати воспроизводят сцены религиозного содержания, сцены борьбы людей, людей и зверей, охоты, противоборства с чудовищами; для символических изображений на печатях характерны символы, так сказать, общего порядка (религиозные, политические, морального плана) и личного порядка (опознавательные знаки, знаки собственности, гербы).

Подобное деление носит условный характер, однако нашло уже довольно заметное применение в сфрагистических трудах⁸¹.

Если в целом оценить весь комплекс включенных в Приложе-

ние (Описание сохранившихся и идентифицируемых печатей Северо-Восточной Руси) печатей с точки зрения изучения эмблем XIV—XV вв., то следует отметить, что, кроме плохой сохранности оттиска, существует еще один важный недостаток: широкое использование в качестве печатей гемм главным образом античного происхождения и местных подражаний им. Правда, это не составляет специфику только русской сфрагистики. С подобным явлением встречаемся в средневековье на западе и юге Европы, нередко оно и в Польше⁶².

В Северо-Восточной Руси использовали античные геммы, обычно вставляя их в ободок с надписью, все категории владельцев печатей, начиная с великих князей. Для античных образцов характерны изображения: человеческой головы в венке или другом соответствующем головном уборе, погрудное изображение в профиль, мифологических существ, целых композиций, где человеческие фигуры обнажены или выделяются специфической одеждой, а также птиц, рыб, зверей.

Относительно происхождения гемм Лакиер определенно высказывался, что "Россия снабжалась ими первоначально из Византии, что нередко с этих прелестных оригиналов у нас делались копии, но большей части плохие... что с XI только столетия начали получаться подобные печати из Западной Европы"⁶³.

В качестве примеров использования античных гемм можно назвать следующие печати: печать великой княгини Софьи Витовтовны, жены вел.кн.Василия Дмитриевича, сохранившуюся при ее духовной, — в большом овале изображена обнаженная мужская крылатая фигура, поднимающая женскую фигуру (противоборство, похищение?); несколько печатей вел.кн. Василия II Васильевича — две сидящие фигуры, одна из которых разрывает челюсти льву (Геракл?); человек в венце, управляющий четверкой лошадей, держащий в правой руке ветвь (?), пучок стрел (?) ("Аполлон на колеснице"); женская (юношеская?) голова в профиль в зубчатом венце; обнаженная фигура, натягивающая лук (Артемидида?); печать Ивана III Васильевича, очень часто встречающаяся либо как прикладная, либо в паре с другой инталией (лев пожирает змею), которая, кстати, использовалась и его отцом, о чем гласит надпись на обрамлявшем гемму ободке, — стоящая фигура с мечом или другим каким-то острым предметом в поднятой согнутой левой руке, перед которой стоит ангел с венком в правой руке; печать кн.серпуховского и боровского Владимира Андреевича, на которой изображена бородатая голова в античном шлеме, на об.с. — обнаженная идущая фигура; печать кн.серпуховского и боровского Василия Ярославича с изображением купидона; печати кн.можайского Ивана Андреевича с изображением орла, сидящего на скале, и с изображением дельфина; печать кн.верейского и белозерского Михаила Андреевича, на которой изображена фигура с рогом изобилия ("богиня плодородия"); печать кн.вологодского Андрея Васильевича Меньшого, где сидящий орел держит в клюве венок; печать кн.стародубского Семена Ивановича Хрипуна

Риполовского — сидящий человек с пучком стрел (Геракл, по мнению Лакиера⁸⁴). По-видимому, этот список античных сюжетов на русских печатах можно было бы продолжить, продолжить также во временном плане, ибо, судя по таблицам, помещенным в "Сборнике" П.И. Иванова, антики широко использовались в XVI и XVII вв.⁸⁵

Западноевропейские геммы также использовались в качестве печатей русскими феодалами. Это печать велки. Василия II (предположительно привешена крайней слева от зрителя вместе с печатями других князей); на ней изображено чудовище, фантастический зверь, на шее которого надета корона; печать противника Василия II кн.галицкого Дмитрия Юрьевича Шемяки — погрудное изображение бородатого воина в доспехах и шлеме, влево; печать кн.можайского Андрея Дмитриевича с изображением головы в шлеме с перьями. К западноевропейским геммам по тематике принадлежит, вероятно, и печать кн.волоцкого Федора Борисовича, где изображена сложная композиция с крепостной стеной и воротами, по бокам которых стоят два рыцаря и поднятыми вверх руками поддерживают бревно. Лакиер, считая эту гемму (или сюжет?) заимствованной с Запада, относит к этому же типу и печати очень сложной композиции отца Федора Борисовича — Бориса Васильевича, кн.волоцкого, и брата — Ивана Борисовича⁸⁶.

Печать кн.углицкого Константина Дмитриевича привлекла особое внимание Лакиера, который предлагает трактовать изображенную на ней сцену согласно легенде об Аврааме, той ее части, где речь идет о приеме Авраамом трех странников⁸⁷. (Бог приходит к Аврааму в виде трех странников-ангелов — три лица в ветвях дерева, — Авраам и его жена Сарра встречают их у дубравы Мамре⁸⁸). Данный сюжет можно квалифицировать как нарративный, подобно ряду других сюжетов, встречаемых на печатах XIV—XV вв., например, такому, как борьба единорога с драконом (змеей), который имеется на печати кн.верейского Василия Михайловича Удалого. Единорог — мифическое животное, имеющее тело быка или чаще лошади и длинный прямой рог на лбу, представляет собой один из наиболее значимых и известных священных образов, изображения которого встречаются на печатах из раскопок древних городов долины Инда уже с III тысячелетия до н.э. Его присутствие является обязательным для ближневосточных и раннеевропейских мифологических систем, его символика хорошо известна сочинениям, восходящим к греческому тексту "Физиолога" (II — III вв. н.э.), пришедшего в XIV—XV вв. и на Русь. Единорог по легендарным представлениям находится в конфронтации со змеем (его рог лечит от укуса змеи, рогом он очищает воду, отравленную змеем⁸⁹).

Подобные примеры можно продолжить. Однако вряд ли имеет смысл пытаться рассмотреть, подыскивать толкование всем сюжетам, встречающимся на печатах XIV—XV вв. (это представляло бы интерес лишь с точки зрения осмысления художественных представлений эпохи и вкусов владельца печати): ведь печати в силу

специфики происхождения, ограниченной сферы предназначения не могут в столь значительной степени, как, скажем, монеты, быть "поставщиком" социальной информации, служить подобно монетам источником по изучению древнерусских эмблем⁹⁰. И все же определенный резон в исследовательском внимании к изображениям на печатях имеется. Представляет интерес оценка изображений на печатях с точки зрения политических устремлений, формирования идеологических установлений и формул; в первую очередь здесь речь идет о печатях великих и удельных князей, особенно тех, которые боролись за власть, выступая соперниками московских князей.

В связи с изучением эмблем на великокняжеских печатях хотелось бы остановиться на некоторых сюжетах, наиболее часто встречаемых в пределах одного правления. К подобным сюжетам относится изображение стоящей фигуры (с мечом?), напротив которой — ангел с венком в руке. Эта композиция встречается на печатях Ивана III Васильевича начиная с первых лет правления и вплоть до конца 80-х годов. Печать может быть прикладной и вислой, где в паре с данным изображением (на об.с.) появляется изображение льва, пожирающего змею, характерное и для печатей отца Ивана III Василия II Васильевича.

Изображение двух стоящих фигур, одна из которых, крылатая, держит в поднятой руке венок, издателями АСЭИ толкуется как Благовещение. Для иконографии Благовещения характерно изображение стоящих архангела Гавриила и Марии, однако стоящие фигуры известны по ранним памятникам, XI—XII вв.⁹¹. Уже в XIV в. в русской иконописи при изображении Благовещения Мария представлена сидящей⁹², архангел — в характерной позе со слегка согнутой левой ногой⁹³.

Трактовка Благовещения начала XV в. представлена известной иконой А. Рублева из иконостаса Благовещенского собора в Москве: архангел в позе шагнувшего, жест правой руки с убраным безымянным пальцем, Мария с веретеном в левой согнутой руке и нитью в правой поднятой руке, сидит⁹⁴.

Для печатей Ивана III, по-видимому, была бы более подходящей именно эта композиция, если бы на ней изображалось Благовещение. Однако крылатая фигура "держит в правой поднятой руке кольцо", а перед ней человек "с мечом" (не с веретеном), как отмечается еще в ЛЗАК⁹⁵. Таким образом, трактовка данной композиции как Благовещения, на наш взгляд, неверна. Крылатая фигура, по всей видимости, увенчивает героя, что характерно для композиций, присущих античности.

Античный сюжет лежит в основе изображения, пожалуй, столь же часто встречаемого на печатях Василия II, как и вышеописанная композиция на печатях его сына Ивана III. Это так называемый Аполлон на колеснице. Действительно, на печати изображена квадрига Солнца, или колесница Аполлона-солнца, светоносного бога, посылающего на врагов стрелы-лучи⁹⁶. В правой руке человек, голове которого украшает лучевой венец (на некоторых оттисках он

Миниатюра Киевской Псалтири 1397 г.

виден), действительно держит что-то похожее на пучок стрел (ветвь?), а в левой — круглый предмет (лук, лира, шар-солнце?).

Аналогии подобной композиции находятся среди миниатюр Киевской Псалтири 1397 г.⁹⁷ На миниатюре “Олицетворение солнца” (к псалму СXXXV, 8 — “С(о)лнце въ область ди(и)и” — “Солнце — для управления днем”) представлена античная дига, возница с нимбом, который держит в одной руке кнут, в другой диск, испускающий лучи. Другая миниатюра, “Олицетворение луны” (к псалму СXXXV, 9 — “Лоуноу и звезды въ облас(ть) нощи” — “Луну и звезды — для управления ночью”) подобна первой, но в колесницу запряжены быки⁹⁸.

Исследователь Киевской Псалтири Г.И. Вздорнов считает, что эти две миниатюры относятся к буквализмам, т.е. буквально иллюстрируют текст, и не содержат в себе символики; художник изобразил то, что написано, не вкладывая в рисунок глубокого смысла⁹⁹. Как известно, миниатюры Киевской Псалтири воспроизводят иллюстрации утраченного греческого оригинала конца XI в.

Сходству изображений на печатях вел. кн. московского и помещенных в Псалтири, написанной в Киеве, вряд ли стоит удивляться. Хотя Псалтирь написана в Киеве, но ее заказчик был жителем Москвы, выполнена она была москвичом и в московском окружении. Таким образом, данная Псалтирь представляет собой памятник московской, а не киевской письменности¹⁰⁰.

Итак, сюжетика двух наиболее употребляемых Василием II и его сыном Иваном III печатей, по-видимому, если и имеет символический смысл, то только, так сказать, личностный, импонируя вкусу и характеризую индивидуальность каждого. Не случайно печать с Аполлоном “не прижилась” в правление Ивана III, хотя имеется намек на попытку ее употребления в начальные годы правления последнего.

Между тем восьмигранная гемма, изображающая льва, который терзает змею, или была заимствована сыном Василия II, или

вновь вырезана при Иване III по образцу существовавшей и используемой в качестве печати в предшествующее правление. Естественно, изменилась надпись вокруг геммы, сообщающая имя владельца печати.

Является ли данная композиция заимствованным сюжетом или находит литературные и художественные ассоциации на местной, так сказать, почве, определить пока не удалось. Символический характер изображения бесспорен. В нем просматривается тема героики, победы над злом, однако наиболее ярко выступает отражение злободневной политической ситуации, или, пользуясь терминологией Чернецова, актуальный смысл. "Как пример актуального восприятия традиционного библейского образа в письменной литературе можно указать случай, когда в русской рукописи XV в. противники библейского Самсона названы не филистимлянами, а татарами", — пишет Чернецов, ссылаясь на Я.С. Лурье. И далее: "Традиционный образ дьявола, дракона прямо ассоциируется в XV в. с татарами"¹⁰¹.

Что касается льва, то его изображение является популярным не только в прикладном искусстве Владимирской Руси начиная с XII в., но находит применение и в русской княжеской эмблематике¹⁰².

Сцены терзания змеи зафиксированы и на русских монетах XV в. В одном случае — на монетах Суздальско-Нижегородского княжества — змее терзает грифон, в другом — на монетах киеврейского Михаила Андреевича — орел. В обоих случаях, как считает Чернецов, это четко выраженная победа, четко поставлены акценты морализующего характера — победа над злым началом, выразителем которого является змея¹⁰³. Однако думается, что в данном случае в суждениях Чернецова наблюдается противоречие: ведь он сам приводит убедительные примеры трактовки в древнерусской литературе, в том числе в летописях, змеи, дракона как "иноверных, татаро-моңгольских завоевателей". К тому же как грифон, так и орел — один из самых распространенных образов европейской княжеской символики. Так что изображения на вышеозначенных монетах носят скорее символично-политический характер, чем морализующий¹⁰⁴. То же самое можно сказать и об эмблемах на великокняжеских печатях Василия II и Ивана III.

В европейской иконографии, прежде всего монетной, дракон (змея) постепенно из отвлеченного образа зла, которого побеждает условный положительный герой (что, впрочем, является актуализацией библейского мотива: пророк Даниил убил дракона), превращается (с распространением в Европе легенды о св.Георгии) во врага, с которым рыцарь сражается копьем и мечом¹⁰⁵. Рыцарь нередко олицетворяет сюзерена.

Сюзерен воплощался также в образ льва, который в отличие от дракона обладал различными значениями, представляя то добро, то зло, символизируя то Христа, то дьявола, то сюзерена, то его врагов, в зависимости от того, в каком контексте предстал образ¹⁰⁶. В нашем случае лев — положительный образ, ибо явно отрицательный символ (змея) побежден.

Итак, даже в том случае, если не обнаружится художественная или литературная ассоциация в русских источниках, на основании интерпретации общеевропейских символических образов, характерных для аналогичных памятников, можно отнести изображение на печати Василия II — Ивана III к разряду символично-политических, а следовательно, и рассматривать эту композицию как "пред-герб". В качестве герба она не утвердилась, хотя элементы преемственности наблюдаются. Однако другие эмблемы, зафиксированные на печати Ивана III, видимо, более соответствующие историческому моменту, явились основополагающими для герба единого Русского государства.

- ¹ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. II (далее: Янин. II). С. 25-34.
- ² См. Прил. № 150, 175.
- ³ Кашистанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. Гл. V. Грамоты конца XIV — начала XVI в. (не вошедшие в АСЭИ); Акты XIV — начала XVI в. / Публ. подгот. И.А. Голубцов, В.Д. Назаров // Сов. архивы. 1970. № 5.
- ⁴ Государственное Древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135 / Сост. В.Н. Шумилов; Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1971.
- ⁵ См., напр.: Орешников А.В. Материалы к русской сфрагистике // Тр. Моск. нумизмат. о-ва. М., 1903. Т. III, вып. 1. С. 150.
- ⁶ Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. С. 1. Тем не менее Лихачев допускает, что начало западноевропейского влияния на сфрагистическое изображение наблюдается уже с конца XIII — начала XIV в. (Там же. С. 22-23, 30-31, 48, 51, 68-69; Л., 1930. Вып. 2. С. 31).
- ⁷ Лихачев Н.П. Указ. соч. Вып. 1. С. 1-2.
- ⁸ Лакиер А.Б. Русская геральдика. СПб., 1855. С. 117-118, 125-127; Koehne B. de. Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. В., 1861. P. 6-7; Лихачев Н.П. Указ. соч. Вып. 2. С. 237, 257.
- ⁹ ДДГ. М.; Л., 1950. № 21, 22. Рисунки печатей см. в СГД. М., 1813. Ч. 1. № 41, 42. См. также Прил. № 19, 20.
- ¹⁰ Setkowitz W. Sfragistyka Witolda // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. Kraków, 1931. Т. XIII. S. 84-85; Vossberg F. Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. В., 1854. Taf. 22.
- ¹¹ Лихачев Д.С. Литература времени национального подъема // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. М., 1981. С. 5.
- ¹² Мошин В. О периодизации русско-югославских литературных связей X—XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIX. С. 100.
- ¹³ Лихачев Д.С. Литература времени национального подъема. С. 5.
- ¹⁴ Об этом см.: Тихомиров М.Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., 1947; Он же. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958.
- ¹⁵ Хорошкевич А.Л. Русско-славянские связи конца XV — начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России // VII Международный съезд славистов. Варшава, 1973. С. 416-421.
- ¹⁶ Тихомиров М.Н. Исторические связи русского народа. С. 176-177.
- ¹⁷ Латто-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С. 124-125.
- ¹⁸ Dölger F. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Eital, 1953. S. 268-269; Idem. Aus

- den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948. S. 319; *Idem*. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei // Actes du XII Congrès International d'Etudes Byzantines. Beograd, 1963. S. 101-102.
- ¹⁹ *Дуичев И.* Центри византијско-славјанског обшњени и сотрудињивоства // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIX. С. 129; *Лихачев Д.С.* Литература времени национального подъема. С. 7.
- ²⁰ *Lascaris M.* Influences byzantines dans la diplomatie bulgare, serbe et slavo-roumaine // Byzantinoslavica. Praha, 1931. Т. III. P. 503.
- ²¹ Примерно до средини ХХ в. считалось, что среди сербских печатей нет ни одной свицовой (Ивић. А. Стари српски печати и грбови. Нови Сад, 1910. С. 11). Сейчас же известия о них опубликованы. (См.: *Mosfin V.* Les sceaux de Stephan Nemanja // Actes du VI Congrès International d'Etudes Byzantines. P., 1951.. Т. II. P. 303-306; *Andelić P.* Srednjovjekovni pečati iz Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1970. S. 55-58).
- ²² Ивић. А. Ор. cit. С. 11.
- ²³ *Dölger F.* Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956. S. 47; *Dölger F., Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968. S. 45; *Dölger F.* Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 98; *Zacos G., Vegler A.* Byzantine lead seals. Basel, 1972. Vol. 1. S. 5.
- ²⁴ *Яковенко П.А.* Исследования в области византийских грамот. Грамоты Ново-го монастыря на о-ве Хиосе. Юрьев, 1917. С. 65, 107; *Dölger F.* Byzantinische Diplomatie. S. 47; *Dölger F., Karayannopoulos J.* Ор. cit. S. 44-45.
- ²⁵ *Čremošnik G.* Studije za srednjovjekovnu diplomatiku i sigilografiju južnih slovena. Sarajevo, 1976. S. 82.
- ²⁶ Об этом см.: *Станојевић С.* Студије о српској дипломатији // Глас српске краљевске академије. Београд, 1928. С. XXXII; *Ивић А.* Ор. cit. Tabl. 1-XVII.
- ²⁷ *Станојевић С.* Ор. cit. С. 14, 17, 23-24; *Ивић А.* Ор. cit. С. 13, 16; *Јуречек К.* Историја Срба. Београд, 1923. Св. 3-я. С. 32; *Čremošnik G.* Ор. cit. С. 66. Тожество печати и перстня в сербской сфрагистике подтверждается круговой надписью на печати короля Вукашина, оттиснутой на зеленом воске и датируемой 1370 г.: "Благоверна крале Влъкашина пръстень" (*Ивић А.* Ор. cit. Tabl. IV, 22).
- ²⁸ *Мошин В.А.* К вопросу о составлении хрисовулов у южных славян и в Византии // Юбилейный сборник Рус. археол. о-ва в королевстве Югославия. Белград, 1936. С. 6.
- ²⁹ *Lascaris M.* Ор. cit. P. 505.
- ³⁰ *Јуречек К.* Ор. cit. S. V, 32; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. S. 322, 334.
- ³¹ *Герасимов Т.* Антични и средновековни монети в България. София, 1975. С. 129-135; *Мушмов Н.* Монетить и печатить на българските царе. София, 1924. С. 61, 76-77, 86-87, 94-96, 99, 102-103, 134, 144-145. Мушмов считает, что в конце XIV в. сюжет всадника от болгарских царей заимствовали византийские императоры; что же касается двуглавого орла, то он, по мнению автора, явился примером для русского великого князя Ивана III.
- ³² *Мушмов Н.* Ор. cit. С. 144-145, 162; *Gerassimov Th.* Sceaux bulgares en or de XIII et XIV siècles // Byzantinoslavica. Prague, 1960. Т. XXI, N 1. P. 66.
- ³³ *Lascaris M.* Ор. cit. P. 505.
- ³⁴ Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873. С. 412.
- ³⁵ *Čremošnik G.* Ор. cit. S. 37.
- ³⁶ *Ibid.* S. 38; *Lascaris M.* Ор. cit. P. 506.
- ³⁷ *Ивић А.* Ор. cit. С. 14-15. Tabl. I-XVII; *Andelić P.* Ор. cit. S. 9-10.
- ³⁸ *Јуречек К.* Ор. cit. С. 15-32; *Ивић А.* Ор. cit. С. 16; *Čremošnik G.* Ор. cit. С. 61.
- ³⁹ *Ивић А.* Ор. cit. С. 17.
- ⁴⁰ *Čremošnik G.* Ор. cit. С. 49, 63.
- ⁴¹ *Ibid.* S. 63; *Ивић А.* Ор. cit. Tabl. I-XVII.
- ⁴² *Čremošnik G.* Ор. cit. С. 138-139, 145.
- ⁴³ *Gerola G.* L'aquila Bizantina e l'aquila imperiale a due teste // Felix Ravenna. Ravenna, 1934. Fasc. I (XLIII). P. 19.

- ¹⁰ Ibid. P. 18-19; *Кондаков Н.П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 118.
- ¹¹ Об этом см.: *Соболева Н.А.* Символы русской государственности // *Вопр. истории.* 1979. № 6.
- ¹² *Zacos G., Veglery A.* Op. cit. Vol. 1. S. 102.
- ¹³ *Dölger F., Karayannopoulos J.* Op. cit. S. 45; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. S. 316.
- ¹⁴ СГД, Ч. 1. № 33, 41, 44, 86-87.
- ¹⁵ Там же. № 44 и 35; 89 и 87.
- ¹⁶ *Орешников А.В.* Материалы к русской сфрагистике. Табл. 1, рис. 1.
- ¹⁷ *Тихомиров М.Н.* Исторические связи русского народа. С. 176-177.
- ¹⁸ *Орешников А.В.* Материалы к русской сфрагистике. Табл. 1, рис. 3.
- ¹⁹ *Ивиш А.* Op. cit. Табл. III, № 15-16.
- ²⁰ *Янин. II.* С. 37.
- ²¹ *Орешников А.В.* Древнейшее русское изображение двуглавого орла // *Тр. Моск. нумизмат. о-ва. М., 1899.* Т. II, вып. 1. С. 12-14.
- ²² Акты русского на св. Афоне монастыря. С. VIII.
- ²³ *Мошин В.* О периодизации. С. 99.
- ²⁴ *Лихачев Д.С.* Литература времени национального подъема. С. 15.
- ²⁵ *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 408.
- ²⁶ Говоря о сфрагистике Сербии, мы не должны забывать, что она испытала сильное западноевропейское влияние. Таким образом, на Русь пришла, хотя и трансформированная в сербской дипломатической практике, западноевропейская традиция скрепления документа при помощи восковой печати.
- ²⁷ *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России. С. 9.
- ²⁸ *Chernetsov A.V.* Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries. An iconographic study // *V A R International Series 167.* Oxford, 1983. P. 1.
- ²⁹ Ibid. P. 2.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ *Марков А.К.* О типах русских монет XV века // *Зап. нумизмат, отд. Рус. археол. о-ва. СПб., 1910.* Т. 1. № 4. С. 130-137.
- ³² *Chernetsov A.V.* Op. cit. P. 3.
- ³³ АСЭИ. Т. 1. № 287.
- ³⁴ Там же. № 472.
- ³⁵ Там же. № 108, 456; Т. III. № 68.
- ³⁶ Там же. Т. 1. № 63, 16; Т. II. № 144.
- ³⁷ Там же. Т. 1. № 33, 38, 184; Т. II. № 59.
- ³⁸ Там же. Т. 1. № 11.
- ³⁹ Там же. № 8.
- ⁴⁰ *Спасский И.Г.* Русская монетная система. Л., 1970. С. 80. № 7.
- ⁴¹ АСЭИ. Т. 1. № 153.
- ⁴² Там же. Т. III. № 67-а.
- ⁴³ С. Герберштейн так описывает содержание изображения на новгородских монетах: "новгородская... на одной стороне имеет изображение государя, сидящего на троне, а напротив него — склонившегося человека" (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 123).
- ⁴⁴ *Chernetsov A.V.* Op. cit. P. 35.
- ⁴⁵ Ibid. P. 4.
- ⁴⁶ О них см.: *Кисцуйский S.K.* Pieczęcie książąt Mazowieckich. Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk, 1978. S. 122-123.
- ⁴⁷ Ibid. S. 124-125.
- ⁴⁸ *Кисцуйский S.K.* Op. cit. S. 153-154.
- ⁴⁹ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 135.
- ⁵⁰ Там же. С. 188.
- ⁵¹ *Иванов П.И.* Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858. Табл. III и след.
- ⁵² *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 143-144.
- ⁵³ Там же. С. 137-138.

- ⁹⁸ Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1987. Т. 1. С. 26.
- ⁹⁹ Об этом см.: Там же. С. 429.
- ¹⁰⁰ *Chernetsov A.V.* Op. cit. P. 39-40.
- ¹⁰¹ *Лазарев В.Н.* Древние мозаики и фрески, XI-XV вв. М., 1973. № 52, 53, 71, 72; *Он же.* Новгородская иконопись. М., 1969. Таблицы. № 6.
- ¹⁰² *Лазарев В.Н.* Древние мозаики и фрески. Ил. № 296.
- ¹⁰³ *Алпатов М.В.* Древнерусская иконопись. М., 1978. Таблицы. № 9; ср. № 8.
- ¹⁰⁴ *Лазарев В.Н.* Московская школа иконописи. М., 1980. Таблицы. № 26.
- ¹⁰⁵ Акты П.М. Строева // ЛЗАК. СПб., 1907. Вып. 17. С. 280, 281, 392.
- ¹⁰⁶ Мифы народов мира. Т. 1. С. 94-96.
- ¹⁰⁷ Киевская Псалтирь. М., 1978. Л. 188.
- ¹⁰⁸ *Вздорнов Г.И.* Исследование о Киевской Псалтири. М., 1978. С. 139.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 52.
- ¹¹⁰ Там же. С. 32.
- ¹¹¹ *Chernetsov A.V.* Op. cit. P.50, 102-103.
- ¹¹² *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. М., 1981. С. 15-16; *Chernetsov A.V.* Op. cit. P. 40-41, 123-124.
- ¹¹³ *Chernetsov A.V.* Op. cit. P. 89.
- ¹¹⁴ Изображение орла, клюющего змею, фигурирует на средневековых польских монетах — брактеатах, где, по мнению исследователей, оно имеет исключительно религиозный смысл, восходящий к христологической символике (*Kiersnowski R.* Le souverain et les puissances du mal sur les coins des monnaies medievales // *Quaderni ticinesi di numismatica.* Lugano, 1981. P. 412). Однако это не мешает актуализации данной эмблемы в специфических исторических условиях Северо-Восточной Руси.
- ¹¹⁵ *Kiersnowski R.* Op. cit. P. 412-413.
- ¹¹⁶ *Ibid.* P. 414.

**ОПИСАНИЕ
СОХРАНИВШИХСЯ И ИДЕНТИФИЦИРУЕМЫХ
ПЕЧАТЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ**

ПЕЧАТИ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ И КНЯГИНЬ

XIV — начала XVI в.

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ МОСКОВСКИЕ

Иван I Данилович Калита (1325-1340)

1*. Печати (буллы) новгородского цикла — *Янин. II. № 406—410.*

2. Позолоченный аргировул восьмигранной формы.

Л.с. Стоящий Вседержитель, благословляющая правая рука, в левой — кодекс. Начало круговой надписи: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО".

Об.с. Стоящий Иоанн Предтеча, благословляющая правая рука, в левой — свиток. Конец круговой надписи: "КНЯЗЯ ИВАНА".

Сохранилась при первой духовной Ивана Калиты (1339 г.).

Хран.: ЦГАДА. Древлехранилище. Ф. 135 (далее: Древлехр.). Отд. 1. Рубр. I. № 1.

Воспроизв., опис.: СГГД. М., 1813. Ч. I. № 21; *Лакиер А.Б.* Русская геральдика (далее: *Лакиер*). М., 1855. С. 113; *Орешиников А.В.* Материалы к русской сфрагистике (далее: *Орешиников*) // Тр. Московск. нумизмат. о-ва. М., 1903. Т. III, вып. I. С. 119—121, табл. I, рис. 1;

ДДГ. М.:Л., 1950. № 1; *Янин. II. С. 25—28.*

3. То же, но оттиск на свинцовой круглой пластинке.

Найдена в Новгороде. См. об этом: *Янин. II. С. 25—26* (автор ссылается: *Лихачев Н.П.* Сфрагистический альбом // Архив ЛОИА. Ф.35.Оп.2. № 444).

Симеон Иванович Гордый (1340—1353)

4.(1) Печати (буллы) новгородского цикла — *Янин. II. № 411—412.*

5.(2) Вислая желтовосковая печать.

Изображение не ясно.

Сохранилась при договоре Симеона Ивановича с братьями — князьями звенигородским Иваном Ивановичем и можайским Андреем Ивановичем (1350—1351 гг.).

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 1. Опис.: *Лакиер. С. 113; ДДГ. № 2.*

6.(3) Позолоченный аргировул.

Л.с. Стоящий Симеон Перс (св. Симеон Александрийский — по Яни-

* Полу жирным шрифтом обозначена валовая нумерация печатей в Приложении, курсивом — нумерация печатей одного владельца. Номера под изображениями печатей соответствуют номерам в Приложении.

** Здесь и далее даты указываются по изданиям ДДГ и АСЭИ. М., 1952-1964. Т. I - III.

ну), правой рукой держит у груди крест, левая опущена. По обеим сторонам фигуры надпись: "СЕМ — ЕН", ниже "ЪС — ТЫ" ("СВЯТЫЙ").

Об.с. 6-строчная надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО СЕМЕНОВА ВСЕЯ РУСИ".

Сохранилась при духовной грамоте Симеона Ивановича (1353 г.) (вместе с двумя выслыми восковыми печатями, все привешены на желтых шелковых шнурах).

Хран.: ЦГАДА. Дрeвлeхр. Отд. I. Рубр. I. № 3.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 24; *Лакиер*. С. 113; *Орешников*. С. 121—122, табл. I, рис. 3; ДДГ. № 3; *Янин*. II. С. 26.

Иван II Иванович Красный
(1353—1359)

7.(1) Печати (буллы) новгородского цикла — *Янин*. II. № 413—416.

8.(2) Позолоченный аргировул.

Л.с. Стоящий Иоани (Иерусалимский), благословляющая правая рука, в левой — Евангелие. По сторонам надпись: "АГИОУСЬ—ІО".

Об.с. 5-строчная надпись "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ИВАНА ИВАНОВИЧА".

Сохранилась при первой духовной грамоте Ивана Ивановича (ок. 1358 г.), привешена на красном шелковом шнурочке.

Хран.: ЦГАДА. Дрeвлeхр. Отд. I. Рубр. I. № 4.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 25; *Лакиер*. С. 113—114; *Орешников*. С. 123—124, табл. I, рис. 4; ДДГ. № 4; *Янин*. II. С. 26.

9.(3) То же.

Сохранилась при второй духовной грамоте Ивана Ивановича (ок. 1358 г.), привешена на красном шелковом шнурочке.

Хран.: ЦГАДА. Дрeвлeхр. Отд. I. Рубр. I. № 5.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 26; *Лакиер*. С. 113—114; *Орешников*. С. 123; ДДГ. № 4; *Янин*. II. С. 26.

Дмитрий Иванович Донской
(1359—1389)

10.(1) Печати (буллы) новгородского цикла — *Янин*. II. № 417—421.

11.(2) Позолоченный аргировул.

Л.с. Стоящий Дмитрий Солунский со стягом в правой руке и шитом в опущенной левой руке. Справа видна буква ω (слово "агиоусь").

Об.с. 5-строчная надпись, реконструируемая как "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ДМИТРИЕВА".

Сохранилась при жалованной тарханной и несудимой грамоте воторжицу Микуле Андрееву или Андреянову сыну с детьми (1363—1389 гг.).

Хран.: ЦГАДА. Дрeвлeхр. Отд. I. Рубр. IV. № 2.

Воспроизв., опис.: *Березников Я.И.* Записка об открытых в Московском Кремле древностях. СПб., 1844. Т. II. Б; *Орешников*. С. 124—125, рис. 7; АСЭИ. III. № 178.

12.(3) То же.

Л.с. Слева видна буква "Д" (имя "Дмитрий").

Об.с. "4-строчная (5-строчная?) надпись: "...Ъ КНЯЗ... ЛИ...ГО...Д...ИТ..." Сохранилась при первой духовной грамоте Дмитрия Донского (ок. 1375 г.) (вместе с позолоченным аргировулом мит-

рополита Алексея, обе приашены на красных шелковых шнурочках).

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. I. № 6.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 30; *Лакиер*. С. 114—115; *Орешников*. С. 124, табл. I, рис. 5; ДДГ. № 8; *Янин*. II. С. 26—27.

13.(4) То же.

Л.с. Стоящий Дмитрий Солунский, в правой руке — копьё, в опущенной левой — щит овальной формы, на бедрах — меч. По сторонам: слева буквы "ОА Г ОС", соединенные в монограмму ("ОАГИОС"), справа в три строки "ДМИТРИИ".

Об.с. 5-строчная (6-строчная?) надпись: "(ПЕЧАТЬ) КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ВСЕЯ РУСИ".

Сохранилась при второй духовной грамоте Дмитрия Донского (1389 г.), привешена на желтом шелковом шнурочке.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. I. № 7.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 34; *Лакиер*. С. 115; *Орешников*. С. 125—126, табл. I, рис. 6; ДДГ. № 12; *Янин*. II. С. 27.

14.(5) Булла.

Л.с. Человеческая голова в фас, с бородой и длинными волосами, заплетенными в косички, выходящими из-под короны. Корона с тремя зубцами, оканчивающимися бусинами (по Янину — голова царя Давида). Круговая надпись реконструируется (по Янину) как "ВСЕ СЯ МИНЕТЬ".

Об.с. 5-строчная надпись: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА".

Хран.: Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа (Янин. II. С. 166).

Воспроизв., опис.: *Орешников*. С. 126, табл. II, рис. 9; *Янин*. II. С. 30—32.

Васильи I Дмитриевич (1389—1425)

15.(1) Печати (буллы) новгородского цикла — *Янин*. II. № 424—428.

16.(2) Вислая односторонняя темновосковая печать овальной формы.

Всадник с копьем в правой руке, направленным вниз, под копыта коня. Круговая легенда в ободке не ясна.

Сохранилась при договорах Василия Дмитриевича с кн. серпуховским Владимиром Андреевичем (1390 г. и ок. 1401—1402 гг.) (вместе с другими восковыми печатями, все привешены на красных шелковых шнурах).

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 9, 12 (обломок).

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 35, 38; *Лакиер*. С. 116, табл. V, рис. 4; ДДГ. № 13, 16.

17.(3) Позолоченный аргировул.

Л.с. Поясное изображение Василия Кесарийского в профиль, влево, левая рука поднята, в правой — Евангелие. С левой стороны надпись в три строки "ВАСИЛ", с правой — "КСА".

Об.с. 6-строчная надпись: "[ПЕЧАТЬ] КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ВАСИЛИЕВА ДМИТРИЕЕВ[А] ВСЕЯ РУСИ".

Сохранилась при первой духовной грамоте Василия Дмитриевича (1406—1407 гг.), привешена на красном шелковом шнурочке.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. I. № 9.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 39; *Лакиер*. С. 116; *Орешников*. С. 128—129, табл. I, рис. 8; ДДГ. № 20; *Янин*. II. С. 27.

18.(4) Вислая двусторонняя восковая печать.

Изображения на лицевой и оборотной сторонах не ясны, однако имеется описание печати в списке XVI в.: "глава человека, круг главы подпись назнать; на той же печати з другой стороны человек на кони".

Сохранилась (в обломках) при жалованных грамотах Василия Дмитриевича Троице-Сергиеву монастырю (1415, 1415–1425 гг.).

Хран.: Отдел рукописей ГБЛ. Архив Троице-Сергиевой лавры (Ф.303.1) (далее: АТСЛ). № 10166; ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии (Ф.281) (далее: ГКЭ). Переяславль-Залесский. № 35/8759.

Опис.: АСЭИ.1. № 30–31.

19.(5)*** Вислая односторонняя темновосковая печать.

Всадник на скачущем коне, в отведенной правой руке меч, на голове конусовидная шапка (шлем?). Круговая надпись не читается.

Сохранилась при второй духовной грамоте Василия Дмитриевича (ок.1417 г.) (вместе с четырьмя вислыми восковыми печатями, все привешены на красных шелковых шнурочках).

Хран.: ЦГАДА. Древлехр.Отд.1. Рубр.1. № 13.

Воспроизв., опис.: СГГД.1. № 41; *Лакиер*. С. 117, табл.IV, рис.10; ДДГ. № 21.

20.(6)*** Вислая односторонняя печать, оттиснутая в ковчеге. Подобна предыдущей по изображению и легенде.

Сохранилась при третьей духовной грамоте Василия Дмитриевича (1423 г.), оттиснута на красном воске (ковчег желтовосковой), привешена на толстых светло-коричневых шелковых шнурах.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр.1. № 15.

Воспроизв., опис.: СГГД.1. № 42; ДДГ. № 22.

*Великая княгиня Софья Витовтовна,
жена вел.кн. Василия Дмитриевича (рог.1371, ум.1453)*

21. Вислая односторонняя светловосковая печать овальной формы.

Изображена обнаженная мужская крылатая фигура, поднявшая женскую обнаженную фигуру. Остатки круговой надписи: "...АТЬ КНЯ..."

Сохранилась при духовной грамоте Софьи Витовтовны (1451 г.) (вместе с другой вислой восковой печатью, привешены на красном шелковом шнурочке).

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр. П. № 20.

Воспроизв., опис.: СГГД.1. № 83; ДДГ. № 57.

Василий II Васильевич Темный (1425–1462)

22.(1) Печати (буллы) новгородского цикла – Янин. П. № 429–433.

23.(2) Вислая двусторонняя светловосковая печать.

Л.с. Всадник (?)

Об.с. Стоящая фигура (?) Остатки круговой надписи: "...ВАСИ..."

Сохранилась при жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю (1425–1427 гг.), привешена на суровых нитях, плохой сохранности.

*** Хотя традиционно обе эти печати приписывают Василию I, бросается в глаза их полная идентичность печатям вел.кн.литовского Витовта, тестя Василия I; надпись латинская, как на печати Витовта (рис.2).

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Переяславль-Залесский. № 4/8728.
Опис.: АСЭИ. I. № 47.

24.(3) Вислая двусторонняя темновосковая печать.

Л.с. Всадник с копьём в правой руке. Круговая надпись не ясна.

Об.с. Две сидящие человеческие фигуры ("две персоны людские: одна сидит на стуле с посохом, а другая льву держит челюсти" — *Лакиер*. С.149). Круговая надпись: "КНЯЗЬ ВЕЛИКОГО ВАСИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧА)".

Сохранилась при договорных грамотах Василия II и его дядев — князей Андрея Дмитриевича и Константина Дмитриевича с кн. галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем (1428 г.) (вместе с двумя другими вислыми восковыми печатями, все привешены на светло-коричневых шнурочках).

Хран.: ЦГАДА. Дрвслехр. Отд. I. Рубр. II. № 13.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 43—44; *Лакиер*. С.122; ДДГ. № 24—а,б.

25.(4) Вислая двусторонняя темновосковая печать.

Л.с. Всадник с саблей (копьём?) на правом плече. Круговая надпись не ясна.

Об.с. Сидящая фигура (с крыльями?), вправо, с неясными предметами в руках. Круговая надпись: "...КНЯЗЬ ВЕ...ВАС..."

Сохранилась при жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю (1428—1432 гг.), привешена на светлом шнурочке.

Хран.: ЦГАДА. Дрвслехр. Отд. I. Рубр. IV. № 4.

Опис.: АСЭИ. I. № 55.

26.(5) Прикладная темновосковая печать (может быть оттиснута и на светлом воске).

Изображение четырех лошадей, бегущих попарно в разные стороны, которыми правит человек в венце с ветвью (?) и круглым предметом (?) в руках (Аполлон на колеснице, по Орешникову). Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА".

Сохранилась:

— при указной грамоте Василия II в Аргуново дворскому и всем волостным людям (ок. 1430—1440 гг.) — АСЭИ. I. № 156;

— при договорной грамоте Василия II с кн. суздальским Иваном Васильевичем Горбатым (1448—1449 гг.) (вместе с другой прикладной печатью) — ДДГ. № 52;

— при жалованной грамоте Василия Троице-Сергиеву монастырю (1448/49 г.) — АСЭИ. I. № 221;

— при жалованной грамоте Кириллову Белозерскому монастырю (1448—1462 гг.) — АСЭИ. II. № 101;

— при жалованной грамоте Марии Копшиной (1449 г.) — АСЭИ. I. № 224;

— при жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю (1449 г.) — АСЭИ. I. № 225;

— при договорной грамоте Василия II с кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем (1450 г.) (вместе с печатью Михаила Андреевича) — ДДГ. № 55;

— при договорной грамоте Василия II с кн. серпуховским и боровским Василием Ярославичем (1450—1454 гг.) (вместе с печатью Василия Ярославича) — ДДГ. № 56;

— при договорной грамоте Василия II с кн. серпуховским и боров-

ским Василием Ярославичем (1454—1456 гг.) (вместе с печатью Василия Ярославича) — ДДГ. № 58.

— при договорной грамоте Василия II с вел.кн. тверским Борисом Александровичем (ок.1456 г.) (вместе с печатью Бориса Александровича) — ДДГ. № 59;

— при жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю (1455—1462 гг.) — АСЭИ. I. № 260;

— при грамоте с прочетом, выданной наместникам в Бежецком Верхе (1456—1462 гг.) — АСЭИ. I. № 262;

— при жалованной грамоте Василия II Кириллову Белозерскому монастырю (1456 г.) — АСЭИ. II. № 169;

— при жалованной грамоте Василия II Кириллову Белозерскому монастырю (ок.1457—1462 гг.) — АСЭИ. II. № 170;

— при жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю (1457 г.) — АСЭИ. I. № 278;

— при жалованной грамоте Василия II Симонову монастырю (1460 г.) — АСЭИ. II. № 359.

Хран.: ЦГАДА. Дрвслехр. Отд.1. Рубр. II. № 41; ГПБ. № 33 (I, 41); ЦГАДА. ГКЭ. Суздаль № 1/11780; Там же. Переяславль-Залесский. № 9/8733; ЛОИИ. Ф.Головина (Колл.41) (далее: Головина). № 19; ЦГАДА. Дрвслехр. Отд.1. Рубр. II. № 38; Там же. № 42; Там же. № 40; Там же. № 39; Там же. ГКЭ. Москва. № 1/7143; ЛОИИ. Головина. № 23; ЦГАДА. ГКЭ. Бежецк. № 26/1130; ЛОИИ. Ф. Строева (Колл.12) (далее: Строева). Оп.1. Д.104; ГПБ. № 46 (1,54); ЦГАДА. ГКЭ. Бежецк. № 5/1109; Там же. Переяславль-Залесский. № 15/8739.

Воспроизв., опис.: СГТД. I. № 75, 80—81, 84—85, 76—77, 78—79; *Лахер*. С. 122, табл. VI, рис. 3; *Иванов П.И.* Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции (далее: *Иванов*). М., 1858. XV в. № 14; ЧОИДР. 1903. Кн.2. Смесь. С.16; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

27.(6) Прикладная (в некоторых случаях вислая) темновосковская односторонняя печать.

Изображение головы (женской, юношеской?) в профиль, влево, в зубчатом венкообразном головном уборе. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧА".

Сохранилась:

— при жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю (1432—или 1433 гг.) — АСЭИ. I. № 74;

— при данной Василию II Троице-Сергиеву монастырю (1432—1445 гг.) — АСЭИ. I. № 84;

— при жалованной грамоте Василия II вотчиннику Михаилу Яковлевичу с детьми (1435 г.) — АСЭИ. I. № 117;

— при договоре Василия II с кн. галицким Дмитрием Юрьевичем Шемякой (1436 г.) (вместе с вислой же печатью Дмитрия Юрьевича) — ДДГ. № 35/1;

— то же — ДДГ. № 35/II;

— то же, по печати прикладные (1441—1442 гг.) — ДДГ. № 38/1;

— то же — ДДГ. № 38/II;

— при мировой докладной вел.кн. Василию II архимандрита Спасо-Евфимиева монастыря с архимандритом Владимирского Рождественского монастыря (ок.1440—1444 гг.) — АСЭИ. II. № 442;

— при договоре Василия II с кн. можайским Иваном Андреевичем и кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем (1445 г.) (вместе с двумя также прикладными печатями) — ДДГ. № 41.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Бежецк. № 6/1110; Там же. Переяславль-Залесский. № 6/8730; ЦГАДА. Приказные дела новой разборки. № 950; ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 21; Там же. № 22; Там же. № 19; Там же. № 20; ГБЛ. Собр. Муханова (Ф. 191) (далее: Муханова). № 35; ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 24.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 56—57, 58—59, 52—53, 54—55, 61; *Лакиер*. С. 122, табл. VI, рис. 1; *Иванов*. XV в. № 4; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

28.(7) Вислая односторонняя темновосковая печать.

Изображение головы чудовища с раскрытой пастью, на шее — корона.

Надпись не ясна.

Сохранилась при договоре Василия II, князей Константина Дмитриевича, Ивана Андреевича, Михаила Андреевича, Василия Ярославича с кн. Юрием Дмитриевичем и его сыном Дмитрием Красным (1433 г.) (вместе с тремя другими вислыми печатями, привешены на коричневых шелковых шнурочках).

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 18. Опис. СГГД. I. № 49—50; *Лакиер*. С. 140; ДДГ. № 30 а, б.

29.(8) Прикладная светловосковая (может быть оттиснута и на черном воске) печать.

Изображение обнаженной фигуры с повязкой на голове, натянутой лук, рядом колонна. Без надписи.

Сохранилась:

— при договоре Василия II с кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем (1447 г.) (вместе с печатью Михаила Андреевича) — ДДГ. № 44;

— при договоре Василия II с кн. серпуховским и боровским Василием Ярославичем (ок. 1447 г.) (вместе с печатью кн. Василия Ярославича) — ДДГ. № 45/1;

— то же — ДДГ. № 45/II;

— при договоре Василия II с кн. можайским Иваном Андреевичем (1447 г.) (вместе с печатью Ивана Андреевича) — ДДГ. № 48.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 27; Там же. № 36. 37; Там же. № 30.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 64, 71—72, 73—74, 66; *Лакиер*. С. 141, табл. XI, Рис. 2; см. также указанные выше номера ДДГ.

30.(9) Вислая двусторонняя черновосковая печать.

Л.с. Лев, пожирающий змею. Круговая надпись в ободке: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА".

Об.с. Четверка лошадей, управляемая человеком с ветвью и круглым предметом (Аполлон на колеснице) (см. печать Василия Васильевича под № 26). Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА".

Сохранилась при духовной грамоте Василия II (1461—1462 гг.) (вместе с вислой печатью митрополита Феодосия) — ДДГ. № 61.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. I. № 21.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 86—87; *Лакиер*. С. 123, табл. VI, рис. 3; см. также указанные выше номера ДДГ.

Имеются сведения о следующих печатях Василия II:

а) Вислая красновосковская с изображением орла — при жалованной грамоте на кормление Ивану Григорьевичу Раслу Протасьеву с сыном Кононом (1425 г., список) — АСЭИ. III. № 283.

б) Позолоченный аргировул — при духовной вел.кн. Василия Васильевича — Опись архива Посольского приказа 1626 г./ Подгот. к печати В.И. Гальцов. М., 1977. Ч.1. Л.22 об.

*Великая княгиня Мария Ярославна,
жена вел.кн. Василия II Васильевича (ум.1484)*

31.(1) Прикладная черновосковская печать.

Изображение сцены охоты: человек с копьем, перед которым бежит собака. Круговая надпись (остатки): "...ИНИ ВЕЛИКИЕ..."

Сохранилась:

— при жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю (1453 г.) — АСЭИ. I. № 246;

— при жалованной грамоте Благовещенско-Киржачскому монастырю (1453 г.) — АСЭИ. I. № 247;

— при жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю (1475 г.) — АСЭИ. I. № 451;

— при грамоте с сообщением о посылке денег в Кириллов Белозерский монастырь (1474—1482 гг.) — АСЭИ. II. № 249.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Переяславль-Залесский. № 10/8734; ЛОИИ. Головина. № 21; ЦГАДА. ГКЭ. Кострома. № 4/4971; ГПБ. № 66 (1, 75).

32.(2) Прикладная светловосковская печать.

Изображена сцена охоты: внизу сокол над убитой птицей, под облаками — цапля, к которой подлетает кречет, с правой стороны — собака на задних лапах. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКИЯ КНЯГИНИ МАРЬИ".

Сохранилась при жалованной грамоте Марии Ярославны игумену Дионисиеву Глушицкого монастыря (ок.1462—1470 гг.) — АСЭИ. III. № 256.

Опис.: *Амвросий*. История российской иерархии. М., 1813. Ч. V. С. 570—573.

Иван III Васильевич (1462—1505)

33.(1) Печати (буллы) новгородского цикла — *Янин*. II. № 434—436.

34.(2) Вислая светловосковская (может быть и черновосковская) двусторонняя печать.

Л.с. Стоящая человеческая фигура (с мечом?), перед которой стоит ангел с венком. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА".

Об.с. Лев, пожирающий змею. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА".

Сохранилась:

— при договоре Ивана Васильевича с вел.кн. тверским Михаилом Борисовичем (1462—1464 гг.) (вместе с печатью Михаила Борисовича) — ДДГ. № 63;

— при жалованной грамоте Ивана Васильевича Симонову монастырю (1462—1463 гг.) — АСЭИ. II. № 365;

- то же — АСЭИ.П. № 366;
- при жалованной грамоте Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1462—1466 гг.) — АСЭИ.І. № 316;
- при жалованной грамоте Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1466—1467 гг.) — АСЭИ.І. № 342;
- то же (1467—1474 гг.) — АСЭИ.І. № 352;
- при грамоте окружной Ивана Васильевича, наместникам в Суздаль, Юрьев (1467—1474 гг.) — АСЭИ.І. № 359;
- при жалованной грамоте Ивана Васильевича Марии Копиной (1472 г.) — АСЭИ.І. № 409;
- при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. волоцким Борисом Васильевичем (1473 г.) (вместе с двумя печатями) — ДДГ. 69;
- при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. углицким Андреем Васильевичем Большим (1473 г.) (вместе с двумя другими печатями) — ДДГ. № 70/1;
- то же — ДДГ. № 70/11;
- то же (1481 г.) — ДДГ. № 72/III;
- при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. волоцким Борисом Васильевичем (1481 г.) (вместе с двумя другими печатями) — ДДГ. № 73/II;
- при жалованной грамоте землевладельцу Вологодского у. Леонтию Васильевичу Львову (1484 г.) — АСЭИ.П. № 266;
- при жалованной грамоте Ивана Васильевича Кириллову Белозерскому монастырю (1488 г.) — АСЭИ.П. № 278;
- при жалованной грамоте Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1485 г.) — АСЭИ.І. № 516;
- при договорной грамоте Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. углицким Андреем Васильевичем Большим (1486 г.) (вместе с еще одной печатью) — ДДГ. № 82;
- при жалованной грамоте Ивана Васильевича Злобе и Федору Андреевичу Воропаевым (1486 г.) — АСЭИ. І. № 527;
- при жалованной грамоте Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1486 г.) — АСЭИ. І. № 531;
- при жалованной грамоте Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1488 г.) — АСЭИ. І. № 534.

Хран.: ЦГАДА. Дрeвлeхр. Отд.І. Рубр.ІІ. № 43; Там же. ГКЭ. Ржев. № 2/10170; Там же. Дрeвлeхр. Отд.І. Рубр.ІV. № 8; ГБЛ. Муханова. № 47; ГБЛ. Ундольского (ф.310.ІІІ) (далее: Ундольского). № 1; ЦГАДА. ГКЭ. Верей. № 3/2330; ЛОИИ. Строева. Оп.І. Л.664; ГБЛ. Муханова. № 54; ЦГАДА. Дрeвлeхр. Отд.І. Рубр.ІІ. № 51; Там же. № 54, 57; Там же. № 60, 63; ЛОИИ. Строева. Оп.І. Д.113; ЦГАДА. ГКЭ. Верей. № 1/2328; Там же. Дрeвлeхр. Отд.І. Рубр. ІІ. № 73; ГБЛ. Собр. Беляева (Ф.28) (далее: Беляева). № 14; ЦГАДА. Дрeвлeхр. Отд.І. Рубр.ІV. № 11; ГБЛ. Ундольского. № 3.

Воспроизв., опис.: СГГД. І. № 88—89, 97—98, 99—100, 101—102, 106—109, 110—111, 125—126; *Лакиер*. С.123, табл. VI, рис. 2; *Иванов*. XV в. № 7—8; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

35.(3) Прикладная темновосковая (может быть и вислой односторонней, также светловосковой) печать.

Стоящая человеческая фигура (с мечом?), перед которой стоит ангел с венком. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА".

Сохранилась:

— при жалованной грамоте Ивана Васильевича Симонову монастырю (1462—1463 гг.) — АСЭИ.П. № 363;

— при грамоте с прочетом в Ярославль наместнику (1463—1468 гг.) — АСЭИ.Л. № 338;

— при договоре Ивана Васильевича с кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем (не ранее 1464 г.) (вместе с печатью Михаила Андреевича) — ДДГ. № 65;

— то же (1472 г.) — ДДГ. № 67;

— при жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю (1467—1474 гг.) — АСЭИ.Л. № 351;

— при жалованной грамоте Ивана Васильевича землевладельцу Никите Львовичу Заболотскому (1473—1485 гг.) — АСЭИ.Л. № 419;

— при жалованной грамоте Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1485 г.) — АСЭИ.Л. № 512;

— при грамоте вологодскому посельскому (1485—1486 гг.) — АСЭИ.П. № 270;

— при указной грамоте разьездчику и судье Ивана Васильевича (1485—1488 гг.) — АСЭИ.Л. № 520;

— при грамоте с прочетом вологодским наместникам (1489/90 г.) — АСЭИ.П. № 279;

— при указной грамоте об отводе земель Ивану Яковлю (отводчику) (ок.1502—1504 гг.) — АСЭИ.Л. № 641;

— при разьезджей грамоте Ивана Васильевича сыну Юрию Ивановичу (1504 г.) — ДДГ. № 93.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Владимир. № 5/1782; Там же. Дрв-лехр. Отд. I. Рубр. IV. № 9; Там же. Рубр. II. № 47, 48—49; Там же. ГКЭ. Верея. № 1/221; Там же. Дрв-лехр. Отд. I. Рубр. IV. № 7; Там же. ГКЭ. Переяславль-Залесский. № 30/8754; ГПБ. № 48 (1, 57); ГБЛ. АТСЛ. № 823; ЛОИИ. Строева. оп. I. Д. 665; ЦГАДА. ГКЭ. Переяславль-Залесский. № 34/8758; Там же. Дрв-лехр. Отд. I. Рубр. IV. № 14.

Воспроизв., опис.: СГД. I. № 92, 93—94, 137; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

36.(4) Прикладная черновосковая печать, может быть вислой.

Изображение двух вооруженных всадников, едущих навстречу друг другу. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА".

Сохранилась:

— при договоре Ивана Васильевича с кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем (1462—1464 гг.) (вместе с печатью Михаила Андреевича) — ДДГ. № 64;

— при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем и его сыном Василием Михайловичем (1482 г.) (вместе с тремя восковыми прикладными печатями князей) — ДДГ. № 75.

Хран.: ЦГАДА. Дрв-лехр. Отд. I. Рубр. II. № 44, 46; Там же. № 65—66.

Воспроизв., опис.: СГГД.І. № 90—91; *Лакиер*. С.123; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

37.(5) Позолоченный аргировул.

Л.с. Всадник, поражающий копьём дракона. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА".

Об.с. 6-строчная надпись: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РУСИ".

Сохранилась при жалованной грамоте Ивана Васильевича Соловецкому монастырю, данной в Москве в феврале 1479 г., № *Янин.П.* С.27 (со ссылкой: *Досифей*. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. С.63—64). Не издана.

Имеются следующие сообщения о подобных печатях:

а) в списке XVII в. правой грамоты, выданной вел.кн. Иваном Васильевичем архимандриту Симонова монастыря на монастырек Спаса-Преображенья (ок.1465—1469 гг.), сказано: "А у подлинныя жаловалныя грамоты великого князя печать вислая серебряная вызолочена" — АСЭИ.І. № 381 (возможно, кроме правой грамоты, на основании многочисленных документов, приведенных в правой грамоте, Симонову монастырю, была дана Иваном Васильевичем и жалованная грамота, к которой был привешен позолоченный аргировул).

б) В грамоте вел.кн. Ивана Васильевича крымскому царю Менгли-Гирею (1490 г.) говорится: "так молвя из своих уст, сю крепкую грамоту с золотою своею печатью дал есми" — СГГД. СПб., 1894.V. С.2; *Лакиер*. С.100.

38.(6) Вислая красновосковская двусторонняя печать.

Л.с. Всадник, поражающий копьём дракона. Круговая надпись: "ІѠАНЬ Б(О)ЖІЕЮ МИЛОСТІЮ ГОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ ВЕЛИКІИ КН[Я]ЗЬ".

Об.с. Двуглавый орел с распростертыми крыльями, на его головах — короны. Круговая надпись: "И ВЕЛИК КНЯС ВЛАД. И МОС. И НОВ. И ПСК. И ТВЕ. И УГО. И ВЯТ. И ПЕР. И БОЛ".

Сохранилась:

— при жалованной грамоте на кормление Ивана Васильевича Александру Васильевичу Карамышеву (ок.1490-х годов) — АСЭИ.ІІІ. № 249;

— при жалованной грамоте на кормление Якову Михайловичу Карамышеву (ок.1490—1505 гг.) — АСЭИ.ІІІ. № 184;

— при жалованной грамоте Ивана Васильевича Андрею, Степану, Василию Федоровичам Пильёвым (3 янв. 1497 г.) — АСЭИ.І. № 611;

— при жалованной меновой и отводной грамоте Ивана Васильевича его племянникам князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам (1497 г.) (вместе с тремя вислыми черновосковскими печатями, печать привешена на красном шелковом шнуре) — ДДГ. № 85;

— при жалованной грамоте Ивана Васильевича архимандриту Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря (1499 г.) — АСЭИ.ІІІ. № 306 (список XIX в. с подлинника, который в настоящее время не сохранился);

— при договоре вел.кн.Василия III Ивановича с его братом кн. Юрием Ивановичем (1504 г.) (вместе с вислой красновосковской печатью Василия III и вислой черновосковской печатью Юрия Ивановича — ДДГ. 90;

— при жалованной грамоте Ивана Васильевича князьям Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею Ивановичам (1504 г.) — ДДГ. № 91.

Хран.: ГПБ. № 49 (I, 58); Там же. Собрание грамот. № 80; ЦГАДА. ГКЭ. Ростов. № 5/10542; Там же. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 78; Там же. № 79; Там же. Рубр. IV. № 12.

Воспроизв., опис.: СГГД. № 129, 133—134, 135; *Лакиер*. С. 124, табл. VI, рис. 4; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

39.(7) Прикладная восковая под бумажной кустодией, ромбовидной формы, печать.

Изображение всадника, поражающего копьём дракона. Круговая надпись: "ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАН БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ГОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ".

Сохранилась при верительной грамоте, данной послам Дмитрию Ралеу и Митрофану Карачарову, отправленным в Италию (1499 г.).

Хран.: фотокопия оригинала грамоты с печатью — ГПБ. Собр. Общества любителей древней письменности. № 5406. Ө. ССЛП.

Воспроизв.: *Казакова Н.А.* Грамота Ивана III папе Александру VI // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 27.

Имеются также следующие сведения о печатях Ивана III Васильевича:

а) Прикладная (?) ромбовидной формы с изображением всадника, колющего дракона. Надпись: "КНЯЗЬ В... ВСЕЯ Р...СИ".

Сведения о снимке печати — вместе с факсимиле грамоты велки. Ивана III в Кольвань (Ревель) бургомистру и ратманам.

Воспроизв.: Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1880. Вып. I. № 1.

б) Прикладная черновосковая печать с изображением четверки лошадей, которыми управляет человек (Аполлон на колеснице), при грамоте с прочетом таможенникам в Переяславль (1462—1466 гг.) — АСЭИ. № 311.

Сохранилась (обломок): ЦГАДА. ГКЭ. Переяславль-Залесский. № 16/8740.

в) "А у грамоты печать государьская" (так в списке XVI в.) при жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю (1462—1466 гг.) — АСЭИ. № 308.

г) "Печать у грамоты красная" (так в списке XVII в.) — при жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю (1469 г.) — АСЭИ. I. № 388.

*Иван Иванович Молодой, вел. кн.,
сын вел. кн. Ивана III Васильевича (1471—1490)*

40. Вислая (может быть и прикладной) односторонняя черновосковая печать (может оттискиваться и на светлом воску).

Изображены два человека с копьями, идущие навстречу друг другу. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ИВАНА ИВАНОВИЧА".

Сохранилась:

— при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. волоцким Борисом Васильевичем (1473 г.) (вместе с двумя вислыми печатями) — ДДГ. № 69;

— при договоре вел.кн. Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. углицким Андреем Васильевичем Большим (1473 г.) (вместе с двумя восковыми печатями) — ДДГ. № 70/1;

— то же — ДДГ. № 70/II;

— при договоре вел.кн. Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. углицким Андреем Васильевичем Большим (1481 г.) (вместе с двумя восковыми печатями) — ДДГ. № 72/II;

— то же — ДДГ. № 72/III;

— при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. волоцким Борисом Васильевичем (1481 г.) (вместе с одной восковой печатью, утрачена) — ДДГ. № 73/II;

— при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем и его сыном кн. Василием Михайловичем (1482 г.) (вместе с тремя восковыми печатями) — ДДГ. № 75;

— при жалованной грамоте Ивана Ивановича Троице-Сергиеву монастырю (1485 г.) — АСЭИ.І. № 519;

— при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. волоцким Борисом Васильевичем (1486 г.) (вместе с обломками одной восковой печати, один утрачен) — ДДГ. № 81;

— при правой грамоте землевладельцу Семену Кузьмину (1485—1490 гг.) — АСЭИ.І. № 522.

Хран.: ЦГАДА. Дрвсл. Отд.І. Рубр.ІІ. № 51; Там же. № 54; Там же. № 57; Там же. № 58; Там же. № 60; Там же. № 63; Там же. № 65—66; Там же. ГКЭ. Кашии. № 1/6696; ЦГАДА. Дрвсл. Отд.І. Рубр.ІІ. № 72; ГБЛ. АТСЛ. № 1007.

Воспроизв., опис.: СГТД.І. № 97—98, 99—100, 101—102, 106—107, 108—109, 110—111, 113—114; 123—124; *Лакиер*. С.142; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ. Имеется также следующее сообщение о печати Ивана Ивановича Молодого: "приложена печать на красном воску" (в списке начала XVI в.) — при жалованной грамоте Ивана Ивановича Молодого игумену Клинской Зосиминой пустыни (1488 г.) — АСЭИ.ІІІ. № 62.

Опис.: ЧОИДР. 1876. Кн.2. Смес. С.86.

Василий III Иванович (1505—1533)

("великий князь всея Руси" — с 1501 г.)

41.(1) Прикладная светловосковая печать.

Изображение двуглавого орла. Круговая надпись: "...ЗЯ...ИЛИЯ..."

Сохранилась при указной грамоте о размежевании земель Василия III Ивановича ярославскому тиуну Афанасию Дурову (1496 г.) — АСЭИ.ІІІ. № 215.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Ярославль. № 1/14749.

42.(2) Прикладная светловосковая печать.

Изображение всадника, поражающего копьём дракона. Круговая надпись: "КНЯ...ВАСИЛЕЙ ИВАНОВИЧЬ".

Сохранилась при грамоте об обыске и суде Василия III Ивановича Гриде Сапогу Иванову сыну Романова и Гневашу Стогинину (1501 г.) — АСЭИ.І. № 305. (Грамота напечатана по подлиннику, но подлинник не обнаружен — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857.Т.І. № 55/II).

43.(3) Вислая двусторонняя красновосковская печать.

Л.с. Всадник, поражающий копьём дракона. Круговая надпись: "КНЯЗЬ ВЕЛИКІ ВАСІЛЕІ ІВАНОВИЧ".

Об.с. Двуглавый орел с коронами на головах. Круговая надпись: "КНЯЗЬ ВЕЛІКИ ВАСІЛЕІ ІВАНОВИЧЬ".

Сохранилась при договоре Василия III Ивановича с его братом кн. Юрием Ивановичем (1504 г.) (вместе с вислой двусторонней красновосковской печатью Ивана Васильевича и вислой черновосковской односторонней печатью Юрия Ивановича) — ДДГ. № 90.

Хран.: ЦГАДА. Дрeвлехр. Отд. I. Рубр. II № 79.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 133—134.

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ ТВЕРСКИЕ

Борис Александрович (1425—1461)

44.(1) Вислая светловосковская печать, оттиснута в ковчеге, привешена на голубых шелковых шнурах.

Изображение всадника с мечом в правой руке.

Сохранилась при договоре Бориса Александровича с вел.кн. литовским Витовтом (1427 г.) — ДДГ. № 23.

Хран.: ЦГАДА. Разряд XXVII. Приказ тайных дел. № 2.

45.(2) Прикладная (может быть и вислой) черновосковская печать.

Изображение всадника с мечом в правой руке. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗ[Я] ВЕЛ[И]К[О]ГО БОР[И]СА ОЛЕКС[АНДРОВИЧА]".

Сохранилась:

— при договоре вел.кн. Василия II Васильевича с кн. можайским Иваном Андреевичем (1448 г.) (вместе с другой прикладной печатью) — ДДГ. № 51;

— при договоре Василия II Васильевича с Борисом Александровичем (ок.1456 г.) (вместе с печатью Василия II) — ДДГ. № 59.

Хран.: ЦГАДА. Дрeвлехр. Отд. I. Рубр. II. № 28—33; Там же. № 39.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 76—77; *Лакиер*. С.145.

Михаил Борисович (1461—1485 гг., ум.ок.1505 г.)

46.(1) Вислая (может быть прикладной) односторонняя светловосковская (может быть черновосковской) печать.

Изображение всадника на скачущем коне в развевающемся плаще с мечом в правой отведенной в сторону руке, под копытами коня — дракон. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО МИХАИЛА БОРИСОВИЧА" ("персона человеческая на лошади с саблею, под лошастью — змий" — *Лакиер*. С.149, среди перстней, принадлежавших Алексею Михайловичу).

Сохранилась:

— при договоре Ивана III Васильевича с Михаилом Борисовичем (1462—1464 гг.) (вместе с двусторонней вислой печатью Ивана III) — ДДГ. № 63;

— при жалованной грамоте Михаила Борисовича Кириллову Белозерскому монастырю (1471—1475 гг.) — АСЭИ. II. № 203;

— при жалованной грамоте Михаила Борисовича Троицкому Калязину монастырю (1483—1485 гг.) — АСЭИ. III. № 159;

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 43; ГПБ. № 57 (I, 66); ЦГАДА. Каляз. кн. I. № 18. Л. 28.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 88—89; Лакиер. С. 123.

Имеется также следующее сообщение о печати Михаила Борисовича при жалованной грамоте на двор в Кашине Михаила Борисовича Троице-Сергиеву монастырю (1461—1466 гг.): "А у грамоты печать: человек на коне, около ее писано" (так в списке XVI в.) — АСЭИ. I. № 298.

РЯЗАНСКАЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

Аграфена Васильевна,

жена вел. кн. рязанского Ивана Васильевича (XV в.)

47. Прикладная черновосковская печать.

Изображение женской головы без головного убора, вправо. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКИЕ КНЕГИНИ ОГРОФЕНЫ".

Сохранилась при данной и отводной грамоте великой княгини Аграфены Покровского монастыря Аграфениной пустыни (1506 г.) — АСЭИ. III. 346.

Хран.: ГБЛ. Муханова. № 73.

УДЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ ВЛАДИМИРО-МОСКОВСКИХ УДЕЛОВ

Владимир Андреевич, кн. серпуховский и боровский
(род. 1353, ум. 1410)

48.(1) Вислая восковая печать.

Л.с. Бородатая голова в шлеме, вправо. Круговая надпись не ясна.

Об.с. Обнаженная фигура, идущая вправо. Круговая надпись не ясна.

Имелась при договоре вел. кн. Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем (1389 г.) (было еще две вислые восковые печати) — ДДГ. № 11.

Хран. (ранее): ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 7.

Воспроизв., опубли.: СГГД. I. № 33; Лакиер. С. 136.

49.(2) Вислая односторонняя черновосковская печать.

Изображение стоящей фигуры с мечом(?) в правой руке. Круговая надпись не ясна.

Сохранилась:

— при договоре вел. кн. Василия Дмитриевича и кн. Юрия Дмитриевича с кн. Владимиром Андреевичем (1390 г.) (вместе с двумя другими восковыми печатями) — ДДГ. № 13;

— при договоре вел. кн. Василия Дмитриевича и кн. Владимира Андреевича (ок. 1401—1402 гг.) (вместе с печатью Василия Дмитриевича) — ДДГ. № 16.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 9, 12.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 35, 38; Лакиер. С. 136.

50.(1) Вислая односторонняя черновосковская печать.

Изображение двух стоящих, обращенных друг к другу людей. Круговая надпись не ясна.

Сохранилась при договоре вел.кн. Василия Дмитриевича и кн. Юрия Дмитриевича с кн. серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (1390 г.) (вместе с двумя другими восковыми печатями) — ДДГ. № 13.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр.П. № 9.

Воспроизв., опис.: СГГД.І. № 35; см. также указанный номер ДДГ.

51.(2) Вислая двусторонняя черновосковская печать.

Л.с. Погрудное изображение женщины в античном головном уборе (?), вправо.

Без надписи.

Об.с. Погрудное изображение бородатого человека, влево. Без надписи.

Сохранилась при договоре вел.кн. Василия Васильевича, князей Андрея Дмитриевича, Константина Дмитриевича с кн. Юрием Дмитриевичем (1428 г.) (вместе с двумя другими печатями, третья в настоящее время утрачена) — ДДГ. № 24.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр.П. № 13.

Воспроизв., опис.: СГГД.І. № 43-44; *Лакиер*. С.138; см. также указанный номер ДДГ.

52.(3) Вислая односторонняя черновосковская печать.

Погрудное изображение человека в профиль, влево, на голове повязка; впереди круглый (полукруглый?) предмет. Круговая надпись не ясна.

Сохранилась при договоре вел.кн. Василия Васильевича, князей Константина Дмитриевича, Ивана Андреевича, Михаила Андреевича, Василия Ярославича с кн. Юрием Дмитриевичем и его сыном Дмитрием Красным (1433 г.) (вместе с четырьмя другими печатями, из которых одна в настоящее время утрачена) — ДДГ. № 30.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр.П. № 18.

Воспроизв., опис.: СГГД.І. № 49-50; *Лакиер*. С.140; см. также указанный выше номер ДДГ.

Андрей Дмитриевич, кн. Можайский
(*пог.1382, ум.1432*)

53. Вислая односторонняя черновосковская печать.

Изображение мужской головы в шлеме с перьями, влево. Круговая надпись: "[ПЕЧАТЬ?] КНЯЗЯ ОНДРЕЕВА ДМИТРИВИЧА".

Сохранилась при второй духовной грамоте вел.кн. Василия Дмитриевича (ок.1417 г.) (вместе с четырьмя другими вислыми восковыми печатями) — ДДГ. № 21.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр.І. № 13.

Воспроизв., опис.: СГГД.І. № 41; *Лакиер*. С.137; ДДГ. № 21.

*Петр Дмитриевич, кн. дмитровский
(рог.1385, ум.1428)*

54. Вислая односторонняя черновосковская печать.

Изображение человека, держащего за лапу стоящее на задних лапах животное (собаку?). Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЖА ПЕТРОВА ДМИТРИЕВИЧА".

Сохранилась при второй духовной грамоте вел.кн. Василия Дмитриевича (ок.1417 г.) (вместе с четырьмя другими печатями) — ДДГ. № 21.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр.1. № 13.

Воспроизв., опис.: СГГД.1. № 41; *Лакиер*. С.137; см.также указанный выше номер ДДГ.

*Константин Дмитриевич кн. углицкий
(рог.1389 ум.1433)*

55. Вислая двусторонняя черновосковская печать.

Л.с. Два человека, держащих за узду лошадей, идут навстречу друг другу. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЖА КОНСТАНТИНОВА ДМИТРИЕВИЧА".

Об.с. Дерево, в ветвях которого видны три человеческие головы, под деревом с одной стороны — лошадь с идущим рядом человеком, с другой — два человека. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЖА КОНСТАНТИНОВА ДМИТРИЕВИЧА".

Сохранилась:

— при второй духовной грамоте вел.кн. Василия Дмитриевича (ок.1417 г.) (вместе с четырьмя другими печатями) — ДДГ. № 21;

— при договоре вел.кн. Василия Васильевича, князей Андрея Дмитриевича, Константина Дмитриевича с кн. Юрием Дмитриевичем (1428 г.) (вместе с двумя другими печатями, третья в настоящее время утрачена) — ДДГ. № 24;

— при договоре вел.кн. Василия Васильевича, князей Константина Дмитриевича, Ивана Андреевича, Михаила Андреевича, Василия Ярославича с кн. Юрием Дмитриевичем и его сыном Дмитрием Красным (1433 г.) (вместе с четырьмя другими печатями, из которых одна в настоящее время утрачена) — ДДГ. № 30.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр.1. № 13; Там же. Рубр.П. № 18.

Воспроизв., опис.: СГГД.1. № 41, 49–50; *Лакиер*. С.137–138; см.также указанные выше номера ДДГ.

*Андрей Владимирович, кн. серпуховско-радоужский
(1393, ум.1426)*

56. Вислая односторонняя (?) черновосковская печать.

Изображение не ясно.

Сохранилась при жалованной грамоте Андрея Владимировича Троице-Сергиеву монастырю (1411 г.) — АСЭИ.1. № 29.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Углич. № 5/12838.

57. Вислая односторонняя (?) черновосковская печать.

Изображение не ясно.

Сохранилась при данной грамоте Троице-Сергиеву монастырю (1428—1432 гг.) — АСЭИЛ. № 54.

Хран.: ГБЛ. Беляева. № 4.

*Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. галицкий
(1420, ум. 1453)*

58.(1) Вислая (может быть и прикладной) односторонняя черновосковская (может быть оттиснута и на светлом воске) печать.

Погрудное изображение бородатого воина в доспехах, на голове шлем-шишак, влево. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ЮРЬЕВИЧА" (вариант: "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ЮРЬЕВИЧА").

Сохранилась:

— при договоре вел.кн. Василия Васильевича с кн. Дмитрием Юрьевичем Шемякой (1436 г.) (вместе с печатью вел.кн. Василия Васильевича) — ДДГ. № 35/1;

— при данной грамоте Дмитрия Юрьевича Шемяки Троице-Сергиеву монастырю (1440 г.) — АСЭИЛ. № 164;

— при жалованной грамоте Дмитрия Юрьевича Шемяки Троице-Сергиеву монастырю (1440 г.) — АСЭИЛ. № 165;

— при договоре вел.кн. Василия Васильевича с кн. Дмитрием Юрьевичем Шемякой (1441—1442 гг.) (вместе с печатью Василия Васильевича) — ДДГ. № 38/1;

— при договоре кн. Дмитрия Юрьевича Шемяки с князьями суздальскими Василием Юрьевичем и Федором Юрьевичем (1445 г.) — ДДГ. № 40;

— при договоре кн. Дмитрия Юрьевича Шемяки и кн. Ивана Андреевича с князьями-посредниками Михаилом Андреевичем и Василием Ярославичем (1447 г.) (вместе с печатью кн. Ивана Андреевича) — ДДГ. № 46;

Хран.: ШГАДА. Древлехр. Отд. 1. Рубр. II. № 21; Там же. ГКЭ. Бежецк. 16/1120; Там же. 3/1103; Там же. Древлехр. Отд. 1. Рубр. II. № 20; Там же. № 25; Там же. № 31.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 56—57, 62, 67; *Лакиер*. С. 140; *Иванов*. XV в. № 2; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

59.(2) Вислая (может быть и прикладной) черновосковская печать.

Изображена сложная композиция: птица, над ней звезда, рядом падающая с неба (?) на землю змея. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ЮРЬЕВИЧА".

Сохранилась:

— при договоре вел.кн. Василия Васильевича с кн. Дмитрием Юрьевичем Шемякой (1436 г.) (вместе с печатью Василия Васильевича) — ДДГ. № 35/1;

— при договоре вел.кн. Василия Васильевича с кн. Дмитрием Юрьевичем Шемякой (1441—1442 гг.) (вместе с печатью Василия Васильевича) — ДДГ. № 38/1.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 22, 19.
Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 58—59, 52—53; см. также указанные выше номера ДДГ.

Василий Ярославич, кн. серпуховский и боровский
(1426, ум. 1483)

60.(1) Прикладная черновосковская (может быть светловосковской) печать.

В восьмиграннике изображение купидона. Без надписи.

Сохранилась:

— при договоре вел.кн. Василия Васильевича с кн. Василием Ярославичем (ок. 1447 г.) (вместе с печатью Василия Васильевича) — ДДГ. № 45/1—II;

— при договоре вел.кн. Василия Васильевича с кн. Василием Ярославичем (1450—1454 гг.) (вместе с печатью Василия Васильевича) — ДДГ. № 56.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 36—37, 42.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 71, 73—74; *Лахиер*. С. 141, табл. XI, рис. 3.

61.(2) Прикладная черновосковская (?) печать.

Изображение всадника с мечом (копьем?) в правой руке. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВАСИЛЬЯ ЯРОСЛАВИЧА".

Сохранилась при договоре вел.кн. Василия Васильевича с кн. Василием Ярославичем (1454—1456 гг.) (вместе с печатью Василия Васильевича) — ДДГ. № 58.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 40.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 78—79; см. также указанный номер ДДГ.

Иван Андреевич, кн. Можайский
(1430—1462)

62.(1) Прикладная черновосковская (может быть светловосковской) печать восьмигранной формы. Без надписи.

Изображение едущего всадника с дротиком (?) (или другим оружием) в правой руке, над головой всадника две точки, одна точка у лошадиного хвоста.

Сохранилась:

— при договоре вел.кн. Василия Васильевича с князьями Иваном Андреевичем и Михаилом Андреевичем (1445 г.) (вместе с двумя восковыми печатями) — ДДГ. № 41;

— при договоре вел.кн. Василия Васильевича с кн. Иваном Андреевичем (1447 г.) (вместе с печатью Василия Васильевича) — ДДГ. № 48;

— то же (1448 г.) (вместе с печатью вел.кн. тверского Бориса Александровича, посредника) — ДДГ. № 51.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 24, 30, 28.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 61, 66, *Лахиер*. С. 139; см. также указанные номера ДДГ.

63.(2) Вислая односторонняя черновосковская печать.

Изображение орла, сидящего на скале, без надписи.

По предположению Л.В. Черепнина, печать должна была принадлежать кн. Ивану Андреевичу, находясь при договоре вел.кн. Василия

Васильевича с князьями Иваном Андреевичем и Михаилом Андреевичем (1434 г.) — ДДГ. № 31 (в настоящее время отсутствует).

Хран. (ранее): ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 15.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 46; *Лакиер*. С. 139, табл. XI; рис. 1.

64.(3) Прикладная светловосковая печать.

В фигурном овале изображение дельфина, без надписи.

По предположению Л.В. Черепнина, печать должна была принадлежать Ивану Андреевичу, находясь при договоре князей галицкого Дмитрия Юрьевича Шемяки и можайского Ивана Андреевича с князьями-посредниками верейским и белозерским Михаилом Андреевичем и серпуховским и боровским Василием Ярославичем (1447 г.).

Сохранилась при указанной выше грамоте — ДДГ. № 46.

Воспроизв.: СГГД. I. № 67.

Михаил Андреевич, кн. верейский и белозерский
(1430, ум. 1485)

65.(1) Прикладная черновосковая печать (перстневая).

Стоящая фигура в длинной одежде, лучевом венце (?), в левой руке — рог изобилия, в правой — неясный предмет (по Лакиеру, богиня плодородия). Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА".

Сохранилась:

— при жалованной грамоте Михаила Андреевича Кириллову Белозерскому монастырю (1435—1447 гг.) — АСЭИ. II. № 68;

— при правой грамоте Михаила Андреевича игумену Кириллова Белозерского монастыря (1435—1447 гг.) — АСЭИ. II. № 90;

— при жалованной грамоте Михаила Андреевича Кириллову Белозерскому монастырю (1448—1470 гг.) — АСЭИ. II. № 110;

— при указной грамоте Михаила Андреевича атаманам, идущим на княжеском судне на Белоозеро (1459/60 г.) — АСЭИ. II. № 171;

— при грамоте с прочетом Михаила Андреевича рыбаку (1476—1482 гг.) — АСЭИ. II. № 235;

— при жалованной грамоте Михаила Андреевича Кириллову Белозерскому монастырю (1476—1482 гг.) — АСЭИ. II. № 236;

— то же — АСЭИ. II. № 237;

— при жалованной грамоте Михаила Андреевича Троице-Сергиеву монастырю (1484—1485 гг.) — АСЭИ. I. № 503.

Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп. I. Д. 99; ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 20/721; ЛОИИ. Строева. Оп. I. Д. 99; Там же. Оп. I. Д. 664; ГПБ. № 64 (1,73); ЛОИИ. Строева. Оп. I. Д. 113; ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 25/726; ГБЛ. Муханова. № 43.

Воспроизв., опис.: *Лакиер*. С. 147, табл. XI, рис. 6; *Иванов*, XV в. № 15; см. также указанные выше номера АСЭИ.

66.(2) Прикладная черновосковая (может быть и светловосковой) печать.

Стоящая фигура в длинной одежде, в левой согнутой в локте руке держит меч, в правой — палку (?), как бы опираясь на нее. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА".

Сохранилась:

— при договоре вел. кн. Василия Васильевича с князьями Иваном Андреевичем и Михаилом Андреевичем (1445 г.) (вместе с двумя другими печатями) — ДДГ. № 41;

- при договоре вел.кн. Василия Васильевича с кн. Михаилом Андреевичем (1447 г.) (вместе с печатью Василия Васильевича) — ДДГ. № 44;
- то же (1450 г.) — ДДГ. № 55;
- при договоре вел.кн. Ивана Васильевича с кн. Михаилом Андреевичем (1462—1464 гг.) (вместе с печатью Ивана Васильевича) — ДДГ. № 64;
- то же (не ранее 1464 г.) — ДДГ. № 65;
- то же (1472 г.) — ДДГ. № 67;
- при договоре вел.кн. Ивана Васильевича и его сына вел.кн. Ивана Ивановича с кн. Михаилом Андреевичем и его сыном кн. Василием Михайловичем (1482 г.) (вместе с тремя восковыми печатями) — ДДГ. № 75.

Хран.: ЦГАДА. Дрeвлeхр. Отд.1. Рубр.П. № 24, 27, 38, 44, 46, 47, 48—49, 65—66.

Воспроизв., опис.: СГГДЛ. № 61, 64, 75, 90—91, 92, 93—94, 113—114; *Лакиер*. С.139, табл.ХI, рис.5; *Иванов*. XVI в. № 76; см. также указанные выше номера ДДГ.

Юрий Васильевич (младший), кн. дмитровский
(рог.1441, ум.1472)

67. Прикладная темновосковская печать.

Изображение не ясно.

Сохранилась при жалованной грамоте Юрия Васильевича Дмитрию Васильевичу Бобру (1463 г.) — АСЭИ.І. № 336.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Дмитров. № 7/227.

Андрей Васильевич Большой, кн. углицкий
(рог.1446, ум.1494)

68. Вислая односторонняя темновосковская (может быть и прикладной) печать.

Два вооруженных мечами (копьями?) всадника едут навстречу друг другу. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ОНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА".

Сохранилась:

- при жалованной грамоте Андрея Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1467—1474 гг.) — АСЭИ.І. № 365;

- то же — АСЭИ.І. № 366;

- при договоре вел.кн. Ивана Васильевича и его сына вел.кн. Ивана Ивановича с кн. Андреем Васильевичем Большим (1473 г.) (вместе с двумя другими печатями) — ДДГ. № 70/1;

- то же — ДДГ. № 70/II;

- при жалованной грамоте Андрея Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1474—1478 гг.) — АСЭИ.І. № 434;

- то же — АСЭИ.І. № 435;

- при жалованной грамоте Андрея Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1478—1482 гг.) — АСЭИ.І. № 465;

- при договоре вел.кн. Ивана Васильевича и его сына вел.кн. Ивана Ивановича с кн. Андреем Васильевичем (1481 г.) (вместе с двумя другими печатями) — ДДГ. № 72/11;

- то же — ДДГ. № 72/III;

- при жалованной грамоте Андрея Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1484—1488 гг.) — АСЭИ.І. № 505;

- то же — АСЭИ.І № 506;
  - при договоре вел.кн. Ивана Васильевича и его сына вел.кн. Ивана Ивановича с кн. Андреем Васильевичем (1486 г.) (вместе с печатью Ивана Васильевича?) — ДДГ. № 82;
  - при грамоте с прочетом Андрея Васильевича в Передол волостелям и тиунам (1487 г.) — АСЭИ.І № 533;
  - при жалованной грамоте Андрея Васильевича Кириллову Белозерскому монастырю (1491 г.) — АСЭИ.ІІ № 283.
- Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Дмитров. № 9/229; Там же. Дрвслехр. Отд. I. Рубр. II. № 54, 57; ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 4 (№ 4); ГБЛ. Муханова. № 65; ЦГАДА. Дрвслехр. Отд. I. Рубр. II. № 58, 60; ЛОИИ. Головина. № 33; ГИМ. Уваровский карт. № 11/36(IV). № 11; ЦГАДА. Дрвслехр. Отд. I. Рубр. II. № 73; ГБЛ. Ундольского. № 5; ЛОИИ. Строева. Оп. I. Д. 121.
- Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 99—100, 101—102, 106—107, 108—109, 125—126; Лакиер. С. 143; Иванов. XV в. № 52; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

*Борис Васильевич, кн. волоцкий
(рог. 1449, ум. 1494)*

69.(1) Прикладная черновосковская печать.

Изображение четверки лошадей, которыми управляет человек ("Аполлон на колеснице"). (Возможно, это печать отца Бориса Васильевича вел.кн. Василия Васильевича, которой воспользовался сын.)

Сохранилась при меновой грамоте Троице-Сергиева монастыря и кн. Бориса Васильевича (1455—1466 гг.) — АСЭИ.І № 271.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Кострома. № 21/4988.

70.(2) Вислая односторонняя светловосковская (может быть и черновосковской) печать (перстневая).

Сложное по композиции изображение: верхняя половина трехчастная — в середине сидящий человек, по краям две птицы с распушенными крыльями; в нижней половине — восемь идущих один за другим воинов, влево. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ БОРИСА ВАСИЛЬЕВИЧА".

Сохранилась:

- при грамоте с прочетом Бориса Васильевича в Фоминское волостелям (1467—1470 гг.) — АСЭИ.І № 377;

- при договоре вел.кн. Ивана Васильевича и его сына вел.кн. Ивана Ивановича с Борисом Васильевичем (1473 г.) (вместе с двумя другими печатями) — ДДГ. № 69;

- при жалованной разводной грамоте вел.кн. Ивана Васильевича кн. Борису Васильевичу (1483 г.) — ДДГ. № 77;

- при договоре вел.кн. Ивана Васильевича и его сына вел.кн. Ивана Ивановича с кн. волоцким Борисом Васильевичем (1486 г.) (вместе с двумя другими, из которых одна утрачена, печатями) — ДДГ. № 81.

Хран.: ГБЛ. Ундольского. № 6; ЦГАДА. Дрвслехр. Отд. I. Рубр. II. № 51, 69, 72.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 97—98, 117, 123—124; Лакиер. С. 143; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

Андрей Васильевич Меньшой, кн. вологодский
(рог.1452, ум.1481)

71.(1) Прикладная светловосковая печать.

Изображение не ясно, по-видимому, судно с людьми. Круговая надпись не ясна.

Сохранилась при жалованной грамоте Андрея Васильевича Кириллову Белозерскому монастырю (1462–1481 гг.) – АСЭИ.П. № 177.

Хран.: ГПБ. № 47 (1, 56).

72.(2) Прикладная черновосковая печать.

Изображение крупной птицы (орла?) с повернутой назад головой, в клюве держит венок, по сторонам по цветку (?) Круговая надпись не ясна.

Сохранилась при жалованных грамотах Андрея Васильевича Кириллову Белозерскому монастырю (1471 г.) – АСЭИ.П. № 192–193. 195–198.

Хран.: ЛОИИ. Головина. № 28 (обомок); ГПБ. 52, 54–55 (1, 61–65).

Воспроизв., опис.: *Лакиер*. С.147, табл.ХI, рис. 7; см. также указанные выше номера АСЭИ.

Василий Михайлович Угальй, кн. верейский
(1460–1495)

73. Прикладная светловосковая печать.

Изображение борьбы единорога и дракона. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЖА ВАСИЛІА МІХАІЛОВІЧА".

Сохранилась при договоре вел.кн. Ивана Васильевича и его сына вел.кн. Ивана Ивановича с кн. Михаилом Андреевичем и его сыном князем Василием Михайловичем (1482 г.) (вместе с тремя другими восковыми печатями) – ДДГ. № 75.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр.П. № 65–66.

Воспроизв., опис.: СГГД.І. № 113–114; *Лакиер*. С.140.

Федор Борисович, кн. волоцкий
(1476, ум.1513)

74. Вислая односторонняя черновосковая (может быть и прикладной) печать (перстневая).

Изображена сложная композиция: две человеческие фигуры стоят с поднятыми вверх руками. Они как бы поддерживают бревно, на одном конце которого сидит клюющая что-то птица, на другом – человек. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ФЕДОРА БОРИСОВИЧА".

Сохранилась:

– при жалованной меновой и отводной грамоте вел.кн. Ивана Васильевича князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам (1497 г.) (вместе с тремя другими печатями) – ДДГ. № 85;

– при данной грамоте Федора Борисовича Симонову монастырю (1498/99 г.) – АСЭИ.П. № 417.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр. П. № 78; Там же. ГКЭ. Ржев. № 4/10172.

Воспроизв., опис.: СГГД.І. № 129; *Лакиер*. С. 144; *Иванов*. XV в. № 12; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

Иван Борисович, кн. рузский (волоцкий)
(1477, ум. 1504)

75. Вислая односторонняя темновосковая (может быть и прикладной) печать.
Изображена сложная композиция: плывущая лодка с навесом, который поддерживает ангел; на навесе — корона, а на ней — птица; на носу и корме лодки сидят два музыканта (?) Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КН[Я]ЖО ИВАНОВА БОРИСОВИЧА".
Сохранилась:
— при жалованной меновой и отводной грамоте вел.кн. Ивана Васильевича князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам (1497 г.) (вместе еще с тремя другими печатями) — ДДГ. № 85;
— при жалованной грамоте Симонову монастырю (1498 г.) — АСЭИ.П. № 415;
— то же (1502 г.) — АСЭИ.П. № 426.
Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр.П. № 78; ЛОИИ. Головина. № 38; ЦГАДА. ГКЭ. Руза. № 4/10235.
Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 129; *Лакиер. С.144; Иванов. XVI в. № 3.*

Федор Андреевич, кн. старогубский
(XIV—XV вв.)

76. Вислая светловосковая печать.
Изображение идущего животного, влево. Круговая надпись не читается.
Сохранилась при данной грамоте Федора Андреевича Троице-Сергиеву монастырю (1392—1427 гг.) — АСЭИ.П. № 4.
Хран.: ГБЛ. АТСЛ. № 821.

Константин Федорович Ляло,
кн. старогубский (XV в.)

77. Прикладная черновосковая печать.
Изображение птицы с высоко поднятой головой и распростертыми крыльями. Круговая надпись: "ПЕЧА[ТЬ] КНЯЗЯ КОСТЯНТИНА".
Сохранилась при жалованной грамоте Константина Федоровича Спасо-Евфимиеву монастырю (ок.1451—1464 гг.) — АСЭИ.П. № 455.
Хран.: ГБЛ. Муханова. № 41.

Княгиня Аксиния,
жена Константина Федоровича, кн. старогубского (XV в.)

78. Прикладная черновосковая печать.
Изображение человеческой фигуры. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯИНИ ОКСИНЫ".
Сохранилась при данной грамоте княгини Аксинии Спасо-Евфимиеву монастырю (1478 г.) — АСЭИ.П. № 207.
Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Соль Вычегодская. № 1/10862.

Семен Иванович Рятоловский, кн. старогубский
(ум. 1499)

79. Вислая односторонняя черновосковая печать.
Изображен сидящий обнаженный (?) человек, держащий в руках

пучок стрел. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ СЕМЕНА ИВАНОВИЧА".

Сохранилась при духовной грамоте кн. Ивана Юрьевича Патрикеева (ранее 1499 г.) (вместе с шестью другими печатями) — ДДГ. № 86.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. I. № 31.

Воспроизв., опис.: СГД. I. № 130; *Лахиер*. С. 188; *Иванов*. XV в. № 19; см. также указанный выше номер ДДГ.

Княгиня "инока Евпраксия"

вдова кн. Дмитрия Ивановича Рязовского (предположительно)
(XV в.)

80. Прикладная черновосковская печать.

Изображение идущего человека, влево, с птицей на левой поднятой руке. Остатки круговой печати, "... НЕИНИ... ОМЕЛ..."

Сохранилась при данной грамоте "иноки" Евпраксии Троице-Сергиеву монастырю (ок. 1430—50-х годов) — АСЭИ. I. № 160.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Бежецк. № 27/1131.

Воспроизв., опис.: *Иванов*. XV в. № 18; см. также указанный выше номер АСЭИ.

Федор Романович, кн. ярославский (XV в.)

81. Прикладная темновосковская (может быть и светловосковская) печать.

Изображение стоящего человека, вправо, держащего какие-то предметы вооружения (?). Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ФЕДОРА РОМАНОВИЧА".

Сохранилась:

— при жалованной грамоте Федора Романовича Спасо-Ярославскому монастырю (1463—1478 гг.) — АСЭИ. III. № 198;

— при жалованной грамоте Федора Романовича Ярославскому Николы на Глинницах монастырю (1463—1478 гг.) — АСЭИ. III. № 200.

Хран.: ГБЛ. Муханова. № 58, 70.

Опис.: см. указанные выше номера АСЭИ.

Данила Васильевич, кн. ярославский
(ум. 1469)

82. Прикладная светловосковская печать.

Изображение зверя, стоящего на задних лапах, влево. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯ[ЗЯ] ДАНИЛО ВАСИЛ[ЕВИЧА]".

Сохранилась при жалованной грамоте Данила Васильевича Спасо-Ярославскому монастырю (1463—1469 гг.) — АСЭИ. III. № 194.

Хран.: ГБЛ. Муханова. № 57.

Опис.: см. указанный выше номер АСЭИ.

Василий Афанасьевич, удельный князь Шехонский
(удел Ярославского княжества)
(середина XV в. до 1462 г.)

83. Прикладная черновосковская печать.

Изображение не ясно. Круговая надпись: "П[Е]Ч[А]Т[Ь] КН[Я]ЗЯ ВАС[И]Л[И]Я АФАНАСЬЕВИЧ[А]".

Сохранилась при жалованной грамоте вдовы князя Василия Афанасьевича Аграфены Троице-Сергиеву монастырю (1432–1445 гг.) — АСЭИ.І. № 103.

Хран.: ЛОИИ. Головина. № 8.

Опис.: см. указанный выше номер АСЭИ.

Аграфена, княгиня Шехонская

84. Прикладная черновосковская печать.

Изображение не ясно. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯИНИ ОГРАФЕНЫ".

Сохранилась при жалованной грамоте княгини Аграфены и ее детей Троице-Сергиеву монастырю (1432–1445 гг.) — АСЭИ.І. № 102.

Хран.: ГБЛ. Муханова. № 38.

Опис.: см. указанный выше номер АСЭИ.

*Юрий Иванович, кн. дмитровский, сын вел.кн. Ивана III
(род.1480, ум.1536)*

85. Вислая односторонняя черновосковская печать.

Изображена сцена охоты: человек с рогатиной идет на зверя (льва?), впереди бросается на зверя собака. Круговая надпись: "КНЯЗЬ ЮРЬИ ИВАНОВИЧЬ С[Ы]НЬ ВЕЛ[И]КОГО КН[Я]З[Я]".

Сохранилась:

— при жалованной грамоте Юрия Ивановича Троице-Сергиеву монастырю (1504 г.) — АСЭИ.І. № 652;

— то же — АСЭИ.І. № 653;

— при договоре вел.кн. Василия Ивановича с кн. Юрием Ивановичем (1504 г.) (вместе с двумя красновосковыми двусторонними вислыми печатями вел.кн. Ивана Васильевича и вел.кн. Василия Ивановича) — ДДГ. № 90;

— то же (1531 г.) — ДДГ. № 101.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Дмитров. № 16/3728; ГБЛ. АТСЛ. № 963а; ЦГАДА. Древлехр. Отд.І. Рубр.ІІ. № 79, 82.

Воспроизв., опис.: СГГД.І. № 133–134, 160–161; *Лахиер*. С.144; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

Иван Васильевич Шуйский-Горбатый, кн. суздальский (XV в.)

86. Прикладная черновосковская печать.

Изображение коронованного льва с повернутой вправо головой. Круговая надпись не ясна.

Сохранилась:

— при договоре вел.кн. Василия Васильевича с кн. Иваном Васильевичем (1448–1449 гг.) (вместе с печатью Василия Васильевича) — ДДГ. № 52;

— при меновой грамоте Ивана Васильевича Горбатого и старца Прокофия Троице-Сергиева монастыря (1448/49–1455 гг.) — АСЭИ.І. № 223.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.І. Рубр. ІІ. № 41; ГБЛ. Муханова. № 26.

Воспроизв., опис.: СГГД. І. № 80–81; *Лахиер*. С. 141; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

*Князь Андрей Федорович Телятевский
(Микулинский удел Тверского великого княжества)
(вторая половина XV в.)*

87. Прикладная светловосковая печать.

Изображение воина, влево, с копьём или мечом в правой руке и венком (?) в левой. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ОНДРЕЯ ФЕДОРОВ(ИЧА)".

Сохранилась при деловой (раздельной) грамоте между братьями Андреем и Юрием Федоровичами (ок.1470-х годов) — АСЭИ.І. № 476.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Бежецк. № 15/1119.

Воспроизв., опис.: *Иванов*. XIV в. № 2; см. также указанный выше номер АСЭИ.

ПЕЧАТИ ФЕОДАЛЬНЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ
XIV—XV вв.

*Семен Федорович (Морозов),
боярин кн. галицкого и дмитровского Юрия Дмитриевича*

88. Вислая односторонняя светловосковая (потемневшая) печать.

Изображение не ясно, голова в шлеме (?)

Сохранилась при данной грамоте Семена Федоровича Троице-Сергиеву монастырю (1392 г.) — АСЭИ.І. № 3.

Хран.: ЛОИИ. Головина. № 2.

*Микула Борисович
(Ярославский у.)*

89. Вислая двусторонняя черновосковая печать.

Л.с. Изображение двух обращенных друг к другу людей, держащих столб или жердь.

Об.с. Изображение животного.

Сохранилась при данной грамоте Микулы Борисовича Ярославскому Спасо-Преображенскому монастырю (ок.1392 г.) — АСЭИ.ІІІ. № 192.

Хран.: ГБЛ. Муханова. № 18.

*Боярин Константин Дмитриевич Шеля Зернов
(Костромской у.)*

90. Прикладная черновосковая печать.

Изображен идущий влево зверь. Круговая надпись не ясна.

Сохранилась при данной грамоте Константина Дмитриевича Костромскому Ипатьевскому монастырю (ок.1410—1420 гг.) — АСЭИ.ІІІ. № 228.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Кострома. № 20/4987.

Воспроизв., опис.: *Иванов*. XV в. № 25; см. также указанный выше номер АСЭИ.

*Соломонида Турикова,
жена боярина Федора Дмитриевича Турика
(Переяславский у.)*

91. В списке XVI в.: "А у даные печать вислая, а на печати человек".
Имелась при данной грамоте Соломонида Туриковой Троице-Сергиеву монастырю (1428—1432 гг.) — АСЭИ. № 58.

*Оксинья, вдова землевладельца Ивана Андреевича
(Углицкий у.)*

92. Вислая темновосковая печать.
Изображение не ясно.
Сохранилась при данной грамоте Оксиньи Троице-Сергиеву монастырю (ок. 1430—1440 гг.) — АСЭИ. № 155.
Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Углич. № 6/12839.

Кн. Дмитрий Александрович (Щепа-Ростовский)

93. Прикладная темновосковая печать.
Изображение мужской головы в шляпе. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ АЛЕКСАНД[РОВИЧА]".
Сохранилась при данной грамоте кн. Дмитрия Александровича Троице-Сергиеву монастырю (1430—1440 гг.) — АСЭИ. № 148.
Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Бежецк. № 1/1105.
Воспроизв.: Иванов. XIV в. № 1.

*Боярин Захарья Иванович Кошкин
(Костромской у.)*

94. Прикладная светловосковая печать.
Стоящая фигура, вправо от зрителя (плохо сохранилась).
Сохранилась при данной грамоте Захарьи Ивановича Троице-Сергиеву монастырю (ранее 1438 г.) — АСЭИ. № 130.
Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Кострома. № 15/4982.

*Фетинья, жена землевладельца Ивана Юрьевича
(Бежецкий Верх)*

95. Вислая односторонняя (?) черновосковая печать.
Изображена в полный рост человеческая фигура. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ..."
Сохранилась при купчей грамоте кн. бежецкого Дмитрия Юрьевича (у Фетиньи) (ранее 1440 г.) — АСЭИ. № 163.
Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Бежецк. № 13/1117.

Семен Иванович Кокошкин, вотчинник (Суздальский у.)

96. Прикладная черновоскозая печать.
Изображение не ясно. По квадратному ободу надпись: "ПЕЧАТЬ СЕМЕНА ИВАНОВИЧА".
Сохранилась при данной грамоте Семена Ивановича и его братьев Спасо-Евфимиеву монастырю (ок. 1440 г.) — АСЭИ. II. № 440.
Хран.: ГБЛ. Муханова. № 30.

Боярин Андрей Дмитриевич (Монастырев)
(Белозерский у.)

97. Прикладная черновосковская печать.

Изображение, по-видимому, скачущего коня. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ АНДРЕ[Я] ДМИТРИВ..."

Сохранилась при разводной грамоте Андрея Дмитриевича (Монастырева) со старшами Кириллова Белозерского монастыря (ок. 1440–1460 гг.) – АСЭИ.П. № 152.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 2/703.

Федор Васильевич Слободка, вотчинник
(Дмитровский у.)

98. Прикладная светловосковская печать.

Изображение двух птиц, обращенных друг к другу. Круговая надпись не ясна.

Сохранилась при меновой грамоте Федора Васильевича с архимандритом Симонова монастыря (1445–1453 гг.) – АСЭИ.П. № 348.

Хран.: ГБЛ. Беляева. № 6.

Евдокия, вдова землевладельца Владимира Андреевича (Зворыкина)
(Ростовский у.)

99. Прикладная черновосковская печать.

Изображение головы человека.

Сохранилась при данной грамоте Евдокии Троице-Сергиеву монастырю (1446–1447 гг.) – АСЭИ.П. № 185.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Ростов. № 1/10538.

Василиса, жена боярина
Романа Александровича Безногого-Остеева
(Костромской у.)

100. Прикладная черновосковская печать.

Сохранилась при данной грамоте Василисы и ее сына Троице-Сергиеву монастырю (1447–1455 гг.) – АСЭИ.П. № 194.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Кострома. № 14/4981.

Гридя (Григорий) Степанов, землевладелец
(Белозерье)

101. Прикладная черновосковская печать.

Изображение летящей птицы. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ГРИГОРЬЕВА".

Сохранилась при данной грамоте Григория Степанова Кириллову Белозерскому монастырю (1448–1470 гг.) – АСЭИ.П. № 115.

Хран.: ГИМ. ОПИ. Ф.17. Оп.2. Д.15 (№ 7).

Давыд Климентьев, землевладелец
(Белозерский у.)

102. Прикладная темновосковская печать.

Изображение животного, влево, с поднятым вверх изогнутым хвостом. Круговая надпись: "ДАВЫДА КЛИМЕНТЬЕ..."

Сохранилась при данной грамоте Давыда Климентьева Кириллову Белоозерскому монастырю (1448—1470 гг.) — АСЭИ.П. № 116.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 28/729.

Воспроизв.: Иванов. XV в. № 44.

Василий Чернышов,

*боярин кн. Юрия Константиновича Шаховского
(Ярославский у.)*

103. Вислая односторонняя (?) темновосковая печать.

Изображение крупной птицы. Остатки круговой надписи: "...АТЬ..."

Сохранилась при жалованной грамоте кн. Юрия Константиновича Спаса-Ярославскому монастырю (ок.1460—1470 гг.) — АСЭИ.П. № 205.

Хран.: ГБЛ. Муханова. № 71.

Кн. Михаил Иванович (Деев)

(из ярославских князей)

104. Прикладная темновосковая печать.

Изображение сидящей фигуры, влево, которая держит в согнутой левой руке птицу. Круговая надпись: "...Ъ КНЯЖА МИХАИЛО..."

Сохранилась при разводной записи с чернецом Тронце-Сергиева монастыря (ок.1462—1463 гг.) (вместе с другой печатью) — АСЭИ.П. № 306.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Кострома. № 22/4989.

Воспроизв.: Иванов. XV в. № 20.

Кн. Федор Иванович Юхотский

(из ярославских князей)

105. Прикладная светловосковая печать, оттиснута на пергамене.

Изображение человека на лошади.

Сохранилась при жалованной грамоте кн. Федора Ивановича Спаса-Ярославскому монастырю (1463—1478 гг.) — АСЭИ.П. № 201.

Хран.: ГБЛ. Муханова. № 56.

Тимофей Прокофьевич, ярославский вотчинник

106. Прикладная светловосковая печать.

Изображение воина, держащего в правой руке копьё, в левой щит. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ПРОКОФЬЕВИЧА".

Сохранилась при данной грамоте Тимофея Прокофьевича Спаса-Ярославскому монастырю (1463—1478 гг.) — АСЭИ.П. № 202.

Хран.: ГБЛ. Муханова. № 55.

*Александр (Олешко?) Никитич Кормилицын,
землевладелец (Белоозерье)*

107. Прикладная желтовосковая печать.

Изображение скачущей собаки или другого животного. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ОЛЕШКО".

Сохранилась при купчей грамоте игумена Кириллова Белоозерского монастыря на владения Алеши и Гриди (Кормилицыных) (ок.1465/66 г.) — АСЭИ.П. № 178.

Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.198.

*Иван Андреевич Слизнев, вотчинник
(Бежецкий у.)*

108. Прикладная черновосковская печать.

Изображение идущего влево животного с поднятым вверх хвостом. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА СЛИЗ".

Сохранилась при данной грамоте вдовы Ивана Андреевича Троице-Сергиеву монастырю (1467—1474 гг.) — АСЭИ.І. № 371.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Бежецк. № 32/1136.

Воспроизв.: *Иванов*. XV в. № 40.

*Кн. Юрий Константинович Шаховской
(из ярославских князей)*

109. Прикладная (?) черновосковская печать.

Сохранилась при жалованной грамоте Юрия Константиновича Троице-Сергиеву монастырю (1467—1474 гг.) — АСЭИ.І. № 368.

Хран.: ГБЛ. Беляева. № 12.

Григорий Львович, бежецкий вотчинник (?)

110. Прикладная (?) печать.

В списке XVI в.: "А на печати два человека, да круг печати писмо: печать Григория Лвова".

Этой печатью скреплена данная грамота сестры Григория Львова, вдовы вотчинника Алферия Борисова, Малашии Троице-Сергиеву монастырю (1467—1474 гг.) — АСЭИ.І. № 372.

*Боярин Василий Борисович Тучко (Морозов)
(Костромской у.)*

111. Прикладная черновосковская печать.

Изображены две человеческие фигуры в полный рост, обращенные друг к другу. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ В...БОРИСОВИЧА".

Сохранилась при данной грамоте боярина Василия Борисовича Троице-Сергиеву монастырю (1467—1474 гг.) — АСЭИ.І. № 374.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Кострома. № 19/4986.

*Алексей Климентьев, землевладелец
(Суздальский у.)*

112. Прикладная черновосковская печать.

Изображение животного с поднятым хвостом, влево. Круговая надпись не ясна.

Сохранилась при меновной грамоте архимандрита Спасо-Евфимиева монастыря с Алексеем Климентьевым (1472—1479 гг.) — АСЭИ.І. № 472.

Хран.: ГБЛ. Муханова. № 60.

*Александр Григорьевич Мисин (Кутузов), вотчинник
(Дмитровский у.)*

113. Прикладная (?) печать.

В списке XVI в.: "...на ней сидит человек с посохом, около ее писано".

Сохранилась при меновой грамоте Александра Григорьевича Мисина с игуменом Троице-Сергиева монастыря (1474—1478 гг.) (вместе с печатью Троице-Сергиева монастыря) — АСЭИ.І № 437.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Ростов. № 4/10541.

*Семен Федорович Пильёж (Сабуров),
вотчинник
(Ростовский у.)*

114. Прикладная черновосковская печать.

Изображение не ясно. Остатки круговой надписи: "...ЧАТЬ... МЕНА С..."

Сохранилась при купчей грамоте вотчинника Федора Ивановича Сабурова на земли, купленные у Семена и Василия Федоровичей Сабуровых (1474—1484 гг.) (вместе с печатью брата Василия Федоровича, изображение и надпись на которой не ясны) — АСЭИ.І № 444.

Хран.: ГБЛ. АТСЛ. № 227.

*Иван Федорович (Монастырев), землевладелец
(Белозерский у.)*

115. Прикладная темновосковская (?) печать.

В щитке миндалевидной формы изображен зверь, вправо, с повернутой назад головой. Круговая надпись (зеркальная): "ПЕЧАТЬ ИВАНОВА ФЕД..."

Сохранилась при меновой грамоте Ивана Федоровича и игумена Кириллова Белозерского монастыря (1476—1482 гг.) (вместе с печатью игумена Кириллова Белозерского монастыря) — АСЭИ.ІІ № 238.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 23/724.

Воспроизв.: *Иванов*. XV в. № 38.

*Федор Никитич Лихорев, вотчинник
(Белозерье)*

116. Прикладная черновосковская печать.

Изображение, по-видимому, фигуры воина с мечом (?) или другим предметом в руке. Остатки круговой надписи: "ФЕДО... ..МИК".

Сохранилась:

— при данной грамоте Федора Микитинича игумену Кириллова Белозерского монастыря Серапиону (1482—1484 гг.) (вместе с печатью игумена Серапиона) — АСЭИ.ІІ № 263;

— при разводной грамоте земель Федора Микитинича и Кириллова Белозерского монастыря (1489—1506 гг.) (вместе с печатью игумена Макария) — АСЭИ.ІІ № 281.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 3/704 и 4/705

*Кн. Иван Давидович Кежский, вотчинник
(Белозерье)*

117. Прикладная светловосковская печать.

Изображение стоящей человеческой фигуры, опирающейся правым плечом на подпору и держащей в согнутой левой руке какой-то предмет. Остатки круговой надписи: "ПЕЧАТЬ..."

Сохранилась при разводной грамоте земель Ивана Давыдовича и его племянника (ок.1490-х годов) — АСЭИ.П. № 298.
Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.582.

*Иван Васильевич Вельяминов Шагра,
вотчинник
(Дмитровский у.)*

118. Прикладная черновосковская печать.

Изображены два сидящих друг против друга человека.

Сохранилась при записи о неотчуждении земли, полученной от Троице-Сергиева монастыря (1490—1495 гг.) — АСЭИ.П. № 556.
Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Дмитров. № 8/3720.

*Семен Александрович (Никитин), вотчинник
(Угличский у.)*

119. Прикладная (перстневая) черновосковская печать.

В списке XVI в.: "А на печати — человек сидит на стуле".

Сохранилась при данной грамоте Семена Александровича Троице-Сергиеву монастырю (1490—1495 гг.) — АСЭИ.П. № 553.
Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Углич. № 3/12836.

*Боярин Семен Романович
(из ярославских князей)*

120. Прикладная черновосковская печать.

Изображен сидящий на стуле человек, в профиль, влево, правой рукой держит копьё (прапор?). Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ СЕМЕ..."

Сохранилась при мировой и межевой записи о разделении земли со старцами Кириллова Белозерского монастыря (ок.1492 г.) — АСЭИ.П. № 284.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 41/742.
Воспроизв.: *Иванов*. XV в. № 16.

Кн. Даниил Васильевич Щеня

121. Прикладная черновосковская печать.

Изображение зверя, нападающего на ящерицу. Круговая надпись: "...ТЬ К..."

Сохранилась при мировой записи между Даниилом Васильевичем и архимандритом Спасо-Евфимиева монастыря (1497—1498 гг.) (вместе с печатью архимандрита Константина) — АСЭИ.П. № 490.

Хран.: ГИМ. ОПИ. Ф.17. Оп.2. Д.4 (№ 6).
Опис.: см. указанный выше номер АСЭИ.

*Княгиня Авдотья Ивановна,
жена кн. Ивана Юрьевича Патрикеева*

122. Вислая односторонняя черновосковская печать.

Изображение полуживотного-получеловека, который держит в одной руке меч, в другой щит. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯИНИ ОВДОТИИ ИВАНОВ(НЫ)".

Сохранилась при духовной грамоте князя Ивана Юрьевича Патрикеева (ранее 1499 г.) (вместе с шестью другими печатями) — ДДГ. № 86.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. I. № 31.

Воспроизв., опис.: СГТД. I. № 130; *Лакиер*. С. 188.

*Прокофий Зиновьевич (Скурат Станицев),
землевладелец
(Владимирский у.)*

123. Прикладная черновосковская печать.

Изображение фантастического зверя (единорога?) с раскрытой пастью, туловищем коня с длинным хвостом, опирающего змею или дракона. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ПРОКОФИЯ ЗИНОВЬЕВА".

Сохранилась при данной грамоте Симонову монастырю вдовы Прокофия Феодоры (1500/01 г.) — АСЭИ. I. № 423.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Владимир. № 7/1784.

Воспроизв., опис.: Иванов. XVI в. № 1; см. также указанный выше номер АСЭИ.

*Тимофей Петрович Замыцкий, вотчинник
(Переяславский у.)*

124. Прикладная черновосковская печать.

Изображение двух обращенных друг к другу фигур, между ними — пальмовая ветвь. Остатки круговой надписи: "...ЕЧА ...ЕЯ... ЗА ..."

Сохранилась при разьежской грамоте Тимофея Петровича со старцем Троице-Сергиева монастыря Гавриилом (1500/01 г.) — АСЭИ. I. № 632.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Переяславль-Залесский. № 42/8766.

ПЕЧАТИ ЛИЦ,
ИСПОЛНЯЮЩИХ ДОЛЖНОСТНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

*Иван Владимирович Кулудар Ирежский,
дьяк великого князя*

125. Прикладная черновосковская печать.

Изображение не ясно.

Сохранилась при данной грамоте Кулудара Троице-Сергиеву монастырю (ок. 1440-х годов) (вместе с его личной подписью) — АСЭИ. I. № 229.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Углич. № 8/12841.

*Василий Федорович Безнос (Монастырев),
боярин великой княгини Марфы и кн. Михаила Андреевича,
отводчик*

126. Вислая односторонняя темновосковская печать.

Изображение зверя (собаки), припавшего на передние лапы, — перед прыжком. Круговая надпись: "ПЕ[Ч]АТЬ ВА... ФЕДОР..."

Сохранилась при отводной грамоте, данной по слову кн. Михаила Андреевича (ок.1455 г.) — АСЭИ.П. № 165.
Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.309.

*Афанасий Данилович Внуков,
землевладелец в Белозерье, отводчик*

127. Прикладная желтовосковая печать.

Изображение вздыбленного зверя (собаки?) с поднятым вверх хвостом. Круговая надпись: "ПЕЧ[АТЬ]... НАСЬ... КОВА".

Сохранилась при отводной грамоте, данной по слову кн. Михаила Андреевича (1460 — начало 1470-х годов) — АСЭИ.П. № 185.
Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.310.

Никифор, дьяк великой княгини Марии Ярославны

128. Прикладная темновосковая печать.

Сохранилась при разводной грамоте Ивану Травину (Дмитровский у.), данной по слову великой княгини Марии Ярославны (1468—1478 гг.) (вместе с подписью дьяка) — АСЭИ.П. № 385.
Хран.: ГБЛ. АТСЛ. № 1008.

*Никита Васильевич Беклемишев,
боярин, разъездчик, судья великого князя*

129. Прикладная темновосковая печать.

Сохранилась при разъездной грамоте Никиты Васильевича со старцами Троице-Сергиева монастыря (1472—1473 гг.) — АСЭИ.П. № 413.
Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Юрьев-Польский. № 1/14551.

*Данила Родионович Квашнин,
боярин великой княгини Марии Ярославны
(ему докладывали дело)*

130. Прикладная печать.

В списке XVI в.: "А печать у докладные — два человека, а меж их древо".

Имелась у записи с доклада боярину Квашнину (1474—1484 гг.) — АСЭИ.П. № 445.

*Кн. Иван Юрьевич Патрикеев,
боярин (ему докладывали дело)*

131. Прикладная (?) печать.

Надпись на обороте грамоты: "На печати человек".
Имелась при деловой и разъездной (докладной) Федора и Семена Сабуровых (1474—1484 гг.) — АСЭИ.П. № 446.

*Борис Матвеевич Слепец (Тютчев),
боярин вел.кн. Ивана Васильевича*

132. Прикладная светловосковая (потемневшая) печать, обломана. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ БО..."

В списке XVI в.: "А печать у грамоты — зверь, около ево писмо".

Сохранилась при данной грамоте Матрены Сабуровой Троице-Сергиеву монастырю (данная доложена боярину Тютчеву) (1485 г.) — АСЭИ.Л. № 515.

Хран.: ЛОИИ. Головина. № 34.

*Иван Котеня,
судья вел.кн. Ивана Ивановича Молодого*

133. Прикладная светловосковая печать.

Изображение воина с мечом.

Сохранилась при правой грамоте, данной с доклада вел.кн. Ивану Ивановичу Молодому судьей великого князя Троице-Сергиеву монастырю (1485—1490 гг.) — АСЭИ.Л. № 524.

Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.554.

*Михаил Дмитриевич Шапкин,
судья, писец и отводчик
вел.кн. Ивана Васильевича в Белоозерье*

134. Прикладная светловосковая печать.

Изображение двух человеческих фигур, из которых одна сидит и принимает от стоящего человека ветвь (?). Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ МИХАИЛА ДМИТР..."

Сохранилась:

— при правой грамоте с доклада князю Даниилу Александровичу (Пенкову), данной судьями Михаилом Дмитриевичем Шапкиным и Иваном Головой Семеновым властям Кириллова Белоозерского монастыря (1492 г.) (вместе с печатью другого судьи) — АСЭИ.П. № 285;

— то же — АСЭИ.П. № 286;

— то же — АСЭИ.П. № 287;

— то же — АСЭИ.П. № 288;

— при отводном докладном списке — АСЭИ.П. № 289.

Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.555; ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 19/720, 33/734, 18/719, 111/812.

Воспроизв., опис.: Иванов. XV в. № 49; см. также указанные выше номера АСЭИ.

*Иван Семенович Голова (Лыков?),
писец и отводчик, судья
вел.кн. Ивана Васильевича в Белоозерье*

135. Прикладная светловосковая печать.

Изображение человека с мечом и палицей, влево. Круговая надпись не ясна.

Сохранилась:

— при тех же грамотах, что и печать судьи Михаила Дмитриевича Шапкина (см. № 134).

Хран.: там же, что и печать Михаила Дмитриевича Шапкина.

Воспроизв., опис.: там же, где и печать Михаила Дмитриевича Шапкина, но Иванов. XV в. № 48.

136. Печать-перстень.

Скрепляла разъезжую грамоту на земли Елизара Сукова и Троице-Сергиева монастыря (1495/96 г.) (грамота написана была самим Суковым, три послуха подписали ее) — АСЭИ.І. № 580.

*Афанасий Матвеевич Дуров,
судья великого князя,
ярославский тиун*

137. Прикладная темновосковская печать.

Изображение бегущего зверя, с поднятым вверх изогнутым хвостом, влево. Круговая надпись: "ПЕЧА[ТЬ] ФОНАСЬЯ ДУР..."

Сохранилась:

— при правой грамоте, с доклада кн. Василию Ивановичу, сыну вел.кн. Ивана III, данной судьей Афанасием Дуровым игумену Спасо-Ярославского монастыря (ок.1495—1497 гг.) — АСЭИ.ІІІ. № 208;

— при докладном судном списке, с доклада кн. Василию Ивановичу (см.выше), данном Афанасием Дуровым игумену Спасо-Ярославского монастыря (ок.1495—1497 гг.) — АСЭИ.ІІІ. № 209;

— при отводной и разъезжей грамоте, с доклада кн. Василию Ивановичу (см.выше), данной Афанасием Дуровым игумену Спасо-Ярославского монастыря (ок.1495—1497 гг.) — АСЭИ.ІІІ. № 210.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Ярославль. № 3/14751, 4/14752; ГБЛ. Мухомова. № 44.

Воспроизв., опис.: *Иванов*. XV в. № 43; см. также указанные выше номера АСЭИ.

*Андрей Перелешин, судья великого князя
(Костромской у.)*

138. Прикладная темновосковская печать.

Птица, машущая крыльями. Круговая надпись: "... ЯТЬ АНДРЕЯ ПЕР..."

Сохранилась:

— при судном списке, с доклада кн. Василию Ивановичу Патрикеву, боярину вел.кн., данном Андреем Перелешиним Троице-Сергиеву монастырю (1495—1499 гг.) — АСЭИ.І. № 583;

— то же — АСЭИ.І. № 586;

— то же — АСЭИ.І. № 592.

Хран.: ГБЛ. АТСЛ. № 1012; ЦГАДА. ГКЭ. Галич. № 5/3335; ЛОИИ. Головина. № 39.

*Петр Васильевич Нефимонов, судья великого князя
(Ярославский у.)*

139. Прикладная черновосковская печать.

Изображение человека, держащего в правой руке меч, в левой щит. Круговая надпись: "ПЕЧ[АТЬ] ПЕТРА НЕФИМОНОВА".

Сохранилась:

— при разъезжей грамоте, данной судьей Петром Нефимоновым на межи городской великокняжеской земли с землею Спасо-Ярославско-

го монастыря властям этого монастыря (ок. 1493—1501 гг.) — АСЭИ.Ш. № 213;

— то же — АСЭИ.Ш. № 214.

Хран.: ГБЛ. Муханова. № 45, 46.

*Владимир Гаврилович Зверев, судья великого князя,
межевщик в Малоярославском у.*

140. Прикладная черновосковская печать.

Изображение головы человека в профиль, влево, в характерной "стеганой" шапке. Без надписи.

Сохранилась:

— при правой грамоте, выданной судьей Владимиром Зверевым Троице-Сергиеву монастырю (1496—1498 гг.) — АСЭИ.Л. № 607а;

— при разьежей грамоте, данной судьей Владимиром Зверевым Троице-Сергиеву монастырю (1496—1498 гг.) — АСЭИ.Л. № 608;

— то же (1496—1505 гг.) — АСЭИ.Л. № 610.

Хран.: ГБЛ. АТСЛ. № 232; ЦГАДА. ГКЭ. Малоярославец. № 2/7692, 1/7691.

Воспроизв., опис.: *Иванов*. XV в. № 53; см. также указанные выше номера АСЭИ.

*Константин Григорьевич Заболотский,
писец великого князя, судья (Юрьевский у.)*

141. Прикладная черновосковская печать (указана в списке XVII в.).

Использовалась при судном списке, данном судьей Константином Григорьевичем Заболотским Троице-Сергиеву монастырю (1497/98 г.) — АСЭИ.Л. № 615.

*Иван Иванович Долматов,
разьеждчик великого князя в Бежецком у.*

142. Прикладная темновосковская печать.

Изображение изящно вырезанного зверя, влево, с поднятым кверху и изгибающимся в форме латинской буквы "с" хвостом. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ИВАНА ДОЛМАТ..."

Сохранилась при разьежей грамоте, данной Иваном Долматовым Троице-Сергиеву монастырю в результате размежевания земель вел. кн. и Троице-Сергиева монастыря (1498/99 г.) — АСЭИ.Л. № 619.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Бежецк. № 9/1113.

Воспроизв.: *Иванов*. XV в. № 13.

*Кн. Василий Иванович Голенин, боярин великого князя,
писец (ему докладывали дело)*

143. Прикладная темновосковская печать.

Изображение мужской головы в клобуке (?) Без надписи.

Сохранилась при правой грамоте, данной, с доклада кн. Василию Ивановичу Голенину, властям Ферапонтова монастыря (1502 г.) — АСЭИ.Ш. № 336.

Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1.Д.553.

Опис.: см. указанный номер АСЭИ.

Фарисей, послух в Дмитровском у.

144. Прикладная черновосковская печать.

Стилизованное изображение птицы. Круговая надпись, "ПЕЧАТ[Ъ] ФАРИСЬЕВА".

Сохранилась при купчей грамоте архимандрита Симонова монастыря Антония на земли, купленные у Андрея Ивановича Лопотова (ок. 1463 г.) — АСЭИ.П. № 378.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Дмитров. № 15/3727.

Воспроизв.: *Иванов*. XV в. № 23.

Димитрий Иванович (Годунов?),

"муж" на разделе в Нерехотском у.

145. Прикладная черновосковская печать.

Изображение вооруженного человека, держащего поднятый меч в правой руке и копье, поставленное на землю, в левой. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧ[А]".

Сохранилась при деловой (раздельной) грамоте детей Семена Федоровича (Пешкова-Сабурова) на вотчину их отца (ок. 1485—1486 гг.) (вместе с печатью другого "мужа") — АСЭИ.П. № 231.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Кострома. № 11/4978.

Воспроизв.: *Иванов*. XV в. № 26.

Федор Вельяминович (Зернов?), "муж" на разделе в Нерехотском у.

146. Прикладная черновосковская печать.

Изображение зверя на задних лапах с загнутом на спину хвостом. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ФЕДОРА ВЕЛИ[ЯМИНОВИЧА?]".

Сохранилась при деловой (раздельной) грамоте детей Семена Федоровича (Пешкова-Сабурова) на вотчину их отца (ок. 1485—1486 гг.) (вместе с печатью другого "мужа") — АСЭИ.П. № 231.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Кострома. № 10/4977.

Воспроизв.: *Иванов*. XV в. № 27.

Иван Владимирович (Голова), послух

147. Вислая односторонняя черновосковская печать.

Изображение стоящей человеческой фигуры с факелом (?) в правой руке, у его ног разбегающиеся в разные стороны звери. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ИВАН[А] ВОЛОДИМЕРОВ[ИЧА]".

Сохранилась при духовной грамоте кн. Ивана Юрьевича Патрикеева (ранее 1499 г.) (вместе с шестью другими печатями) — ДДГ. № 86.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. I. № 31.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 130; *Лакиер*. С. 188.

Дмитрий Владимирович, послух

148. Вислая односторонняя светловосковская печать.

Изображение всадника, вправо, с соколом на вытянутой левой руке. Из круговой надписи сохранились отдельные буквы.

Сохранилась при духовной грамоте кн. Ивана Юрьевича Патрикеева (ранее 1499 г.) (вместе с шестью другими печатями) — ДДГ. № 86. Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. I. № 31. Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 130; *Лакиер*. С. 188, табл. V, рис. 8.

ПЕЧАТИ ДУХОВНЫХ ЛИЦ И ОРГАНИЗАЦИЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV—XV вв.

Митрополит Алексей (1354—1378)

149.(1) Вислая односторонняя светловосковая печать.

Изображение св. Николая в полный рост. Слева и справа отдельные буквы.

Сохранилась при перемирной грамоте вел.кн. Литовского Ольгерда Гедиминовича, его брата Кейстута и вел.кн. смоленского Святослава Ивановича с вел.кн. московским Дмитрием Ивановичем и кн. серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (1371 г.) (вместе с печатью Ольгерда Гедиминовича) — ДДГ. № 6.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 5.

Воспроизв.: СГГД. I. № 31.

150.(2) Позолоченный аргировул.

Л.с. Изображение Богоматери "Знамение".

Об.с. 5-строчная надпись (восстановленная): "МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЮ ПЕЧАТЬ АЛЕКСЕЯ МИТРОПОЛИТА ВСЕЯ РУСИИ".

Сохранилась при первой духовной грамоте вел.кн. Дмитрия Ивановича Донского (ок. 1375 г.) (вместе с позолоченным аргировулом вел.кн. Дмитрия Ивановича) — ДДГ. № 8.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. I. № 6.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 30; *Лакиер*. С. 164; *Орешников*. С. 126—127, табл. I, рис. 7.

Митрополит Иона (1448—1461)

151. Вислая двусторонняя черновосковая печать.

Л.с. Изображение Богоматери "Знамение".

Об.с. 5-строчная надпись (восстановленная): "БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ СМИРЕННЫЙ ИОНА МИТРОПОЛИТ ВСЕЯ РУСИ".

Сохранилась при духовной грамоте Софьи Витовновны, вдовы вел.кн. Василия Дмитриевича (1451 г.) (вместе с печатью Софьи Витовновны) — ДДГ. № 57.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 20.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 83; *Лакиер*. С. 164.

Феодосий (Бывальцев)

архиепископ ростовский, ярославский (1454—1461),

митрополит (1461—1464)

152. Вислая двусторонняя темновосковая печать.

Л.с. Изображение Богоматери "Знамение".

Об.с. 5-строчная надпись (восстановленная): "МИЛОСТЬЮ БОЖЬ-

ЕЯ...СМИРЕННЫЙ АРХИЕПИСКОП РОСТОВСКИЙ И ЯРОСЛАВСКИЙ ФЕОДОСИЙ".

Сохранилась при жалованной грамоте архиепископа Феодосия игумену Кириллова Белозерского монастыря Кассиану (1455 г.) — АСЭИ.П. № 161.

Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.103.

153. Вислая двусторонняя черновосковская печать.

Л.с. Изображение Богоматери на престоле. По обеим сторонам надпись: "МР КС = ХС ΘΥ".

Об.с. 5-строчная надпись (восстановленная): "МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЮ СМирЕННЫЙ ФЕОДОСИЙ МИТРОПОЛИТ ВСЕЯ РУСИ".

Имелась при духовной грамоте вел.кн. Василия Васильевича (1461—1462 гг.) (вместе с печатью Василия Васильевича) — ДДГ. № 61.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр.1. № 21 (не сохранилась).

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 86—87; Лакиер. С.165, табл. VIII, № 3.

Митрополит Геронтий (1473—1489)

154. Вислая двусторонняя черновосковская печать.

Л.с. Изображение то же, что и на печати митрополита Феодосия (№ 153).

Об.с. 5-строчная надпись: "[МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЮ?] СМирЕННЫЙ ГЕРОНТЬЕЙ МИТРОПОЛИТ ВСЕЯ РУСИ".

Имелась при духовной грамоте кн. верейского и белозерского Михаила Андреевича (ок.1486 г.) — ДДГ. № 80-в.

Воспроизв., опис.: СГГД. I. № 121; Лакиер. С. 165.

Митрополит Зосима (Брадатый) (1490—1494)

155. Вислая двусторонняя черновосковская печать (в настоящее время утрачена).

Имелась при жалованной грамоте об освобождении от пошлыны митрополита Зосимы властям Троице-Сергиева монастыря (1490 г.) — АСЭИ.1. № 548а.

*Митрополит Симон
(1495—1511)*

156. Вислая двусторонняя черновосковская печать.

Л.с. Изображение то же, что и на печати митрополита Феодосия (№ 153).

Об.с. 5-строчная надпись: "БОЖЬЕЮ МИЛОСТЬЮ СМирЕННЫЙ СИМОН МИТРОПОЛИТ ВСЕЯ РУСИ".

Сохранилась:

— при жалованной грамоте митрополита Симона властям Спасо-Евфимиева монастыря (1496 г.) — АСЭИ.П. № 487;

— при жалованной меновой и отводной грамоте вел.кн. Ивана Васильевича князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам (1497 г.) (вместе с тремя другими печатями) — ДДГ. № 85.

Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.123; ЦГАДА. Древлехр. Отд.1. Рубр.П. № 78.

Воспроизв., опис.: СГГД.1. № 129; см. также указанные выше номера ДДГ и АСЭИ.

*Авраамий, епископ суздальский
(1431—1437 и 1441—1452)*

157. Вислая двусторонняя черновосковская печать.

Л.с. Изображение Богоматери "Знамение".

Об.с. Строчная надпись: "...БЮ Б(О)Ж... ПЬ АВР..."

Сохранилась при меновой грамоте кн. Андрея Андреевича (Ногтева?) на промен (с доклада епископу Авраамью) с землями Спасо-Евфимиева монастыря (ок.1440—1444 гг.) (вместе с двумя печатями) — АСЭИ.П. № 441.

Хран.: ГБЛ. Муханова. № 36.

*Ефрем, архиепископ ростовский,
ярославский, белозерский
(1427—1454)*

158. Вислая двусторонняя темновосковская печать.

Л.с. Изображение то же, что и на печати епископа Авраамия (№ 157).

Об.с. Строчная надпись (восстановленная): "МИЛОСТИЮ БОЖЬ-ЕЮ...ЕФРЕМ ЕПИСКОП РОСТОВСКИЙ И ЯРОСЛАВСКИЙ".

Сохранилась при благословенной грамоте епископа Ефрема старцу Кассиану на игуменство в Кирилловом Белозерском монастыре (1448 г.) — АСЭИ.П. № 97.

Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.3.

*Трифон, архиепископ ростовский
(1462—1467)*

159. Вислая двусторонняя черновосковская печать.

Л.с. Изображение Богоматери на престоле.

Об.с. 5-строчная надпись (восстановленная): "МИЛОСТИЮ БОЖИЕЮ СМЕРЕННЫЙ АРХИЕПИСКОП ТРИФОН РОСТОВСКИЙ".

Сохранилась при жалованной грамоте архиепископа Трифона игумену Кириллова Белозерского монастыря (1462 г.) — АСЭИ.П. № 174.

Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.107.

*Вассиан (Рыло),
архиепископ ростовский и ярославский
(1468—1481)*

160. Вислая двусторонняя темновосковская печать.

Л.с. Изображение то же, что и на печати архиепископа Трифона (№ 159).

Об.с. 6-строчная надпись (восстановленная): "МИЛОСТИЮ БОЖИЕЮ СМЕРЕННЫЙ АРХИЕПИСКОП ВАСИАН РОСТОВСКИ И ЯРОСЛАВСКИ".

Сохранилась:

— при жалованной грамоте архиепископа Вассиана игумену Кириллова Белозерского монастыря Кассиану (1468 г.) — АСЭИ.П. № 183;

— при грамоте архиепископа Вассиана игумену Кириллова Белозерского монастыря Нифонту о разрешении священникам служить службы в монастыре (1476—1481 гг.) — АСЭИ.П. № 234.

Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.110; ГПБ. № 65 (1, 74).

161. Вислая двусторонняя черновосковская печать..

Л.с. Изображение то же, что и на печати епископа Авраамия (№ 157).

Об.с. 6-строчная надпись (восстановленная): "МИЛОСТІЮ БОЖІЕЮ СМІРЕННІЙ ЕПІСКОП ЕУФІМІЙ СУЗДАЛЬСКИЙ И ТАРУССКИЙ".

Сохранилась при духовной грамоте Семена Наквасы (ранее 1476 г.) (явлена владыке Евфимию) — АСЭИ.П. № 474.

Хран.: ГИМ. ОНИ. Ф. 17. Оп.2. Д.28 (3/5).

*Тихон (Малышкин),
архиепископ ростовский и ярославский
(1489–1503)*

162. Вислая двусторонняя черновосковская печать.

Л.с. Изображение то же, что и на печати архиепископа Трифона (№ 159).

Об.с. 5-строчная надпись (восстановленная): "МИЛОСТІЮ БОЖІЕЮ СМІРЕННІЙ АРХІЕПІСКОП ТИХОН РОСТОВСКИЙ И ЯРОСЛАВСКИЙ".

Сохранилась:

— при жалованной грамоте архиепископа Тихона игумену Кириллова Белозерского монастыря Макарию (1489–1503 гг.) — АСЭИ.П. № 280;

— при грамоте архиепископа Тихона белозерскому десятиннику о невзимании церковной дани с сельских священников (1493 г.) — АСЭИ.П. № 291.

Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.118, 119.

Опис.: см. указанные выше номера АСЭИ.

*Харлампий, игумен
(духовный отец вкладчицы)
(конец XIV — начало XV в.)*

163. Прикладная черновосковская печать (плохо сохранилась).

Изображение зверька на задних лапах (?). Надпись: "ХАРЛАМПЕЙ" (?)

Сохранилась при данной грамоте Аксиныи Фоминичны архимандриту Чудова монастыря (Иоакиму) (ок.1381–1425 гг.) — АСЭИ.П. № 30.

Хран.: ГБЛ. Беляева. № 2.

*Трифон, игумен Кириллова Белозерского монастыря
(1435–1447)*

164. Прикладная черновосковская печать.

Строчная надпись: "ПЕЧАТЬ ИГУМЕНА ТРИФОНА".

Сохранилась при данной грамоте старца Арсения игумену Кириллова Белозерского монастыря Трифону (1435–1437 гг.) — АСЭИ.П. № 84.

Хран.: ЛОИИ. Строева. Оп.1. Д.37.

Ирина,

*игуменя Суздальского Александровского монастыря
(около 1450 г.)*

165. Прикладная светловосковая печать (плохо сохранилась).
Изображение не ясно.
Сохранилась при купчей, докладной суздальскому наместнику Федору Васильевичу, покупатель — старец Троице-Сергиева монастыря Прокофий (1450—1455 гг.) — АСЭИ. I. № 240.
Хран.: ГБЛ. Муханова. № 42.

*Афанасий, архимандрит Симонова монастыря
(духовный отец вкладчика)
(1453—1462)*

166. Прикладная светловосковая печать.
Изображение не ясно, возможно, птица с птенцами.
Сохранилась при духовной грамоте старца Симонова монастыря Андриана Ярлыка (1460 г.) — АСЭИ. II. № 361.
Хран.: ГБЛ. АТСЛ. № 1006в.

*Кассиан,
игумен Кириллова Белоозерского монастыря
(1448—1465 и 1466—1470)*

167. Прикладная темновосковая (?) печать.
Изображение птицы (лебедя, гуся?) с поднятыми крыльями. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ИГУМЕНА КАСИЯНА".
Сохранилась при разводной грамоте Кассиана с игуменом Ферапонтова монастыря Филофеем (1467—1470 гг.) (вместе с печатью Филофея) — АСЭИ. II. № 181.
Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 14/715.
Воспроизв.: Иванов. XV в. № 36.

Филофей, игумен Ферапонтова монастыря (1467—1471)

168. Прикладная темновосковая печать.
Изображение птицы с распушенным хвостом (петух, павлин?). Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ИГУМЕНА ФИЛОФЕЯ".
Сохранилась при разводной грамоте Филофея с игуменом Кириллова Белоозерского монастыря Кассианом (1467—1470 гг.) (вместе с печатью Кассиана) — АСЭИ. II. № 181.
Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 14/715.
Воспроизв.: Иванов. XV в. № 37.

*Макарий,
игумен Троицкого Калязинского монастыря (ок. 1444—1483)*

169. Прикладная черновосковая печать.
Надпись в четыре строки: "ПЕЧАТЬ ИГУМЕНА МАКАРИЯ".
Сохранилась при меновой грамоте, оформлявшей обмен монастырских владений и владений кашинского сына боярского Ивана Иевлева (1472/73 г.) — АСЭИ. III. № 155.
Хран.: ЦГАДА. Каляз. кн. I. № 6. Л. 14—15.

*Нифонт,
игумен Кириллова Белозерского монастыря
(1476—1482)*

170. Прикладная темновосковая печать.

Изображение птицы с распахнутыми крыльями и повернутой вправо головой. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ ИГУМЕНА НИФ..."

Сохранилась при меновой грамоте, оформлявшей обмен монастырских владений и владений Ивана Федоровича (Монастырева) (1476—1482 гг.) (вместе с печатью Ивана Федоровича) — АСЭИ.П. № 238.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 23/724.

Воспроизв.: *Иванов*. XV в. № 39.

*Авраамий,
игумен Троице-Сергиева монастыря
(1475—1478)*

171. Прикладная черновосковая печать.

Изображение стоящего человека в высокой шапке. Круговая надпись: "[ПЕЧА]ТЬ ИГУМ[ЕНА] [А]ВРАМИЯ".

Сохранилась при духовной грамоте Марии Копниной, жены боярина Василия Борисовича Копнина (1478 г.) (вместе с двумя другими печатями) — АСЭИ.П. № 457.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Переяславль-Залесский. № 27/8751.

*Серапион,
игумен Кириллова Белозерского монастыря
(1482—1484)*

172. Прикладная черновосковая печать.

Изображение человека, поднимающего обеими руками какие-то предметы. Круговая надпись не ясна.

Сохранилась при данной грамоте Федора Микитиича (Лихорева) игумену Кириллова Белозерского монастыря Серапиону (1482—1484 гг.) (вместе с печатью датчика) — АСЭИ.П. № 263.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 3/704.

*Макарий,
игумен Кириллова Белозерского монастыря
(1489—1506)*

173. Прикладная черновосковая печать.

4-строчная надпись (восстановлена): "ПЕЧАТЬ ИГУМЕНА МАКАРЯ".

Сохранилась при разводной грамоте мемам Кириллова Белозерского монастыря и Федора Никитича (1489—1506) (вместе с печатью Федора Никитича) — АСЭИ.П. № 281.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 4/705.

*Константин,
архимандрит Спасо-Евфимиева монастыря
(1490—1509)*

174. Прикладная светловосковая печать.

Изображение бегущего зверя. Круговая надпись: "ПЕЧА... СТЫН-ТИНА АРХИ..."

Сохранилась при мировой записи архимандрита Спасо-Евфимиева монастыря Константина с кн. Данилой Васильевичем Щеней (1497/98 г.) (вместе с печатью Данилы Васильевича Щени) — АСЭИ.П. 490.

Хран.: ГИМ. ОПИ. Ф.17. Оп.2. Д.4 (№ 6).

Троице-Сергиев монастырь

175.(1) Булла (вислая свинцовая печать), XIV в.

Л.с. Изображение Богоматери "Знамение".

Об.с. 3-строчная надпись: "ПЕЧАТЬ ТРОИЦЬКАЯ", вверху и внизу по ряду точек.

Воспроизв., опис.: *Орешников. С.127—128, рис.8.*

176.(2) Прикладная светловосковая печать (келарская, келарь Логин).

Строчная надпись: "...ТЬ ... РЕВ ... МОНАС..."

Сохранилась при разводной записи, оформленной, с одной стороны, кн. Михаилом Ивановичем Деевым, с другой — чернецом Троице-Сергиева монастыря (ок.1462—1463 гг.) (вместе с печатью кн. Михаила Ивановича Деева) — АСЭИ.Л. № 306.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Кострома. № 22/4989.

Воспроизв., опис.: *Иванов. XV в. № 21; Орешников. С.128.*

177.(3) Прикладная черновосковая печать (келарская, келарь Савва).

В квадрате (5?)¹/₄-строчная надпись: "ПЕЧАТЬ СЕРГЕЕВА МОНАСТЫРЯ КЕЛАРЬСКА".

Сохранилась:

— при духовной грамоте Марии Копшиной, жены боярина Василия Борисовича Копшина (1478 г.) (вместе с двумя другими печатями) — АСЭИ.Л. № 457;

— при меновой грамоте, оформлявшей обмен владений Троице-Сергиева монастыря и вотчинника Александра Григорьевича Мисина (1474—1478 гг.) (вместе с печатью Мисина) — АСЭИ.Л. № 437;

— при купчей, оформлявшей покупку (выкуп) владений Дмитрием Васильевичем Шейным (Морозовым) у Троице-Сергиева монастыря (1484—1488 гг.) — АСЭИ.Л. № 509;

— судя по указанию в списке XVI в.: "а запечатали есмь сию грамоту: яз, келарь Сава, — печатью келарскою Сергиева монастыря...";

— имелась при разводной грамоте, оформлявшей межи владений Троице-Сергиева монастыря и Федора Бурцева (ок. 1471—1482 гг.) (вместе с печатью Федора Бурцева) — АСЭИ.Л. № 407.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Переяславль-Залесский. № 27/8751; Там же. Ростов. № 4/10541; ГБЛ. Муханова. № 69.

Воспроизв.: *Иванов. XV в. № 34.*

178.(4) Прикладная черновосковая печать.

4-строчная надпись: "ПЕЧАТЬ КЕЛАРЬСКАЯ СЕРГИВ... НАТЫРЯ".

Воспроизв., опис.: *Лакиер. Табл.VIII, рис.2; Орешников. С.128.*

179. "Казенная" печать Чудова монастыря — указана в списке XVI в.

Имелась при разъезжей грамоте казначея Чудова монастыря Логина и старца Тронце-Сергиева монастыря Маркела (1490—1495 гг.) — АСЭИ. № 555.

Фалелей,

монастырский слуга Московского Симонова монастыря

180. Прикладная светловосковая печать.

Изображение мужской бородатой головы в профиль, влево, головной убор в форме повязки. Круговая надпись: "ПЕЧАТЬ СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ ФАЛ".

Сохранилась при купчей грамоте, оформлявшей покупку земли архимандритом Симонова монастыря Антонием у вотчинника Ивана Стрелы (ок.1463 г.) — АСЭИ.П. № 379.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Дмитров. № 11/3723.

Воспроизв.: *Иванов*. XV в. № 29.

Поп Иван,

духовник кн. волоцкого Бориса Васильевича

181. Прикладная черновосковая печать.

Изображение и надпись не ясны (сцена терзания змеи?).

Имелась (в настоящее время остатки печати) при духовной грамоте кн. волоцкого Бориса Васильевича (1477 г.) — ДДГ. № 71.

Хран.: ЦГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. I. № 24.

Воспроизв.: СГГД. I. № 105.

Поп Фадей, белозерский

182. Прикладная темновосковая печать.

Изображение бегущего оленя, влево. Круговая надпись: "ПЕЧАТ ПОВОА ФАДЬЕВА".

Сохранилась при деловой (отводной) грамоте земле Кириллова Белозерского монастыря с землей попа Фадея (1485 г.) (вместе с печатью Федора-келаря) — АСЭИ.П. № 268.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 1/702.

Воспроизв., опис.: *Иванов*. XIV в. № 4; см. также указанный номер АСЭИ.

Федор (старый),

келарь Кириллова Белозерского монастыря

183. Прикладная темновосковая печать, изображение вдавлено внутрь.

Изображение птицы с распахнутыми крыльями и повернутой вправо головой. Круговая надпись: "ПЕЧ(АТЬ) ФЕДОРА СТАРЧА".

Сохранилась при деловой (отводной) грамоте земле Кириллова Белозерского монастыря с землей попа Фадея (1485 г.) (вместе с печатью попа Фадея) — АСЭИ.П. № 268.

Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 1/702.

Воспроизв., опис.: *Иванов*. XIV в. № 5; см. также описанный выше номер АСЭИ.

*Александр Русан,
чернец и старец Троице-Сергиева монастыря*

184. Прикладная черновосковская печать.
Изображение животного, поднявшегося на задние лапы (заяц?).
Круговая надпись: "ОЛЕКСАНДРА ПЕ...СТАРЧЯ (?) ПЕТРОВА".
Сохранилась при данной грамоте Александра Русана Симонову монастырю (1445—1453 гг.) — АСЭИ.П. № 344.
Хран.: ГИМ.ОПИ. Ф.17. Оп.2. Д.4 (№ 2).

Феогност, старец Троице-Сергиева монастыря

185. Прикладная (?) черновосковская печать "белетская" (так в списке) (мирская).
Имелась при раздельной детям старца Феогноста (ок.1480 г.) — АСЭИ.П. № 543.

*Дионисий Ханыков,
старец Владимирского Рождественского монастыря*

186. Прикладная черновосковская печать.
4-строчная надпись: "ПЕЧАТЬ СТАРЦА ДЕОНИС".
Сохранилась при данной грамоте старца Дионисия Ханыкова Владимирскому Рождественскому монастырю (1491/92 г.) — АСЭИ.П. № 90.
Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Владимир. № 1/1778.
Воспроизв., опис.: *Иванов*. XV в. № 9.

Фотий, старец Троице-Сергиева монастыря

187. Указана в списке XVI в.: "Запечатали... яз, старец Фотей, своей печатью".
Имелась при разъезжей грамоте землям Троице-Сергиева монастыря и Никиты Дмитриевича Лавровского (1495—1506 гг.) (вместе с печатью Лавровского) — АСЭИ.П. № 600.

*"Инокия" Евфросиния Семеновна
(урожд. Кушелева)*

188. Вислая односторонняя черновосковская печать.
Изображение скорпиона (?) Круговая надпись: "... АТЬ... ИН...".
Сохранилась при духовной грамоте Евфросинии (1454 г.) — АСЭИ.П. № 251.
Хран.: ЦГАДА. ГКЭ. Дмитров. № 6/226.

МОТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СФРАГИСТИКЕ

Эмблемам, их символическому смыслу в средние века придавалось огромное значение. Особая роль отводилась знакам, олицетворяющим понятие государства, верховную власть государя, идею его господства над подданными¹. Среди государственных символов первенствовали эмблемы, составляющие отличительный знак государства — государственный герб. Подбор эмблем государственного герба, определение их сочетания, пропорций, цветов относилось к компетенции высшей государственной власти. В целом государственный герб являлся важной составной частью института внешнего оформления верховной власти. При помощи эмблем он наглядно выражал идеи, господствующие в государственной политике в момент его установления, отражал ту или иную ориентацию правительства, внутригосударственные устремления, внешнеполитические замыслы.

Первое официальное описание русского государственного герба было сделано в 1667 г.²; согласно геральдическим канонам, с соответствующей атрибуцией, в определенную композицию включены эмблемы, которые уже выступали в качестве государственных, неизменно повторяясь на русских печатах, скреплявших внутригосударственные и международные документы в течение длительного времени начиная с XV в. Этими эмблемами являлись двуглавый орел и всадник, поражающий копьём дракона. История возникновения и выбора данных эмблем как символов Русского государства остается до сих пор недостаточно исследованной и привлекает внимание как советских, так и зарубежных исследователей³. Причина подобного интереса понятна: решение вопроса о государственной символике, расшифровка эмблем, составляющих отличительный знак Русского централизованного государства, наряду с исследованием таких компонентов внешнего оформления верховной власти, как государственная печать, титул и пр., откроет новые страницы в изучении русской политической истории.

Наиболее ранним известным памятником, донесшим сведения о первых русских государственных эмблемах, является двусторонняя красновосковая печать, привешенная к грамоте 1497 г.⁴ На лицевой стороне печати изображался всадник, поражающий копьём змея. Легенда: "Иоанъ б(о)жиею милостию господарь всея Руси и великий кн(я)зь". На оборотной стороне — двуглавый орел с распростертыми крыльями, на головах — короны. Легенда: "И велик княз влад. и мос. и нов. и пск. и тве. и уго. и вят. и пер. и бол."

Печати, скрепляющие грамоту 1497 г.

Первым обратил на нее внимание Н.М. Карамзин, отметив, что символика русского государственного герба ведет начало именно от данной печати⁵. По-видимому, это высказывание послужило одним из оснований для организации в 1897 г. широкой кампании по празднованию 400-летия русского государственного герба, освещения в печати его истории с разъяснением причин появления двух основных эмблем. В общих чертах излагалась следующая версия возникновения герба Русского государства: в результате брака Ивана III с племянницей последнего византийского императора Константина Палеолога Софьей (1472 г.) произошло слияние московского герба с гербом Византийской империи, в результате чего возник (в 1497 г.) герб Русского государства⁶. Данная версия основывалась на традиционном представлении о причинах и времени появления государственного герба.

В формировании этого представления значительную роль сыграл труд В.Н. Татищева. Как известно, Татищев увлекался геральдикой, составлением и описанием гербов. История государственного герба привлекла его особое внимание: "не бесполезно о гербе государственном от истории вспомнить, понеже оное есть многих обстоятельств доказательством и гражданской истории есть к знанию не безнужное"⁷. В связи с составлением истории российского государственного герба по разрешению Кабинет-министров он был допущен к работе в архивах Разрядном, Дворцовом и Коллегии иностранных дел. Татищев, по его словам, написал и представил сочинение о русском гербе, оставив у себя копию, но потерял ее и излагал в 45-й главе "Истории российской" содержание сочинения по памяти. Относительно государственного герба Татищев пишет здесь следующее: "Наших государей великих князей древнейший герб — всадник, т.е. воин на коне с саблею, как мы оный на старых деньгах находим... истории же ни при каком случаи о гер-

бе не вспоминают, потому неизвестно, когда и кем оной принят. ...Иоани Великий по наследию своєю княгини Софии, принцессы греческой, принял за государственный герб орел пластаный, с опущенными крыльями и двумя коронами над главами, который и сын его употреблял⁸. Татищев указывает далее, что о принятии Иваном III герба из Византии он прочитал "в старой Гистории Соловетского монастыря". Вероятно, в известной степени сомневаясь в достоверности излагаемой им версии, неоднократно подчеркивая, что наши "истории... о гербе не вспоминают", Татищев признавал за исследователями право разобраться в вопросе о русском государственном гербе: "о котором далее испытать оставляю более меня сведущим"⁹.

Довольно неопределенные факты лежат в основе записи, сделанной о русском гербе Петром I. Он, по-видимому, на основании какого-то письменного сообщения оставил следующее замечание о государственном гербе: "Сие имѣет начало свое оттуду, когда Владимир монархъ расииски свою имперію раздѣлил. 12. сынам своим, из которыхъ владимирския князи возимѣли себѣ сей гербъ. с. егория но потом, ц. Иван. Ва. когда монархію от дѣда его собраную пакки утвердил и короновался тогда орла за гербъ имперіи росиской принял, а княжской герб в груди оного поставих"¹⁰. Несмотря на явную легендарность сведений, используемых в записи, их неточность (в записи речь идет об Иване IV, именно при нем была создана композиция "всадник на груди двуглавого орла", между тем "орла за герб... принял" Иван III), в ней проводится мысль об исконности существования русской эмблемы — всадника, поражающего копьём дракона, который здесь назван св. Георгием. Об этом же упоминает и Г. К. Котошихин. Описывая печать с изображением всадника, поражающего копьём дракона, кстати, по мнению Котошихина, это "царь на копь побѣдилъ змія", он подчеркивает, что "то есть самая истинная Московского княженія печать"¹¹.

В XVI в. данное изображение принималось иностранцами за герб Московского государства. В западноевропейских изданиях XVI в. книги С. Герберштейна рядом с портретом Василия III, сидящего на троне, помещался гербовый щит с изображением всадника, поражающего копьём дракона¹². Всадник рисуется раздетым, иногда в виде Геркулеса в развевающемся плаще, часто в обычной одежде, без головного убора. На офорте А. Хиршфогеля 1546 г., где показан едущий в санях Герберштейн, изображены три герба стран, по которым тот путешествовал. Рядом с двумя другими гербами изображен обнаженный человек, поражающий копьём дракона, который символизирует Русское государство¹³. Имеется немецкая гравюра на дереве XVI в., где всадник в шлеме и воинском снаряжении, колющий дракона, ассоциируется с гербом великого князя московского (подпись: "Arma Magni Ducis Moschoviae")¹⁴. Еще одна разновидность данного сюжета — скачущий на коне рыцарь топчет поверженного, поднявшего вверх лапы дракона, — в качестве герба "Московии" фигурирует в европейском гербовнике XVI в.¹⁵. Таким образом, всадник, поражающий копьём дракона, — этот

сюжет тесно связывается современниками с Московским государством, широко известен в XVI — XVII вв., как его отличительный знак.

Вероятно, с легкой руки Герберштейна, написавшего, что он видел печать, привешенную к царской грамоте: “на передней стороне этой печати было изображение нагого человека, сидящего на коне без седла и поражающего копьём дракона”¹⁶, — при воспроизведении русского герба за рубежом всадник принимал такой легкомысленный вид. Другим источником, кстати, может быть, вызвавшим столь необычную ассоциацию у Герберштейна, служили русские монеты, где изображение скачущего всадника с саблей или копьём (на монетах, чеканенных до реформы 1534 г., означенной выпуском копеек, где изображен вполне определенный всадник в короне, развевающимся плаще, с занесенным для удара копьём, встречается сюжет “всадник, поражающий копьём дракона”)¹⁷ крайне расплывчато, мелко, так что иногда трудно определить, в какой он одежде, а на некоторых экземплярах одежда и вовсе не вырисовывается. По аналогии же с монетами многих западноевропейских стран, несущими изображение государственного герба, всадник на русских деньгах, естественно, мог восприниматься как герб государства, выпускавшего монеты.

Есть отдельные сведения, касающиеся восприятия русскими вышеназванных эмблем как государственных символов на раннем этапе существования последних. Иван III “всадника на коне изваял из белого камня в большом виде” и велел поместить на открытом возвышенном месте близ нынешних Спасских ворот¹⁸. Г. Штаден пишет о символическом изображении на воротах Опричного двора двуглавого черного орла с распростертыми крыльями, грудью повернутого в сторону земщины. Такой же орел помещался наверху на шпиге построек этого двора¹⁹.

Несмотря на скудость документальных известий о русских государственных эмблемах, почти полное отсутствие письменных свидетельств о становлении в качестве символов Русского суверенного государства тех или иных образов, у нас имеется важный источник — печати и монеты, которые в первую очередь служат носителями знаков государственной власти, фиксируют более или менее полно процесс появления и развития символов русской государственности.

Печать Ивана III, привешенная к грамоте 1497 г., впервые представила в едином комплексе две государственных эмблемы. В советской литературе давалась оценка самому факту ее появления, отмечалось, что последний находился в связи с другими актами “идеологической политики великокняжеской власти”²⁰. Думается, правомерно рассматривать начало практики применения общегосударственной печати в качестве действия, направленного на укрепление политического престижа Ивана III как государя суверенного государства, аналогичного по своей сути ряду мероприятий русского правительства, наблюдающихся в последней четверти XV в. и нашедших отражение в соответствующих моментах дипломатии (от-

вет Ивана III послу германского императора Николаю Поппелю, наказ русскому послу Юрию Траханиоту, отправленному к императору Священной Римской империи, и т.д.), придворного церемониала, выпуска золотых монет различных номиналов, усложнении и пышности титула, коронации в 1498 г. внука великого князя.

Вместе с тем представляется справедливым подход к эмблемам, изображенным на печати, как к своеобразным иллюстрациям идей официального порядка. В частности, в отечественной и зарубежной литературе давно уже утвердилось мнение, что изображение двуглавого орла на печати Ивана III являлось внешним выражением идеи преемственности власти московскими государями из Византии, иначе говоря, связывалось с теорией "Москва — третий Рим". Вследствие разработки советскими учеными вопросов идеологии Русского централизованного государства, выявления в качестве одной из основных историко-политических идей в конце XV в. теории, включающей историю России в контекст всемирно-исторического развития, несколько изменилось отношение к эмблеме двуглавого орла, которая стала рассматриваться как результат знакомства с оформлением государственной власти в других странах: в Византии²¹, в южнославянских государствах, где "наблюдалась византийская традиция оформления государственной власти"²².

Как в первом, так и во втором случае за исходное положение принималась мысль о причастности изображения двуглавого орла к атрибутам оформления государственной власти Византии, в первом случае обычно отмечалось, что двуглавый орел являлся гербом Византийской империи.

В работах некоторых западноевропейских ученых²³ недавнего времени снова поднимается вопрос о происхождении эмблемы двуглавого орла применительно к Русскому государству. В значительной степени этому способствовали специальные работы, досконально исследовавшие становление эмблемы, ее роль в качестве государственного знака в европейских странах. Выдвигая версию возникновения двуглавого орла на печати Ивана III благодаря его контактам с домом Габсбургов, указанные авторы тем самым ставят под сомнение правильность утверждения о заимствовании Русским государством одного из знаков государственной власти из Византии.

Подобная постановка вопроса не нова. Например, К.В. Базилевич сомневался в правильности существующего объяснения факта появления двуглавого орла на Руси в результате женитьбы Ивана III на племяннице последнего византийского императора. Он считал, что вопрос этот "по существу является более сложным, чем он представляется на первый взгляд"²⁴. Еще ранее Н.П. Лихачев, которого очень занимал вопрос о двуглавом орле на русских государственных печатях, высказывая свои сомнения в версии заимствования Иваном III государственной печати с двуглавым орлом из Византии, писал: "Если будет доказано положение, что Византия (так же как и Римская империя) не знала государственной печати и на печатях императоров не помещала геральдического двуглавого орла, станет

очевидно, что Московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, чего та не имела²⁵. В результате исследования печатей византийских императоров Лихачев пришел к выводу, что императорскую печать "все-таки нельзя признать государственной печатью в том смысле, как мы понимаем это в настоящее время. На ней не было никакой отличительной государственной эмблемы. Это была, как-никак, печать монарха, а не византийской монархии при том или другом императоре"²⁶. Выводы Лихачева подтвердили и другие исследователи византийской дипломатики и сфрагистики.

Наблюдения Лихачева относительно происхождения русской государственной печати дошли до нас, к сожалению, только в тезисном изложении²⁷. В данной работе он снова подчеркивал, что государственной печати, хотя бы династической, с эмблемой двуглавого орла в Византии не существовало. Печать с подобной эмблемой и надписью, свидетельствующей о ее общегосударственном значении, по мнению Лихачева, Иван III создал в 1489 г., причем непосредственную причину ее появления, а равно и составление государева титула он связывает с посольством императора Священной Римской империи в Москву. Объясняя далее основной мотив поведения Ивана III, Лихачев подчеркивает, что русский великий князь "хотел во всем равняться — в титулах, и в формулах грамот, и во внешности булл — цесарю и королю римскому".

Свидетельства о стремлении Ивана III поставить себя наравне с первым монархом Европы, которые донесли до нас документальные материалы о дипломатических сношениях Русского государства со Священной Римской империей, общеизвестны, они неоднократно вводились в оборот историками. Однако, признавая факт подражания, которое проявлялось вплоть до мелочей, например, если Максимилиан вместе с различными подарками посылал Софье попугая, то Иван III и Софья наряду с другими дарами в ответ посылали кречета²⁸, в то же время трудно согласиться с подобной персонализацией объекта подражания. На наш взгляд, факты свидетельствуют о подражании не конкретному государю, а западноевропейским монархам вообще: ведь и новый титул Ивана III приравнивал его сначала "к великому князю литовскому, а затем и к императорам Священной Римской империи"²⁹, отражая по своей идее западноевропейскую практику; церемониал приема послов проводился Иваном III на западноевропейский манер³⁰; по западноевропейскому образцу чеканены Иваном III золотые монеты — "реплики иностранных монет"³¹: по типу венгерского дуката и английского нобля, излюбленных монет Западной Европы; в литературных памятниках конца XV в. также обнаруживаются черты, свидетельствующие о восприятии образов и идей западноевропейского направления: в русском обществе распространяется "светская литература", книги, аналогичные западноевропейским³²; в публицистике отражается попытка связать происхождение русских государей с римскими императорами³³, а поскольку подобная традиция существовала и в других европейских странах³⁴, данная теория подчер-

кивала родство русского государя с правительствами западноевропейских держав.

Подавляющее большинство всех отмеченных явлений приходится на 80-90-е годы XV в. В этот же период предположительно была изготовлена и государственная печать³⁵. Естественно допустить, что последняя явилась отражением идей, обуславливающих и прочие нововведения, идей, которые главенствовали в этот период в государственной политике Ивана III.

В настоящее время благодаря трудам советских историков и литературоведов (Л.В. Черепнина, А.А. Зими́на, М.А. Алпатов, Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье, Р.П. Дмитриевой) нарисована общая картина развития идей русской государственности периода централизации. И тем не менее данная проблематика остается в поле зрения исследователей, которые находят новые аргументы для обоснования времени и обстоятельств создания тех или иных письменных памятников, содержащих общественно-политические идеи, предлагают новую интерпретацию уже известных произведений, при помощи тщательного текстологического анализа источников конкретизируют их политическую направленность и пр.³⁶

Имеющаяся в литературе тенденция к уточнению существенных деталей развития общественно-политических идей конца XV в. обуславливает привлечение в качестве объекта исследования малоизученных в этом плане памятников, воплощающих в наглядной форме официальные идеи. К числу подобных памятников прежде всего следует отнести первую русскую государственную печать.

Печать предполагается рассмотреть в двух аспектах: ее иконографии и с точки зрения возникновения данного типа печати (общегосударственная — по идее, вислая двусторонняя — по форме). Вопреки существующим правилам рассмотрения данного типа памятников, не в силу традиционного акцента, обратимся сначала к изображению двуглавого орла. Исследование этой эмблемы предпринималось еще в XIX в.³⁷, вопрос оживленно дискутировался в начале XX в., казалось бы, досконально его разработал А.В. Соловьев³⁸, однако эмблема до сих пор находится в поле зрения ученых³⁹. Наиболее полную картину существования и использования изображения двуглавого орла развертывает перед нами Соловьев. Коротко его выводы можно свести к следующему: двуглавый орел имеет восточное происхождение (встречается на цилиндрических печатях Халдеи, барельефах Каппадокии); к концу XI в. он превращается в восточный орнамент, употребляемый преимущественно на тканях, и с этого времени становится известен в Византии; при последних Комнинах двуглавый орел — знак императорского двора; одежды из тканей с изображением двуглавого орла носят первые сановники, но двуглавый орел не является гербом Византии, так как Византия в это время не знала гербов; через Византию эмблема двуглавого орла попала в Сербию, Болгарию, Румынию, Албанию, в Галицко-Волынское княжество, в Германию, Нидерланды, Савойю; при Палеологах к 1327 г. складывается настоящий византийский герб — крест, образованный четырьмя буквами "B".

Схему Соловьева уточняют некоторые исследователи, подчеркивая, что в Византии двуглавый орел оставался формой украшения, орнамента, причем даже в этом качестве он утвердился лишь в первой половине XIV в., тогда как в западноевропейских странах двуглавый орел превращается в знак господствующей власти, ибо используется на монетах, печатах правителей начиная с XIII в.⁴⁰, получив в Европе широкое распространение⁴¹. В это время он появляется на монетах Палермо, Нидерландов, Савойи, в XIV в. — на монетах Бертрана III Красивого во Франции, на монетах архимандритов Кёльна, Майнца, Трира, на печатах ряда имперских городов, на печатах Вацлава IV (1378-1419), чешского короля.

Пример Западной Европы, употребляющей изображение двуглавого орла в качестве знака верховной власти, не прошел бесследно для южноевропейских стран. Несмотря на то что современные исследователи высказывают сомнение в существовании института герба у южных славян, становлению которого помешало турецкое иго⁴², тем не менее они отмечают отдельные попытки употребления гербов в государственной практике. Так, при Стефане Душане⁴³ якобы появился сербский герб, напоминающий государственный византийский, возникший в первой трети XIV в. Есть предположение, что двуглавый орел получает геральдическое значение в начале XV в. при деспоте Стефане Лазаревиче⁴⁴. Традиция связала двуглавого орла с Неманичами, и эта эмблема вошла в историю как символ сербской государственности⁴⁵.

Двуглавого орла можно встретить на многих болгарских монетах⁴⁶, на печати Скандербега Георга Кастриоти (1405-1468)⁴⁷.

Относительно государственного герба Византии, будто бы появившегося в результате знакомства с европейской геральдической практикой, в противовес утверждению А.В. Соловьева высказывается мнение, что ни о каком государственном гербе Византии речь вообще идти не может⁴⁸. Однако споры по поводу существования государственного герба Византии не влияют на утвердившееся в современной западноевропейской литературе убеждение, что двуглавый орел не являлся государственной эмблемой Византии, т.е. не имел отношений к внешнему оформлению верховной власти, как это было во многих странах Западной Европы и в Русском государстве. Основанием для такого утверждения служит отсутствие двуглавого орла как государственного знака на монетах, печатах, надгробиях, на щитах или одежде императорской охраны. Однако категорически отрицая использование двуглавого орла как знака власти византийских императоров, исследователи признают возможность какого-то использования данной эмблемы, например, морейскими деспотами, один из которых был отцом будущей супруги Ивана III⁴⁹. Сходство иконографического типа этого орла с изображением, помещенным на печати Ивана III (во всяком случае, это сходство больше, чем с габсбургским орлом), позволяет предположить, что он является прототипом фигуры первой русской государственной печати⁵⁰.

Существующее в литературе объяснение символики этой эм-

блемы: знак одновременности правления двух императоров³¹, знак притязания на два государства, или претензий на императорский трон³², наконец, объявление орла, а вместе с тем и двуглавого орла символом, олицетворяющим идею всемирной империи³³, — не противоречит факту широкой популярности эмблемы двуглавого орла во многих странах Европы. Где-то двуглавый орел приходит на смену одноглавому — “римскому орлу”, иногда обе эмблемы сосуществуют, например, на печатях Фридриха III изображались и одноглавый, и двуглавый орлы³⁴. Одноглавый орел как гербовая фигура существовал в Священной Римской империи, несмотря на то что двуглавый орел принимается в качестве герба немецким императором Сигизмундом. Однако, видимо, в определенный период устанавливается четко фиксированное различие между одноглавым орлом как королевским гербом и двуглавым как императорским³⁵.

*Печать с двуглавым орлом
Скандербега Георга Кастриоти
(1405-1468)*

На фоне широкого бытования в Европе эмблемы двуглавого орла появление его на печати Русского государства не представляется каким-то исключительным фактом. Кроме того, имеются основания предполагать, что знакомство Руси с двуглавым орлом произошло еще до создания печати. Исследователь древнейших русских монет А.В. Орешников писал, что “нечто подобное двуглавному существу, с первого взгляда похожее на орла”, встречается на русских монетах XIV в.³⁶ В известном каталоге древнерусских монет Орешников, однако, указывает вполне определенные типы русских монет, несущих изображение двуглавого орла. Это деньги тверского князя Михаила Борисовича (1461-1486), пулы московских князей Василия II и Ивана III, новгородские пулы, чеканенные, по предположению Орешникова, при Иване III после 1478 г.³⁷, а также псковские³⁸.

Явилась ли чеканка русских монет с двуглавым орлом результатом влияния южнославянских стран³⁹, где хорошо была известна эмблема двуглавого орла в качестве знака верховной власти? Думается, что допустить такую возможность мы имеем все основания, ибо известно, какое большое влияние на русскую литературу, иконопись, миниатюру и другие стороны русской культурной и общественной жизни оказали южные славяне в течение второй половины XIV — первой половины XV в.

Однако в качестве государственного символа двуглавый орел принимается Иваном III лишь на пороге или в течение последнего

десятилетия XV в. При объяснении этого факта, несомненно, заслуживает внимания точка зрения Г. Алефа, который подчеркивал, что двуглавый орел вряд ли бы стал эмблемой на печати Ивана III, если бы последний не знал, что подобная эмблема "идентифицирует высокое положение западных императоров". В трактовке Алефа, который решительно отвергает мысль о простом копировании Иваном III печати императоров Священной Римской империи, изображение на печати Русского государства двуглавого орла свидетельствует о желании "Москвы выразить равенство с западными странами, особенно с императорским домом Габсбургов"⁶⁰. Подобная версия убедительна, тем более сам принцип оформления верховной власти при помощи данной эмблемы был к этому времени известен на Руси, но на великокняжеской печати эмблема не использовалась.

Тем не менее нам кажется, что акцент надо делать не на факте знакомства с делопроизводством канцелярии Габсбургов, а на зависимости от официальной доктрины, которая была создана и повлияла на утверждение иконографии общегосударственного знака власти.

Западноевропейские монархи, основывающие свою власть на концепции мировой истории, зафиксированной хронистами, считали себя потомками римских императоров (подобный подход к обоснованию власти был характерен не только для германских императоров, но и для других, пусть фиктивных и недолговечных политических объединений в Европе⁶¹). В процессе утверждения этой концепции, ее совершенствования и детализации возник и символ императорской власти в виде двуглавого орла⁶² и ко второй половине XV в., судя по государственным печатям, утвердился в качестве герба Священной Римской империи.

Теория происхождения русских государей от императора Августа, по мнению ряда советских исследователей, оформилась в начале XVI в. Однако символическое выражение этой теории (вышеприведенные данные, нам кажется, могут свидетельствовать в пользу общеевропейской значимости двуглавого орла как знака высшей власти) существовало уже в Русском государстве в XV в. В этой связи представляется исключительно заслуживающей внимания точка зрения тех ученых, которые считают, что уже в XV в. существовало или существовали литературные произведения политического характера, обосновывавшие родство русских князей с римскими императорами⁶³. Литературное оформление идеи высокого происхождения русского государя, равенства его по рождению с западноевропейскими правителями, и прежде всего с первым монархом Европы — императором Священной Римской империи, вероятно, вызвало ассоциацию с определенной эмблемой, выражающей знатность происхождения. Так двуглавый орел был помещен на русскую государственную печать — атрибут верховной власти и наиболее эффектное место для размещения эмблемы этой власти. Следовательно, в данном случае двуглавый орел, по-видимому, должен был указывать на происхождение власти великого князя. По

сути дела, он отражает тенденцию к созданию доказательств, обосновывающих власть русского государя. Выступающий в этом качестве двуглавый орел вряд ли мог соответствовать византийской традиции оформления государственной власти, ибо подобной традиции там не было. О западноевропейском принципе оформления власти свидетельствует и тип печати.

Сюжет лицевой стороны печати — всадник, поражающий копьём дракона, — не является настолько популярным, как предыдущий. В современной советской литературе данная эмблема обычно трактуется как символическое изображение русского воина, защищающего родную землю от врагов⁶⁴. Подобная формулировка вносит значительный элемент случайности в подбор важной государственной эмблемы и, естественно, никак не может объяснить причину ее появления на государственной печати. Между тем в той же самой степени, как и эмблема оборотной стороны, сюжет лицевой стороны печати Ивана III неслучаен.

В.Л. Янин убедительно доказал, что геральдическая эмблема лицевой стороны государственной печати Ивана III является результатом развития сфрагистической композиции русских княжеских печатей. На Руси до Ивана III употреблялись личные княжеские печати. Для последних с начала XV в. типично использование светского сюжета вместо прежнего патронального изображения, свойственного византийским печатям. В качестве изображения на печатях многих русских князей, и в том числе московских великих князей, в XV в. утверждается вооруженный всадник⁶⁵. Тенденция изображения всадника на русских княжеских печатях наблюдается с XIII в. Символизированный портрет самого князя, изображаемый в виде всадника на некоторых вариантах великокняжеской печати Александра Невского, сокольник на печатях князя Юрия Даниловича, одного из первых московских князей, — это факты, свидетельствующие о стремлении “заменить чисто духовные сюжеты иными сюжетами, не лишенными символики светской власти”⁶⁶.

Изображение вооруженного всадника типично в XIII — XIV вв. и для княжеских печатей Западной Европы⁶⁷. В Восточной Европе оно имеет место в это же время. Вооруженного всадника можно встретить на печатях и монетах литовских князей, на польских печатях⁶⁸. Нередко вооруженный всадник встречается на оборотной стороне больших королевских печатей⁶⁹.

Утверждение в русской, в частности в московской, сфрагистике образа вооруженного всадника, представляющего собой персонафицированное изображение князя, взаимосвязано со становлением именно в Московском великом княжестве специфического сюжета — всадника, поражающего копьём дракона. Преемственность в развитии этого сюжета четко прослеживается на монетах. Связь между русскими монетами так называемого удельного периода и княжескими печатями очевидна, на нее неоднократно указывали исследователи⁷⁰.

Среди изображений, встречающихся на русских монетах конца XIV — XV вв., широко бытует всадник с копьём, мечом, соколом.

Монеты с подобными сюжетами чеканили великие князья Твери и Москвы, а также князья прилегающих к этим городам уделов (в княжествах: Городенском, Кашиинском, Галицком, Серпуховском, Можайском, Верейском, Дмитровском)⁷¹. В конце XIV — начале XV в. среди всей массы монет с изображением всадника в Московском великом княжестве появляется группа экземпляров, на которых всадник, держащий в руках копьё, поражает им предмет, лежащий под ногами коня; голову дракона, самого дракона. Интересен вариант, показывающий, вероятно, становление данного типа изображения: всадник держит острием вниз копьё, под ногами коня — тамга (плетенка)⁷². Постепенно всадник на московских монетах приобретает детали, максимально приближающие его к фигуре, изображенной на лицевой стороне печати 1497 г.: развевающийся плащ, копьё пронзает извивающегося дракона. К концу княжения Василия Дмитриевича число монет с изображением всадника возрастает⁷³. Однако, судя по данным свода Орешникова, значительное распространение данный сюжет получает в правление вел.кн.Василия Васильевича, переходя затем на монеты Ивана III, где ему отдается, как считает И.Г. Спасский, предпочтение⁷⁴.

Близость иконографического типа лицевой стороны печати образу Георгия-змееборца в глазах потомков (начиная с XVIII в.) способствовала объединению этих двух фигур в одно целое, хотя в XVI — XVII вв. многочисленные документы зафиксировали вполне определенное толкование всадника, поражающего дракона, как великого князя или царя⁷⁵.

Вопросы распространения культа Георгия на Руси, развитие иконографии этого святого, идейного содержания образа, а также историография темы обстоятельнейшим образом разработаны в исследованиях В.Н. Лазарева и М.В. Алпатова⁷⁶, и в данной работе нет смысла подробно на них останавливаться. Отмечу лишь, что культ Георгия проник из Византии в Киевскую Русь уже в X в. и получил в дальнейшем самое широкое распространение.

В соответствии с идейным содержанием образа менялась его иконография. Исследователи отмечают, что в XIV — XV вв. в изобразительном искусстве Руси преобладал тип Георгия-змееборца. Он сложился в результате проникновения этого культа из княжеской среды, где преимущественно св. Георгий выступал как покровитель князей, особенно в военных предприятиях последних, и изображался в виде стоящего воина с копьём и щитом или с копьём и мечом, в широкую общественную среду. Здесь происходит идейная трансформация образа Георгия, который превратился в доблестного воина, храброго рыцаря, защитника от зла. Подобная трансформация произошла в тесной взаимосвязи с литературным обликом Георгия-змееборца, на создание которого, как считают ученые⁷⁷, оказали влияние мотивы устного народного творчества, былинные сюжеты о богатырях, защитниках русской земли от всякой нечисти.

Поэтому не случайным является возникновение художественного образа всадника Георгия, борющегося со змеем, решительно вы-

тесняющего с XIII в. в изобразительном искусстве предшествующий тип пешего Георгия-воина⁷⁹. Интересно, что, продолжая выполнять роль покровителя князей, Георгий предстает уже в форме, широко распространенной в XIV—XV вв., — в образе Георгия-змеборца. Об этом свидетельствует изображение Георгия, убивающего дракона, на подпisanной княжеской чаше сына Дмитрия Донского Юрия Дмитриевича⁸⁰.

В обстановке широкого распространения и популярности культа Георгия как заступника и защитника, своеобразного народного героя, московские князья не могли не использовать этот образ в качестве своего союзника и покровителя, способствующего поднятию их авторитета⁸¹. Вероятно, в этом качестве Георгий-змеборец был близок и московским князьям, тем более что традиция прочно связывала образ Георгия-воина с основателем Москвы князем Юрием Долгоруким, необычайно почитавшим Георгия, что выразилось в строительстве церкви и основании городов его имени⁸².

Почитание Георгия московскими князьями могло также основываться на идее преемственности власти московских князей — через владимирских — от киевских, покровителем которых выступал Георгий-воин⁸³. Эта теория, обосновывающая политику московских великих князей, отражающая их древнее происхождение, формируется в конце XIV в. и на протяжении всего XV в. остается одной из основных политических теорий Русского государства⁸⁴. Формирование данной государственной идеи сопровождалось ростом интереса к истории Руси домонгольского периода, к ее архитектуре, живописи, литературе, политике⁸⁵. Естественно, что в этот комплекс включались и покровители овеянных героическими подвигами русских князей. С другой стороны, в официальной литературе XV в. все явственнее проступает тенденция утверждения исключительности Москвы⁸⁶, которая, вероятно, должна была обусловить и исключительность покровительства московских князей теми святыми, которые покровительствовали князьям-воинам Киева и Владимира. Этим объясняется, на наш взгляд, особое пристрастие московских князей к Георгию-воину. Поскольку наиболее распространенным в указанный период был иконографический тип Георгия-воина в образе Георгия-змеборца, в подобной форме воспринимали московские князья своего покровителя, который, повторяю, в значительной степени обладал чертами чисто светской символики — интерпретировался как герой, защищающий добро от зла. Московские князья переносили на себя не только деяния Георгия-воина, но и его внешний вид, обличье, в котором фигурировал Георгий-воин. Поэтому на московских монетах великий князь так часто изображался в виде всадника, поражающего копьём дракона (без нимба); для большей убедительности изображение сопровождалось буквами “к”, “к-н” — “князь”. Тот же всадник украшал металлические печати Ивана III⁸⁶.

Таким образом, эмблема, представляющая собой всадника, поражающего копьём дракона, в XV в. прочно закрепляется за московскими князьями. Интересно в этой связи упомянуть отмеченный

еще Орешниковым факт: галицкие князья Юрий Дмитриевич (1398—1434) и Дмитрий Юрьевич Шемяка (1434—1458) титулуются великими на монетах, которые они чеканили, захватив Москву. На этих же монетах появляется изображение всадника, поражающего копьём дракона⁸⁷. Утверждению данной эмблемы в качестве знака политической власти во многом, вероятно, способствовало ее свойство показывать преемственность власти московских князей от владимирских и киевских и тем самым символизировать исконность, древность их происхождения.

Итак, изображение вооруженного всадника на печати Ивана III продолжает традицию предшествующих ей печатей русских князей, прежде всего московских великих князей; в то же время изображение вооруженного всадника, характерное для княжеских печатей западноевропейских стран этого периода, делает ее типичной в общеевропейском масштабе.

Сама идея единой государственной печати по происхождению не византийская. В Византии существовали личные императорские печати, скреплявшие личную подпись императора (см. об этом в гл. II).

Никто из авторов, изучавших документы Византии, печати, привешенные или приложенные к этим документам, не сообщает об императорских печатях с изображением двуглавого орла, тем более о красновосковых двусторонних печатях, идентичных русской государственной печати Ивана III. Подобные печати в Западной Европе носили название *Munzsiegel, Doppelsiegel*. В литературе им дается следующее определение: печать (восковая) круглая, у которой лицевая и оборотная стороны оттиснуты одинаковыми по размерам штемпелями⁸⁸. Эти печати с двусторонним изображением (выдвигается версия, по которой возникновение двусторонней печати обусловливается предохранительной мерой против подделки) появились в X—XI вв. в Италии, а затем с середины XI в. известны в Англии и других европейских государствах, в XIII в. — в Польше⁸⁹.

Печать Ивана III по сравнению с прежними княжескими печатями, существовавшими на Руси, а также по сравнению с византийскими печатями императоров является новой прежде всего по смыслу и по идее. Если говорить о типе, то тип двусторонней печати (металлические печати) был характерен для русских князей. Создав свою государственную печать, традиционную по типу (вислая, двусторонняя), с традиционным изображением вооруженного всадника, благодаря новой форме титула, помещению эмблемы двуглавого орла, наконец, оттиску на воске Иван III приравнял ее тем самым к печатям западноевропейским. Эмблемы, символизирующие Русское государство, в силу их распространенности в Европе и известной специфики использования служили прекрасной "рекламой" новому государству, отражая идею равенства его с другими европейскими государствами и выражая политические устремления московского правительства в общеевропейском масштабе.

В то же время нельзя не отметить, что создание печати с символикой, соответствующей концепции официального характера, а именно концепции происхождения власти, символикой, выражаю-

щей, с одной стороны, древность, а с другой — знатность происхождения русского государя, отвечало политическим потребностям дня. Думается, что создание государственной печати с определенными эмблемами должно было служить неопровержимым доказательством права Ивана III на царский титул, т.е. это была политическая акция, аналогичная венчанию на великое княжение Дмитрия, внука Ивана III, в котором последний выступал в роли императора. Таким образом, эмблемы, занявшие прочное место на государственной печати Ивана III и составившие основу российского государственного герба, в начальный период существования Русского централизованного государства сыграли важную роль в борьбе за утверждение русской государственности.

В последующих сфрагистических памятниках государственная символика получает соответствующее "политическое насыщение".

С точки зрения государственной символики большой интерес представляет печать Ивана IV, на которой, кроме обычных для печатей его отца и деда эмблем — двуглавого орла и всадника, поражающего копьём дракона, имеется целый комплекс новых, ранее не встречаемых на печатях и монетах изображений.

Немецкий ученый Г. Штёкль впервые попытался интерпретировать данную печать как памятник, отражающий существующие политические идеи, а точнее — концепцию государственной власти, провозглашаемую Иваном IV при помощи соответствующих символов⁹⁰. В плане выяснения взглядов Ивана IV на власть и государство, по мнению Штёкля, печать не уступает по своему значению знаменитой полемической переписке царя с Курбским. Автор подверг тщательному анализу основные изобразительные компоненты печати (двуглавого орла, всадника, поражающего копьём дракона, единорога, крест, 24 эмблемы, окружающие центральную фигуру), выдвинув в ряде случаев убедительные аргументы в пользу предлагаемой им трактовки того или иного изображения. Вместе с тем Штёкль не объяснил принципа формирования иконографической композиции печати и, таким образом, не дал достаточно четкого ответа на вопрос, какие конкретно государственные идеи отразились в ее символике.

Методическая непоследовательность автора, которая, с одной стороны, привела к выводу о случайном характере отдельных элементов композиции, с другой — к определенной изолированности при рассмотрении сюжетики эмблем (несоотнесение их с титулом царя, с письменными свидетельствами и т.д.), делает, в частности, малоубедительной предлагаемую Штёклем датировку памятника. Определение же времени изготовления печати очень важно, ибо позволяет связать ее с конкретными историческими событиями, поставить вопрос о литературной основе сюжета композиции или обнаружить близкие по хронологии письменные свидетельства. На них, в свою очередь, можно опереться при расшифровке эмблем и объяснении иносказательного языка печати. Вопрос о датировке данного памятника приобретает, таким образом, первостепенное значение.

Согласно подписи под рисунком, изображающим лицевую и обратную сторону печати, помещенном в издании "Снимки древних русских печатей"⁹¹, она скрепляла русско-шведские трактаты 1583—1584 гг. Штёкль уточнил датировку документов. По сведениям из Стокгольмского архива, полученным им, печать была привешена: 1) к грамоте, подтверждающей полномочия русских послов (май 1583 г.), которые должны были подписать перемирный договор 10 августа 1583 г. со Швецией; 2) к письму царя шведскому королю, также датируемому 1583 г.⁹² Однако Штёкль отмечает, что печать могла появиться раньше этого времени. Подробное суждение уже высказывалось в отечественной литературе⁹³. Сразу отмечу, что оно правильно, так как аналогичные печати скрепляли два документа 1578 г. из Копенгагенского архива. Подобное описание этих печатей сделано Ю.Н. Шербачевым⁹⁴. К перемирному договору от 28 августа 1578 г. Ивана IV и датского короля Фредерика II привешена большая красновосковая печать (11,2 см в диаметре), иконография которой идентична той, что привешена к документам, хранящимся в Стокгольме. К верительной грамоте русским послам, также датированной 28 августа 1578 г., приложена печать, оттиснутая штемпелем лицевой стороны большой печати⁹⁵.

За отправной момент при датировании печати Штёкль принимает наличие среди 24 эмблем, окружающих центральную фигуру, полоцкой и соотносит этот факт с присоединением в 1563 г. Полоцка к Русскому государству⁹⁶. Дополнительным аргументом служит форма креста, появление которой он связывает с деятельностью Макария. Справедливо отмечая, что крест подобной формы имеется на печати юрьевского наместника 1564 г., Штёкль предлагает датировать большую печать 1563-1564 гг. Им не учитывается, однако, сообщение официальной летописи о создании по приказанию царя комплекса печатей. 3 февраля 1561 г. "учинена" новая государственная печать — "орел двоеглавной, а среди его человекъ на конь, а на другой сторонъ орел же двоеглавной, а среди его иньрогъ"⁹⁷, в августе 1564 г. царь "повелел зделати" печать для юрьевского наместника, "а на печати клейно: орель двоеглавный, а у орла у правые ноги гербъ печать маистра Ливоньского, а у лвые ноги гербъ печать Юрьевского бискупа"⁹⁸; 1 сентября 1565 г. царь приказал сделать печать для новгородских наместников, "а на ней клейно: мьсто, а на мьсте посохъ, а у мьста съ сторону медвѣдь, а з другую сторону рысь, а подь мьстомъ рыба"⁹⁹. Оговаривалось, что предпоследнюю печатью "грамоты перемирные съ Свѣйскимъ королемъ печатати и грамоты в ыные государства печатати", а последнюю — "грамоты перемирные съ Свѣйскимъ королемъ... и грамоты цосылные печатати о порубежныхъ и о всякихъ дѣлехъ ко Свѣйскому королю". Первой из названных печатей скреплены многие документы международного характера¹⁰⁰.

В летописи не только отмечается сам факт создания этих печатей, но и дается подробное описание изображения и композиции. Учитывая личное участие Ивана IV во многих мероприятиях по оформлению истории его деяний и даже в выборе сюжетов изобра-

*Государственная печать Ивана IV.
XVI в. Лицевая и оборотная стороны*

зительного искусства¹⁰¹, можно утверждать, что и в символике печатей нашли отражение образ мыслей и воззрения самого царя. При подобном серьезном отношении к изготовлению печати, используемой в международной документации, трудно себе представить, чтобы в официальной летописи не был зафиксирован факт создания более крупной (11,2 см в диаметре) и более сложной по композиции, чем все предыдущие, печати. Единственное объяснение — ее “утичили” после 1567 г. В 1567 г., как известно, обрывается официальное летописание¹⁰². Появление композиции, использованной в новгородском клейме большой государственной печати, в 1565 г. также может свидетельствовать в пользу изготовления последней не перед, а вслед за этой датой. Таким образом, хронологические рамки возникновения исследуемого памятника ограничиваются 1567-1578 г. В указанное время с уверенностью можно говорить о существовании следующих эмблем: двуглавого орла, всадника, поражающего копьём дракона, единорога, 8-конечного креста. Эти эмблемы исследованы в книге Штёкля, а также в ряде других работ¹⁰³. Историки отмечают многовековое (ко времени Ивана IV) существование эмблем двуглавого орла и всадника, поражающего копьём дракона. Единорог в качестве государственной эмблемы известен уже при Иване III, но еще в XIX в. он использовался на Руси как сюжет изобразительного искусства¹⁰⁴. Композиция, аналогичная центральной фигуре печати, известна в 1561 г. 24 эмблемы, расположенные вокруг двуглавого орла, называют обычно гербами городов, хотя подписи, окружающие их, свидетельствуют, что изображены печати, и не городов, а земель, областей, княжеств, царств. Когда появились печати с подобными эмблемами? В отечественной литературе бытует мнение об их древности, особенно это подчеркивается в отношении Новгорода и Пскова.

Эмблемы новгородской печати [точнее — “вечевая степень” с лежащим на ней жезлом (посохом)] рассматривались в дореволюционной и советской литературе как символы Новгородской республики, известные в XV в.

Н.Г. Порфиридов убедительно доказал, что печати с данными эмблемами принадлежали не Новгороду периода независимости, а новгородским воеводам, назначаемым в Москве, в конце XVI—XVII в. Это были “государевы” печати. Относительно якобы “республиканских” эмблем Новгорода Порфиридов заключает, что степень и жезл (посох) не являются узкоместными новгородскими эмблемами. “В древнерусской символике, — пишет автор, — они искони были символами и эмблемами власти вообще, в первую очередь княжеской и царской”¹⁰⁵. Таким образом, появившаяся в 1565 г., зафиксированная несколько позднее в большой государственной печати, данная эмблема затем могла продолжать существование в качестве изображения на печатях новгородских воевод. Псковская печать с изображением “барса” и с надписью “печать господарства Псковского”, по утверждению Лакиера, “рано образовалась”¹⁰⁶. Н.П. Лихачев показал, что данные псковские печати от-

носятся к XVI в.¹⁰⁷ Он идентифицировал псковского “барса” с новгородским “лютым зверем”, как теперь принято считать, — львом¹⁰⁸. Н.П. Лихачев, подмечая условность названия зверя, изображенного на псковских печатах, барсом, пишет, что “ни в Новгороде, ни в Пскове не было знатоков геральдики, которые соображали бы с правилами западноевропейской геральдики, составляя рисунок для монеты или печати. Изображение “лютого зверя” имеет некоторую историю, а печать с “барсом” сама по себе явление позднее”. Наряду с новгородской и псковской печатами к числу известных в XVI в. относится также казанская. Однако еще Лакиер писал, что она была получена Казанью от русского правительства¹⁰⁹. Известно, что в употреблении у казанских воевод печать с изображением коронованного дракона зафиксирована в 1596, 1637, 1693 гг.¹¹⁰

Таким образом, пока нет достаточных оснований считать, что печати названных территорий, за исключением новгородской, а также и остальных русских областей и княжеств, реально существовали к моменту создания данного варианта государственной печати. Скорее, истоки земельных эмблем (тех из них, которые впоследствии утвердились в подобном качестве) следует искать в художественных образах большой печати.

Что касается “печатей” западных областей, то именно они, на наш взгляд, могут уточнить дату появления необычного сфрагистического памятника. Наличие “печати Полоцкой”¹¹¹ может дать не только самую раннюю дату печати — 1563 г., но и самую позднюю — 1579 г. (год захвата Полоцка Стефаном Баторием). Земли Лифляндские” представлены тремя “печатами”. Штёкль привел убедительные факты несоответствия их изображений подлинным печатам¹¹² и на этом основании сделал вывод о случайном добавлении эмблем к имеющемуся уже “гербовому титулу”.

Сочетание “неслучайных” (Полоцк) и случайных элементов в таком памятнике правового характера, каким является государственная печать, представляется сомнительным. Титулатура царя в грамотах, отправленных за рубеж, и в печатах, скреплявших международные договоры, обычно фиксирует его новые владения¹¹³. На предшествующей печати, “Вишлянская земля” обозначалась иными эмблемами. Последние соответствовали реальным печатам, по отношению к которым имеются все основания считать, что они в это время могли быть в руках русских¹¹⁴. Из-за отсутствия подлинных печатей за образец могли приниматься монетные изображения¹¹⁵. Яркий пример — изображение шиллинга рижского архиепископства, использованное для эмблемы “печати архиепископа рижского”¹¹⁶. Однако не с монетным изображением¹¹⁷, а с печатью города Вендена¹¹⁸ знакомит эмблема, вокруг которой имеется надпись: “печать города Ревале”. Эта надпись иная на экземпляре, описанном Ю.Н. Щербачевым: здесь она выглядит как “печать города Кеси”¹¹⁹ (Венден). Таким образом, надпись соответствует эмблеме города, который был взят русскими в начале сентября 1577 г. и отбит у них польско-литовскими и шведскими отрядами 21 октября 1578 г.¹²⁰ Третья эмблема идентична личной печати Фюрстенберга;

как известно попавшего в 1560 г. в русский плен и умершего там в 1567 г.¹²¹

Итак, 1577 год — наиболее вероятная дата создания большой государственной печати. В 1578 г. она скрепляла уже договор с Данией¹²².

Указанная датировка может объяснить и причину присутствия здесь двух клейм, обозначающих Ригу и Ревель (или только Ригу на печати 1578 г.). В этот год Иван IV находился на вершине своей военной славы. Россия обладала после взятия Вендена всей Ливонией, кроме Риги и Ревеля, и надежды на присоединение их к Русскому государству летом и осенью 1577 г. были вполне реальны¹²³. В Европе распространились даже слухи о занятии Риги и Ревеля русскими войсками¹²⁴. Чувство долгожданного успеха, вдохновившее царя на написание целого ряда победных посланий¹²⁵, где он, в частности, акцентировал внимание на незаконности владения Швецией Ревелем¹²⁶ и исконности своих прав на всю Ливонию, а также Ригу¹²⁷, могло явиться побудительным мотивом для создания новой государственной печати, в эмблемах которой нашли отражение подлинные завоевания и оптимистические ожидания Ивана IV, казавшиеся на фоне замечательных военных побед также вполне реальными.

Обосновывая дату возникновения печати, однако, нельзя забывать, что она скрепляла и русско-шведские документы, относящиеся к периоду утраты завоеваний Ивана IV в Ливонии. История споров о прибалтийских землях между Россией, Польшей, Швецией, в которые были включены и вопросы титула, государственной печати и герба, раскрывает смысл кажущегося курьезным факта. Иван IV упорно боролся с польскими королями за то, чтобы в титуле он назывался ливонским владетелем. Польская сторона оказала противодействие сразу же, как только в 1559 г. русский царь назвал себя в грамоте “государем Ливонския земли града Юрьева”¹²⁸. С этого времени на протяжении почти четверти века русская и польская дипломатия не выпускала из виду момент, связанный с присутствием или исключением из титула эпитета “Лифляндский”. Польские послы получили инструкцию не называть Ивана IV “ливонским” даже в начале 1578 г.¹²⁹ Иван IV с трудом согласился в 1580 г., чтобы “обоим государям писаться Лифляндскими”¹³⁰. При заключении перемирия в 1582 г. в Яме-Запольском, несмотря на большие старания русских послов, им не удалось добиться написания своего государя в перемирной грамоте ливонским владетелем¹³¹. И тем не менее Иван IV, готовясь к возобновлению борьбы за Прибалтику, никак не хотел уступать Стефану Баторию титул “государя Вифлянского”¹³². В последующие два года Иван IV в грамотах, посылаемых, например, в Англию, продолжал именовать себя “Лифляндским”¹³³.

В русско-шведских взаимоотношениях в период Ливонской войны вопрос о дополнении титула эпитетом “Лифляндский” также занимал не последнее место. Дебатировался и вопрос о гербе и печати. Для Швеции вопрос о гербе в первой половине XVI в. был

большым¹³⁴. В 1570 г. он снова возник в связи со шведско-датскими отношениями¹³⁵. Иван IV, очевидно, "подлил масла в огонь", требуя в 1572 г. не только именовать его в титуле "Свейским", но и "прислати образец герб свейской, чтоб тот герб в царьского величества печати был"¹³⁶. В ответ он получил от Юхана III, по-видимому, какие-то замечания относительно печати Русского государства, в частности относительно двуглавого орла, что заставило Ивана IV возразить шведскому королю: "А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся"¹³⁷. Можно думать, что Юхан III ставил вопрос и о написании в своем титуле "Лифляндский", на что царь гневно отвечал: "...а что хочешь нашего царствия величества титла и печати чинити, и ты, обезумев, хоти и вселенней назовешся государем, да хто тебя послушает?"¹³⁸. Тем не менее уже на следующий год Юхан III именуется себя "государем в земле Вифлянской"¹³⁹, называя так же, впрочем, и Ивана IV. Во все последующие годы шведский король сохранял подобное написание своего титула, но Иван IV упорно называет его только "кородем Свейским, Готцким и Вендийским"¹⁴⁰. Используя печать, напоминающую о блестящих победах русских войск в Прибалтике, Иван IV решил подвести черту в многолетнем споре со Швецией о подлинном государе этой земли.

¹ Schramm P.E. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Stuttgart, 1954. Bd. 1. S. 1.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1: 421: "Орел двоеглавный есть герб державный великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, его царскаго величества Российскаго царствия, на котором три коруны изображены, знаменующия три великия — Казанское, Астраханское, Сибирское — славныя царства, покаряющияся Богом хранимому и высочайшей его царскаго величества милостивейшего государя державе и повелению. На правой стороне орла три грады суть, а по описанию в титуле, Великия и Малыя и Белья России; на левой стороне орла три грады своими писаньями образуют восточных, и западных и северных; под орлом знак отчича и дедича; на персех изображение наследника, в пазноктех — скипетр и яблоко, и являют милостивейшаго государя, его царскаго величества, самодержца и обладателя".

³ Хорошкевич А.Л. Русско-славянские связи конца XV — начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России // VII Международный съезд славистов. Варшава, 1973. С. 418-420; Соболева Н.А. О методике изучения сфрагистического материала XV-XVIII вв.: (Историографические заметки) // ВИД. Л., 1976. Вып. VIII. С. 140-147; Спасский И.Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Там же. С. 115-118; Alef G. The adoption of the muscovite two-headed eagle: A discordant view // Speculum. 1966. Vol. 41. N 1; Hellmann M. Moskau und Byzanz // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N.F. Wiesbaden, 1969. Bd. 17. H. 3; Stökl G. Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972.

⁴ ДДГ. М.; Л., 1950. № 85. 1497 г. июля. Жалованная меновная и отводная грамота вел. кн. Ивана Васильевича князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам на волости Буйгород и Колпь, промененные им великим князем.

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. VI. С. 68 и примеч. 98.

⁶ См., напр.: Воронец Е.Н. 1497 г. на императорских регалиях. Харьков, 1897.

- С. 5-7; *Он же*. Четырехсотлетие Российского государственного герба // Московские ведомости. 1897. № 204; *Лопухин Ф.* Наш государственный герб: По поводу его 400-летия // Новь. 1897. № 20; и др. Данное толкование поддерживалось и находилось в связи с общей тенденцией, имевшей место в исторических исследованиях XIX в., абсолютизировать исключительное влияние Византии на русское общественное развитие, в частности на развитие идей и форм русской государственности (*Дьяконов М.А.* Власть московских государей. СПб., 1889; *Иконников В.С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869; и др.).
- ⁷ *Татищев В.Н.* История российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 368.
- ⁸ Там же. С. 369.
- ⁹ Там же. М.; Л., 1968. Т. VII. С. 427.
- ¹⁰ Запись Петра I и ее разбор опубликованы в работе П.И. Белавенца "Изменение Российского государственного герба в императорский период" (Вестн. имп. О-ва ревнителей истории. Пг., 1915. Вып. 11. С. 69).
- ¹¹ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840. С. 29.
- ¹² *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 69, 71, 72.
- ¹³ Изображение см. в кн.: *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 215; *Белавенец П.И.* Указ. соч. С. 79.
- ¹⁴ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. С. 217.
- ¹⁵ *Schrot M.* Wappenbuch des Heiligen Römischen Reichs und allgemeiner Christenheit in Europa. München, 1781. S. 232.
- ¹⁶ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 225. Герберштейн оставил также описание русских монет, неточность которого отмечал еще А.В. Орешников (*Орешников А.В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896. С. 125).
- ¹⁷ *Орешников А.В.* Русские монеты до 1547 г. Таблицы с изображением монет XV в. Денежные клады первой трети XVI в. свидетельствуют о том, что монеты предшествующих выпусков, а именно чеканенные в XV в., находились в обращении в период пребывания Герберштейна в Русском государстве (*Ильин А.А.* Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924. С. 25 и след.).
- ¹⁸ *Сахаров И.* Записки о русских гербах. М., 1853. Ч. 1: О гербе московском. С. 9.
- ¹⁹ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. Л., 1925. С. 107-108.
- ²⁰ *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 390-391.
- ²¹ Там же. С. 390-391.
- ²² *Хорошкевич А.Л.* Русско-славянские связи конца XV — начала XVI в. С. 418.
- ²³ *Alef G.* Op. cit.; *Hellmann M.* Op. cit.; *Stökl G.* Op. cit.
- ²⁴ *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 87.
- ²⁵ *Лихачев Н.П.* Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911. С. 1.
- ²⁶ Там же. С. 43.
- ²⁷ *Лихачев Н.П.* История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. 1915. 15 мая. № 14843.
- ²⁸ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. I. С. 30.
- ²⁹ *Хорошкевич А.Л.* Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV в. // История СССР. 1974. № 5. С. 139. О формировании титула Ивана III см. также: *Лакиер А.Б.* История титула государей России // ЖМНП. 1847. Ч. 56. С. 105.
- ³⁰ *Лихачев Д.С.* Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. М., 1946. С. 34.
- ³¹ *Потин В.М.* Венгерский золотой Ивана III // Феодалная Россия во всемир-

- во-историческом процессе. М., 1972; Он же. Корабельники на Руси // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. VIII; *Спасский И.Г.* Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III.
- ²² *Лурье Я.С.* Элементы возрождения на Руси в конце XV — первой половине XVI в. // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. С. 197.
- ²³ *Хорошкевич А.Л.* История государственности в публицистике времен централизации // Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Л.В. Черепнина. М., 1975. С. 119. Автор, обосновывая датировку памятника, ссылается на работы Л.В. Черепнина и А.А. Зимины.
- ²⁴ Там же. С. 117-119; *Гольдберг А.Л.* Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII вв. // История СССР. 1975. № 4. С. 62-63; Он же. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXX. С. 206.
- ²⁵ Печать нового типа дошла до нас при грамоте 1497 г., но это вовсе не означает, что она была вырезана в том же году. Титул Ивана III, вырезанный на печати, позволяет датировать ее временем не ранее 80-х годов, так как только с 1483-1485 гг. в титул добавляются слова "всех Руси" (*Хорошкевич А.Л.* Об одном из эпизодов династической борьбы. С. 130). Легенда печати сообщает полный титул Ивана III. Как отмечают исследователи, употребление полной титулатуры великого князя в сношениях с иностранными государствами зафиксировано в 1487 г. В частности, в верительной грамоте Мануилу Ивановичу Ралеvu, отправленному в Милан в этом году, написан полный титул московского государя, однако он назван Иваном Васильевичем (*Хорошкевич А.Л.* Об одном из эпизодов династической борьбы. С. 131), тогда как на печати — "Иоан". В 1489 г. посланный к императору Священной Римской империи Юрий Траханют представляет Ивана III: "Иоани Великий государь всея Руси", а в грамоте Ивана III дается его полный титул: "Иоанн, Божию Милостию Великий Государь всея Руси, Володимерский, и Московский, и Новгородский, и Псковский и Тферский, и Югорский, и Вятский, и Пермский и иных" (Памятники... Т. 1. С. 15). Этот титул, хотя и не идентичен, но очень близок легенде печати. Возможно, предположение Н.П. Лихачева об изготовлении печати в 1489 г. близко к истине.
- ²⁶ *Гольдберг А.Л.* К истории рассказа о потомках Августа; *Хорошкевич А.Л.* История государственности в публицистике времен централизации; *Дмитриева Р.Л.* О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXX.
- ²⁷ *Römer-Büchner B.J.* Der deutsche Adler nach Siegeln geschichtlich erläutert. Frankfurt a/M., 1858; *Köhne B.* de. Ueber den Doppeladler // Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde. 1871. Bd. VI.
- ²⁸ *Soloviev A.* Les emblèmes héraldiques de Byzance et des Slaves // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1935. N VII. P. 120-122.
- ²⁹ Об этом см.: *Hellmann M.* Op. cit. S. 332.
- ³⁰ *Ibid.* S. 332-333; *Kornemann E.* Adler und Doppeladler im Wappen des alten Reiches // Das Reich. Idee und Gestalt. Festschrift für J. Haller. Stuttgart, 1940. S. 62-63.
- ³¹ *Soloviev A.* Les emblèmes. P. 48; *Römer-Büchner B.J.* Op. cit. S. 48; *Posse O.* Die Siegel der deutschen Kaiser und Könige. Dresden, 1913. Bd. V. S. 159-160.
- ³² *Маковски А.* Грбовите на Македонија. Скопје, 1970. С. 36.
- ³³ Там же. С. 38. *Soloviev A.* Istorija srpskog grba. Melburn, 1958. Автор знаком с данной работой лишь по рецензии на нее: *Grothusen K.D.* [Rec.] // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N.F. München, 1959. Bd. 7. S. 507-512.
- ³⁴ *Soloviev A.* Istorija srpskog grba.
- ³⁵ См., напр.: *Жефаровић Х.* Стематографија. Фототип. изд. Нови Сад, 1961 — рисунок герба царства Неманичей. Он представляет собой двуглавого орла под короной, на каждой голове по короне, крылья распахнуты. Стих под рисунком начинается с фразы: "Сербский Орел Римскаго презвытн..." С образованием сербской монархии в XIX в. двуглавый орел как традиционный

- символ сербского государства по конституции 1888 г. становится государственным гербом и помещается на монетах, медалях, орденских знаках.
- ⁴⁶ Герасимов Т. Античные и средневековые монеты в България. София, 1975. С. 129-135.
- ⁴⁷ Нещ А. Стари српски печати и грбови. Нови Сад, 1910. С. 36. № 57.
- ⁴⁸ Maclagon M. Le blason en Byzance // Actes du X Congrès International d'Etudes Byzantines. Istanbul, 1957. P. 230-231; Hellmann M. Op. cit. S. 332-333.
- ⁴⁹ Алевф (Alef G. Op. cit. P. 14) ссылается на сведения о мозаичных изображениях двуглавого коронованного орла в Морейской церкви; см. также прекрасную миниатюру — золотой двуглавый орел в красном поле, на каждой из глав — короны с лучезобразным завершением, орел увенчан одной большой короной, — помещенную в Евангелии деспота Димитрия Палеолога (Лихачева В.Д. Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры IX—XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977. С. 58).
- ⁵⁰ Подобное использование византийского прототипа объясняется общим принципом выбора формы, иконографической сюжетики, характерными для прикладного искусства времени Ивана III. Мастера, работавшие в этой области, "должны были знать иконографию русско-византийского стиля, а не западноевропейского" (Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 198).
- ⁵¹ Напр., Б. Хеммердингер считает, что в Византии эмблема двуглавого орла возникла в 1325 г., когда правили совместно Андроник II и Андроник III. Однако не все последующие Палеологи использовали ее. На септедонии Мануила II Палеолога (1391-1425) изображен двуглавый орел (Hemmerdinger B. Deux notes héraldiques // Byzantinische Zeitschrift. Leipzig; В., 1958. Bd. 61; Н. 12. S. 309; Römer-Büchner B.I. Op. cit. S. 59).
- ⁵² Такое объяснение существует относительно появления двуглавого орла на печати Вацлава IV (Posse O. Op. cit. Bd. V. S. 60).
- ⁵³ См.: Schwarzenberg K. Adler und Drache. Der Weltherrschaftsgedanke. Wien; München, 1958.
- ⁵⁴ Römer-Büchner B.I. Op. cit. S. 60; Posse O. Op. cit. Dresden, 1910. Bd. II. Taf. 23, N 1-2; Taf. 25, N 1-2; Seyler G.A. Geschichte der Siegel. Leipzig, 1894. S. 6.
- ⁵⁵ Hellmann M. Op. cit. S. 333.
- ⁵⁶ Орешников А.В. Древнейшее русское изображение двуглавого орла // Тр. Моск. нумизмат. о-ва. М., 1899. Т. II, вып. 1. С. 12-14.
- ⁵⁷ Орешников А.В. Русские монеты до 1547 г. № 321-322, табл. IV, рис. 181-182; № 641-643, табл. XI, рис. 489-490; № 54-55, табл. I, рис. 14-15; Он же. Материалы к русской нумизматике до царского периода: (Дополнение к "Русским монетам до 1547 г."). М., 1901. № 42-51. С. 18-19.
- ⁵⁸ Спасский И.Г. Русская монетная система. М., 1970. С. 96, № 8.
- ⁵⁹ Хорошкевич А.Л. Русско-славянские связи конца XV — начала XVI в. С. 416-420.
- ⁶⁰ Alef G. Op. cit. P. 12.
- ⁶¹ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. С. 110-111.
- ⁶² Römer-Büchner B.I. Op. cit.
- ⁶³ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике. С. 388; Зюмин А.А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; Хорошкевич А.Л. История государственности в публицистике времен централизации.
- ⁶⁴ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 123.
- ⁶⁵ См. гл. IV настоящей работы. Об этом см. также: Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. II. С. 37.
- ⁶⁶ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. II. С. 23.
- ⁶⁷ Ewald W. Siegelkunde. München; В., 1924. S. 203; Trésor de numismatique et de glyptique. P., 1836. T. 12.
- ⁶⁸ Piekoskiński F. Heraldyka polska wieków średnich. Kraków, 1899. S. 389; Semkowicz W.

- Sfragistyka Witolda // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. Kraków, 1931. T. XIII; *Vossberg F.* Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. B., 1854. Taf. 22; *Gumowski M., Haisig M., Mikucki S.* Sfragistyka. W-wa, 1960. S. 187-208.
- ⁶⁰ *Ewald W.* Op. cit. S. 196; *Treŝor de numismatique.* P., 1835. T. 11. Tab. IX, N 1.
- ⁷⁰ *Орешиников А.В.* Материалы к русской сфрагистике // Тр. Моск. нумизмат. о-ва. М., 1903. Т. III, вып. 1. С. 109; *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. II. С. 31. Объединяет монеты и печати прежде всего характерная для тех и других легенда: "печать великого князя" или "печать князя". Аналогии имеются и в изображениях: всадник с мечом на печати вел. кн. московского Василия Дмитриевича (ДДГ. № 21-22) идентичен изображению на деньге того же князя (*Орешиников А.В.* Русские монеты до 1547 г. № 463, табл. VIII, рис. 330); всадник в меховой шапке с остроконечным верхом с мечом в руке изображен на печати вел. кн. тверского Бориса Александровича (ДДГ. № 51-а, б, 59) и на деньге того же князя (*Орешиников А.В.* Русские монеты до 1547 г. № 248, табл. III, рис. 119).
- ⁷¹ *Орешиников А.В.* Русские монеты до 1547 г.
- ⁷² Там же. № 466, табл. VIII, рис. 332.
- ⁷³ *Федоров Г.Б.* Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359-1425) // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. Вып. 12. С. 171.
- ⁷⁴ *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 82.
- ⁷⁵ Об этом см.: *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. II. С. 36.
- ⁷⁶ *Лазарев В.Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Русская средневековая живопись: Статьи и исследования. М., 1970; *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси // Этюды по истории русского искусства. М., 1967.
- ⁷⁷ *Рыстенко А.В.* Легенда о Св. Георгии и Драконе в византийской и славяно-русской литературе. Одесса, 1909. С. 332 и след.
- ⁷⁸ *Лазарев В.Н.* Указ. соч. С. 94.
- ⁷⁹ *Николаева Т.В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М., 1971. С. 53.
- ⁸⁰ *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина. С. 168.
- ⁸¹ *Лазарев В.Н.* Указ. соч. С. 82.
- ⁸² Там же; *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина. С. 161.
- ⁸³ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 15.
- ⁸⁴ *Лихачев Д.С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Елифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.; Л., 1962. С. 165-166; *Он же.* Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973. С. 116-117.
- ⁸⁵ *Гольдберг А.Л.* У истоков московских историко-политических идей XV в. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. XXIV. С. 147-150.
- ⁸⁶ *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. II. С. 27, 34.
- ⁸⁷ *Орешиников А.В.* Русские монеты до 1547 г. № 711, табл. XII, рис. 565; № 719-721, табл. XII, рис. 573.
- ⁸⁸ *Ewald W.* Op. cit. S. 162; *Posse O.* Op. cit. Bd. V. S. 145.
- ⁸⁹ *Ewald W.* Op. cit. S. 163; *Seyler G.A.* Op. cit. S. 152.
- ⁹⁰ *Stöckl G.* Op. cit. S. 41-69.
- ⁹¹ Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1880. Вып. 1. Табл. 18-19.
- ⁹² *Stöckl G.* Op. cit. S. 42.
- ⁹³ *Koehn V.* de. Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. B., 1861. P. 14; *Лихачев Н.Л.* История образования российской государственной печати; *Троицкий С.Н.* О гербе смоленском // Изв. Российской Академии истории материальной культуры. Пг., 1921. Т. I. С. 349.
- ⁹⁴ *Щербачев Ю.Н.* Датский архив: Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене, 1326-1690. М., 1893. С. 110-112.

- ⁹⁵ Аналогичная прикладная печать скрепляла письма 1605-1606 гг. Лжедмитрия Юрию Мнишку (СГД. М., 1819. Ч. 2. № 95, 99, 102, 104). В настоящее время печать сохранилась лишь при одном документе — ЦГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Д. 18-С. Можно привести многочисленные примеры использования в русской дипломатической практике наряду с вислыми печатами прикладных, оттиснутых штемпелем лицевой стороны (возможно, вырезался новый штемпель, дублирующий лицевую сторону вислой печати). Так, у верительной грамоты 1499 г., данной русским послам, отправленным в Италию, имеется печать — вошаной оттиск под бумажной кустодией, на которой изображен всадник, поражающий копьём дракона (*Казакова Н.А.* Грамота Ивана III папе Александру VI // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 26-28). Известно, что в это время существовала уже вислая двусторонняя печать. Подобное варьирование печатей (вислая — прикладная) наблюдается при Василии III и Иване IV (*Щербачев Ю.Н.* Указ. соч. Док. 12, 19, 22, 23, 150, 151 и след.). Н.П. Лихачев подчеркивает следующее различие между вислой и прикладной печатью: "Вислая печать является как бы отпечатком торжественности. В общем акт с привешенной печатью параднее по внешности и важности (с точки зрения современников) по содержанию документа с прикладной печатью" (*Лихачев Н.П.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевины. СПб., 1903. С. 113, примеч. 2).
- ⁹⁶ В том же году титул царя изменился, в нем появляется "полотикий" (ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 363); булла, привешенная к международному трактату 1562 г., несет несколько иной титул, в котором отсутствует слово "полотский" (Снимки. Табл. 12; *Щербачев Ю.Н.* Указ. соч. Док. 10).
- ⁹⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 331.
- ⁹⁸ Там же. С. 386. О ней см.: *Зимин А.А.* Государственный архив России XVI столетия. М., 1978. С. 86, 452.
- ⁹⁹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 398.
- ¹⁰⁰ Снимки. Табл. 12; *Щербачев Ю.Н.* Указ. соч. № 150, 151, 174, 219, 245 и след.
- ¹⁰¹ *Сизов Е.С.* Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство. Искусство XVII в. М.; Л., 1964. С. 172; *Погобегова О.И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 140; *Она же.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 5 и след.
- ¹⁰² Об этом см., напр.: *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 55, 67.
- ¹⁰³ *Alef G.* Op. cit.; *Спасский И.Г.* Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III; *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981.
- ¹⁰⁴ *Воронин Н.Н., Лазарев В.Н.* Искусство среднерусских княжеств XIII—XV вв. // История русского искусства. М., 1955. Т. III. С. 17.
- ¹⁰⁵ *Порфиридов Н.Г.* Новгородская "вечевая" печать // ВИД. Л., 1969. Вып. II. С. 190-198. В этой статье приводится литература, посвященная изучению вопроса о новгородской печати.
- ¹⁰⁶ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 157-158.
- ¹⁰⁷ *Лихачев Н.П.* Печати Пскова // Сов. археология. 1960. № 3. С. 231; см. также: *Якин В.Л.* Вислые печати Пскова // Там же. Рис. 1.
- ¹⁰⁸ *Клейнберг И.Э.* "Лютый зверь" на печатях Великого Новгорода XV в. // ВИД. Л., 1969. Вып. II. С. 176-190.
- ¹⁰⁹ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 160.
- ¹¹⁰ Снимки. Табл. 61; *Иванов П.И.* Сборник снимков с древнейших печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858. Табл. XIII, рис. 135; табл. XIX, рис. 301.
- ¹¹¹ Внутри круговой надписи изображены "колюмны", "Гедиминовы столбы". Известна полоцкая городская печать иного вида (*Хорошкевич А.Л.* Печати полоцких грамот XIV—XV вв. // ВИД. Л., 1972. Вып. IV). Однако "колюмны"

встречаются на монетах Литовского великого княжества уже в XIV в. (Ильин А.А. Классификация русских удельных монет. Л., 1940. Вып. 1. С. 14-19). Польские гербовники XVI в. относят "колюмны" к литовским гермам (Ambrosius M. Arma Regni Poloniae. P., 1573-1574; Paprocki B. Gniazdo snoty skąd herby guscerstwa slawnego Krolewstwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego, Ruskiego... y inszych panstw... początek swoy maia. Kraków, 1578. S. 1226). "Колюмны" в качестве своего герба, как якобы сообщают "русские хроники", взял Витень (Paprocki B. Herby guscerstwa Polskiego. Kraków, 1584. S. 590). В гербовниках последующих времен "колюмны" фигурируют в качестве знака литовских князей (Spener Ph. A. Historia insignium illustrium seu operis Heraldici. Frankfurt a/M., 1680. Taf. XXXI; Niesiecki K. Herbarz Polski. Leipzig, 1841. T. VIII. S. 118-119). Полоцк воспринимался русскими как литовский город (ПСРЛ. Т. XIII. С. 302), поэтому использование в качестве его символа сугубо литовской эмблемы не должно удивлять.

¹¹² Stökl G. Op. cit. S. 59-60.

¹¹³ Так, "обладателем Ливонские земли града Юрьева" царь называется уже летом 1558 г. (ПСРЛ. Т. XIII. С. 310); в 1559 г. это дополнение к титулу русского царя фигурирует в грамотах, посланных в Данию, Польшу, Швецию (Щербачев Ю.Н. Указ. соч. С. 27; Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка между Россией и Польшею по 1700 г. Ч. 1. 1487-1584 // ЧОИДР. 1860. Кв. 4. С. 106; Сборник Рус. ист. о-ва. СПб., 1910. Т. 129. С. 60, 65). Немедленно изменился титул Ивана IV по взятии Полоцка (ПСРЛ. Т. XIII. С. 363).

¹¹⁴ Stökl G. Op. cit. S. 61.

¹¹⁵ Вероятно, не случайно, в архивном ящике 202, где находились материалы, связанные с Ливонской войной, вместе с печатью юрьевского наместника и печатью Вильгельма Фюрстенберга хранились и монеты — "ефимки и полуефимки, и пенези, каковыми торгочали в Юрьеве немцы" (Зимин А.А. Государственный архив России. С. 86, 452-453).

¹¹⁶ Федоров Д.Я. Монеты Прибалтики XIII—XVIII столетий. Таллинн, 1966. С. 161, 165.

¹¹⁷ См. чеканку ливонских магистров Вильгельма Фюрстенберга и Готарда Кеттлера в Вендене (Там же. С. 215-216, 219-222).

¹¹⁸ Изображение воина с мечом и щитом, стоящего на городской стене, помещено не только на городской печати, но и в гербе Вендена. В донесении из рижской губернской канцелярии от 16 июня 1728 г. в ответ на запрос товарища герольдмейстера Франциска Санти о гербе города сообщается, что Венден "построен в Гермейстерские времена, печать и герб в древнее время городу пожалованы", приложен рисунок печати и герба с вышеописанной эмблемой (ЦГИА СССР. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377. Л. 252 и об., 253-а и об.).

¹¹⁹ Различие между печатями, привешенными к документам 1578 и 1583 гг., состоит не только в этом. В титуле печати 1578 г. имеется небольшое различие по сравнению с печатью 1583 г. В первом случае после "Белоозерский": "и господарь отчинный обладатель земли Лифлявския немецкого чину Удорскии Обдорскии Кондинскии и всея Сибирския земли и Северныя страны повелитель и иных многих земель Гдрь и обладатель". Во втором: "и господарь отчины Удорскии Обдорскии Кондинскии и иных и всея Сибирския земли и Северныя страны повелитель и Гдрь земли Лифлявские и иных". Абсолютно идентичен титулу печати 1578 г. титул в грамоте царя жителям Триката. Аналогичным образом (с упоминанием "земли Лифлявские немецкого чину") строится титул царя в грамоте Александра Полубенского в Трикат. Обе эти грамоты написаны в Вендене в 1577 г. (Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 гг. // Военный журнал. 1853. № V. С. 91-92).

¹²⁰ Скрывников Р.Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 45.

¹²¹ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 264-265.

¹²² Создается впечатление, что ее использование в сношениях с Данией имело эпизодический характер, ибо последующая дипломатическая корреспонден-

- ция Ивана Грозного в Данию скреплялась применяемой и до этого "средней" печатью (*Щербачев Ю.Н.* Указ. соч. № 422 и след.).
- ¹²³ *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544-1648). СПб., 1893. Т. I. С. 666.
- ¹²⁴ Там же. С. 642.
- ¹²⁵ *Лурье Я.С.* Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // *Послания Ивана Грозного.* М.; Л., 1951. С. 501, 504.
- ¹²⁶ Донесение князя Александра Полубенского // *Тр. X Археологического съезда в Риге, 1896 г. М., 1900.* Т. III. С. 133, 136.
- ¹²⁷ *Новодворский В.В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570-1582). СПб., 1904. С. 67; *Лурье Я.С.* Вопросы внешней и внутренней политики. С. 509.
- ¹²⁸ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 106-107.
- ¹²⁹ *Новодворский В.В.* Указ. соч. С. 67.
- ¹³⁰ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 164.
- ¹³¹ Там же. С. 176; *Новодворский В.В.* Указ. соч. С. 282-297.
- ¹³² *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 60.
- ¹³³ *Толстой Ю.В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англиею, 1553-1593. СПб., 1875. С. 192-193, 221.
- ¹³⁴ *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 13-14.
- ¹³⁵ Там же. С. 518.
- ¹³⁶ Сборник Рус. ист. о-ва. Т. 129. С. 213.
- ¹³⁷ Там же. С. 238.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Там же. С. 248.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 251, 254, 255, 259, 279, 299, 301, 348-349, 354, 356-357.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование сфрагистических памятников, предпринятое в настоящей работе, заполняет лагуну, существующую в истории русских средневековых печатей. Оно вводит в научный оборот комплекс сфрагистических материалов XIV—XV вв., ранее не привлекавших внимания ученых.

Анализ поэтапного развития отечественной сфрагистики помогает установить причины дисгармонии в эволюции научного знания о печатах. К ним относятся: своеобразный путь развития отечественной сфрагистики (в силу специфики преобладающего в научном обороте материала), установившиеся принципы дипломатического исследования, отвергающего печати как элемент, входящий в его сферу, и квалифицирующего печати при актах как предмет сфрагистики. В итоге значительная часть актов печатей, прежде всего комплекс печатей Северо-Восточной Руси, оставались в стороне и от сфрагистики и от дипломатики. Основным же тормозом в изучении вышеозначенных печатей являлось отсутствие целостности, комплексности, определенной системы в издании актов, что мешало созданию сводов этого рода печатей, не позволяло, в частности, появиться научным каталогам актов печатей XIV — XV вв. Осуществленное в последние десятилетия трехтомное издание актов Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI в. предопределило возможность изучения и сфрагистического материала этого времени.

Проведенный анализ удостоверительной части актов, включенных в издание "Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI в." и в последующие аналогичные публикации, концентрирование сведений о скрепляющих как эти акты, так и помещенные в собрании духовных и договорных грамот великих и удельных князей печатах, а также дополнительные сведения о последних, почерпнутые из немногочисленной литературы, позволили выявить сохранившиеся и идентифицируемые печати Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., составить их инвентарное описание. Оно включает 188 экземпляров, выявленных в результате табличной росписи около двух тысяч актов. Лишь очень незначительную часть составили металлические печати, подавляющее же большинство — это вислые и прикладные восковые печати-оттиски, обладающие спецификой, которая не может негативно не отразиться на полноценности их научного анализа. Имеется в виду не только плохая сохранность (в силу хрупкости материала и неудачного хранения) оттисков печатей. Комплекс дошедших до нас источников — носителей знаков удостоверения, чем являются печати, чрезвычайно неравномерен как в хронологическом, так и в ви-

довом плане, поэтому не может дать абсолютного представления о применении печатей, о развитии и дифференциации типов, детализировать отдельные специфические моменты, касающиеся хранения печати, ее наследования и т.д.

Однако методика создания комплекса сохранившихся и идентифицируемых печатей (речь идет не о своде, ибо в силу вышеуказанных причин трудно учитывать варианты типа) позволила рассмотреть целый ряд источниковедческих вопросов, имеющих немаловажное значение в воссоздании эволюции института печати на Руси.

К ним относится вопрос о становлении восковой печати в Русском государстве, заменившей господствующую здесь в течение нескольких столетий металлическую печать византийского типа. Наблюдение над сохранившимися печатями показало, что начиная по крайней мере с Симеона Гордого печать, оттиснутая на воске, завоевывает приоритет в княжеском делопроизводстве Северо-Восточной Руси; именно восковая печать используется всеми другими категориями владельцев печатей в данном регионе, о чем свидетельствует ее упрочение в качестве средства удостоверения публичных и частных актов, устойчиво зафиксированное с 80-х годов XIV в.

Отказ от утвердившейся в течение столетий византийской традиции использования вислой металлической печати обусловлен рядом конкретных обстоятельств, в частности новой делопроизводительной практикой (распространением бумаги как писчего материала). Однако на первый план выдвигаются процессы, связь которых с использованием именно восковой печати несомненна. К процессам внутреннего порядка относится изменение характера индивидуальной правоспособности, приведшее к расширению круга владельцев печати, чему должна была способствовать и более простая форма пользования печатью (печать в большинстве случаев оттискивалась перстнем на воске). Существенным моментом явилась и переориентация преемственности: византийская традиция с ее преобладанием металлических печатей и специфической символикой уступила место западноевропейской, имеющей в своей основе воскоматричные печати со светской символикой.

Подобная переориентация представляет собой отражение других кардинальных процессов, происходящих в русском обществе, в частности изменения политической ориентации, которое повлекло за собой проникновение новых традиций в отечественную сфрагистику. Проникновение осуществлялось, вероятно, не столько непосредственно из Западной Европы, сколько в результате тесных контактов Северо-Восточной Руси с Литовским великим княжеством и Юго-Западной Русью, где упрочилась традиция восковой печати.

Однако это был не единственный путь проникновения новых веяний в отечественную делопроизводительную и правовую практику. В результате восстановления связей Руси, прерванных монголо-татарским нашествием, с Балканскими странами в XIV в. Северо-Восточная Русь вошла в орбиту взаимодействия с балканскими народами, которые, так же как и Византия, ощутили уже в это вре-

мя влияние делопроизводства Западной Европы. В результате подобного общения усваивались государственные идеи, олицетворявшие их символы и эмблемы, дипломатическая практика. Так, в сфрагистике (типе печати, ее использовании, символике) Северо-Восточной Руси прослеживаются параллели с Сербией, что подкрепляет наблюдения и выводы акад. М.Н. Тихомирова о приоритете Сербии в сложном механизме взаимодействия восточных славян с балканскими народами, так называемом втором южнославянском влиянии.

Переход от металлических печатей к восковым предполагает не только перемену материала печати, но и утверждение нового изображения, коренным образом отличающегося от ранее существовавшего с доминированием святых патронов (имя, имя — отчество), Вседержителя, Богородицы, креста, характерного для сфрагистики византийского круга.

Для печатей XIV — XV вв. Северо-Восточной Руси, так же как и для монет этого времени, характерно безусловное преобладание светских сюжетов, за исключением печатей лиц духовного звания, которые, впрочем, также пользовались печатями и со светской тематикой. В изобразительном плане печати, подобно монетам, диссоциируют с общей линией, господствующей в искусстве Руси этого времени, — с преобладанием в нем канонических сюжетов. Однако, несмотря на общий характер изображений (светский), в сюжетике монет и печатей не так много общего, как принято считать еще со времен А.Б. Лакиера. Лишь некоторые изображения на монетах и печатях идентичны. В принципе же как те, так и другие памятники имеют специфику символики.

Печати, которыми пользовались феодальные землевладельцы, а также должностные лица (небольшое количество таких печатей удалось выделить), представляют собой оттиск личного перстня. Как правило, большинство изображений в этом случае обнаруживает значительную расплывчатость и неустойчивость иконографии и символики, ибо в перстне-печати использовалась гемма античного происхождения либо местное подражание ей. В отдельных случаях использовались западноевропейские геммы. Естественно, степень идеологической направленности и символической значимости подобных сюжетов проблематична, хотя расшифровка смыслового содержания отдельных композиций может представлять интерес в плане сравнения печатей с другими произведениями древнерусского искусства, о которых известно, что их сюжетика имеет литературную основу.

Согласно принятой в сфрагистике классификации печатей суверенов, произведено выделение так называемых пешей, кофной печатей (тройной среди печатей Северо-Восточной Руси не имеется). В XV в. обнаруживается тенденция к переходу в гербовую печать (процесс, аналогичный развитию сфрагистического типа в европейском средневековье), о чем свидетельствует тип “предгербовой” печати Василия II — Ивана III с изображением льва, пожирающего змею. В качестве герба правящего дома данная эмблема,

однако, не утвердилась. Другие эмблемы, более соответствующие историческому моменту, явились основополагающими для герба Московского государства, утвердившись в правление Ивана III: двуглавый орел и всадник, поражающий копьём дракона. Хотя в литературе бытует мнение, что эти две эмблемы встречаются впервые на печати 1497 г., судя по данным составленного нами Описания сохранившихся и идентифицируемых печатей Северо-Восточной Руси, ее создание может быть отнесено к более раннему времени — началу 90-х годов XV в.

Эмблемы, символизирующие Русское государство, в силу их распространённости в Европе и известной специфики использования служили своеобразной рекламой новому государству, отражая идею его равенства с другими европейскими странами и выражая политические устремления московского правительства в общеевропейском масштабе. В то же время создание государственной печати с символикой, соответствующей концепции официального характера и выражавшей, с одной стороны, древность происхождения власти, а с другой — знатность русского государя, отвечало политическим потребностям эпохи. Оно должно было служить и доказательством права Ивана III на титул кесаря. То была политическая акция, во многом аналогичная венчанию на великое княжение Дмитрия, внука Ивана III, при котором последний выступал в роли императора: В целом же эмблемы, составлявшие основу русского государственного герба, уже в начальный период существования единого Русского государства сыграли важную роль в борьбе за его упрочение.

В последующих сфрагистических памятниках государственная символика получает соответствующее "политическое насыщение". С точки зрения государственной символики большой интерес представляет печать Ивана IV, на которой, кроме обычных для печатей его отца и деда эмблем — двуглавого орла и всадника, поражающего копьём дракона, имеется целый ряд ранее не встречаемых на печатях изображений. В работе обосновывается дата создания этой печати — 1577 г., устанавливается ее значение как памятника, отражающего идеи власти и политические претензии русского государя в новую эпоху — эпоху централизованного государства.

На примере двух государственных печатей показывается, как через формирование иконографической композиции, подбор символов русские государи утверждали свое политическое кредо.

Для сфрагистических памятников Северо-Восточной Руси характерны формы обычные для перстневых оттисков: круглая, овальная, восьмиугольная и пр.; восьмиугольная форма переносится на металлическую буллу Ивана Даниловича Калиты, государственные восковые печати, как правило, круглые. До появления красно-восковой государственной печати цвет воска (черный, светлый) четко не фиксировался как обязательный для различных социальных групп владельцев печатей, хотя для духовенства предпочтителен был темный воск. Также четко не фиксируются цвет и качество нитей, на которых привешивались печати в течение XIV—XV вв.

Источниковедческий разбор сфрагистического материала не мог помочь в достаточной степени четко осветить вопросы о печатях как правовых памятниках. Поскольку автор столкнулся с недостаточной разработанностью в отечественной историографии вопросов правового статуса печати, он вынужден был, как того требовала логика исследования, реконструировать процессы, связанные со становлением этого института на Руси. Явная недостаточность отечественных источников заставила обратиться к зарубежной литературе и на основании анализа суждений и научных разработок западноевропейских ученых воссоздать схему эволюции печати в древности и средневековье.

Становление печати как правового института представляет собой длительный и сложный процесс. Выросшая из первобытного амулета, защищавшего его владельца от злых сил, из личного опознавательного-отличительного знака, печать в классовом обществе приобретает свойство элемента общественно-правовой жизни в качестве знака собственности. Как одна из форм, выражавших и доказывавших права собственности, печати встречаются уже в V тысячелетии до н.э., как о юридических знаках, определяющих права собственности, говорится о них в самых ранних варварских правах. Таким образом, рубеж превращения "метки" ("предпечати") в печать — появление института частной собственности, существование которой явилось предпосылкой для развития определенной функции печати — охраны собственности. Эта основная функция печати оставалась присуща ей на всем протяжении древности, сохранившись и в последующие исторические периоды.

Исследователи не имеют бесспорных доказательств того, что в древности одновременно с развитием охранной функции печати (применительно к письменности — запечатывание писем, посланий, распоряжений и др.) развивалась и ее функция заверения (скрепление печатью документа). Различие: если запечатывание было вызвано необходимостью сохранить документ от незаконного вскрытия, то заверение печатью могло служить доказательством его подлинности (веродостоинства).

Большинство исследователей считают, что на пороге средневековья печать не обладает еще теми правовыми чертами, которые становятся ей присущи в следующей за античностью исторической эпохе. Печать на ранних этапах употребления в средневековом делопроизводстве воплощала в себе овеществленную карающую силу своего владельца, и то, что суверен прикладывал к документу печать, означало в первую очередь не гарантию подлинности грамоты, а охрану содержащегося в ней правового действия. Королевский документ, по мнению ряда исследователей, послужил образцом воссоединения грамоты и печати, явился своего рода вехой при переходе от печати античного мира к печати средневековья, подготовил общественное сознание к восприятию печати как действительно важнейшего, даже единственного способа заверения документа.

В дальнейшем в средние века происходит модификация правового статуса печати, превратившая последнюю в гарант подлиннос-

ти. Подобное качество печать приобретает не столько в результате собственной функциональной трансформации, сколько в связи с развитием средневекового письменного документа, прежде всего акта, составным элементом которого она становится, являясь формальным свидетельством правильности его изготовления. Форму же акта ученые ставят в прямую зависимость от уровня развития права, таким образом связывая появление новой функции печати с определенным этапом развития права, в частности с проблемой развития судебного доказательства. В основе лежал отказ судей от свободной оценки доказательств и переход к упрочению безусловного доказательства в виде грамот, составленных по определенной форме. Согласно сумме внешних признаков судили о подлинности грамоты, а подлинность являлась признанием истинности ее содержания. К числу важнейших внешних компонентов доказательности принадлежала и печать. Таким образом, печать как средство утверждения упрочилась в результате развития средневековых правовых норм. На выработку же последних оказали влияние папские доктрины, касающиеся делопроизводства, которые кардинально повлияли на средневековое судопроизводство Западной Европы.

Для последующего изложения предлагаемой схемы развития института печати на Руси важен вытекающий из вышеизложенного материала методологический вывод: развитие института печати, ее функций зависит от уровня развития права, которое, в свою очередь, адекватно общественному развитию в целом.

Специфика источников, находящихся в распоряжении исследователя проблем права и правовых институтов Руси X—XV вв. такова, что многие вопросы могут решаться лишь в гипотетическом плане. Гипотетична и схема развития института печати. Однако при всей ее гипотетичности нельзя не отметить соразмерность эволюции отечественного института печати с теми параметрами, которые предлагаются в большинстве западноевропейских обобщающих трудов со сфрагистической тематикой. За основополагающий момент принимается тот факт, что печать является элементом общественно-правовой жизни, с которой координируется ее функциональное развитие. Печать вырастает из “предпечати” — метки, отличительного знака и на первых этапах своего существования “сливается” с ним, являясь знаком, определяющим права собственности. Со временем печать по своим функциям все более отделяется от этих отличительных знаков, приобретая право не только показывать, что вещь, снабженная ею, является личной собственностью, но и ставить эту вещь под определенную охрану.

Об охранной функции печати на Руси можно говорить с момента возникновения здесь частной собственности, которая является предпосылкой для создания печати охраняющей. Эта функция характерна для начальной стадии развития института печати, когда печать, так сказать, “не выделилась” еще окончательно из знаков собственности. В Древней Руси уже в X в. в торговле, в фискальных мероприятиях князей могли использоваться их печати, осуществляя свою функцию запечатывания (сокрытия), закрытия, т.е.

играя роль пломбы. По-видимому, близкое к подобному пониманию печати известие содержится в ст.28 Краткой Русской Правды, упоминающей "пятво".

Анализ формы скрепления русско-византийских договоров X в. позволяет заключить, что они утверждались (со стороны русских) при помощи клятвы князя и близких ему людей. И хотя правовой характер русско-византийских договоров не может вызвать никаких сомнений, это право имеет определенный уровень, при котором использование русскими печатей в качестве утвердительного средства кажется проблематичным. Подобное заключение не предполагает вывода о какой-то примитивности правосознания русских в данный период. Речь может идти об определенной ступени развития и оформления правовых отношений, той ступени, на которой ясно прослеживаются следы компромисса, взаимоприспособления византийского и русского обычного права.

Правовое значение русской княжеской буллы, по-видимому, следует рассматривать прежде всего в контексте с функциональной разнородностью печатей суверенов, особенно характерной для ранних этапов использования печатей в средневековом делопроизводстве, когда печать не столько гарантировала подлинность документа, сколько, являясь символом власти, законности, воплощала в специфическом изобразительном типе овеществленную карающую силу своего владельца, защиту содержащегося в документе правового действия. Функция "удостоверения личности" духовного и светского феодала и функция сокрытия (закрытия) содержания документа могли совместиться при отсылке распоряжений, писем и пр.

Наряду с этими функциями, несомненно, развивалась и утвердительность печатей — носителей политической власти. В начале XIII в. в грамотах смоленских князей печать как утвердительное средство упоминается в корроборационной формуле внешнеполитических актов. Находки свинцовых печатей, датируемых XI—XII вв., позволяют сделать предположение о возможности использования печатей церковных и светских феодалов в этом качестве в указанное время. Однако, к сожалению, лишь один публичный акт XII в. с печатью сохранился до наших дней. Утвердительной формулы в этом акте — так называемой Мстиславовой грамоте — нет, печать же моложе акта на сто лет.

Правовое значение вислой металлической печати на Руси должно также соизмеряться с существовавшими параллельно проявлениями традиционности обычного права и с установлениями канонического права. Эти установления не носили столь четкого характера, как папские указы, превратившие документ, заверенный печатью, в рациональный процессуальный инструмент доказательства, однако способствовали инкорпорированию печати в систему "укрепления прав", которая, согласно обычному праву, состояла в присутствии свидетелей при совершении юридического акта. Отголоском этого выступают прослеживающиеся в новгородско-псковских актах XIV — XV вв. формулы, соотносящие понятия "Бог" и "послух", "печать" и "послух", что является, в свою очередь, реак-

цией на церковно-правовой постулат, запрещающий свидетельствовать одному послуху.

Становление удостоверительного "инструментария" частного акта на Руси, к которому относится печать, как и в Западной Европе, имеет персистентный характер. Следует подчеркнуть, что при общей закономерности развития формуляра частного акта даже на территории одной страны могут существовать различные вариации формуляра, соотносящиеся с региональными особенностями "инструментария" гарантий частного акта. Развитие этого "инструментария" обуславливает целый ряд тенденций, которые, в свою очередь, обуславливаются развитием экономической жизни региона, обменных отношений, юридической практики, в том числе и разностью форм одного права.

Подобным образом и на территории Руси существовало региональное различие в форме как доактового способа укрепления частноправовых сделок, так и актов в ранний период существования. Имеется в виду северный, новгородский регион и удельный период XIV—XV вв. На этом первом этапе существования частного акта, переходном, удостоверительная часть, так же как и текст, носит следы доактового укрепления сделки, так как упоминающиеся свидетели свидетельствуют сделку. Акты же удостоверяются печатью в обоих регионах. Однако формула "у печати стоял", а иногда добавление архаического "и землю завел" в северных актах является, по-видимому, свидетельством еще недостаточной юридической значимости печати для удостоверения сделки в глазах современников. (Требовалось присутствие живого участника сделки для несомненной гарантии печати.) В удельных же частных актах печать выглядит более приоритетной. В значительной степени этот последний факт может быть результатом укрепления позиций византийского права в Северо-Восточной Руси начиная со времени Ивана Калиты. Доказательством может служить использование норм Эклоги и Прохирона, касающихся печатей, в практике применения печати в Северо-Восточной Руси, некоторые принципы в оформлении типа печати по южнославянскому образцу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ГБЛ — Государственная библиотека им. В.И. Ленина
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
ПВЛ — Повесть временных лет
ПРП — Памятники русского права
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СГТД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абу-Али Ахмед бен Омар Ибн Даст, арабский автор 82
 Август, римский имп. 204, 215
 Авдотья Ивановна, княг. 179
 Авраам, библ. 139
 Авраамий, еп. 188
 Авраамий, иг. 191
 Аврам, поп 106
 Аграфена Васильевна, в. княг. 161
 Аксиния (Льяловская), княг. 170
 Аксиния (Оксинья), вдова землевл. 174
 Аксиния (Оксинья) Фоминична, землевл. 189
 Александр (Олександр), имп. 88
 Александр III, папа римский 26
 Александр VI, папа римский 158
 Александр Ярославич (Невский), кн. 205
 Алексей, митр. 125, 149, 186
 Алексей Михайлович, царь 160
 Алеф Г. (Alef G.) 204
 Алпатов М.А. 201
 Алпатов М.В. 206
 Амвросий (Орватский), архим. 154
 Андрей Васильевич Большой, кн. 155, 159, 167, 168
 Андрей Васильевич Меньшой, кн. 138, 169
 Андрей Владимирович, кн. 163
 Андрей Дмитриевич, кн. 139, 151, 162, 163
 Андрей Иванович, кн., сын в. кн. Ивана Калиты 147
 Андрей Иванович, кн., сын в. кн. Ивана III 158
 Андрей (Анриан) Ярлык, старец 190
 Антоний, архим. 185, 193
 Аполлон, миф. 138, 140, 141, 151, 153, 158, 168
 Арефа, царь 83
 Арсений, чернец 189
 Артемиды, миф. 138
 Афанасий, архим. 190
 Базилевич К.В. 199
 Баторий Стефан, кор. 213, 214
 Баттенберг Ф. (Battenberg F.) 4
 Беклемишев Никита Васильевич, боярин 181
 Беллона, миф. 82
 Беляев И.Д. 155, 164, 175, 177, 189
 Бередикиев Я.И. 148
 Бомануар Ф. де, юрист 53
 Борис, болгарский кн. 85, 86
 Борис Александрович, в. кн. 136, 152, 160, 165
 Борис Васильевич, кн. 139, 155, 158, 159, 168, 193
 Борисов Алферий, вотч. 177
 Борисова Малая, жена вотч. 177
 Бурцев Федор (Кузьмин Федор Бурцев сын), землевл. 192
 Бутурлин Григорий Иванович (Геннадий), чернец 136
 Валк С.Н. 105, 111
 Варсонофий, келарь 106
 Варфоломей сж. Офромий
 Василий Кесарийский (Великий), св. 149
 Василий I Дмитриевич, в. кн. 129, 136, 138, 149, 150, 162, 163, 186
 Василий II Васильевич Темный, в. кн. 138—142, 150—154, 160, 162—168, 172, 187, 203, 206, 225
 Василий III Иванович, в. кн. 7, 157, 159, 160, 172, 183, 197
 Василий Агафонович, землевл. 107
 Василий Михайлович Удалый, кн. 139, 156, 159, 167, 169
 Василий Юрьевич, кн. 164
 Василий Ярославич, кн. 138, 151, 153, 162—166
 Вассиан (Рыло), архиеп. 188
 Вавилон IV, кор. 202
 Вельяминов Иван Шадр Васильевич, вотч. 179
 Вениамин, архим. 136
 Венулей, юрист 34
 Вздорнов Г.И. 141
 Викторин из Вшерга (Viktorin ze Všehrd), юрист 56

* Принятые сокращения: архиеп. — архиепископ, архим. — архимандрит, библ. — библейский, в. — великий (великая), вотч. — вотчинник, дин. — династия, еп. — епископ, землевл. — землевладелец (землевладелица), иг. — игумен, имп. — император, ист. — историк, кн. — князь, княг. — княгиня, кор. — король, митр. — митрополит, миф. — мифологический, пос. — послух, св. — святой.

Витовт, в. кн. 129, 150, 160
Владимир Андреевич, кн. 138, 149,
161, 162, 186
Владимир Святославич, кн. 197
Владимирский-Буданов М.Ф. 72, 95
Внуков Афанасий Данилович, зем-
левл., старец 181
Волос (Велес), миф. 88, 91
Воропаев (Ворыпаев) (Иван) Злоба Ан-
дреевич, вотч. 155
Воропаев (Ворыпаев) Федор Андре-
евич, вотч. 155
Всеволод Мстиславич, кн. 110
Габсбурги, дин. 199, 204
Гавриил, архангел 140
Гавриил (Гаврила), старец 180
Гальцов В.И. 154
Гаттерер И.Х. 8
Геннадий с.м. Бутурлин Григорий
Иванович
Георгий (Победоносец), св. 142, 197,
206, 207
Герасим с.м. Ерасим
Герберштейн С. 197, 198
Геркулес (Геракл), миф. 138, 139,
197
Геронтий, митр. 187
Голенин Василий Иванович, кн., боя-
рин 184
Головин Н.Г. 152, 154, 168—170,
172, 173, 182, 183
Гошкой Жирятинич, землевл. 107
Григорий, дякон 106
Давид, библ. 149
Даниил, библ. 142
Даниил Васильевич Щеня, кн. 179
Данила Васильевич, кн. 171, 192
Деев Михаил Иванович, кн. 176,
192
Дмитриева Р.П. 201
Дмитрий Солунский, св. 148, 149
Дмитрий Иванович, внук в. кн. Ива-
на III, кн. 209, 226
Дмитрий Александрович (Щепа Рос-
товский), кн. 174
Дмитрий Владимирович, пос. 185
Дмитрий Иванович, сын в. кн. Ива-
на III, кн. 158
Дмитрий Иванович (Годунов?), "муж"
185
Дмитрий Иванович Донской, в. кн.
148, 149, 161, 186, 207
Дмитрий Юрьевич Красный, кн. 153,
162, 163, 174
Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. 139,
152, 164, 166, 208

Долматов Иван Иванович, разъездчик
184
Досифей, архим. 157
Дуров Афанасий Матвеевич, судья
159, 183
Душан Стефан, кор. 59, 133, 134,
202
Дзальгер Ф. (Dölger F.) 40—44, 56, 81,
92
Дювернуа Н.Л. 71—73
Дюмон Ж. (Dumont J.) 7
Евагри, чернец 136
Евгений (Болховитинов), митр. 8
Евпраксия "инока", княг. 171
Евфимий, еп. 189
Евфросиния Семеновна (Кушелева),
"инокиня" Евфимия 194
Екатерина II, императрица 7
Елена Ивановна, княг. 164
Ерасим (Герасим) Аврамович, пос. 106
Ефрем, архиеп. 188
Еханек П. (Johannek P.) 26
Заболотский Константин Григорьевич,
писец 184
Заболотский Никита Львович, зем-
левл. 156
Замытский Тимофей Петрович, зем-
левл. 180
Заруцкий Иван Мартынович, боярин,
воевода 14
Зверев Владимир Гаврилович, судья
184
Зворыкин Владимир Андреевич, зем-
левл. 175
Зворыкина Евдокия, вдова землевл.
175
Зейлер Г. (Seylet G.A.) 28
Зернов Константин Шеня Дмитриевич,
боярин 173
Зиккель Т. (Sickel Th.) 50
Зимин А.А. 76, 77, 201
Златарский В.Н. (Златарски В.Н.) 81,
84, 85
Зосима (Бралатый), митр. 187
Зоя с.м. София
Иван Данилович Калита, в. кн. 8,
109, 111, 133, 147, 226, 230
Иван II Иванович Красный, в. кн. 148
Иван III Васильевич, в. кн. 77, 134,
138, 140—143, 154—160, 167—
170, 172, 181—183, 187, 195—
209, 212, 225, 226
Иван IV, в. кн., царь 197, 209, 210,
212, 214, 215, 226

- Иван, поп 193
 Иван Андреевич, землевл. 174
 Иван Андреевич, кн. 138, 153, 160, 162—166
 Иван Борисович, кн. 139, 157, 169, 170, 187
 Иван Васильевич, в. кн. 161
 Иван Васильевич Горбатый, кн. 151, 172
 Иван Владимирович Голова, пос. 185
 Иван Григорьевич, пос. 107
 Иван Иванович Молодой, в. кн. 155, 156, 158, 159, 167—169, 182
 Иван Семенович, землевл. 108
 Иван Семенович Голова (Лыков?), судья 182
 Иван Юрьевич, землевл. 174
 Иванов П.И. 126, 139, 152, 153, 155, 164, 166—171, 173, 174, 176—180, 182—185, 190—194
 Игнат (Игнатий) Ларионов (Ларионов), пос. 107
 Игорь, кн. 90, 91
 Ильген Т. (Ilgen Th.) 28, 29, 33, 36, 44, 55
 Илья (Илия), св. 90
 Иоанн, патриций 81
 Иоанн-Богас, знатный византиец 81
 Иоанн Предтеча (Креститель), св. 147
 Иоанн Цимисхий, имп. 91
 Иона, архиеп. 106
 Иона, митр. 186
 Ирежский Иван Кулудар Владимирович, дьяк 180
 Ирина, игуменья 190

 Казакова Н.А. 158
 Казимир III, кор. 28
 Карамзин Н.М. 8, 196
 Карамышев Александр Васильевич, дьяк 157
 Карамышев Яков Михайлович, кормленщик 157
 Карачаров Митрофан, посол 158
 Карл Великий, кор., имп. 44
 Каролинги, дин. 36, 37, 44, 50
 Кассиан, иг. 188, 190
 Каштанов С.М. 90
 Квашнин Данила Родионович, боярин 181
 Кейстут, в. кн. 186
 Кемский Иван Давыдович, кн., вотч. 178, 179
 Кёне Б.В. (Kochne B.de) 10, 59
 Киттель Э. (Kittel E.) 28, 31—33, 45—47
 Климентьев Алексей, землевл. 177
 Климентьев Давыд, землевл. 175, 176
 Козьма Пражский, хронист 82
 Кокошкин Семен Иванович, вотч. 174
 Комнины, дин. 201
 Константин, архим. 179, 192
 Константин I Великий, имп. 83
 Константин VII Багрянородный, имп. 83
 Константин XI Палеолог, имп. 196
 Константин Дмитриевич, кн. 139, 151, 153, 162, 163
 Коплин Василий Борисович, боярин 191, 192
 Копнина Мария, жена боярина 151, 155, 191, 192
 Кормесий, хан 83
 Кормилицын Александр (Олешко) Никитич, землевл. 176
 Кормилицын Григорий (Гридя) Никитич, землевл. 176
 Котена (Котеня) Иван, судья 182
 Котошихин Г.К. 8, 197
 Кошкин Захарий Иванович, боярин 174
 Крум, хан 83
 Кузьмин Семен, землевл. 159
 Кузьмин Федор с.м. Буруев Федор
 Куликов Климентий Григорьевич, вотч. 136
 Куликов Михаил, дядя вотчинников 136
 Куликов Федор Григорьевич, вотч. 136
 Курбский Андрей Михайлович, кн. 209
 Кутиков В. 86, 87
 Кучиньский С.К. (Kuczynski S.K.) 4

 Лавровский Никита Дмитриевич, землевл. 194
 Лазарев В.Н. 206
 Лазарев Степан, землевл. 136, 137
 Лакиер А.Б. 9, 10, 59, 71, 129, 138, 139, 147—153, 155, 157—172, 180, 185—187, 192, 212, 213, 225
 Лаппо-Данилевский А.С. 15, 16, 130
 Ларюша, зять землевл. 107
 Латкин В.Н. 72
 Лев VI Мудрый, имп. 42, 88
 Лекой де ля Марш А. (Lecoy de la Marche A.) 28
 Липшиц Е.Э. 34, 100
 Лихачев Д.С. 88—91, 201
 Лихачев Н.П. 7, 8, 11—17, 59, 94, 97, 128, 129, 147, 199, 200, 212, 213
 Лихорев Федор Никитич, вотч. 178, 191
 Логин, казначей 193

Логин, келарь 192
Лопотов Андрей Иванович, вотч 185.
Лопотов Иван Стрела Иванович, вотч.
193
Лоран В. (Laurent V.) 41
Лохвицкий А.В. 70
Лурье Я.С. 142, 201
Львов Григорий (Львович), вотч. 136,
177
Львов Леонтий Злоба Васильевич,
землевл. 155
Льяло Константин Федорович (Старо-
дубский), кн. 170
Ляпунов Прокофий Петрович, думный
дворянин, воевода 14
Мабильон Ж. 8
Макарий, иг. 178, 189, 191
Макарий, иг. 190
Макарий, митр. 210
Максимлиан I, имп. 7, 39, 200
Максимова М.И. 17, 31
Марасинова Л.М. 104
Мария Ярославна (в монашестве Мар-
фа), в. княг. 154, 180, 181
Маркел Свиная, старец 193
Марс, миф. 82
Мартемьян (Мартиниан), иг. 136
Мейчик Д.М. 10, 70, 71
Менандр Протектор, ист. 80, 83
Менгли-Гирей, царь 157
Мервинги, дин. 36, 37
Мессерер В. (Messerer W.) 45
Метман И. 28
Микула Андреевич (Андреевич), но-
воторжец 148
Микула Борисович, вотч. 173
Микула Сидоров, землевл. 107
Миллер Д. (Miller D.A.) 81, 82, 85, 89
Милов Л.В. 100
Минин Кузьма, посадский 14
Мисин (Кутузов) Александр Григорье-
вич, вотч. 177, 178, 192
Михаил VIII, Палеолог имп. 43
Михаил Андреевич, кн. 138, 142,
151, 153, 156, 159, 162-167,
169, 181, 187
Михаил Борисович, в.кн. 154, 160,
203
Михаил Яковлевич, вотч. 152
Монастырев Андрей Дмитриевич, боя-
рин 175
Монастырев Василий Безнос Федоро-
вич, боярин 180
Монастырев Иван Федорович, землевл.
178, 191
Морозов Василий Тучко Борисович,
боярин 177

Морозов Семен Федорович, боярин
173
Мстислав Владимирович, кн. 110
Муре К. фон. 26
Муханов П.А. 153, 155, 161, 166,
168, 170-174, 176, 177, 183,
184, 188, 190, 192
Мушмов Н. 85
Накваса Семен, судный муж 189
Неволин К.А. 71
Неманичи, дин. 134, 202
Нефимонов Петр Васильевич, судья
183
Никитин Семен Александрович, вотч.
179
Никифор, дьяк 181
Николай, св. 186
Никон, поп 106
Нифонт, иг. 188
Ногтев (Нохтев) Андрей Андреевич,
кн. 188
Оксинья см. Аксиния
Олег, кн. 88, 89
Олег Ингваревич, кн. 8
Олександр см. Александр
Ольга (Вольга), княг. 100
Ольгерд, в. кн. 186
Омуртаг, хан 81, 86
Онзорге В. (Ohnsorge W.) 41, 44, 45
Онцифор (Оницифор) Андроников,
вотч. 107
Онцифор (Оницифор) Осипов, зем-
левл. 106
Орешников А.В. 7, 15, 16, 129, 147-
149, 151, 186, 192
Остеев Роман Безногий Александро-
вич, боярин 175
Остева Василиса, жена боярина 175
Оттон I, кор., имп. 45
Оттон II, имп. 38
Оттон III, имп. 45
Офромий (Варфоломей) Павлов, пос.
106
Павел, апостол 103
Павел, посол 81
Павлов А.С. 101
Палеолог Софья см. Софья (Зоя) Фо-
минична Палеолог
Палеологи, дин. 43, 44, 128, 201
Патрикеев Василий Иванович, кн., бо-
ярин 183
Патрикеев Иван Юрьевич, кн., боярин
171, 180, 181, 186
Пахман С.В. 72
Паюсов Фома, вотч. 136

- Пенков Даниил Александрович, кн. 182
 Перелешин Андрей, судья 183
 Перун, миф. 82, 88, 90, 91
 Петр I Алексеевич, царь 7
 Петр, царь 81
 Петр Дмитриевич, кн. 163
 Пильёмов (Сабуров) Андрей Федорович, вотч. 157
 Пильёмов (Сабуров) Василий Федорович, вотч. 157
 Пильёмов (Сабуров) Степан Федорович, вотч. 157
 Пипин Короткий, кор. 38
 Пожарский Дмитрий Михайлович, кн. 14, 15
 Поляк А.Г. 77
 Поппель Николай, посол 199
 Порфиридов Н.Г. 212
 Прокофий, старец 172, 190
 Протасьев Иван Расло Григорьевич, кормленщик 154
 Протасьев Конон Иванович, кормленщик 154

 Ралев Дмитрий, посол 158
 Рафай (Рафайл) Софонов, пос. 107
 Редлих О. (Redlich O.) 35, 50, 52, 55
 Рожер Сицилийский, кор. 39
 Роман I, Лакапин имп. 81
 Роман Онцифорович, сын вотч. 107
 Романов Б.А. 88—91
 Романов Григорий Сапог Иванович, землевл. 159
 Рублев Андрей, живописец 140
 Русан Александр, чернец 194
 Рыбаков Б.А. 17, 94
 Рюриковичи, дин. 95
 Ряполовский Дмитрий Иванович, кн. 171
 Ряполовский Семен Иванович, кн. 139, 170, 171

 Сабуров Василий Федорович, боярин 178
 Сабуров Семен Вислоух Иванович, вотч. 181
 Сабуров Семен Пешек Федорович, вотч. 178, 185
 Сабуров Федор Пильем Иванович, вотч. 178, 181
 Сабурова Матрена, землевл. 182
 Сава Петров, пос. 107
 Савва, келарь 192
 Садиков П.А. 15
 Самсон, библ. 142
 Сарра, библ. 139
 Сахаров А.Н. 91, 93

 Свенельд, дружинник 91
 Свенцицкий И. (Swiencicki I.) 85
 Святослав Игоревич, кн. 80, 91
 Святослав Иванович, кн. 186
 Семен Иванович, кн. 158
 Семен Романович, кн., боярин 179
 Семенченко Г.В. 101
 Серапион, иг. 178, 191
 Сергеевич В.И. 73
 Сигизмунд, имп. 203
 Симеон, св. 147
 Симеон, царь 82
 Симеон Иванович Гордый, в. кн. 59, 125, 133, 147, 148, 224
 Симон, митр. 187
 Скандербег Георг Кастриоти, военачальник 202
 Станищев Прокофий Скурат Зиновьевич, вотч. 180
 Станицева Феодора, вдова вотч. 180
 Слизов Иван Андреевич, вотч. 177
 Слободка Федор Васильевич, вотч. 175
 Соболева Н.А. 13, 26, 70, 81
 Соловьев А.В. (Соловьев, Soloviev A.V.) 201, 202
 Соломон, библ. 82
 Сорокоумов-Глебов Дмитрий Бобр Васильевич, землевл. 167
 Софья Витовтовна, в. княг. 138, 150, 186
 Софья (Зоя) Фоминична Палеолог, в. княг. 196, 197, 200
 Спасский И.Г. 206
 Срезневский И.И. 100, 101
 Станиславский А.Г. 72
 Стародубский Федор Андреевич, кн. 170
 Степанов Григорий (Гридя), землевл. 175
 Стефан Баторий с.м. Баторий Стефан Стефан Лазаревич, кн. 202
 Стогинин Михаил Гневаш Микулинич, землевл. 159
 Строев П.М. 152, 155, 156, 166, 168, 176, 179, 181, 182, 184, 188, 189
 Сухов Елка (Елизар) Сергеевич, подьячий 183
 Сыромятников Б.И. 72

 Татищев В.Н. 196, 197
 Телериг, хан 85, 86
 Телятевский Андрей Федорович, кн. 173
 Телятевский Юрий Федорович, кн. 173
 Теодорих III, кор. 37
 Тервел, хан 85

Тессье Ж. (Tessier G.) 48, 50, 51, 54
Тимофей, апостол 103
Тимофей Прокофьевич, воч. 176
Тихомиров М.Н. 59, 129, 134, 225
Тихон (Малышкин), архиеп. 189
Травин Иван Салтык Иванович, воч.,
воевода 181
Трахалиот Юрий Мануилович, дипло-
мат 199
Трифон, архиеп. 188
Трифон, иг. 189
Трубешкой Дмитрий Тимофеевич, кн.,
воевода 14
Трузен В. (Trusen W.)
Турикова Соломонада, боярыня 174
Тютчев Борис Слепец Матвеевич, боя-
рин 181, 182

Ундольский В.М. 155, 168
Успенский Ф.И. 84

Фаддей, поп 193
Фалелей, пос. 193
Фарисей, пос. 185
Федор (Старый), келарь 193
Федор Борисович, кн. 139, 157, 169,
170, 187
Федор Васильевич, наместник 190
Федор Вельяминович (Зернов?), "муж"
185
Федор Романович, кн. 171
Федор Юрьевич, кн. 164
Фекла, землевл. 107
Феогност, иг. 106
Феогност, старец 194
Феодосий (Бывальцев), архиеп., митр.
153, 186, 187
Феодосий Печерский, иг. 104
Феофан, ист. 81-83, 87
Феофил, архиеп. 106
Феофил, посол 91
Фетинья, жена землевл. Ивана Юрье-
вича 174
Филикс Кононов Костиев, землевл.
106
Филофей, иг. 190
Фотий, старец 194
Фредерик II, кор. 210
Фридрих III, кор., имп. 203
Фюрстенберг Вильгельм, магистр Ор-
дена 213

Ханыков Дионисий, старец 194
Харлампий, иг. 189
Хильдерих, кор. 36
Хиршфогель А., художник 197

Хомайер Г. (Homeyer G.) 30
Хосров I, шах 80

Цахариэ фoa Лингенталь (Zachariae
von Lingenthal) К. 100

Чаплин Иван Иевлев сын, воч. 190
Черепнин Л.В. 126, 165, 201
Чернецов А.В. (Chernetsov A.V.) 135,
137, 142
Черноусов Е.А. 98
Чернышов Василий, боярин 176

Шапкин Глебов Михаил Дмитриевич,
судья, писец 182
Шахматов А.А. 107
Шаховский Юрий Константинович,
кн. 176, 177
Шая Иван, ханский свойственник 8
Шейн (Морозов) Дмитрий Васильевич,
воч. 192
Шехонская Аграфена, княг. 172
Шехонский Василий Афанасьевич, кн.
171, 172
Шрамм П.Э. (Schramm P.E.) 44
Штаден Г. 198
Штёкль Г. (Stöckl G.) 209, 210, 212,
213

Щербачев Ю.Н. 210, 213

Эвальд В. (Ewald W.) 28, 33, 35, 44
Энгельс Ф. 31
Эндре (Андрей), кор. 27
Эрхард Х. (Erhard H.A.) 11, 19

Юлиан, посол 82, 83
Юпитер, миф. 82
Юрий Васильевич, кн. 167
Юрий Владимирович Долгорукий, кн.
207
Юрий Давилович, кн. 205
Юрий Дмитриевич, кн. 151, 153,
162, 163, 173, 207, 208
Юрий Иванович, кн. 156, 157, 160,
172
Юстиниан I, имп. 34, 40, 80, 82,
100, 102, 103, 110
Юхан III, кор. 215
Юхотский Федор Иванович, кн. 176
Юшков С.В. 79

Яковенко П.А. 40
Яковль Иван, отводчик 156
Янин В.Л. 4, 13, 17, 18, 76, 94, 98,
125, 147-49, 157, 205

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

Глава I

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СФРАГИСТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕЧАТЕЙ

XIV — XV вв.

6

Глава II

О ПРАВЕ ПЕЧАТИ

26

Глава III

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ “ПРАВСПОСОБНОСТИ” РУССКОЙ ПЕЧАТИ

70

Глава IV

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СФРАГИСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

XIV — XV вв.

124

Приложение

ОПИСАНИЕ

СОХРАНИВШИХСЯ И ИДЕНТИФИЦИРУЕМЫХ ПЕЧАТЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

147

Глава V

МОТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СФРАГИСТИКЕ

195

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

223

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

231

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

232

Соболева Н.А.

С54 Русские печати. — М.: Наука, 1991. — 240 с.
ISBN 5-02-008568-5

В монографии исследуются памятники русской сфрагистики, преимущественно Северо-Восточной Руси XIV — XV вв. Их история рассматривается в контексте функционирования печатей в Русском государстве начиная с X в. и на фоне эволюции правового статуса печати в средневековой Европе в целом. Особое внимание уделяется художественно-изобразительной стороне восковых печатей-оттисков, сменивших металлическую буллу византийского образца, формированию специфической символики, отражающей идеологию централизованного Русского государства. Составлен каталог печатей-оттисков XIV — XV вв., фотографически воспроизведены более 100 печатей.

Для историков и всех интересующихся русской историей и культурой.

С 0502000000 - 290 81 - 91 - I
042(02) - 91

ББК 63.2

14*

Научное издание

Соболева Надежда Александровна

РУССКИЕ ПЕЧАТИ

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Зав. редакцией *З.Г. Демидова*
Редактор издательства *С.А. Левина*
Художественный редактор *М.Л. Храмцов*
Технический редактор *Н.В. Чуецкая*
Корректор *Левина*

ИБ 47506

Сдано в набор 19.02.91

Подписано к печати 06.11.91

Формат 60 x 90 1/16

Бумага офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 15,0. Усл. кр. отт. 17,0. Уч.-изд. л. 19,7

Тираж 4550 экз. Тип. зак. 3085

Цена 8 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

1-я типография издательства «Наука»
199034, С.-Петербург, 9-я линия, 12

